

УЛЬНА ВАРШЕВА

ДЖИЛЛИАН

ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Сказка. Академка. Попаданство в магический мир. Нелегко жить в привычном мире — даже если у тебя, по определению, есть всё: семья, возможность учиться и работать. А если ты попала в чуждый тебе мир? Придётся жёстко и сразу определиться, кто ты здесь и почему ты здесь... Выкладка глав: вторник, четверг, суббота.:)

Джиллиан

Время дождя

Первая глава

Сашка стукнула кулаком по бордюру, на котором сидела. Неудачно. Задела рюкзак, пристроенный рядом, на тот же бордюр, и тот грохнулся на асфальт. С неохотой подняла и снова поставила поклажу рядом с собой... Думай-думай. Пока в этом сквере никого...

Всё дрянь.

К соревнованиям снова не допустили... Сашка вытянула ногу, хмуро посмотрела на неё. Травма зажила, но при определённых ударах, когда надо бить искоса, чуть-чуть отзывается. У-у, гадина... Вроде мелочь, а чувствуется. Тренер то и дело орёт, чтобы ушла с татами, не мешала другим готовиться.

Всё хреново...

Дома, узнав, где она собирается учиться после двух неудачных попыток поступить в университет, смотрят на неё, как на предателя. И кто за язык дёрнул ляпнуть? Матери на глаза теперь лучше не попадаться. У той сразу больная голова, глаза в слезах и красивое заламывание рук в отчаянии. Больше всего интересуется, как она умеет так быстро вызывать слёзы... Ладно, ещё не спросили, откуда у неё деньги на репетитора. Если б не Вера...

Сашка ссутулилась под накрапывающим холодным дождём и, опершись локтями в колени, вцепилась в лохмы коротких волос (когда-то более или менее приличная причёска карэ — сейчас, от нежелания идти в парикмахерскую, здорово подросшая), постепенно мокнущих.

Замуж выгодно выскочить, как старшая сестра, — внешность не позволяет. Как папа пренебрежительно ухмыляется — полный портрет среднестатистического хулигана. Сашка уже пару раз огрызнулась в ответ: "Чё родили — то и получили! Чё — постараться в постели не могли, интеллигенты, блин?.." При маме однажды получилось, так та раскудаhtалась: "Ах, тебе не стыдно?! Ребёнок из профессорской семьи, а ведёшь себя, как последняя... — Мама интеллигентно задумалась, похлопала глазами и трепетно выдала нехорошее слово: — Как шалава!" Сашка плюнула и ушла. Вот и поговори с такими... Впрочем, о замужестве она если и думала, то с отвращением. Других проблем полно, чтоб к ним и эти добавлять.

Сестра ещё более или менее на её стороне. Пару раз Вера, когда у неё было свободное время, пыталась научить её накладывать косметику: "Какая бы ты ни была пацанка, а пригодится!" Но Сашке-то это неинтересно. Какая косметика, если она на татами валяется постоянно? Ну, смирилась: чтобы сестре приятно было — научилась. Наука-то нехитрая. А что дальше? Замуж, опять-таки, пока не собиралась же... Так, думалось иногда — абстрагированно от личной жизни (Сашка, когда хотела, тоже могла профессорское словечко вернуть).

А ещё не хочется возвращаться, потому что единственный человек в семье, который поддерживал и защищал от всех, ушёл. Навсегда... Сашка сморщилась от желания пореветь от обиды, но собралась с силами. Дед. Он постоянно орал на родителей, чтобы те не орали на Сашку, а ей при случае говорил: "Внуча, не думай! Не поступила в этом году — значит, в этом году нельзя поступать. Верь, Сашка. Ничего зря не бывает! Наплюй на тех, кто другое говорит!" А когда она провалила экзамены второй раз, дед-фаталист хмыкнул и спросил: "А ты уверена, что тебе нужен именно этот факультет? Мало ли куда тебя мать впихивает. Мало ли куда ты продолжить хочешь. Жизнь ведь штука такая: всех по своим местам расставит, а если на своё не попадёшь, быть тебе битой по судьбе. А то и мимо судьба-то пройдёт,

Сашка!" Она воспрянула духом и стала думать, куда она может, кроме филологического и физвоса, поступить... А через три месяца дед умер. Сердце не выдержало. Сашка тогда так плакала, что потом не поняла, как выдержало её сердце...

... Домой бы пора. Октябрь промозглый, а к вечеру заморозки. Толстовка с капюшоном под курткой, постепенно промокающей от накрапывающего дождя, от холода уже не спасает. И ноги в ботинках уже сводить начинает, снова напоминая о травме. Да и сидеть на бордюре в это время года... Сашка утрюмо подтянула утеплённые спортивные штаны, чтобы встать... Погода ещё, блин... Откуда только тучи набежали...

Вставать не хотелось. Куда идти? Домой — в очередные насмешки, что даже на вожделенные соревнования не взяли? К френдам? Ну их на фиг... Вчера только разругались в пух и прах. Из-за чего? Она всё ещё в команде. Из-за этого тренер не может взять новичка в группу. А отчислить её, Сашку, тоже не может — до конца сезона. Если б Сашка сама ушла — взяли бы одного, давно просится в команду. Только Сашка всё на что-то надеялась. Но победа всегда уходила на фиг. Хотя всегда до неё, казалось бы, — рукой подать...

Чувствуя противно холодные и мокрые края рукавов, девушка утрюмо сунулась носом в ладони. Не хочется. Ни фига не хочется. Свалить бы из дома куда-нибудь далеко-далеко, жить в одинокой хижине и... ходить на медведя с рогатиной... Сашка хрюкнула от невесёлого смеха и шмыгнула носом, представив себя с той рогатиной... Хочешь не хочешь, но домой пора. И пора решать со своим присутствием в команде. Харэ сидеть на шее у команды. Завтра надо будет поговорить с тренером, а потом искать курсы для охранников, чтобы самой оплачивать уроки репетитора. Хватит и у сестры на шее сидеть... В городе таких полно — в смысле, курсов. А потом — до следующего поступления — надо работать где-нибудь в магазине. Баб туда тоже в охранники берут — Сашка уже узнавала. А одновременно с работой готовиться к поступлению. Дед прав: сидя на заднице — в задницу попадёшь. Пора шевелиться и идти дальше. С чего начать? Вернуться завтра в секцию, предупредить Иваныча, что уходит, и забрать форму...

На шорох и странный писк она с недоумением отняла ладони от лица. Мать моя женщина... Это когда же?... Это что же...

Шагах в семи от Сашки, всё ещё сидящей на бордюре, стояли двое. Нет, двигались. Медленно. Какой-то высоченный бугай тяжело, поигрывая ручищами, которые у него чуть не до земли, как у гориллы, угрожающе раскачиваясь, надвигался на хрупкую куколку в лёгком длинном плащике. Та жалобно и даже умоляюще попискивала от ужаса, мелкими шажочками отступая от него, загородившись малюсенькой сумочкой. И, судя по тому, как это видела Сашка, куколке оставалось шага три, чтобы ногами удариться о высокий бордюр и свалиться в кусты.

Чё она не орёт? Боится звать на помощь? Тут же везде город и народу полно...

Сашка не выдержала — встала. Оправила плечи и в тон движению бугая медленно — и с вызовом, добавив в интонации как можно больше обидного презрения, бросила:

— Эй, ты! Бычара! Слабо ко мне подрулить?

Бугай от неожиданности подпрыгнул и развернулся всей тушей. Сашка попятилась. Даже в сумерках разглядела гладко приглаженную башку словно с раздавленным узким лбом и с кучей тощих косичек, тяжёлую морду с широким плоским носярой, в котором покачивалось кольцо, как у настоящего быка — ни фига ж себе пирсинг!.. Глазки, ужасающе маленькие на фоне мясистой морды, поначалу тёмные, едва заметные, сфокусировавшись на неведомом противнике, зажглись рубиновым всполохом, быстро перешедшим в

потрясающий огонь, полыхающий так, будто он настоящий!.. Откуда у этого бычары такие стильные линзы? Неужто начали выпускать — для любителей пофорсить? Слышала, что всякие бывают...

Бычара медленно открыл квадратную пасть чуть не до ушей. Блеснули боковые клычища. Сашка хлопнула глазами, ничего не понимая. А вот следующий момент она прекрасно поняла — когда бычара, этот бомбовоз, с запугивающим рёвом бросился на неё. Даже успела разглядеть изумление на его морде, когда тот понял, что она сама пошла — кинулась! — на таран. А чего он хотел? Чтобы она с писком помчалась от него?

За мгновение до сшибки Сашка, оттолкнувшись — ударив под колено пролетающего мимо бычару, упала в сторону. Его мягкий сапог (она даже поразиться не успела: сапог?!) не защитил от рифлёной подошвы ботинка, не то что врезавшего — резко вмявшегося в болезненную точку. Бычара басом мявкнул, взмахнув ручищами, и с налёту пропахал носом асфальт. Упали они почти одновременно, и Сашка, не вставая, стремительно развернулась на бедро и снова ударила ногой — по бычьей морде, норовя достать опять-таки точку на широкой челюсти невероятного противника.

Достала! Бугай всхрипел на выдохе и затих.

Сашка насторожённо встала, аккуратно попинала его по боку. Туша валялась в отключке. Ладно, очнётся ещё.

А потом... Потом она снова присела на корточки — резко, будто упала сама, но не потому, что понадобилось снова утихомиривать бычару. Ничего не понимая, провела ладонью по земле. Какого... какого чёрта?.. Это не асфальт! Это... булыжники! Встала и огляделась. Замерла, глядя на фонарный столб. Вместо привычной ровной белой лампы на нём трепетал факельный огонь. Со столба Сашка перевела потрясённые глаза на здание, которое вздымалось над кустами сквера. Величественное, оно щеголяло колоннами, с какими-то диковинными фигурами на портике явного главного входа, обозначенного высокими и солидными дверями, к которым, ко всему прочему, вели ещё и ступени, кажется, крыльца. Не может быть! Она же сидела в сквере рядом с обычной дорогой, в окружении привычных и даже стандартных домов-высоток! Куда это её... занесло?!

За спиной раздался робкий голосок. Но и этого звука было достаточно, чтобы Сашка резко подпрыгнула, разворачиваясь к говорившей.

Девушка с необычайно тонким личиком, на котором круглили тоже потрясённые громадные глазища, с причёской, будто она собралась на бал, снова о чём-то робко спросила тоненьким голоском. И Сашка полностью осознала, что её желание и впрямь сбылось: её занесло далеко-далеко, и теперь придётся искать рогатину, чтобы... Она посмотрела на лежащего бычару. Нет, пока сойдут и приёмчики.

— В общем, я тебя не понимаю, ферштейн? — хмуро сказала Сашка, когда девица осторожно коснулась её рукава и вопросительно кивнула.

Как ни странно, девица, оказавшаяся довольно-таки высокой, не растерялась и не стала тараторить, пытаясь объяснить жестами то, что желала высказать. Быстро сунула руку в свою сумочку, из которой торчали какие-то листы, и вынула что-то мелкое. Расправив вещицу, то и дело с опаской скашиваясь на громилу, она осторожно стащила капюшон толстовки с головы Сашки и воздела руки, чтобы повесить ей на шею цепочку, чей медальончик блестел в свете фонаря камешком, а может — хорошо отполированным стеклом. Сашка от неожиданности даже нагнула голову, чтобы ей удобней было.

Девушка отступила и снова открыла рот.

— Меня зовут Кэйтрия. Кто ты, о мужественный юноша, не побоявшийся сразиться с телохранителем Гарбханом?

— Ни хр... себе... — начала было Сашка, но смутилась. — Меня зовут Саш... — и опять заткнулась. Чёрт. Дурацкая ситуация.

Девушка, склонив головку, ждала. А не дождавшись, быстро сказала:

— Если доблестный воин не хочет говорить своего имени, не пора ли... — Она оглянулась на неподвижного бугая и вздохнула. — Не пора ли забрать у Гарбхана кинжал, свидетельствующий о твоей победе? И уйти, пока он не восстал из небытия?

— Блин, — проворчала Сашка, — у вас тут всегда так торжественно говорят?

— Только с незнакомцами, — пискнула девушка. — Почему ты не берёшь кинжал Гарбхана, доблестный воин?

— А можно, что ль?

— Ты победил — это твоя добыча, — пожала плечами Кэйтрия.

Сашка присела перед толстобрюхим бугаем. Осмотрела. Ага. Вон что. В следующий раз данного товарища надо будет пнуть только раз, чтобы он свалился набок. Больше не встанет. Весовая категория у него для драк неудобная. И телосложение. Плечевой пояс вон какой толстенный!

Кэйтрия присела рядом и деловито задрала на бугае полу его... ух ты, камзола? Тонкие пальчики рванули на животе Гарбхана какую-то длинную штучку сбоку наверх. Ещё несколько секунд — и в руках Кэйтрии оказались ножны с кинжалом, которые она ловко отстегнула от ремня бессознательного толстяка и передала своему спасителю. Сашка встала первой и протянула руку, чтобы девушке было легче встать. И почувствовала, как глаза помимо её собственной воли округляются: из волны красиво убранных волос Кэйтрии мягко выглядывали высокие узкие ушки. Это вот... Кто?! Эльф?!

— Бежим!

После возгласа Кэйтрии Сашка подхватила рюкзак и побежала, влекомая за руку спасённой, — куда только? Они выскочили из сквера, и Сашка с перепугу чуть не метнулась назад. Повсюду вздымались такие грандиозные здания, что она почувствовала собственную чуждость! И... незначительность... Но Кэйтрия тащила её за собой уверенно, и Сашка поневоле подчинилась ей. Обе делали вид, что просто торопятся, но и этих поспешных шагов Сашке хватило, чтобы с трудом удерживать равнодушное выражение лица и не лупить изумлённые глаза на всех подряд: каких только лиц она ни увидела, пока они... торопились! Остановились на небольшой улочке между громадными шикарными зданиями в старинном стиле. Или здесь, у них, это стиль современный?.. Но, Господи, где это — здесь?!

— Я поняла, доблестный воин, что ты нечаянно забрёл сюда, — тоненько и запыхавшись сказала Кэйтрия. — Мы пройдем ещё немного, и Гарбхан нам будет неопасен. Ты ведь не знаешь его, не правда ли?

— Неа, не знаю, — призналась Сашка, до которой только что дошло, что она понимает эту странную девушку лишь потому, что та повесила ей на шею свой медальон.

Спустя ещё пять минут они очутились на другой улице, полной движения: ехали освещённые факелами кареты, ехали величественные машины типа газика, только более мощные и с открытым верхом; ехали всадники. Здания здесь были попроще, то есть архитектурных украшений на них было меньше. Открыв рот, Сашка смотрела на весь этот кошмар и только сильнее стискивала ладошку Кэйтрии, понимая, что лишь эта странная девушка сейчас сумеет помочь ей хоть что-то понять.

— Там, дальше, будет ещё один сквер, — тихонько прошептала Кэйтрия. — И там я покажу тебе, как отсюда выбраться.

Смутно заподозрив, что девушка не только приняла её за парня, но и решила, что она заблудилась, Сашка всё же послушно последовала за ней.

Наконец они оказались среди высоких кустарников, будто посеребрённых инеем, а на деле блестящих от дождя. Сашка насторожённо огляделась и выдохнула: квадрат мощёной площадки со скамейками и фонарём посередине сквера не показался опасным.

Кэйтрия огляделась и, промокнув край скамейки кружевным платочком, присела. Именно присела — на краешек, словно собираясь чуть что — вспорхнуть и улететь. Пытаясь сообразить, можно ли в этом мире сидеть близко к таким, как эта барышня, не закатит ли она скандал, Сашка, прежде чем что-то сделать, на всякий случай спокойно сказала:

— Кэйтрия, позволь представиться. Меня зовут Александра. И я девушка.

И только после этого уселась на скамью.

Кэйтрия оцепенела, во все глаза рассматривая её. А потом вздохнула.

— Я подумала, что твой голос высоковат для юноши, но решила, что всё дело в твоём небольшом телосложении.

— Кэйтрия, я чужая в этом мире, — медленно и осторожно начала Сашка, — и не понимаю, что произошло в том сквере. Кто этот Гарбхан? И почему он к тебе приставал?

— Чужая? — переспросила девушка, но, кажется, её мысли были заняты другой проблемой, поэтому она не стала допытываться, а просто объяснила, отвечая на вопрос: — Гарбхан — телохранитель одного из знатных студентов в нашем университете. А я... — Она снова вздохнула. — Я приехала в столицу из провинции. Моя семья не очень знатная, в сравнении. И не богатая. Поэтому даже чужие телохранители могут себе позволить... — Она опустила глаза, и горестная линия губ подсказала дальнейшее.

— Но как же ты завтра пойдёшь в университет, — медленно заговорила Сашка, — если я стукнула этого громилу? Он не будет прикапываться к тебе из-за меня? Не обидит?

— Мне уже всё равно, — ровно сказала Кэйтрия и сложила руки (в таких же, как платочек, кружевных перчатках) на сумочке. — Завтра я уезжаю из столицы. Домой.

Посидели, помолчали. Сашка подставила ладонь под редкие капли, летящие с тёмного неба. Кэйтрии есть куда возвращаться... И с отчаяния спросила, уже зная, что Кэйтрия ответит искренне:

— Но почему? Время, как я понимаю, осень. Занятия в университете не закончены.

— Приставания Гарбхана сегодня — последняя капля, — в самом деле отозвалась девушка. Кажется, Сашка первая, кто заговорил с нею сочувственно. — Я устала бояться. На первом курсе все стараются учиться в полную силу. Он основа. А я не могу учиться. Дома я думаю о том, что будет завтра в университете, о том, как меня встретят насмешками и грубостью. На занятиях я дрожу от страха, что кто-то подбросит мне записку с угрозами, а то и устроит что-то... нехорошее на перемене. Из-за этого я ничего не понимаю из того, что читаю в учебниках. Ничего не запоминаю. Даже лекции не успеваю записывать — руки дрожат. Однокурсницы мной, провинциалкой, пренебрегают. А я с ними не умею говорить, потому что они постоянно обсуждают столичные сплетни, о которых я ничего не знаю. И я не умею говорить так, как они. Бойко и смело. Так что я подхожу к экзаменам первого семестра неучем. К преподавателям обращаться тоже боюсь. Один раз было, все вроде успокоились, но потом всё началось снова... Неудобно. Лучше вернуться. А тут ещё в городе... — Она вдруг замолчала, опустив голову, и мягкие кудряшки скрыли её грустное

лицо.

— А ты... хочешь вернуться?

— Нет. Я живу в деревенском поместье. Меня послали сюда, собрав деньги по родственникам, когда выяснилось, что у меня есть небольшие способности для поступления на факультет бытовой магии. Надеялись, что я сумею закончить университет — одна из немногих в нашем краю. Я легко сдала вступительные экзамены, но... Мне... стыдно возвращаться. Но и здесь жить сил не осталось. Меня обзывают, насмехаются надо мной. Презирают, потому что я не умею ответить на их насмешки! — Последнее она выдохнула шёпотом.

Сашка быстро соображала. Этот сценарий она знала: каким бы ни был человек хорошим, умным, но, если среди сильных или таковыми себя считающих даст один раз слабинку, его будут травить.

— А где ты живёшь?

— У тёти.

Кэйтрия головы не подняла, и Сашка поняла, что и здесь всё отнюдь не радужно.

— Кэйтрия, тебе телохранитель нужен? За жратву? — деловито спросила она. — И за угол, где можно выпасться?

Девушка подняла голову и уставилась на Сашку.

— Но... у меня правда нет денег на телохранителя.

— Кэйтрия! — замотала головой Сашка. — Ещё раз: я из другого мира. Мне нужны только еда и кров. Думаю, это взаимовыгодно: ты сможешь посещать занятия в университете, а я хоть немного освоюсь с вашим миром, куда совсем не думала попадать. Так, давай вот что сделаем. Ты мне рассказала о себе — я расскажу о себе. Коротко. В общем, я родилась в семье, где у всех есть университетское образование. Я исключение. Поступить не могу. Зато, пока ходила в обычную школу, одновременно посещала секцию, где учат драться. Результат в драке с Гарбханом ты видела. Как я попала сюда — не знаю. Но, как ты понимаешь, мне как-то надо выжить. Без тебя у меня это не получится. Так уж получилось, что ты единственная здесь теперь знакомая. Ну?

— Это интересное предложение, — задумчиво сказала девушка, но большие глаза выдали её: они оживлённо засияли надеждой.

— Только учти, я не знаю, как у вас тут охранное дело поставлено, — предупредила Сашка. — Но, если ты расскажешь, естественно, мне будет легче.

— Но ты девушка... — прошептала Кэйтрия, неуверенно расцветая улыбкой.

— Кому это известно? — улыбнулась в ответ Сашка. — Ты же тоже не сразу поняла это. Обманем всех, обмучлюем, да ещё и победим. Так понимаю — по рукам?

— Что это значит?

— Ну... договорились?

— Договорились!

— Так, давай посвети меня в некоторые детали прямо сейчас. Например, почему ты мне отдала кинжал этого громила? Поподробней.

— Есть неписанный закон, которого придерживаются все юноши в университете: если кто-то победил в бою другого, он может забрать его ритуальное оружие. Не зависит от того, студент ли это, или его телохранитель.

Сашка вытащила кинжал в ножнах, сунутый по дороге в отвисший карман толстовки. Красивая вещь — надо признать. Ножны в узорах и в камешках, если, опять-таки, это не

отшлифованное стекло. Потаскала оружие за рукоять и аж вздохнула от явленной красоты. Даже в нечаянном свете издалика кинжал переливался бликами чистого металла. Нет, Сашка в таком оружии ничего не понимала, как, например, в ножах, но шестым чувством чуяла, что вещь отличная и из дорогих.

— Ты уверена, что Гарбхан ко мне не полезет с требованием отдать кинжал?

— Не должен, но точно не скажу. Он не привык быть побеждённым.

Сашка призадумалась. Примерное развитие сюжета с Гарбханом она сообразила: знала таких дуболомов, как этот бычара. Значит, всё-таки полезет драться снова. Значит, придётся поддразнить его заранее, чтобы драка вышла при всех. Сделаем.

— А как вообще всё происходит? Ну, как я должна буду тебя сопровождать? Прямо в аудиторию?

— Да. Общие лекции сейчас мало кто посещает. На практикумах тоже не вся группа собирается. Поэтому каждый студент ходит со своим сопровождающим. Только в охране университета тебе придётся отметиться.

— Замечательно. Так, теперь... Что мне ждать в доме твоей тётушки?

Кэйтрия снова опустила глаза и даже прикусила губку.

— Понимаешь, Александра... Мне выделили комнату в старом флигеле, который примыкает к дому тёти со стороны кухни. Раньше там жили слуги. Теперь, когда слуги набираются из местных, флигель пустует. Там хранятся вещи и старая мебель, которые стали ненужными, но их не выбрасывают, пока не накопится достаточное количество.

— Честно говоря, не представляю, что такое флигель, — покачала головой Сашка.

— Пристройка. И там... холодно и темно! — выпалила Кэйтрия. Кажется, она обрадовалась предложению помочь ей, но теперь страшно боялась, что та испугается трудностей и откажется помогать ей.

— А жратва? — хладнокровно спросила Сашка. Честность девушки ей понравилась.

Кэйтрия слегка поморщилась. Кажется, даже медальон-переводчик перевёл слово грубым, и Сашка решила про себя, что будет следить за языком.

— Еды мало, — вздохнула девушка. — Тётя считает, что я ем немножко, а слуги...

— А слуги поддерживают её в этом убеждении, — закончила Сашка, не выдержав унылой паузы. — Ладно, придумаем что-нибудь. Но в этом твоём флигеле гостей или посторонних не бывает?

— Нет.

— Хорошо. Значит, никто не узнает про меня. Пока. А потом посмотрим. Что я ещё должна знать о твоей тёте?

Кэйтрия испытующе взглянула на Сашку.

— Как ты догадалась?.. Ладно. Моя тётя — светская львица. Она не любит провинциалок и старается как можно реже видеть меня. По мнению тёти, я слишком неуклюжая и неловкая, чтобы показать меня в свете. Поэтому она и в самом деле никогда не узнает о тебе.

— Знаешь, мы с тобой в чём-то схожи, хотя есть одна существенная разница: ты сумела с первого раза поступить в университет, — задумчиво сказала Сашка. — Так. Стипендию, как я понимаю, ты не получаешь?

Кэйтрия только улыбнулась. А в голове Сашки промелькнула шальная мысль.

— Кэйтрия, а в городе есть комиссионки, в которых можно сбывать вещи?

— Лавки менял? Конечно.

Сашка сунула кинжал в ножны. Отличная вещь, но пока бесполезная. Может?.. Пока подождём, а потом посмотрим.

— Осталось последнее. Как ты меня представишь в университете?

— Некоторые, кому не по карману профессионалы, набирают сопровождение в Нижнем квартале. Если тебя не унизит такое представление, это будет легче всего.

"Тем более у тебя и поведение соответствующее, — закончила за неё Сашка, соображая, чем может быть Нижний квартал, и про себя же подумала: — Надо бы побольше узнать об этом Нижнем, чтобы не попасться на вранье".

Девушки встали со скамьи и пошли, обсуждая по пути мелочи будущего сотрудничества. Оказалось, дом тёти находится в получасе ходьбы от университета. Пока шли, Сашка неожиданно подумала, что город, улицей которого они двигались, она бы назвала Лондоном. Странно... Почему не Париж?.. Или Берлин?.. Потому что видела такое на картинах импрессионистов?.. У Моне, например. Блестящие от дождя и фонарей улицы; туман, вихрящийся особенно там, где из домов выходили люди... В ворота усадьбы, с парадного хода, Кэйтрия не прошла, а обогнула огороженный участок с деревьями и стриженными кустами и зашла за скромную калиточку — для прислуги, как поняла Сашка. Зато их никто не видел. Обе шмыгнули в небольшую деревянную пристройку, которая, словно прячась среди деревьев, притулилась к глухой стене дома. Хотя нет — чуть поодаль, в стене же, Сашка заметила небольшую дверь, наверное, как раз ведущую в кухню дома.

— Странно, — вполголоса сказала она, оглядываясь. — У твоей тёти такой богатый дом, а ты... — Она осеклась, потому что озарило. Помешкав, осторожно, чтобы не обидеть, спросила: — А у тёти есть дети — твои кузены и кузины?

— Да, у неё две дочери, — вежливо ответила девушка.

Сашка проглотила вопрос, так ли они красивы, как Кэйтрия. Вряд ли. Кэйтрию держат во флигеле не потому, что она бедная родственница, а потому, что девушка невероятно красива — до такой степени, что при взгляде на её лицо Сашка чувствовала, как вздрагивают пальцы схватиться за карандаш: нарисовать бы!.. И умная тётя наверняка боится, как бы племянница не перешла дорогу её дочерям. "Запомним!" — хмуро решила Сашка.

А пока всем её вниманием завладел флигель. Точней, та его часть, которую отдали Кэйтрии.

Вторая глава

Девушка, пошарив над дверью несколько секунд, открыла замок припрятанным в притолоке ключом. Дверь открылась натужно, со зловещим скрипом. Очертания тёмного коридора виднелись лишь благодаря смутному свету, мягко падающему из длинных вертикальных оконцев почти под потолком. В двух шагах от входа "хозяйка" флигеля показала неприметную, пока не заскрипела, открываясь, дверцу в уборную. Дальше Кэйтрия затеплила свечу и повела Сашку к себе. Показалось, она прошла шагов десять, прежде чем открыла следующую дверь, не менее скрипучую. Сашка ещё недовольно скривилась: что у них — масла, хоть и растительного, не найдётся, чтобы петли смазать?

Просторная комната была бы хороша, не будь слишком пустынной, а её потолок — слишком низким. Сашка невольно подняла руку дотронуться до него. Нет, её роста не хватает. Или это иллюзия, что потолок низок? Оттого что горит лишь одна свечка? Огляделась. Кровать. Напротив старое кресло с ожидаемо продавленным сиденьем. Стол с аккуратными стопками книг. Скособоченный из-за отсутствия ножки платяной шкаф. Огромный буфет: на полках — книги и немногочисленная посуда на столешнице. Пара стульев. В дальнем углу что-то наподобие печурки... Скучно и неудобно.

— Богато живёшь, — сдержанно улыбаясь, оценила Сашка.

— Тоже насмешничаешь? — вздохнула Кэйтрия.

— Нет. Я думала, ты живёшь в тесной-претесной комнатке. А у тебя настоящие хоромы! Ну? И где ты мне определишь моё местечко?

— Не знаю, — призналась Кэйтрия, растерянно оглядываясь и машинально снимая длинный плащ, слишком лёгкий, на взгляд Сашки, для той погоды, которую они оставили за входной дверью. Особое внимание Сашка уделила серому платью девушки-эльфа: приталенное под грудью, оно чуть расширялось книзу. Очень простое и явно шерстяное.

— А где, ты говоришь, складывают ненужные предметы? Посмотрим мебель?

— Не обольщайся, — предупредила девушка. — Хорошей там всё равно мало.

— Что — опять-таки прислуга постаралась забрать? — Сашка хмыкнула, а потом пожала плечами. — Ничего. Мне бы только найти, на чём спать можно, а там посмотрим.

Кэйтрия провела её тем же коридором в помещение, настолько загромождённое вещами, что при свете одинокой свечки пришлось долго разбираться, что к чему. В конце концов, девушки выдрали из грохочущей от их стараний кучи нечто вроде кушетки с когда-то мягким верхом — сейчас, правда, сильно умятым и тощим. Когда Сашка для пробы легла, деревянную основу прочувствовала сразу. Но пожала плечами.

— То, что надо! — заявила она. — Сейчас найдём что-нибудь мягкое, чем пренебрегли слуги, и мне этого хватит.

Вот тут кинжал и пригодится. Покрывал и матрасов они не нашли, но отыскивали несколько кресел в таком плачевном состоянии, что, когда-то обтягивающую их, а теперь уныло повисшую, ткань можно срезать без зазрения совести. Кинжал в деле оказался хорош: вспарывая ткань, шёл ровно и легко, как по маслу. Или ткань настолько одряхлела, что лезвие резало её легко.

Втаскивая в коридор кушетку и наваленные на неё "трофейные" тряпки, Сашка заметила ещё кое-что.

— Кэйтрия, а вон там — что это? С рисунками?

Прежде чем ответить, пыхтящая от усилий девушка выпрямилась и оглянулась.

— Это ширмы.

— Ух ты!.. Давай их тоже заберём?

— Только не прямо сейчас! — взмолилась Кэйтрия. — Прости, Александра, но я никогда столько тяжестей не таскала!

— Ничего, — подбодрила её Сашка, снова берясь за край кушетки. — Сейчас дотащим до комнаты эту штуку, ты сбегаете за ужином, а я пока сама перенесу ширмы. Дорогу сюда я запомнила! — смеясь, добавила она.

Кэйтрия только вымученно улыбнулась, а Сашка вдруг подумала: "А неплохо бы вместе с нею утреннюю зарядку делать. Привыкнет — будет уверенней себя чувствовать!"

Пока хозяйки "апартаментов" не было, Сашка благоустроила комнату на свой манер: личную кушетку поставила за громадным буфетом — от входа её сразу не видно, а затем спрятала её, укрепив на полу хромую, местами дранную, но вполне себе закрытую ширму с цветочками. Потом, подумав, сбегала ещё за парочкой ширм и отгородила от общей комнаты "умывальню" — настоящий рукомойник с ведёрком под ним. Вторую ширму спрятала за платяным шкафом, предполагая, что пригодится и она. Рисунки на ширмах ей понравились, даже несмотря на дырявую бумагу. Вспомнив, что в рюкзаке есть пачка акварельных мелков и карандашей, она решила: будет время — попробовать скопировать. Очень уж тонкий рисунок — похоже на китайскую графику.

Когда она начала вытряхивать вещишки из своего рюкзака, вернулась Кэйтрия и, виновато поглядывая на неожиданную подругу, поставила на столешницу буфета тарелку и кувшин. Заинтересованная Сашка подошла и сунула нос в эту тарелку.

— Это что? — с громадным любопытством спросила она.

— Каша, — прошептала Кэйтрия, отчаянно краснея от смущения. — Холодная.

— А в кувшине?

— Компот.

— Тоже холодный? Станный набор для ужина, — пробормотала Сашка и поспешно, без паузы, чтобы не доводить вспыхнувшую девушку до слёз, добавила: — А чем её? Ложки есть?

— Есть, — с облегчением выдохнула Кэйтрия.

Она перенесла кашу с компотом (и правда всё холодное — дотронувшись до тарелки и кувшина, убедилась Сашка) на стол и оглянулась на Сашку.

— Я сейчас, — быстро сказала та, копаясь в своём рюкзаке.

К столу она подошла, держа в руках обычный набор, который всегда пополнялся в рюкзаке: пакет с апельсиновым соком и пачка любимого печенья в шоколадной глазури. Кэйтрия уже поставила на столе не только общую тарелку с кашей, но и две чайные пары (одна чашка слегка надтреснута по краю, одно блюдце щеголяло щербатостью), подложив под них маленькие, но очень красивые вязаные салфетки.

В результате каша досталась Сашке, которая после всех переживаний пожелала чего-то конкретного, а Кэйтрия, ахнувшая от восторга при виде сладкого, накинута на печенье с соком. Правда, перед тем она сумела согреть кашу для Сашки, сотворив в низкой печурке огонь.

— Это один из бытовых магических приёмов, — объяснила она.

И посмотрела на Сашку так, словно та оказалась ангелом. Девушка была счастлива от одного созерцания чашки с соком и выложенных в чайную тарелочку печений, которые

Сашка легко ей отдала, задумавшись над кое-какой информацией, ранее прошедшей мимо. Не замечая вкуса каши, размышляла: Кэйтрия легко восприняла, что она не знает здешнего языка; в её сумочке явно неслучайно оказалась магическая штучка — медальон-переводчик. И Кэйтрия — эльф, а Гарбхан — орк. А уж если вспомнить физиономии всех прохожих, всех встречаемых, кого только успела разглядеть по дороге к флигелю... Мозги ворочались со скрипом, не желая выдавать логичный, но поразительный результат.

— Кэйтрия, а здесь много выходцев из других миров? — наконец не выдержала она.

— Много, — откликнулась та. — Через порталы к нам попасть легко, а наш университет — один из самых престижных.

Кэйтрия запила соком с трепетом съеденную печеньку и блаженно улыбнулась.

Забывшись, Сашка погладила поразительно узорчатую салфетку.

— Красивая.

На лицо Кэйтрии снова легла тень грусти.

— Да.

— Что-то не так? — напористо спросила Сашка. — Давай уж, договаривай.

Девушка вздохнула.

— Александра, ты поставила ширмы не только для того, чтобы разделить комнату на удобные части, но и для того, чтобы оживить её. Тебе нравится, когда... красиво?

— Да, конечно.

— У меня вся комната в первый месяц была украшена салфетками: постель, стол, полочки, стены. Мне так хотелось уюта... Я вяжу быстро. Но прислуга... Ты видела, где лежит ключ от флигеля. А комната моя не запирается. — Она беззащитно пожалала плечами.

Сашка новыми глазами осмотрела пустынную комнату и медленно спросила:

— А ты пробовала запираться?

— Пробовала. Замок сорвали в первый же день и спрятали куда-то.

— И что стащили, кроме салфеток?

Кэйтрия отвела глаза.

Повисло молчание, которое прервала Сашка.

— Ты говоришь — поступила на факультет бытовой магии. А есть там что-нибудь, вроде как защиты жилища от воровства? Ну, например, сделать невидимым те предметы, которые хочешь спрятать от чужого глаза? Или прислуга здесь — сплошные маги? И всё равно всё увидят?

— Я никогда не думала что-то прятать, — медленно, будто делая открытие, проговорила девушка. — Я же живу у тётки. Она старшая сестра моей мамы. Никогда не думала, что можно применять... Это просто неудобно и неуважительно по отношению... — Она замолчала, повернув голову к учебникам.

— А потом придумаем что-нибудь, чтобы это ворьё вообще сюда не заходило, — словно закончила её мысль Сашка. — Кэйтрия, а есть здесь, во флигеле, что-то, что можно продать? Или эти уже всё растащили?

— Но это не моё!

— Ну... Слуги-то, кажется, на вопрос принадлежности внимания не обращают, — ухмыляясь, заметила Сашка. — И потом. Ты же сказала, что всё собранное здесь позже идёт на помойку. Теперь тебе ещё меня кормить — не забывай!

Кэйтрия смущённо улыбнулась, а Сашка впервые подумала: "Она здесь, у тётки, как Золушка, о которой забыли. Или её здесь специально гнобят, чтобы она сама сбежала? Это

чего... Дед же говорил... Если рассуждать так, как рассуждал он... Значит, моё предназначение — быть крёстной феей Кэйтрии? То есть её ангелом-хранителем? Ни фиги ж себе... А если так..."

— Кэйтрия, а ты не могла бы меня научить читать? Ну, хотелось бы узнать, как пишутся и звучат здешние буквы. Насколько я поняла: если прочитанное произносить про себя, медальон мне поможет перевести текст?

— Наверное — с сомнением откликнулась та. — А зачем ты хочешь научиться этому?

— Будем догонять программу! — заявила Сашка. — А вдвоём всегда легче к экзаменам готовиться! Заодно узнаю, что можно придумать, чтобы твоя бытовая магия нам с тобой уже сейчас помогла!

— А как узнаешь? — удивилась девушка.

— Просто. Ты будешь мне читать вслух всё, что надо сдавать на экзаменах, а я буду искать в этом рациональное зерно, которое можно применить для нашего сегодняшнего житья-бытья! — объяснила Сашка.

— А почему... ты так хочешь меня заставить учиться?

— Потому что я знаю, каково это — возвращаться проигравшей, — буркнула новоявленная телохранительница. — Это очень больно. В твоём случае — ещё хуже. Ты-то поступила туда, куда хотела. Неужто собираешься всю жизнь потом думать, что могла бы учиться в престижном университете, да не сложилось? Не-ет, мы ещё повоюем! — улыбнулась она, вспомнив читанное когда-то.

— А сколько раз поступала ты?

— Два. И собиралась поступать на следующий год. А попала сюда.

— А куда ты поступала? — искренне заинтересовалась Кэйтрия.

— Родители хотели, чтобы на филологический — это язык, литература. Грамотность у меня ничего вроде, да и читала много. Но не судьба. Я-то понимала, что филологический не для меня, хотя мама и готовила меня к нему. Так что я даже не удивилась, когда провалила экзамены. Потом думала поступать на физическое воспитание — это туда, где готовят учителей, умеющих тренировать для... — Сашка остановилась, ища слова выразить суть физвоса. — Для здоровья. Но решила попробовать ещё раз на филологический. И опять провалила. И тогда задумалась, не поступить ли на художника. В заведение рангом ниже, но подходящее для меня.

— Ты умеешь рисовать?

— Немного. Дед был художником-портретистом. Поскольку решила поступать на будущий год, то начала заниматься с преподавателем всё это время. — Сашка фыркнула. — Дозанималась: шла с репетиторства — и сюда попала. Ладно, обо мне потом. Ты мне лучше расскажи, что такое этот ваш Нижний квартал, чтобы я знала, как себя вести, если вдруг понадобится.

Как поняла Сашка из не очень уверенного рассказа Кэйтрии, Нижний представлял собой рабочий, не самый благополучный район. И опять-таки разнообразной. То есть в этом Нижнем квартале живут представители самых разных народов: оборотни, гномы, люди и даже эльфы, если уж сильно обнищали. Бандиты, которые время от времени совершают набеги на город, — оттуда. Полиция этот квартал не любит, что понятно.

— Бандиты, говоришь, — задумчиво сказала Сашка. — Это хорошо.

— Почему?! — поразила Кэйтрия.

— Посмотри на меня! — засмеялась Сашка. — Ну? И чем я не бандит? Это ж

замечательная маскировка! Кэйтрия, значит, ты говоришь, что вяжешь быстро. И красиво — это я уже вижу. А твои салфетки — они как? Имеют цену?

— Связанные руками эльфа? — даже удивилась девушка. — Конечно!

— А если продавать? Тогда у тебя будет нормальная пища.

— Но я... — Кэйтрия медленно покраснела.

Сашка, наверное, с минуту смотрела на неё, прежде чем дошло. Девушке-эльфу стыдно продавать салфетки, потому что она из родовитой, судя по тёте, семьи. Хотя и из обедневшей. Поэтому ей претит даже думать о том, чтобы продавать сделанное своими руками. К тому же... Кивнув своим мыслям, Сашка спросила о ненужном, зная ответ:

— Нитки есть?

Кэйтрия покачала головой.

— Ладно, потом придумаем что-нибудь. Если что, никто и не узнает, что продаём твоё вязанье. А теперь покажи мне штук пять ваших букв и скажи, как они звучат. А я напротив них напишу это звучание своими буквами.

Ещё через пять минут девушки сидели за одним столом, друг против друга. Сашка старательно заучивала буквы, а воспрянувшая духом Кэйтрия готовилась к занятиям. В одном из учебников, перечитывая страничку с его содержанием, девушка-эльф нашла заклинание "Как прятать от вороватой прислуги ценные предметы" и решила испытать его на полочке с книгами. Вместе выбрали ингредиенты для магического ритуала.

Сашка торжествующе вскинула к потолку сжатые кулаки, а Кэйтрия радостно пискнула, когда рюкзак Сашки, поставленный на стол, исчез. Получилось!.. Правда, чтобы распространить действие ритуала на площадь обширней, не хватило зеркала побольше. Решили повременить с ним. Правда, когда Кэйтрия спрятала свою шкатулочку с ингредиентами для магических ритуалов, Сашка успела заглянуть в неё и прикусить губу: ой, что-то шкатулочка чуть ли не пустая! Неужели вороватая прислуга не побрезговала даже этой мелочью?

Следующим ритуалом Сашка предложила совершить ритуал согревания жилища. Такого не нашли, но Кэйтрия пообещала сходить в университетскую библиотеку, чтобы уже завтра нежиться в помещении, где от холодрыги хотя бы пар изо рта не идёт... Пока она говорила это, Сашка внимательно следила за её лицом. Нет, девушка-эльф и впрямь не знает этого ритуала, а значит, и не знает пока, есть ли у неё магические предметы, позволяющие этот ритуал провести.

Ближе к полуночи (старинные, громко бумкавшие настенные часы подсказали) они разложили постели. Кэйтрия переоделась и тут же закуталась в старенькое пальтишко. Сашке переодеваться не во что. Она снова напялила свою куртку поверх толстовки и только потом укрылась нарезанными тканями. Морщась от сильного запаха лежалости, старости и пыли, она велела себе не привередничать. Будет время — надо бы поздним вечером вытряхнуть эти тряпки на улице... Вскоре Кэйтрия затушила свечу...

Только начинавшая засыпать, Сашка вмиг слетела со своей кушетки, услышав плач, приглушённый тощим одеялом. Присев на краешек кровати своей будущей подопечной, она грубовато спросила:

— Кэйтрия! Что случилось?

Девушка-эльф порывисто села на постели и обняла телохранительницу.

— Если бы не ты!.. Я бы вернулась домой! А там!.. Да и здесь, в городе... Так страшно, так страшно!.. Но дома!..

— Господи, ещё и там? — пробормотала Сашка и выслушала короткую, обливаемую горячими слезами историю о том, что, вернись Кэйтрия домой, ей бы пришлось выйти замуж за своего соседа по поместьям — сварливого старика-эльфа, который весьма богат и нуждается не в жене, а в бесплатной прислуге, поскольку скуп до ужаса.

Наплакавшись на плече своей телохранительницы, Кэйтрия глубоко вздохнула.

— Я почему-то теперь чувствую, что ты и правда мне поможешь.

— Но на всякий случай надо бы ещё и выспаться, — проворчала практичная Сашка и сгрузила с себя почти невесомое тело девушки-эльфа назад, на постель, после чего тщательно подоткнула вокруг неё одеяло: "Чтобы снова не вылезла! Блин, спать хочу!" Но как села, полуобернувшись к Кэйтрии, так и застыла, размышляя обо всех событиях странного дня, странного мира и странной подопечной.

После внезапной мысли: "А Вера подтыкала мне одеяло?" Сашка невольно улыбнулась ("Ну-ну, у меня тоже младшая сестрёнка появилась?"), а потом сообразила, что пора баиньки, иначе прямо сейчас свалится рядом с притихшей и посапывающей девушкой-эльфом и сама будет дрыхнуть до победного.

Добралась до кушетки, села, собираясь лечь. Застыла. "А не потому ли я попала сюда, что я такая же неудачница, как Кэйтрия? Вон её как обложило: куда ни кинь — везде клин. Она как будто застряла в невезучести. И то, что я столкнулась с ней... Получается что? Блин... Значит... Если я ей не помогу, не вытащу её из неудач, я останусь такой же? Жуть..."

Странное то ли открытие, то ли озарение не давало Сашке спать ещё какое-то время, настолько она чувствовала себя ошарашенной. Да ещё ко всему прочему вспомнилась парочка слов от Кэйтрии, поначалу пролетевшая мимо уха, но сейчас зазвеневшая тревогой. Девушка не один раз повторила, что и в городе что-то неладно... Но думать об этом пока не хотелось... Внезапно вспомнилось, как старшая сестра учила её накладывать косметику и как они хохотали, глядя в зеркало на результат первых попыток Сашки самостоятельно совладать с макияжем... Сашка сморщилась от подступивших слёз... Вера — вот о ком она будет сожалеть больше всего. Не о родителях. И дед остался там, как в прошлой жизни. Или... Нет, деда Сашка никогда не забудет.

Попереживав, а потом ладонями вытерев мокрые от слёз нос и щеку, она вспомнила, что утром вставать рано — на занятия-то. И легко уснула, вспомнив старый трюк, которому научил её дед: она будто открыла глаза вовнутрь, в темноту, и вошла в тёмную комнату, закрыв за собой дверь.

... Кэйтрия ещё не проснулась, так что Сашка сбегала в коридор проверить кочергу, вечером воткнутую в пазы старой щеколды, чтобы никто не ворвался во флигель непрошеным гостем. Затем, отойдя подальше от комнаты подопечной в дальний угол коридора, принялась за привычный комплекс упражнений. Сегодня она включила в этот комплекс упражнения с ножом, который всегда носила с собой в рюкзачке. Секция, куда Сашка ездила, располагалась в стареньком Доме культуры, на старых улицах города, где по вечерам было небезопасно, и ребята из секции всех новичков, которые, по их мнению, останутся в группе, обязательно учили обращению с ножом. И не только с ножом. Неудивительно. Пару раз Сашка попадала в лавину толпы, идущей стенка на стенку в другой микрорайон. Сборы были просто страшными, но уже после пары уроков обращения с оружием Сашка ничего не боялась. Девчонку не трогали только потому, что признавали в ней свою — поселковую. Посёлок — так и назывался тот микрорайон с Домом культуры. А признавали просто: если кто-то пытался лезть к ней, Сашка невозмутимо показывала

самодельную рукоять складного ножа, подаренного кем-то из своих пацанов. Всё. Народ тут же улыбался, посмеивался — и пропускал туда, куда ей надо.

Она резко села в "канат" и быстро повернулась, выполняя "шпагат". Затем, подтянув под себя одну ногу, медленно опустилась спиной на пол, продолжая выполнять растяжку под конец разминки. Хм... Боли, привычной в этом положении, почему-то не ощущалось. Но Сашка всё же была осторожна и травмированную ногу постаралась пока не напрягать. Наконец она вскочила с пола — и лицом к лицу оказалась с Кэйтрией. Глаза у подопечной круглели, если не квадратились.

— Ты так красиво это делаешь!.. — уважительно сказала она.

— Хочешь научу? — предложила Сашка и услышала ожидаемое и даже испуганное:

— Нет, что ты!

"Куда ты денешься! — снисходительно подумала телохранительница. — Каждое утро смотреть — всё равно не выдержишь, захочешь хотя бы попробовать!"

Как ни странно, Кэйтрия довольно быстро привела себя в порядок и сбегала в дом за завтраком. Впустив её потом, Сашка разочарованно подняла брови: та же каша — разве что Кэйтрия выпросила её на кухне в большем количестве, и тот же невкусный, потому что несладкий, компот. Вздохнула и смирилась.

За завтраком она сказала:

— Кэйтрия, а как ты меня при всех будешь звать? Не Александрой же!

— А как бы хотела ты?

— Не знаю. Мы ведь общаемся с тобой на разных языках. Если я что-то скажу, ты услышишь иначе.

— Ну а... например?

— Алекс. Коротко и как раз то, чтобы быстро позвать на помощь.

— Алекс? — обрадовалась Кэйтрия. — Так зовут моего брата! Хорошо. Буду звать тебя именно так!

— А как обращаться к тебе? Ну, когда ты мне хозяйка.

— Обычно здесь говорят — леди. Леди Кэйтрия.

— А, нормально, — рассеянно сказала Сашка, думая о вчерашнем впечатлении от города как о Лондоне. — Ну, всё. Пора?

— Пора, — как-то растерянно отозвалась Кэйтрия. — Но, Алекс... На улице светло. А если тебя кто-то увидит? Из прислуги?

— Так, скажи мне одну вещь, — спокойно сказала Сашка. — Знаешь ли ты, во сколько должны приходить в дом слуги?

Кэйтрия с облегчением выдохнула, глядя на настенные часы.

— Они уже все на месте. Тётя не любит, когда они опаздывают. Сразу увольняет.

— В таком случае, покажи, где окно, которое выходит на улицу. Точней, даже так: выпусти меня через это окно, а я подожду тебя возле забора.

И девушки помчались по коридору к противоположному концу флигеля.

Слыша, как подопечная закрывает за ней раму, Сашка быстро пошла по узкой дорожке к забору, стараясь делать вид, что она тоже из богатого дома, остающегося за спиной. И, только выйдя из калитки, вдруг вспомнила и строго-настрого себе приказала: "Ты теперь Алекс — даже в мыслях! Будешь думать о себе только как об Алексее, ясно? Забудь, что ты Сашка. Она осталась в прошлом. А ты... — Она усмехнулась. — Ты ангел-хранитель имени Алекс!"

Поспешно оглядевшись, Сашка наклонила голову и потрясла головой. Растрёпанные короткие волосы, постепенно влажнеющие из-за морсящей пыли с тёмно-серого неба, слегка пригладила и взглянула на флигель. Кэйтрии всё ещё не видно. И на дорожке перед забором с обеих сторон дороги никого. Сашка торопливо вынула из рюкзака коробочку теней и, поставив между прутьями забора зеркальце, махнула кисточкой не по векам, а под глазами, утяжеляя взгляд. Ещё один взмах — и заживавшая царапина на скуле, полученная на последней тренировке, стала отчётливо видной. Последний штрих, еле заметный, под нижней губой — и рот брезгливо скривился. Полюбовавшись на себя в зеркальце, Сашка вздохнула. Эх... Не сообразила: надо было ещё во флигеле "поставить себе фингал", синевато-зеленоватый, хоть на один глаз... Ладно. Потом-то косметика будет ненужной — когда все привыкнут к телохранителю девушки-эльфа.

— Ой...

Подбежавшая Кэйтрия, прижимая ладошки ко рту, с ужасом смотрела на Сашку.

— Что с тобой случилось?! Ты уже с кем-то подралась?!

— Ты ж меня из Нижнего квартала вытащила! — расхохоталась Сашка. — Кого ты себе в телохранители могла взять? Только драчуна!

И тут же показала ей коробочку с тенями. А потом рассказала, что это такое.

— Здесь, в городе, дамы пользуются косметикой, — задумчиво сказала девушка-эльф. — Однако в деревне у нас такое не любят. Но мне нравится твоя идея.

Девушки переглянулись, одновременно вдохнув поглубже. Не рассмеялись, когда поняли, что обе побаиваются того, что может ждать в университете. И зашагали.

— Не забудь, что я ничего не знаю, — напомнила Сашка. — И не бойся, что мне всё придётся объяснять, да ещё при всех. Я дешёвый, неотёсанный телохранитель, потому что из Нижнего квартала. Никто не будет удивляться моим вопросам и твоим объяснениям. Как и моему поведению.

— Будут смеяться, — прошептала Кэйтрия, идя рядом.

— Недолго, — уверенно сказал Сашка, и девушка-эльф выпрямила спину. — Какое у тебя сегодня расписание?

— Первая пара — общая лекция об основах универсальной магии. Потом — лекция только для магов-бытовиков. И заканчивается практикумом. До вечера я обычно сижу в библиотеке — в читальном зале.

Сашка попыталась представить, как они выглядят со стороны. Кэйтрия — в том же лёгком длинном плащике, с накинутым на мягкие светлые волосы широким капюшоном — начал накрапывать дождь; в изящных, пусть и разношенных сапожках. И она, Сашка, — сутулый подросток рядом с высокой девушкой. В мешковатой одежде, в слишком больших, на первый взгляд, ботинках. Растрёпанные русые короткие волосы и нехороший взгляд исподлобья. Хм. Поменьше разговаривать, и телохранитель — что надо!

— Когда мы войдём, — прошептала Кэйтрия, — нам надо будет сразу подойти к охране университета. Тебя должна зарегистрировать как моего телохранителя.

— Будут спрашивать фамилию и адрес? — забеспокоилась Сашка.

— Нет. Достаточно твоего имени и моих данных.

— А... Ну, тогда ничего. Кэйтрия, сколько человек обычно в ваших группах?

— Не человек. Студентов — двенадцать. Среди них есть и оборотни.

Регистрация прошла спокойно. Никто из людей в полувоенной форме ничего лишнего не спрашивал. Оказалось, что оформление нужно для того, чтобы в дальнейшем на парнишку

Алекса никто внимания не обращал. А то будут останавливать на каждом шагу, спрашивать, почему посторонний человек по университету шляется. Телохранителю пришили на рукав куртки матерчатый отличительный знак с символикой университета, кратко зачитали обязанности и распрощались, предупредив хозяйку, чтобы она сама ознакомила новичка с правилами поведения в учебном заведении. Сашка ещё удивилась, что охранный народ в университете в форме ходит — за форму она приняла одинаковую на всех строгую одежду серого цвета с минимумом деталей на ней. И не сомневалась, что правильно сообразила про полувоенную. Но мысли о том, что будет при встрече с однокурсниками Кэйтрии, перебили удивление от формы здешней охраны.

За дверями кабинета с охраной девушки заговорщицки переглянулись, и Кэйтрия зашагала по широкой лестнице на второй этаж. Сашка — рядом. Правда, недолго. Бросая оценивающие взгляды по сторонам и на встречных-поперечных, она заметила, что и на неё посматривают испытующе и внимательно. Чувствуя жар от прихлынувшего адреналина, она сунула руку в карман куртки. Пальцы, въехавшие в железный захват небольшого, по ладони, кастета, успокоили. А успокоившись, Сашка принялась исподтишка наблюдать, как ведут себя другие телохранители, которых она теперь легко определяла по шеврону на рукаве. Приглядываясь к этим часто весьма незаметным типам, которых можно узнать только по знаку на рукаве, и она постепенно отстала от Кэйтрии на пару шагов.

В одном из коридоров, где студентов было мало — время к часу первой лекции, Кэйтрия глубоко вздохнула, оглянувшись на телохранителя, но промолчала. И вошла. Сашка переступила порог аудитории следом за ней.

До лекции оставалось пять минут.

Третья глава

Кэйтрия прошла от порога три шага и резко остановилась.

Сашка не врезалась в её спину только потому, что держалась на небольшом расстоянии от подопечной — сохраняя дистанцию, как это делали другие телохранители.

Быстро окинула взглядом помещение. Слева привычно для глаза неудачливого абитуриента возвышались ряды столов с сиденьями. Справа — доска и трибуна для преподавателя. Прямо на пути — высилась гороподобная спина с небольшой башкой. Сашка, осторожно выглянувшая из-за спины Кэйтрии, медленно ухмыльнулась, а потом подавила ухмылку. Гарбхан! С припухшим синяком на челюсти, видным даже сбоку!

Гарбхан, который с кем-то разговаривал, потоптался на месте, а потом неожиданно оглянулся. Его толстая морда тоже ощерилась в злорадной ухмылке. Орк развернулся к вошедшим полностью — Сашки за спиной её высокой подопечной он пока не видел. Кэйтрия сделала шагок назад. Сумочка, которую она держала опущенной, чуть не затряслась в её руке. Вот Кэйтрия сделала движение, собираясь пятиться...

Сашка в два шага обошла девушку и грубо сказала, ухватив за локоть:

— Ну, чё... Показывай, где сидишь!

И зыркнула искоса на орка.

Тот — узнал. Вылупил глазёнки. И от неожиданности такой же шаг назад, как у Кэйтрии, у него получился настолько широким, что стоявший за ним собеседник еле успел отскочить — орк точно задавил бы его! Или сбил бы с ног. Ибо стоял за ним высокий темноволосый парень с жутко надменным лицом, сейчас слегка оторопевшим. "Но ему эта надменность идёт, — решила Сашка, критически осматривая "экспонат". — Если не обращать внимания на торчащие уши, мордаха у него славная! Жаль только, что он об этом слишком хорошо знает! Так вот чей телохранитель обижает Кэйтрию!" И снова грубовато дёрнула за локоть остолбеневшую подопечную.

— Леди Кэйтрия, идём!

В аудитории, только что мягко говорливой, воцарилась выжидательная тишина. Все до единого студенты уставились на происходящее внизу.

— Подождите! — Темноволосый красавчик обошёл своего набычившегося телохранителя и приблизился к девушке-эльфу. — Кэйтрия, это правда, что рассказал мне Гарбхан? Твой телохранитель уложил его на лопатки?

Гарбхан зарычал. Сашка тоже хотела зарычать: в присутствии человека говорить о нём в третьем лице — да этот тип груб и не воспитан! Но вовремя опомнилась: "Ой, я-то воспитанный человек! Мне не пристало делать ему замечания!" А успокоившись, мгновенно вспомнила, что вступать в споры ей, как телохранителю, тоже нельзя.

— Да, это правда, — тоненьким дрожащим голосом сказала Кэйтрия, а Сашка спокойно убрала руку с локтя девушки и отступила за её спину.

— Эта мелочь? — подпустил парень в интонации презрения.

— Эй, — не выдержав, Сашка снова дёрнула Кэйтрию за локоть и злобно ощерилась на красавчика. — Этот тоже, что ли, тебя обижает? Бить когда? Щас стукнуть можно? Или опосля лекции?

— Кэйтрия! Научи своего телохранителя уважению к вышестоящим! — бросил красавчик и начал было отворачиваться.

— Пусть сначала своего пузатого элементарной вежливости научит! Заодно и субординации! — буркнула Сашка так, что тот услышал, судя по застывшей спине, а затем по его замедленному повороту назад.

— Недоросток, — снисходительно усмехнулся парень. — Со взрослыми так не разговаривают!

— А ты для меня не взрослый, а потенциально опасный объект! — отрезала Сашка. — Ну, а ты чё встала? Пошли давай! Где тут наше место? — И, уже не собираясь дожидаться адекватной реакции от перепуганной до ступора Кэйтрии, не просто ухватила её за локоть, но железной дланью потащила вдоль стены вверх, к пустым столам аудитории.

Подгоняя дрожащую со страху девушку, Сашка покосилась на изумлённого красавчика, забывшего закрыть рот, и обречённо вздохавшего рядом с ним Гарбхана, что-то негромко гудевшего в своё оправдание, и с трудом подавила желание показать обоим язык.

По замедленной походке Кэйтрии она сообразила, что подопечная до сих пор в ошеломлении и не знает, куда садиться. Сашка довела её почти доверху и, быстро сняв с девушки плащик, бедром втокнула её в первый попавшийся свободный ряд, после чего Кэйтрия машинально прошла несколько шагов вглубь и села, не поднимая глаз. И, только сев, Сашка поняла, почему Кэйтрия не пошла к раздевалке: кажется, её в университете нет. Иначе как объяснить, что остальные сидят в добротной одежде? Да и чуть позже девушка-эльф закуталась в свой плащик, а Сашка на себе почувствовала стылую прохладу в аудитории, пахнущую старым деревом.

Внизу красавчик и Гарбхан оглянулись на входную дверь и спокойно пошли к своим местам. Кажется, вот-вот в аудитории появится преподаватель?

Пристроившаяся рядом, Сашка взялась за сумочку Кэйтрии и резко дёрнула её.

Девушка машинально прижала к себе сумочку и, ничего не понимая, растерянно взглянула на телохранителя.

— Вынимай тетрадь и ручку, — напомнила Сашка, улыбаясь ожившим глазам подопечной.

За это время все в аудитории, пялившиеся на странную сцену, отмерли. Тем более что появился преподаватель — высокий мужчина-эльф, чьим волосам Сашка даже позавидовала: светлые и длинные, они закреплялись в "хвост" металлической штучкой, иметь которую и она не отказалась бы, хотя свои волосы коротковаты, чтобы их собрать. А пока только залюбовалась поблёскиванием камешков в украшении, когда преподаватель отвернулся от студентов, чтобы записать тему лекции на доске.

Кэйтрия между тем выложила на стол принадлежности для записей. Убедившись, что подопечная, несмотря на всякие эмоциональные передраги, готова к учёбе, Сашка вынула из кармана листочек с буквами и принялась повторять их звучание, чтобы выучить наизусть. Транскрипцию уже всех эльфийских букв успели написать утром. На другой стороне листочка было несколько строк — задание от Кэйтрии: Сашка должна себя проверить, сумеет ли не только прочесть, но и понять смысл маленького текста. Она знала, что сразу алфавит ей не выучить, но... Посматривая на обратную сторону листочка за подсказкой, всё же намеревалась постепенно узнать язык своей подопечной. Пригодится. Кто его знает, надолго ли она здесь застрянет.

Лекция началась. Кэйтрия настолько пришла в себя, что теперь строчила в большущей тетради без остановки. Сашка вслушалась в деловитый говорок преподавателя и вынуждена была признать: несмотря на медальон-переводчик, многое для неё остаётся абсолютно

непонятным. Видимо, в этой лекции слишком много терминов. Сашка мысленно пожала плечами и занялась изучением языка. Наконец буквы повторила — посмотрела, как там Кэйтрия. Ф-фу... Пишет, то и дело взглядывая на преподавателя, когда тот берёт паузу. Шмыгнув носом, Сашка перевернула листок и принялась за перевод. Стишок. Детский какой-то — про птичек на окошке. Девушка даже улыбнулась. А потом убрала с глаз лохмы волос и, откинувшись на спинку скамьи, принялась изучать доступное взгляду пространство. Задание сделано, можно заняться косвенным знакомством с теми, с кем долгое время придётся быть рядом.

Так. Народу в аудитории маловато, как Кэйтрия и предупреждала. Но ведь она сказала, что первый курс — основной. Почему же тогда остальные его пропускают? Человек сорок. Из них, скажем, треть — телохранители. Сашка так решила, потому что некоторые студенты сидели поодиночке и старательно писали лекцию. Но это в основном парни. Девушки все, как одна, с охраной. Понаблюдав ещё немного, Сашка сообразила ещё кое-что: кое-кого из студенток охраняют довольно взрослые мужчины в той самой полувоенной форме, которую носит охрана университета. Значит, будь у Кэйтрии деньги, она могла бы нанять себе такого охранника?

А потом Сашка задумалась над другим вопросом, который уже однажды мелькал в мыслях, пока её регистрировали как телохранителя: странно для учебного заведения — студенты ходят под охраной. И вряд ли только потому, что боятся посягательств на свою честь от однокурсников. Кэйтрия ещё что-то забыла рассказать? И опять в памяти всплыло что-то сказанное ею вскользь об опасности в городе.

Но до конца лекции об этом не спросишь. И Сашка, понаблюдав за студентами и их телохранителями ещё пару минут, сообразила: надо бы на перемене, если она будет, тихонько порасспросить Кэйтрию: пусть покажет, кто из всех присутствующих здесь студентов — из её группы. Ну, чтобы заранее знать врага. Сашка усмехнулась. Ну а чё? Раз над Кэйтрией издеваются — значит, враг!

Покосившись на девушку-эльфа, торопливо записывающую за преподавателем, Сашка заметила, что та отложила несколько тетрадей в сторону, а из страничек одной высовываются листочки. И, кажется, исписанные. Попробовать разобрать ещё пару предложений? А вдруг там лекция? Ещё интересней.

Пока подопечная не видела, занятая конспектированием, Сашка осторожно вытянула листок из её тетради, пухлой от записей, и снова принялась за тренировку. Она, снова сверяясь со шпаргалкой, подставляла русские буквы под короткие строки, торопливо набросанные изящным почерком, и снова проговаривала их мысленно. Хм. Кажется, это не лекция. Нет, точно не лекция. "И твой холодный взгляд, небесно-синий, что равнодушием пространства проходит слепо мимо будней, страшит меня порой и заставляет... опускать глаза. Ведь я беспомощна пред ним и незаметна, как тонкий стебелёк травы под необъятным небом. И остаётся лишь следить исподтишка и замирать в восторге и в слезах, когда при встрече ты скользишь тем взглядом сквозь меня — так, словно бы меня и нет... Но рядом ты, хоть я так далеко... Как страшно, если ты уловишь сердца тревожный стук..."

Сашка медленно обвела ищущим взглядом аудиторию и на нижнем ряду нашла хозяина Гарбхана. Вот почему застыла Кэйтрия. Не потому, что испугалась орка. Глаза-то у эльфа и впрямь синие. У-у... Как у Кэйтрии всё запущено!.. Нашла, в кого... Или нет?

Темноволосый красавчик оказался чувствителен к взглядам в спину, потому что резко обернулся. Сашка секунды смотрела на него, а потом на всякий случай показала кулак. У

парня дрогнули плечи, и он быстро отвернулся. А девушка изумилась: он ещё и смеяться умеет? Лишённых чувства юмора она за людей не считала. А этот на ситуацию отреагировал как надо.

Ещё одно движение, ухваченное боковым зрением, и Сашка взглянула налево, двумя рядами ниже от них, где сидел единственный студент. Он быстро отвернулся. Но Сашке показалось, с лицом у него что-то не то. Ещё один представитель здешней "фауны"? Уши-то нормальные. А со спины обычный человек...

Потом её внимание привлекла странная парочка. Какой-то рыжеволосый метр с кепкой сидел прямо перед ними, внизу, на втором ряду. Рядом с ним возвышалась примерно такая же гора, как Гарбхан, только сильно узкоплечая и почему-то сидевшая в шубе. Точней возвышалась она не рядом, а над своим подопечным. Понаблюдав за этой странной парой, Сашка только хотела отвести от них взгляд, как метр с кепкой пискнул что-то плохо различимое отсюда, сверху, и затряс рукой, в которой держал ручку. Пальцы устали? Мехава гора не спеша подняла ручищу (от плеча толстенную, к кисти тонкую) и взялась за шкиряк малявки, бережно, но настойчиво пригибая его к учебному столу. Сашка почувствовала, как её глаза округляются: телохранитель не только охраняет своего студентика, но и заставляет его учиться?!

Остальных Сашка оглядеть не успела.

Дверь в аудиторию резко распахнулась. Лектор оглянулся и поспешил к выходу. Студенты замерли, вытягивая шеи, чтобы рассмотреть нахала, прервавшего лекцию за минуты до перемены.

Снова вошёл лектор, но к трибуне не направился. Он остановился сбоку от двери и приглашающим жестом кому-то в коридоре показал рукой на помещение. Сашка на мгновения растерялась, когда в аудиторию хлынула толпа говорливых студентов. Взгляд на Гарбхана: тот теперь сидел чуть не в обнимку со своим подопечным, да ещё набычившись, как бы предупреждая не подходить к своему хозяину слишком близко. Метр с кепкой так вообще скрылся в объятиях меховой горы. Благодаря визуальной подсказке, Сашка прихватила сумочку не менее ошарашенной Кэйтрии и села к ней вплотную на тот случай, если кто-то к ним подсядет. А толпа энергичных юношей и девушек торопливыми и болтливыми ручейками вздымалась к верхним рядам и заполняла аудиторию, пожимая плечами и отделяваясь короткими репликами на вопросы тех взволнованных студентов, кто уже сидел здесь.

Как только первые студенты ринулись занимать места наверху, тот студент, что быстро отвернулся от изучающего взгляда Сашки, махом сграбастал всё, что у него было на столе, и бегом поднялся к девушкам. Стремительно обойдя ряд, он бесцеремонно плюхнулся рядом с Кэйтрией. Та не то чтобы подпрыгнула — сильно вздрогнула и чопорно выпрямила спину. Сашка, нагнувшись, чтобы видеть наглеца за своей подопечной, только хотела вполголоса рявкнуть на него, как осеклась. Довольно плотный крепыш, ухмыляясь, смотрел на неё, и теперь-то стало понятно, что смутило Сашку в его внешности, когда она едва заметила его. На левой стороне лица незнакомого пока студента, уродуя его внешность, распласталась странная чёрная клякса, словно повторяя косматые чёрные вихры хозяина. Озадаченная, пытаясь рассмотреть, что это за уродство, Сашка даже вздрогнула, когда верхняя часть кляксы внезапно отлепилась от кожи парня и, раскрыв маленькую, но при общих размерах тела громадную пасть, пронзительно завизжала. Звук, почти неслышный, но пронизывающий, вломился в голову. Кэйтрия слабо ахнула, закрывая уши.

— Ну и дура, что орёшь! — убеждённо сказала Сашка, глядя в блестящие бисеринки чёрных глазёнок, и тварюшка затихла, не закрывая рта, словно обалдев от созерцания чужого телохранителя.

Парень хлопнул себя по щеке. Тварюшка закрыла пасть и влипла в кожу своего хозяина, изображая татуировку.

"Летучая мышь!" — сделала открытие Сашка и постаралась сделать вид, что таких зверушек она видит десятками и лупит мухобойками каждый день.

— И почему это она дура? — осведомился студент.

— Я ж сказал — орёт не по делу. А ты? Те-то тут чё надо? — с претензией спросила Сашка. — Чё сюда сел? Места, что ли, больше не нашлось?

— Кэйтрия, приструни своего бодигарда!

— Алекс, пожалуйста!

Сашка улыбнулась кончиками губ, отваливаясь локтями на спинку сиденья. Она и не собиралась пререкаться дальше. Ребята из секции не любили спорить с девчонками, если те слишком заводились. Они умолкали, хотя те продолжали либо оправдываться, либо объяснять то, что парни, по их мнению, неправильно понимают. И Сашка, вспомнив, какую роль она сейчас играет, вспомнив предыдущую краткую перепалку с красавчиком, сделала именно это — удержалась. "От дальнейшей полемики!" — насмешливо решила она. И если этот типчик думает, что она хочет дальше ругаться с ним, то фиг ему. Абсолютно собой довольная, она покосилась мимо спины всё ещё напряжённой Кэйтрии. И наткнулась на удивлённый взгляд татушного. Что это он? Не ожидал, что она подчинится просьбе хозяйки? Ха, а вот такие мы, мужики, умные и немногословные!

Между тем заполонившие аудиторию студенты уселись и притихли. Глянув вниз, Сашка обнаружила, что там, у трибуны, стоят не двое преподавателей, как она поначалу думала, а сразу трое. Эти, как их — кураторы групп?

От этой малочисленной группки шагнул вперёд один, лысый, с широкой, какой-то издевательской улыбкой, и оглядел аудиторию так, что, Сашке почудилось, помещение мгновенно опустело — такая мёртвая тишина наступила. "Ух ты..." — осторожно подумала она и тут же закусила губу, чтобы не рассмеяться: она и впрямь боялась думать громко!

— Господа...

Слово, высказанное негромко, показалось, процарапало по телу.

И уже-то сосредоточенные, студенты замерли так, что вроде как дышать перестали. А Сашка про себя перевела происходящее: "Бандерлоги, хорош-шо ли вам видно? С-сидите с-смирно и с-смотрите..."

— С сегодняшнего дня политическая ситуация в городе требует от нас всех соблюдения некоторых жёстких правил. Университет будет открыт только до четырёх часов дня — то есть до начала сумерек. Это правило, думаю, объяснять не надо.

Не меняя той же голливудско-людоедской ухмылки — все зубы наружу, мужчина неторопливо заложил руки за спину и снова обвёл пронзительным взглядом сидящих перед ним студентов, словно жалея, что приходится им это говорить.

— Я понимаю, — уже вкрадчиво сказал он, — что вы считаете себя людьми взрослыми, умными и смелыми и что эти правила безопасности не для вас. Но поймите и меня: мне так не хочется корректировать списки студентов в связи с их внезапной смертью из-за неосторожности!.. Поэтому, пожалуйста, не надо выходить на улицы города, после того как там наступит темнота. Я думаю — мы поняли друг друга.

Не замечая своего открытого рта, Сашка слушала и смотрела. Ну и дядька. Настоящий Каа!

Не убирая из-за спины рук, "дядька" спокойно вышел из аудитории. Второй мужчина, который вошёл с ним и тоже слушал его с открытым ртом, спохватившись, поспешил следом.

— Старый дракон... — прошептал кто-то впереди, и студенты будто осели, расслабившись после ухода "Каа".

Прозвенел еле слышный, но сейчас весьма отчётливый звонок.

Чужие студенты нехотя поднялись и принялись спускаться к выходу их аудитории.

— Что за дядька? — тихонько спросила Сашка.

— Ректор университета, — опередил Кэйтрию татушный, кажется не собиравшийся уходить на своё место. — А за ним вышел декан нашего факультета. Наверное, к другим курсам пошли.

— А ты кто?

— Алекс, это мой одноклассник, — сообщила подопечная. — Доран, можно вас представить моему телохранителю?

— Да ты уже представила, — лениво отозвался тот. — Алекс, значит? Ну, и как ты охраняешь нашу дорогую леди Кэйтрию?

— Показать здесь — или выйдем? — недобро спросила Сашка. Ей не нравилось, что теперь, когда этот приставучий тип рядом, приходилось прятаться: убрать листочки с буквами и стихами девушки-эльфа, а значит — перестать заниматься изучением языка. А без дела сидеть она страшно не любила.

— Да что ж ты какой хорохористый? — всё так же лениво протянул Доран. — Ладно, сиди. И без доказательств поверю.

Так и не придумав, как избавиться от этого Дорана, Сашка отвернулась от его симпатичной, но злодейской рожи и принялась изучать студентов, сидящих внизу. Но сосредоточиться не успела. Появился преподаватель и продолжил лекцию. Помня слова Кэйтрии о том, что ей иной раз подсовывают записки с угрозами, Сашка некоторое время внимательно приглядывалась к Дорану, но тот старательно писал за преподавателем. "Уши нормальные — он маг?" — размышляла Сашка от нечего делать. А потом сообразила: осторожно повернула к себе рюкзачок и открыла его. Нашарила карандаши и вынула один. Придвинув к себе расшифрованное послание Кэйтрии с птичками на окошке, она задумалась — и начала набрасывать прямо на строках лицо впечатлившего её "старого дракона". "А ещё интересно, почему его так обозвали, — раздумывала она, рассеянно прописывая крокодильский оскал ректора. — Потому что боятся его? Или оттого, что, когда он злится, дым и огонь повсюду?.. Любопытно, когда Кэйтрия мне расскажет, что же тут творится, в городе? Или мне самой её в перемену порасспросить?"

Как не закричала от неожиданности Кэйтрия — Сашка потом здорово удивлялась. Но девушка-эльф только подпрыгнула за столом, когда рука этого чёртова Дорана буквально свалилась на разрисованный листок Сашки и резко дёрнула его к себе. Однако ему пришлось сделать целых два движения — вбросить руку и сжать пальцы. А это — время. Сашка на инстинктах врезала ребром ладони по слишком шустрой кисти, ближе к запястью. И тут же села, как ни в чём не бывало, побаиваясь, что удар о стол оказался слишком громким и преподаватель может ругаться, что не все соблюдают тишину во время лекции. Наглец ахнул от боли. Онемевшие пальцы мгновенно ослабели, и Доран, шёпотом ругаясь, убрал руку, некоторое время затем баюкая её — прижав к груди, пока возвращалась чувствительность.

Преподаватель ничего не заметил. Правда, красавчик эльф снова повернулся осторожно посмотреть наверх. Да ещё двое телохранителей оглянулись. Но Сашка уже безмятежно улыбалась, проигрывая в уме следующие свои действия: как только все отвернутся, придётся убрать всё, чем она собиралась полезно проводить время на лекции. Блинский Доран! "Надеюсь, больше не будет лезть, куда его не просят!" — мрачно подумала она, время от времени скашиваясь на неприятного соседа и уже серьёзней гадая, что же ждёт её дальше. Пока выходка Дорана больше похожа на детскую проказу, да ещё, как он считает, по отношению к телохранителю.

Кэйтрия с трудом успокоилась, но некоторое время писать не могла — пальцы тряслись, и Сашка её хорошо понимала... Снова откинулась на спинку сиденья — глянуть, как там Доран. И очень удивилась: тот покосился сам — с улыбкой. Правда, улыбка у него была... кривоватая...

Он не сказал ни слова и тогда, когда уходили из аудитории. Просто встал и спустился, не оглядываясь. Сашка хмуро посмотрела ему вслед: ну и кой чёрт ты вообще сюда лез? И сама медленно спустилась за Кэйтрией.

Следующим был практикум по закреплению навыков в элементарной бытовой магии. Как и ожидала Сашка, курс разделился на три группы. Когда она вошла за подопечной в кабинет, здесь, кроме нескольких незнакомцев, оказались все знакомые. Эльф-красавчик со своим телохранителем уселся за дальний стол. К нему присоединился Доран и одна из девушек-эльфов, бывших на лекции. Другая девушка-эльф села со странным товарищем — круглолицым, каким-то полусонным, точно он собирался вот-вот замурлыкать. К ним присоседился гибкий черноволосый тип в чёрной одежде.

Замеченный на лекции рыжий метр с кепкой оказался худеньким нервным мальчиком, который постоянно дёргался, а неизменно следующий за ним громадный зверь (другого определения Сашка подобрать не могла) то и дело опускал ручищу с тонкой кистью на его плечо, успокаивая. Именно этот мальчик и начал визгливо и прерывисто, словно взлаивая, орать, окинув цепким взглядом кабинет:

— Я не хочу с ней сидеть! Почему я должен с этой сидеть?! Я не буду! Не хочу! Почему я должен тратиться на ингредиенты к опытам?! Пусть она сама!.. Жадина! И не ври, что снова забыла дома! Скупердяйка! На телохранителя она деньги нашла! Так почему не хочет!..

Дальше Сашка не слушала, глядя на побледневшую Кэйтрию, которая сначала опустила глаза, а потом отчаянно рванула из кабинета в коридор. Сашка — за ней. Догнала только в конце коридора с небольшой рекреацией, заставленной громадными каменными горками с цветами, украшающими их.

Кэйтрия уже медленно прошла между этими горками и встала у окна.

Сашка, не торопясь, шагнула к ней. Воспоминания нахлынули разом: спрятать большинство вещей в комнате Кэйстрии невозможно, потому что у неё осталось лишь одно зеркальце, которое она может носить с собой. Остальное — уворовано прислугой. Не то же ли самое с остальным? Денег у неё нет — вот единственная причина, из-за которой все злобятся на неё. Потому что она "держит лицо", не признаваясь в нищете и в том, что слуги родной тёти её обкрадывают.

Не собираясь затевать с Кэйтрией разговор, Сашка пыталась найти выход из положения. Не будет подопечная ходить на занятия — экзамены точно не сдаст. А вместе с ней, поневоле вернувшейся в свою деревню, на улице окажется и сама Сашка. Поэтому не надо ругаться, а нужно поднапрячь мозги, чтобы помочь выкрутиться... Всё сводится к одному:

мало информации по миру.

— Кэйтрия...

— У меня нет денег, — не оборачиваясь, прошептала та.

— На фига мне твои деньги, — спокойно сказала Сашка. — Где можно купить эти ваши ингредиенты?

— В лавках при университете, — всхлипнула девушка-эльф.

— Там дают в долг? Или ты уже брала?

— Я не могу вернуть долг — как же брать? Нет, конечно.

— Пойдём — возьми в долг всё, что тебе надо на урок. Не забудь, что у нас есть кинжал Гарбхана. После уроков мы сбегает в лавку менялы, как ты говорила. И завтра вернём деньги, если такое возможно.

— Но это твой кинжал!

— Кэйтрия, пока я буду полностью зависеть от тебя в этом мире, всё моё — твоё. Ты же поделилась со мной кровом и едой. Ясно? Мне выгодно, чтобы ты училась и не уезжала из города, — не забудь об этом!

Девушка-эльф кивнула, и они опрометью бросились по коридору. Коридор с нужным кабинетом они старательно обошли и выскочили к главному входу в университет. Охрана на входе обстоятельно объяснила, где найти лавку, в которой можно всё необходимое для учёбы взять в кредит.

Они немного опоздали — появились в момент, когда преподаватель — невысокая крепкая женщина в брючном костюме — начинала пояснения, каким образом будет проходить лабораторная работа. При виде бледной, но решительной Кэйтрии, которая извинилась твёрдым голосом и тут же села за пустой стол (Сашка насторожённо — на стул у углу, за нею), от стола темноволосого красавчика, где сидел уже рыжий мальчик, быстро встал Доран и, не успев никто слова сказать, как он оказался со всеми своими вещичками для "лабораторки" напротив девушки-эльфа.

— Я могу приступить к дальнейшим объяснениям? — безукоризненно вежливо осведомилась преподавательница. — Итак, на чём мы остановились?

— На третьем пункте с древесным огнём! — твякнул рыжий. А его телохранитель утвердительно затряс головой.

Дальнейшее Сашки не касалось, поэтому она только зорко следила за тем, как студенты работали на этом занятии. Всё тихо и мирно. Мелькнувшая мысль, не клеится ли Доран к Кэйтрии, угасла, когда девушка что-то начала делать неправильно, а он остановил её довольно раздражённо. И далее он вёл себя с нею только деловито, хоть и помогал во многом, поскольку разок обмолвился, что многого она не знает, довольно часто пропуская практикумы... И, только пару раз словив его изучающий взгляд на себя, Сашка начала подозревать: он думает, что она при Кэйтрии — то же самое, что громадина-телохранитель при рыжем мальчике. "Что ж, — мысленно пожала она плечами, — хочется ему так думать — в сущности, он прав. Сделаю всё, лишь бы Кэйтрия училась!"

Четвёртая глава

Сначала Сашка ломала голову, как бы узнать, что же такого в городе случилось и чего точно надо остерегаться, если даже в университете объявили чрезвычайное положение, но потом наблюдение за практикумом заставило её переключиться на урок.

Неизвестно, как проходили другие практикумы, но этот имел определённую цель. Студенты должны были провести уже усвоенные магические ритуалы с заклинаниями, одновременно следя за выполнением их в пространстве. Когда Сашка поняла, что они все: и студенты, и преподавательница — ещё и видят иначе, она подобралась так, чтобы слиться со стеной. А вдруг кто-то посмотрит на неё и поймёт, что телохранитель Кэйтрии не пацан, а девчонка?.. Но в процессе занятия выяснилось: чтобы видеть, первокурсникам надо войти в определённое состояние. А оно достигается довольно-таки напряжённым усилием. Так что тратить это состояние на то, чтобы с какой-то радости внимательно обозреть пацана из Нижнего квартала, никто и не думает.

Урок шёл своим чередом: получив задание на стол, микрогруппа выполняла его самостоятельно. Как поняла Сашка, все они делали то, что уже стало для них привычным, поскольку каждый занимался своими предметами, принесёнными для практикума. Итак, задание простое: каждый студент должен увидеть и записать, какой рисунок оставляют в пространстве магические силы, чтобы появился нужный результат. Так что студенты увлечённо сыпали на лабораторные тарелки смеси трав, камни, песок, ещё какую-то мелочь. Смешивали в определённом порядке. Затем, проговорив заклинание, пристально следили за чем-то невидимым, слепо уставившись в ничто. Сашка хмыкнула и втихаря тоже попыталась что-то увидеть. А вдруг и у неё магические силы есть? Облом! Там, где Кэйтрия старательно пальчиком водила по воздуху, а потом поспешно записывала увиденное в тетрадь, Сашка видела пустоту — и ничего более! Правда, временами ей казалось, что она видит нечто мерцающее, но, возможно, это порхали в воздухе крупинки магической смеси.

Вообще, насколько поняла Сашка, этот практикум похож на углубленное изучение того, что усвоено первокурсниками ещё до университета. Типа, писали же раньше: "Мама мыла раму". А теперь пишут: "Счастливая мама быстро и с удовольствием мыла большую раму". Правда, было кое-что выученное и в первые месяцы семестра: Доран то и дело шипел на Кэйтрию, что она чего-то не знает, потому что прогуливала. А спохватываясь, то и дело оглядывался на её телохранителя: не вспыхнет? Не полезет защищать подопечную? Но Сашка сидела смирно. Встревать в дела учебные не хотела. Здесь Доран прав.

Поэтому же она, пользуясь случаем и свободным временем, принялась изучать группу Кэйтрии. А чего время впустую тратить?

Две девушки-эльфы сначала привлекли её внимание тем, что они, каждая за своим учебным столом, явно заправляли лабораторной работой, а остальные им вполне доверяли. Отличницы? Одеты не так и броско. Те же плащики, что у Кэйтрии. Только они их как-то так изменили, так что эти плащи выглядели приложением к платьям, но никак не самостоятельной верхней одеждой. Пара пуговиц сверху расстёгнута, короткий мех воротников наружу — вот и накидка. Сашка притаённо вздохнула: у Кэйтрии, к сожалению, такое не пройдёт. Нет, она тоже в своём плащике. Но по ней и видно, что это именно старенький плащ, а не накидка, которая при работе не должна мешать. А девушка хоть и засучила рукава, но это именно что засучила, а не расправила наружу широкие манжеты —

красивую меховую оторочку. На Кэйтрию обе посматривают свысока, но, кажется, обе считают ниже своего достоинства общаться с нею. Обе девицы блондинки — и цветочки: стоят — на вид такие изящные и хрупкие, что не дотронься — типа, хрустальные, разбиться могут. "А Кэйтрия всё равно красивей их!" — подумала Сашка.

Рыжий мальчик чуть что — нервно подпрыгивает от нетерпения, но, видимо, здесь к его повадкам привыкли. Или ему прощают, потому что на его бархатном камзолчике, на груди, подвешенный на тонкой золотой цепи, посвёркивает камень-подвеска, а тонкие и странно длинные пальцы рыжего, унизанные перстнями, купаются в переливчатом разноцветье драгоценных камней. Его телохранитель, неспешным движением и более чем странной фигурой похожий на толстого, даже перекормленного крыса, не обращает внимания на Кэйтрию с того момента, как убедился, что она принесла необходимые предметы для урока.

Тип-мурлыка, как решила Сашка, трудней всех воспринимал магические линии, которые должен видеть. Нет, он явно видел, потому как время от времени, как Кэйтрия, пытался водить по этим линиям толстым (и — Сашка глазам не поверила — покрытым шерстью!) пальцем. Но эти линии почему-то сбегали от него, как он разок в сердцах выругался, — и тогда мурлыка явственно рычал на низких нотах, выражая недовольство, а круглые серые глаза сужались и горели опасной призрачной зеленью. Последнее, правда, никого не смущало и не заставляло бросить лабораторную работу.

Тощий чёрный тип, в чёрном костюме в облипочку, изучал пространство то ли узкими, то ли сощуренными глазами, которые постоянно округлялись в изумлении, словно студент и не ожидал увидеть предстоящего перед ним. Двигался он вкрадчиво и с ленцой. Но, когда за его спиной тихонько, чтобы никому не помешать, попытался пройти эльф-красавчик, чёрный тип взвился так, будто собирался прыгнуть на стол. Правда, тут же пробормотал что-то вроде: "А, это ты..." и успокоился. На его прыжок тоже никто особого внимания не обратил. Оглянуться — оглянулись, но лица всех приняли то же выражение, что и у него: "А, это ты...", и группа тут же забыла об инциденте, занимаясь практической работой.

Эльф-красавчик заинтересовал Сашку мгновенно, как только она более или менее освоилась с процессом урока и запомнила других студентов. Нет, она заметила, что студенты здесь разновозрастные. Тот же Доран наверняка старше, например, Кэйтрии. А рыжий мальчик... Ну, мальчик он и есть.

А вот эльф, мало того что был взрослей всех студентов группы, так ещё и магию явно знал гораздо лучше. Или он был талантливей всех? Ведь он просто смотрел в пространство сразу после произнесённого заклинания и тут же записывал результат увиденного в тетрадь. "Придём домой — надо будет порасспросить Кэйтрию обо всех", — решила Сашка. Ещё она заметила, что Гарбхан часто следит именно за Кэйтрией и злобно кривится, не умея скрывать свои чувства, если она мельком, да взглянет на его подопечного. Кстати, именно по этим взглядам Сашка и поняла, что поэтичные строки на листочке относились именно к эльфу-красавчику. Кажется, Гарбхану не хотелось, чтобы на любовном фронте подопечного появились проблемы.

Но есть ли у Кэйтрии вообще шанс? Вон как собственнически смотрят на него другие две девчонки-эльфушки! Сашка ухмыльнулась: "Стоило понять, что все они охотятся на одну дичь — и девушки превратились в девчонок!" А потом спросила себя: "А тебе? Хотелось бы, чтобы этот красавчик проявил чувства к Кэйтрии?" И покачала головой в ответ на мысленный вопрос. Если эти двое начнут общаться, проблем будет столько, что в них утонуть можно. А ей это надо? Нет. Ей, Сашке, хотелось бы спокойно жить, охраняя

девушку. Хотя бы некоторое время, пока оглядится в этом мире.

Кстати, о птичках. Когда красавчик эльф подошёл к преподавательнице показать свою тетрадь с выполненным заданием, Сашка вдруг сообразила: интересно, а орк в телохранителях — это дорого или как? Невольно перевела взгляд на двух могучих богатырей, охранявших девиц-эльфов. Оба одеты довольно представительно. Явно не нанятая университетская охрана. Заинтригованная, Сашка уставилась на красавчика, попыталась проанализировать его одежду и пришла к выводу: орк — дешевле! На темноволосом эльфе, судя по бархатистым вставкам в камзоле, достаточно богатая одежда. Но она, как и у Кэйтрии, потрёпана от долгого ношения. Хм. Из разорившихся или ещё каких, недавно богатеньких? Если красавчик из умников, Кэйтрии с ним точно не светит. Девчонки-эльфы для него предпочтительней. Ну, в смысле — дела денежные поправить. Сашка не то чтобы осуждала, но реалисткой была. По жизни...

И встрепелась, не сразу сообразив, что проморгала движение рядом... Телохранитель — тоже мне!..

Преподавательница подошла к столу Дорана и Кэйтрии. Те пододвинули к ней свои тетради. Та вникла сначала в записи Дорана и довольно кивнула. Затем взяла в руки тетрадь Кэйтрии, внимательно всмотрелась и подняла голову:

— Прекрасно, леди Кэйтрия. Вы сдадите зачёт — при таком старании и далее.

"Йес!" — Сашка радостно сжала кулаки.

Теперь, когда довольная девушка-эльф села за стол, тихонько разговаривая с Дораном, Сашку заинтересовал её собеседник. Несмотря на его взъерошенные чёрные вихры, Дорану где-то чуть за двадцать. Он без телохранителя. Интересно — здешний?.. Любопытство быстро угасло. Скоро звонок с урока. Надо бы подумать, как и где загнать трофейный кинжал и за сколько. Пора допросить Кэитрию о здешних расценках и вообще о здешней валюте. А пока... Сашка коварно приподняла уголки губ в намёке на ухмылку и не спеша вынула из рюкзака кинжал — так, чтобы он был виден только Дорану, сидевшему с края от стола.

Расчёт оправдался. Доран, лениво говоривший с Кэитрией, заметил, что её телохранитель с чем-то играет, переворачивая предмет со стороны в сторону, и тут же метнулся к Сашке. Та не стала скрывать "игрушку", и Доран принял из её рук оружие, с восхищением разглядывая его клинок и рукоять.

— Неплохой ножичек, да? — небрежно заметила Сашка, пряча ухмылку. — Интересно, сколько в лавках за него дадут...

— Не меньше пятнадцати золотников, — твёрдо сказал Доран и с сожалением добавил: — Я бы и сам такое взял... Откуда у тебя кинжал?

Тут уж Сашка ухмыльнулась в открытую.

— Гарбхан подарил!

Вместо того чтобы недоверчиво и насмешливо проехаться по её худосочности для такого дела, Доран резко схватил её кисть и повернул. Сообразив, что он ищет, Сашка не стала вырывать ладонь из его рук, да ещё для удобства разглядывания сжала пальцы. Может смотреть сколько угодно: подушечки на сгибах пальцев, на костяшках кулаков, жёсткие — до сухости, чуть не до мозолей. Так что Доран, удивлённый, отпустил руку Сашки, наверное всё же поверив в "подарок" орка.

— А почему сам не купишь? — поддела Сашка.

Тот с каким-то превосходством приподнял бровь.

— Мне хватает того, что уже есть.

И уже привычно резко встал, чтобы уйти. "Какой ты у нас порывистый!" — фыркнула она ему вслед...

Короткая перемена застала Сашку врасплох: она хотела узнать у Кэйтрии, нет ли в городе газет, из которых можно выяснить обстановку, а то и просто спросить у неё об этом... Но Доран не собирался оставлять девушку-эльфа в покое. Растерявшись, Сашка не сразу сообразила, что Доран схватил Кэйтрию за руку и буквально потащил её к выходу из кабинета, ещё и оглянувшись на Сашку: мол, что сидишь зря, телохранитель?.. Пришлось бежать следом. Но, когда она увидела, куда привёл девушку "порывистый", она снова хмыкнула. Не надо читать над дверью единственное слово, достаточно заметить в помещении стеллажи с книгами — библиотека! А рядом... Ух ты! Два каких-то мраморных постаментов в виде прямоугольных урн, из которых торчит... Да ладно! Неужели газеты?! Сашка воровато огляделась и, проходя мимо мраморных постаментов, тихом-молчком выдернула из них по одной газете — толстые обе, между прочим. Ага. Будет чем полезным заняться на втором уроке практикума и на последней лекции! И переводами, и получением информации!.. А то с этим порывистым типом заскучать можно — в каждую дыру лезет! Всё ему, видите ли, любопытно!

Сунув газеты в рюкзачок, который не снимала, Сашка вошла в библиотеку.

Кэйтрия стояла и расписывалась за две книги, которые Доран немедленно отдал её телохранителю. Да ещё заявил:

— Не забудь проследить, чтобы она выучила то, что прогуляла!

Сашка только рот открыла, а он уже смылся.

Вторая половина практикума прошла в вопросах и ответах. Для начала преподавательница, леди Онора, объяснила возникновение ошибок в практических работах, а потом принялась гонять группу по терминам, причём не соединив микрогруппы, так что получилось небольшое соревнование, которая из групп выиграет. Она даже на доске расписала примитивную табличку, сколько баллов и какой стол получит за верный ответ. Сашка посчитала это не совсем правильным. Микрогруппа-то Кэйтрии — всего два человека! Но, когда микрогруппники почуяли, что между ними проходит настоящий турнир, первым вскинулся Доран. И ох каким азартным он оказался!.. Микрогруппа эльфа-красавчика победила. Но с разницей в балл, на который Доран ещё и поворчал, и Сашка согласилась с ним: Кэйтрия подтвердила, что не зря поступила в университет, успев-таки пару раз ответить быстрее, чем сосед, а в группе эльфа отвечал только сам красавчик. И Сашка, между прочим, втихаря перехватила его одобрительный взгляд на девушку-эльфа. И сама распереживалась: и хочется, чтобы эти двое сдружились, и колетса, что ей самой придётся плохо из-за дурацкой ситуации. Ладно, хоть Кэйтрия этого взгляда не заметила.

Учебный день заканчивался лекцией. За столом на верхнем ряду сели так же, как недавно: Сашка, Кэйтрия, за ней — Доран, который почему-то решил взять шефство над девушкой-эльфом. Кэйтрия беспомощно посмотрела на Сашку, а та пожала плечами и прошептала:

— Терпи. Потом что-нибудь придумаем.

На время перемены перед лекцией Доран куда-то убежал, оставив свои вещички, и Сашка быстро отдала Кэйтрии последними печенья и остатки сока. Сама отказалась:

— Уж пару часов до твоей каши потерплю, а тебе учиться надо! — И осторожно спросила: — Кэйтрия, а где ты раньше сидела во время лекций?

Девушка-эльф кивнула на первый ряд. Сашка приподняла бровь. Всё ясно. Гарбхан отгонял её от красавчика-эльфа, потому что нагляделся, как Кэйтрия засматривается на подопечного. Видимо, тоже хотел, чтобы красавчик учился, а не шуры-муры разводил.

Когда Доран вернулся со звонком, успокоенная и даже повеселевшая после второго завтрака Кэйтрия готовилась к лекции, успев прочесть для Сашки заголовки на центральной странице свежей газеты: "Неутешительные новости: королевская семья продолжает скрываться от чёрных шаманов!", "Следствие по делу о трагедии в королевской семье: убийца младшего принца не найден!", "Особое положение в городе введено с сегодняшнего дня: магический департамент и городская полиция предупреждают, что вечером, после захода солнца, городские улицы становятся опасными для жизни прохожих!", "Мэр города напоминает о введении на вечерние улицы полицейских и военных патрулей".

— А во сколько начинает темнеть? — негромко спросила Сашка.

— После четырёх, — ответил Доран, который чуть не лёг на стол, чтобы слышать их беседу. — Хотели погулять?

Девушки промолчали. Они хотели сбежать в комиссионку, то есть в лавку менялы, чтобы за кинжал Гарбхана получить деньги, а потом купить самое необходимое из еды и нитки для Кэйтрии: та обещала вязать салфетки, которые Сашка потом будет относить в меняльные лавки. Плюс из этих денег надо оставить для лавочки при университете, откуда они взяли в долг предметы для практикума. Процентов там не брали, но долг выжидали только три дня. А перед этим сразу после лекции надо ещё раз заскочить в библиотеку и взять книгу бытовой магии, чтобы найти там всё, что поможет выжить там, где вороватые слуги. И ведь ещё надо разыскать такую. Хотя здесь, может, библиотекарь поможет?.. Ни фига себе — студенческая жизнь! Сплошная беготня!

А ещё... Что такое чёрные шаманы и с чем их едят?!

Сашка с сомнением покосилась на Дорана: спрашивать — нет ли? Посмеётся ещё. Мол, телохранитель, а насущных проблем не знаешь! Или наплевать на издёвку, которой ещё, может, и не будет? Главное ведь — безопасность Кэйтрии. И её собственная, Сашкина, страховка, что она сумеет устроиться в этом мире.

Но во время лекции растерялась. Спрашивать у Дорана во время урока? Вон он как пишет... Оставила вопрос на время короткой перемены. Но со звонком тот буквально вылетел из-за стола и умчался куда-то. Сашка только головой покачала: что ж он постоянно бегаёт-то? Нормально ходить не умеет?

И что теперь делать?

И тут Сашка додумалась. Нельзя спрашивать у Дорана. Любые глупые вопросы телохранителя могут списать на то, что он из Нижнего квартала. Но не вопрос о чёрных шаманах, если ты притворяешься горожанином. Ведь в таком случае об опасности знают все — хотя бы понаслышке. Ладно, придётся расспросить Кэйтрию. Хоть что-то же она знает об опасности на улицах!

— Кэйтрия, кто такие чёрные шаманы?

Кэйтрия глубоко вдохнула и ответила:

— Наш король укреплял наше государство, прибавляя к королевству другие земли. Расширял наши собственные. Но полгода назад его всадники добрались до земель крайнего предела. Они почти пустынные. И там живут дикари. Его величество хотел сделать их своими подданными. И вроде сначала всё было хорошо. Дикари покорились и... не возражали против присоединения своих земель к нашим. И начали... — Кэйтрия прикусила

губу. — Они начали сами наезжать к нам и потихоньку оставаться здесь. А вместе с ними и их шаманы. Их земли были очень тощими. Дикарям понравились наши плодородные земли. Король предложил им на заселение королевскую окраину, но шаманам захотелось жить близко к городу. Или в самом городе. И тогда... Тогда началась смута. Шаманы наслали на королевскую семью проклятие. Придворные маги сумели уберечь короля. Но тогда шаманы напоили какого-то человека (не своего дикаря!) своими снадобьями, дающими сладкий сон наяву, и послали его убить принца Риана.

— Это он младший? — спросила Сашка, внимательно слушавшая. — Но почему младшего?

— Предупреждение, — вздохнула девушка. — Потом они обещали добраться до старшего — до наследного принца Рордана.

— То есть они хотят жить в городе?

— Да. Они хотят выстроить в городе свои храмы и осесть тут.

— А почему их называют чёрными?

— Когда они появляются для своих тёмных дел, наступает дождливая ночь, — поёжилась Кэйтрия. — А тёмные дела они совершают часто.

— Почему? — уже догадываясь об ответе, всё же спросила Сашка.

— Они хотят, чтобы в городе никто не чувствовал себя в безопасности, — торопливо закончила девушка-эльф, бросая взгляд вниз: там появился шустрый Доран.

"Это называется террор. Чтобы надавить на короля", — подытожила Сашка, наблюдая, как легко бежит навверх вихрастый парень с чёрной татушкой на щеке.

— Кэйтрия, а если власти знают, что принца убили чёрные шаманы, почему в газете пишут, что следствие не закончено? — поспешно спросила Сашка.

— Я думаю, — прошептала девушка ей в ухо, — власти не хотят, чтобы горожане думали, что полиция не справляется с беспорядками в городе.

— Про меня шепчется? — бесцеремонно спросил Доран, шлёпаясь на скамью рядом с Кэитрией.

— Ага! — откликнулась Сашка. — Слышь, Доран, а где здесь поблизости меняльные лавки есть? Ну, чтобы кинжальчик Гарбханов загнать?

— После лекции, — непреклонно сказал Доран.

Но преподавателя всё нет и нет, и Сашка снова откинулась на спинку сиденья, выглядывая одноклассника Кэитрии. Нет, он явно старше того возраста, который она сначала определила как "чуть за двадцать".

— Эй, Доран!

— Что?

— А ты где учился до университета?

— С чего ты взял, что я ещё где-то учился? — Но девушка-эльф тоже с любопытством уставилась на него, и Доран с неохотой сказал: — Частная школа. Всё, хватит!

И лекция началась.

После неё Доран, как и обещал, подробно объяснил Кэитрии, где найти лавку менялы, и снова усвистал так быстро, будто боялся, что его ещё о чём-то спросят.

— Чего он так бежит? — с недоумением спросила Сашка, глядя ему вслед.

— Мне кажется, он где-то подрабатывает, чтобы оплатить учёбу в университете.

— А ты? — с внезапно проснувшимся интересом спросила Сашка. — Ты платишь?

— За меня родители заплатили сразу за весь год. Но мне легче. Эльфам всегда даётся

поблажка при обучении.

— Почему?

— Мы рождаемся уже с магией в крови, а у людей бывает всяко.

"Так-так... За обучение, значит, беспокоиться нечего. А деньги на всё остальное? То, что родители ей дали с собой, стащили слуги, пока её не было во флигеле, но... Студенты могут заработать? Но как? Хорошо — Кэйтрия вяжет. А если можно ещё чем-то? Дома поспрашиваю... Эх, столько вопросов!" Зато теперь к "порывистому нашему" Сашка почувствовала уважение: и работает, и учится! Неудивительно, что он привык бегать даже в университете.

— Ладно, — пробормотала Сашка. — Кэйтрия, у нас до темноты часа два. Давай-ка тоже побежим, а то ничего не успеем!

— Побежим, — повторила девушка-эльф, заворожённо глядя на дверь из аудитории, в которую выливалась небольшая струйка их группы.

Покосился снизу Гарбхан, и Кэйтрия отвернулась. Сашка промолчала, что именно в тот момент, когда она отвернулась, наверх взглянул эльф-красавчик. Только отметила для себя, чтобы по дороге в лавку Кэйтрия рассказала ей обо всех своих одноклассниках.

А пока они собрались и побежали в библиотеку. Им повезло: в почти пустом помещении работали два библиотекаря. Один тут же занялся Кэйтрией, и та промямлила, что ищет для бедной подруги книгу, в которой есть магические заклинания и ритуалы для дома с вороватой прислугой. Библиотекарь понимающе кивнул и ушёл между рядами книг и книжищ. Сашка облокотилась о стойку и с завистью посмотрела на книжное богатство. Придётся постараться и побыстрее выучить письменный язык Кэйтрии. Интересно, а есть здесь книги про всякие приключения?

Вернулся библиотекарь и сгрузил на стойку тяжеленную стопу из пяти-шести книг. Кэйтрия быстро просмотрела содержание и попросила записать две книги из предложенных. Затем Сашка молча забрала эти две книжищи довольно солидного размера в свой рюкзачок, и они, довольные, что не пришлось долго возиться хотя бы с этим, побежали в лавку-комиссионку.

Повезло, что Кэйтрия уже неплохо знала окрестности вокруг университета и по ориентирам Дорана быстро нашла ту лавку. Поболтать по дороге к ней Сашке не удалось.

Нужный магазинчик находился в ряду других лавок. И Кэйтрия сказала, что за некоторыми продуктами можно будет заскочить сразу после комиссионки, чтобы не бегать далеко, теряя время даром. Сашка открыла дверь, и девушка быстро вошла в лавку.

Лавочка оказалась такой интересной, что Сашка просто рот открыла, едва прошагав пару шагов вовнутрь. Такого развала вещей она ещё никогда не видела! Когда глаза перестало слепить пестротой и разнообразием, она наконец додумалась до вопроса:

— Кэйтрия, а почему всё свалено вот так? Покрадут всё!

— Что ты! — оглянулась та, оживившаяся при виде лавочного добра. — На все сданные вещи сразу ставят магические метки. Если взял любой предмет и сделал шаг к двери, предмет тут же начинает свистеть! Пойдём, покажу, где принимают вещи.

Она довела Сашку до прилавка с хозяином или его продавцом, а сама поспешила к витринам, где, видимо, были выставлены вещи дорогие.

А Сашка, убедившись, что продавец понял — перед ним телохранитель, вынула кинжал и, слегка растягивая слова, лениво спросила:

— Берёте такое?

Продавец принял оружие бережно и с видом знатока осмотрел его.

— Сколько желает мастер охраны?

— Двадцать, — так же с ленцой ответила Сашка.

— Но добрый мастер охраны наверняка понимает, что цена этой вещи — шестнадцать золотых от силы, — мягко заметил продавец.

Сашка замерла, чтобы он не заметил её ликования: Доран сказал — пятнадцать! А тут... Значит, можно поторговаться!!

— Уступлю один золотой, — чуть не мурлыкая, сказал она, стараясь, чтобы продавец не расслышал звенящих радостью ноток в голосе. — Мне эта штучка досталась в трудном бою. Орк был силён и громаден.

— Мастер охраны наверняка понимает, что в торговле имеет значение только ценность самой вещи, — деликатно заметил продавец. — Я могу добавить пятьдесят серебрушек. Не более.

Сашка ухмыльнулась.

— Прекрасно. Я могу сбавить пятьдесят серебрушек. Восемнадцать пятьдесят.

— Мастер охраны умеет считать, — одобрительно сказал продавец. — Но...

— Ровно семнадцать — или я иду в другую лавку.

Продавец повертел кинжал в руках, наполовину вытащил его из ножен, чтобы в свете посмотреть, как бликует лезвие.

— Мастер охраны прав. За это оружие он может получить семнадцать золотых, — признал продавец и отсыпал на прилавок нужное количество тяжёлых монет.

Пытаясь не разулыбаться от радости прямо перед торговцем, Сашка тщательно посчитала монеты и припрятала их в карман толстовки. Карман был длинный, а толстовка пряталась под курткой, так что она не боялась, что может потерять деньги. Решив, что о торговле с продавцом она расскажет Кэйтрии уже дома, она поспешила к девушке-эльфу, которая застыла перед витриной с мелкими вещичками. Когда Сашка встала рядом, она с огромным удивлением обнаружила, что подопечная любуется маленькими, в размер обычной открытки, картинками с милыми девичьими лицами. Чем-то эти картинки напомнили Сашке работы французского художника Ренуара — те же безмятежные милые лица, выписанные нежно и чуть идеализированно.

— Нравится? — спросила Сашка.

— Конечно! — выдохнула Кэйтрия. — Ты знаешь, что это?

— Ну... Нет, не знаю. — Про себя Сашка решила: пусть лучше подопечная сразу объяснит, что к чему, чем выяснять в долгих беседах.

— Это магические картинки. Они дарят покой и счастье, когда человек расстроен или подвержен долгому хмурому настроению.

— А я думала — портретики, — удивилась Сашка.

— Ну, это и правда портретики. Их рисуют лучшие художники, а потом приносят в лавку, и здешний маг насыщает их силой, которая делает эти картинки просто волшебными! Как бы я хотела!.. — Кэйтрия оборвала себя на полуслове и вздохнула: — Они прекрасны... Неужели ты не чувствуешь, что даже сейчас они испускают силу, чудесно действующую на нас?

С улыбкой глядя на мечтательное лицо подопечной, Сашка сказала:

— Значит, теперь мы будем богаты и счастливы!

— Почему? — теперь удивилась Кэйтрия.

— Потому что такие картинки могу нарисовать и я.

Оторопевшая девушка только смущённо улыбнулась, и Сашка уверенно сказала:

— Придём домой — расскажу всё. А пока поторопись — нам надо успеть ещё в несколько лавок — затовариться. Не забывай, что времени на всё про всё маловато. Темнеет уже.

И они побежали. Благо что все нужные им лавки оказались в том же ряду, девушки закупили самое необходимое, что пригодится именно сейчас и наутро. С тратой денег решили не спешить. Поэтому в одной лавке взяли нитки. В другой — продукты.

И на выходе из продуктовой лавки Сашка совершила ошибку. Как телохранитель. Она пропустила мимо себя Кэйтрию на улицу. Перешагивая порог, ещё удивилась: неужели они так долго были в этой лавке, что уже настал вечер — настолько тёмный, что в нём исчез свет даже ближайших уличных фонарей? А в следующий миг в этой плотной тьме отчаянно закричала Кэйтрия.

Но её крик мгновенно смолк, сменившись быстрым и жалобным: "Ах!.. Ах!.."

Сашка ошалело шагнула ещё раз, видя перед собой смутную вертикальную полосу и помня — где-то там, в уходящей реальности, что это подопечная. А потом полоска задёргалась в разные стороны, постепенно пропадая в съедающей её тьме — вместе с болезненными вскриками Кэйтрии. Чисто на инстинктах, помня, где должна быть девушка, Сашка прыгнула вперёд, вбросила руку куда-то в темноту. Пальцы стукнулись в мягкое и вцепились в дёргающуюся ткань. А потом Сашка просто выдернула Кэитрию из темноты и сильно толкнула её за себя, мимолётно удивляясь, почему она такая тяжёлая.

Нога будто сама пнула какую-то дрянь, вцепившуюся в подол плаща подопечной, и Сашка учуяла, как что-то живое, но не очень ловкое свалилось во тьме — совсем рядом.

Но другие живые не свалились, не отпрянули, а навалились все вместе, и от первого укола, болезненно проткнувшего ногу, Сашка вскрикнула сама. А потом... оставалось только подпрыгивать, слепо всматриваясь, где же враг. А врага — слишком много. Уколы тонким лезвием ли, шилом ли — цыганской иглой, похожим ли на них иным оружием посыпались один за другим. И все в основном — в ноги. Невозможно было сосредоточиться на враге потому ещё, что рядом кричала и ахала от боли Кэйтрия, пытаюсь шарахнуться подальше, а подальше не получалось, так как низкие невидимки быстро оттеснили свои жертвы от спасительной двери в лавочку. И в этой суе и темноте Сашка ничего не могла придумать, потому что мгновенная страшная боль лишала возможности соображать.

Но уколов было столько, что вскоре боль притупилась, а тело, как ни странно, стало чувствительней к происходящему в темноте, хлещущей холодными струями дождя.

Первая мысль — враги бьют снизу!

"Чулок с камнем бы мне!" — промелькнула мысль.

Ассоциативное мышление быстро подсунуло замену. Сашка быстро повела плечом, избавляясь от лямок рюкзака. Два быстрых движения — чуть спотыкающихся от старания сделать быстрее: расстегнула застёжку на лямках и тряхнула рюкзак, держа его за эти же лямки, чтобы удлинить. Пнула ногой нечто подбиравшееся под покровом тьмы — его не увидела, но почуяла, превратившись в дикого зверя, чья шерсть дыбом и отзывается на любое шевеление вокруг. Сильный замах — и рюкзак просвистел круг, в центре которого стояли две девушки. Тяжёлый от набранных продуктов, он ощутимо врезал по живому — одному, другому, третьему. Известные гадики зашипели и поневоле отступили — на секунды, в которые пытались сообразить, что же произошло и с чего бы это некоторые из них резко отлетели. Эти секунды Сашка использовала, чтобы сунуть рюкзак в живот стонущей Кэйтрии — уже больше не от боли, а от страха.

— Беги в магазин! — завопила Сашка, пятясь и отбиваясь от низеньких и неуловимо стремительных теней, которые в вечерней тьме копошились вокруг, то и дело нанося по ногам уколы каким-то тонким оружием, вроде длинной иглы. Всё тем же звериным чутьём она сообразила, в какой стороне лавка — невидимая во тьме и дожде громада четырёхэтажного дома нависала над ними, и добавила, толкнув Кэитрию в нужную сторону: — Беги туда!

А сама подумала: "Как — беги? Как ей бежать с такими ногами?"

Но, кажется, Кэйтрия выполнила приказ: вскоре за спиной мелькнул свет (она

вбежала?) и пропал (закрылась дверь?). Если дверь и хлопнула, Сашка уже не услышала: на землю снова упал такой ливень, что его грохот заглушал всё на свете.

Несколько шагов до двери. В полной темноте. В молчании оторопевших существ, которые только что поняли, как их обыграли.

Шаг. Другой... Только Сашка дёрнула руку к двери, как сбоку на неё налетели и ударили так, что она упала и покатилась в сторону, закрывая лицо, в которое множество невидимок целили бить ногами. Тогда она сама, напрягшись, с силой откатилась подальше по мокрым булыжникам, чтобы выиграть время и встать на ноги.

А потом включилась адова вечность: она подпрыгивала и била ногами по едва замечаемым мельтешащим теням — и время от времени в кого-то попадала, судя по оханью и ответному рычанию. Если только тени становились выше, с неё ростом, она пускала в ход кулаки — особенно правый, с кастетом. И пару раз ударила так удачно, что прочувствовала, как врезала в живое и поддающееся, — и расслышала (кожей!) треск ломающихся костей, отдавшийся в собственных костяшках крепко сжатых кулаков. В ответ шипели так, что сердце радовалось, а резко возросший адреналин помогал крутиться ещё быстрее.

Но непрестанно тыкающая и будто вспыхивающая огнём боль в ногах требовала уже не только хромать, но и сбавлять темп обороны: кровь сочилась из них, заставляя ноги тяжелеть, хотя поначалу Сашка предполагала, что ноги становятся неповоротливыми из-за намокших под дождём штанов... Сашка пятилась к дверям лавки, умом понимая, что уже потеряла направление и, возможно, двигается не к укрытию, а к дороге, где её легко сбить с ног и затоптать... Почему дверь закрыта? Там же знают, что на улице человек! Увидеть бы прямоугольный свет — кажется, и сил бы прибавилось!

И настало мгновение, когда она поняла, что вот-вот шлёпнется... И это её так напугало, что она закричала сама. Всего лишь протестующее: "Нет!!" В следующий момент от удара в скулу перед глазами взметнулись холодные, ослепительно-белые салюты, а пальцы ослабели, онемев... Она грохнулась на холодные булыжники, думая, что это — конец. А ещё — думая, как хорошо, что можно лежать так, не двигаясь... Как только она поняла, о чём думает, как изнутри родилось настоящее рычание, и Сашка напряглась. Но её легко сбили снова на землю, едва она приподнялась на локте, и тогда, разъярённая, она, лёжа, принялась бить ногами всех, кто пытался к ней приблизиться, сама подпрыгивая на земле, как выброшенная на берег рыба, чтобы успеть перевернуться всем телом к тому, кто подходит сзади... Теперь её вело не желание выжить, а огромная обида на слезах и злости: почему никто из той лавки не выйдет на помощь?! Ведь там так много народу!

Но до конца ещё, как оказалось, далеко. Внезапно там, куда она недавно стремилась, вспыхнул сильный свет, просочившийся сквозь тёмный ливень. Сашка, лежавшая скорчившись, чтобы отдохнуть и чтобы не кололи в живот и в голову, потянулась к этому свету. И услышала мелкий бег низких существ — от неё. Одно, очень подлое, пробегая мимо, кончиком своей иглы ударило Сашку по щеке. Девушка вскрикнула от боли, не замечая, как хлынули слёзы.

Ливень затихал, и вместе с его замиранием Сашка расслышала странное. Откуда-то далеко, но быстро приближались к ней люди, которые хором проговаривали странные торжественные слова — одни и те же! Эти слова падали на неё, укрывая, будто зонтом, и не давая мелким убийцам тыкать в неё своими жуткими иглами... А потом она увидела поразительное: вместе с людьми, которые читали заклинание, чуть впереди них, по воздуху плыли горящие свечи! Они плыли величаво и уверенно, а добравшись до Сашки, опускались

на мостовую, образуя круг вокруг лежащей девушки. Дождь отступал от гордо покачивающихся огненных лепестков, и Сашка, задышавшись от впервые испытанного чувства невероятной гордости, злая, как сто чертей, всем телом перевернулась на живот и оперлась руками в булыжники, чтобы встать. Боль полыхала в ногах, не давая подняться, а Сашка плакала со злости и всё старалась встать. "Хоть не валяюсь!"

Несколько людей, шедших, не прекращая проговаривать заклинание, остановились, но Сашку не смутило то, что они возвышаются над ней. Она у их ног... ситуация не умаляла её — подспудно она понимала это... И несколько не удивилась, когда какой-то мужчина нагнулся и легко поднял её на руки. И несколько же не возражала, хотя мельком подумалось: "Они узнают, что я девчонка... Ну и фиг..."

Мужчина с нею на руках повернулся к магазину, откуда высыпала вся толпа магов и эльфов, и вошёл в небольшой коридор, образованный потеснившимися людьми, дружно продолжавшими проговаривать заклинание света — насколько сумела понять Сашка. Она выглянула из-за его плеча: свечи всё ещё вылетали из лавки следом, пока плотно не окружили магов, создавая огненную границу, за которой в отступившей тьме, неровной из-за дождя, мельтешили низкие тени черней той самой тьмы... Дверь закрылась, заглушив беспорядочный хлест ливня по мостовой и домам.

Перед мужчиной с его живой ношей расступались, а потом, когда он прошёл весь магазин, открыли дверь — видимо, в подсобку, потому что здесь было много коробок.

— Оставь его здесь, Гордон, и уходи, — велел женский голос.

Мужчина кивнул и бережно опустил Сашку в глубокое кресло. Она до крови закусил губу, едва всем весом ноги опустились в сиденье. Чем больше расслаблялась в безопасности, тем сильнее жгли множественные уколы.

Мужчины тихо ушёл — она даже лица его не рассмотрела.

— Алекс...

Сашка оглянулась. Кэйтрия сидела в соседнем кресле, а перед ней на коленях стояла женщина и обвязывала её ноги, кажется, бинтами. Во всяком случае, перевязочный материал был белого цвета. Женщина тоже обернулась к Сашке и тут же вдёрнула между нею и Кэитрией ширму. Мокрая и грязная Сашка представила, как она выглядит, и сумела приподнять кончики губ. Потом в помещение вошла ещё одна женщина и занялась ранами Сашки, положив на подлокотник кресла кусок полотна, которым предложила Сашке самостоятельно обтереть мокрое лицо и волосы... Дальше было больно, смутно, не совсем понятно, потому что дали выпить горьковатый чай, противный и едва тёплый, хотя сильно хотелось горячего: даже в тёплом помещении холодная, облепляющая разгорячённое тело одежда давала о себе знать. Но и этот чай Сашка выпила жадно и быстро — хоть чуточку тепла! Главное, что боль, когда чай был допит, внезапно исчезла. Сашка даже попыталась встать на ноги, на которые ей страшно было смотреть — настолько они, отмытые от крови, выглядели жутковато, но женщина-эльф, которая возилась с нею, покачала головой.

— Рано. — А потом, когда ноги ей перевязала, смазав перед тем какой-то терпкой мазью, вдруг нахмурила брови: — Ты... девушка?

Сашка переглянулась с затаившейся Кэитрией и быстро опустила глаза, когда из-за ширмы выглянула ещё и вторая удивлённая женщина, помогавшая её подопечной, — и, откашлявшись, попросила:

— Не говорите никому. Иначе мне работы не найти.

Женщины тоже переглянулись, помолчали, а потом та, что сидела перед девушкой-

эльфом, потребовала:

— Завтрашний день — отлежаться. Обеим. Никакой работы. Никакой учёбы! Вас сейчас довезут до дома и помогут зайти. Боль вашу сняли, но это ненадолго.

— А иглы не были отравлены? — испуганно прошелестела Кэйтрия.

— Слава стихиям — нет. Но вам обеим придётся остаться здесь ещё на пару часов. Раздевайтесь. Возьмите эти покрывала, когда разденетесь. А мы сейчас найдём и принесём для вас сухую одежду и горячего чаю.

— Чё, сразу нельзя было, что ли? — буркнула Сашка, когда дверь за женщинами закрылась и принялась стягивать куртку.

— Чаю? Нельзя, — возразила Кэйтрия. — Надо было выждать хотя бы несколько минут, чтобы обезболивающее средство подействовало.

— Это та горькая дрянь? Кэйтрия, ты как? Очень больно было?

Девушка-эльф приподнялась над креслом, чтобы взглянуть на дверь, не открылась ли. Оставив одежду на полу (в кресло как-то не хотелось эту мокрую грудку бросать), завернувшись в сухое и мягкое покрывало, Сашка перебралась к ней и села у ног.

— Сколько у тебя на ногах проколов?

— Немного. Мне сказали — они били, чтобы я упала...

Вспомнив случившееся, Кэйтрия вздрогнула.

— Я добежала до двери, а она закрыта. Я стучала так долго! Если бы ты не отвлекла их на себя... — Она вдруг всхлипнула. — Один всё-таки добрался до меня и снова уколол. Я хотела закричать, а дверь неожиданно открылась. И я упала в лавку.

Она перевела дыхание, а Сашка снова угрюмо попыталась представить ситуацию: люди в лавке спрятались за закрытой дверью и выжидают — чего? Что двоих, только вышедших, какие-то твари убьют и уйдут? Что потом можно будет спокойно выйти?..

— Встать мне помогли и сразу повели от двери... Я им кричала, что нужно пойти и спасти тебя... А они отвечали, что уже поздно — и ты мертва, что сейчас выходить нельзя. А я разозлилась. — Кэйтрия снова остановила рассказ и нервно рассмеялась. — Разозлилась, как никогда в жизни не злилась. Я схватила свечу и направилась обратно, к двери. Они меня не пускали, говорили, что опасно... Я так плакала, а потом... — Кэйтрия шмыгнула и вздохнула. — Я увидела, как много среди них эльфов... И обозвала их трусами. У них такая сила, а они... И велела открыть мне дверь, чтобы ты увидела свет. И тот мужчина-эльф, который потом принёс тебя... он обратился к другим и предложил с порога попробовать всем вместе произнести заклинание света, чтобы разогнать тьму, а вместе с ней и маленьких убийц. Меня оставили в лавке, а сами вышли, забрав все свечи. И принесли тебя. — Она заплакала. — Алекс, так страшно...

Сашка поняла, что именно — страшно. Она подняла руку, всю в тёмно-синих кругах от кастета вокруг каждого пальца, и взялась за ладошку подопечной.

— Ничего, мы пережили это, — хмуро сказала она. — Надо думать о том, что будет дальше. Та женщина сказала, что нас отвезут и проводят домой. Что делать? Твоя тётя узнает обо мне.

— Я попрошу, чтобы нас оставили у калитки, — успокоила её Кэйтрия, вытирая слёзы. — Но, Алекс, как же ты завтра будешь с этим синяком?

— Продуктов мы набрали, — сказала Сашка. — Книги взяли, лекции есть. Будем сидеть во флигеле и учиться. А потом посмотрим.

— У тебя кровоподтёк, — грустно сказала девушка.

Сашка потрогала скулу и криво усмехнулась, когда пальцы нащупали ещё и глубокую царапину от иглы.

— Вот бы Гарбхан порадовался.

Вернулись женщины с охапками одежды. Сашка, опасавшаяся, что они принесут девчачью одежду, выдохнула с облегчением: ей принесли одежду на невысокого пацана — причём одежду очень тёплую. А когда одна из женщин подняла её штаны и куртку, она вдруг застыла, всматриваясь в неё, и даже пощупала ткань.

— Это очень странная одежда, — задумчиво сказала она, поднимая глаза на Сашку.

— Я очень издалека, — дипломатично и насторожённо ответила та.

— Девочки, мы высушим вам одежду и избавим её от крови, — помолчав, сказала та же женщина-эльф, — но дыры на ней останутся.

— Я почию, — откликнулась Кэйтрия, — я дома часто занималась мелкой починкой.

— Тогда подождите немного. Пока мы возимся с вашей одеждой, на улице постепенно светлеет — и мы ещё увидим заход солнца. — И она покачала головой. — Нас всех предупредили, что чёрные шаманы могут появиться в сумерки, а они эти сумерки вызвали специально. Такого никто в городе не ожидал. Сколько на улицах людей, наверное, гибнет...

— А почему... — начала Сашка и заткнулась: имеет ли она право критиковать? Но обозлилась: почему бы не высказаться? И не совсем логично закончила: — Сумели же меня вытащить с улицы! Так почему никто не придумал, как вообще остановить этих мерзавцев? Предупреждение — это, конечно, хорошо. Но такое впечатление, что городские улицы будут пустеть каждый вечер... И — как долго?

— Милая девочка, полиция и магический департамент ищут возможность избавиться от чёрных шаманов, — кивнула женщина. — Но мы впервые столкнулись с этой напастью. Я хорошо понимаю твоё негодование, но и очертя голову нельзя бросаться на улицы, полные смерти.

— То есть мне повезло, что за меня вступилась Кэйтрия, — угрюмо сказала Сашка. — А кто-то на той же улице сейчас умер, потому что в достаточно светлый вечер шёл домой в одиночестве, положившись на обещание властей.

— Алекс, не надо! — попросила побледневшая Кэйтрия.

А женщины с сожалением взглянули на неё, сидящую на полу, держа подопечную за руку.

— Ладно, не буду, — неохотно отозвалась она, хотя внутри всё кипело. Предупреждение, полиция... И всё? И тут же кто-то внутри спросил: "А ты? Говоришь так, будто уже знаешь, что надо сделать!" Сашка мысленно пожала плечами. "Откуда мне знать... Но я, наверное, идеалистка. Мне кажется, случись такое в моём городе, люди в каждом доме сидели бы, приникнув к тёмным окнам. И, раздайся крик о помощи, кинулись бы на этот крик сразу. Ведь каждый бы знал: не побеги он на тот крик, попавший в беду умрёт! И этот крик, и погибший останется на совести каждого, кто не переступит порог, чтобы помочь! Или... Я идеализирую?"

Пока она размышляла, вместо того чтобы радоваться, что кошмар оказался позади и за крепко закрытой дверью, Кэйтрия потихоньку выбралась из кресла и начала одеваться. Сашка опомнилась и последовала её примеру. Посматривая, какую одежду принесли для девушки-эльфа, Сашка про себя хмыкнула: эта — гораздо лучше, чем та, что была на Кэйтрии. Почему? Женщины решили, что девушка-эльф, как своя, достойна лучшей одежды? Или не поняли, что старенькая одежда дырявая не только из-за уличного нападения? "И

оставят ли нам эти шмотки?" — задалась практичным вопросом Сашка, обглаживая ладонями на ногах чуть ли не замшевые штаны с отличными, глубокими карманами. А уж сапожки... И куртяшник!.. Выше всех похвал!

Кажется, Кэйтрию заботили те же мысли.

— Как мы вернём вам эти вещи? — тревожно спросила она. — Я здесь только учусь и не сумею заплатить за них.

— Я купила вам эти вещи, — мягко сказала женщина-эльф, которая возилась с ногами Сашки. — Вы немало сегодня пострадали, и я подумала, что это будет небольшой компенсацией. Не беспокойтесь. Я могу себе это позволить.

— Но вы нам всё равно оставьте свой адрес, — строптиво сказала Сашка. — Вдруг нам повезёт — и мы сумеем ответить благодарностью на ваш подарок?

— Да! — обрадовалась Кэйтрия. — Пожалуйста!

Пока подопечная выясняла детали, Сашка осмотрелась и нашла свой рюкзак. Быстро открыла и проверила его на сохранность. Как ни странно, но бутылка с соком для Кэйтрии осталась цела. А потом Сашка прислонилась к стене закутка и стала ждать, когда им разрешат выйти на улицу.

Не скоро, но разрешение последовало — вместе с небольшим подарком, с бутылочкой зелья, снимающего боль. И тут выяснилась такая вещь: Кэйтрия, которая сначала рвалась домой, во флигель, сейчас наотрез оказывалась даже выходить на улицу. Она чуть не в истерику впадала, не желая показываться на улице — не страшной сейчас, светло-жёлтой от уходящего на ночной покой осеннего солнца. Смахивая слёзы, она шмыгала носом и говорила:

— Нет, я всё понимаю, но... не могу! Не могу!

Люди в лавке почти все разошлись — видимо, желая до настоящей тьмы оказаться за стенами родных домов. Остались лишь несколько эльфов и магов, которые пытались успокоить девушку и уговорить её хотя бы переступить порог.

Сашка смотрела-смотрела на это безобразие, а потом просто подошла к подопечной и взяла её за руку.

— Не бойсь! Я с тобой! — А когда Кэйтрия, вся в слезах, уставилась на неё, деловито напомнила: — Нас обещали довезти! А это будет быстрее, чем пешком. Ну? Поехали, пока эти не передумали!

— Поехали, — согласилась девушка, прижимаясь к плечу Сашки — к удивлению, мужчин, которые пришли звать их.

Их посадили в шикарную, на взгляд Сашки, закрытую карету и довольно быстро отвезли к забору за домом тёти Кэйтрии.

— Вы уверены, что до дома вас провожать не надо? — спросил мужчина-эльф, сидевший с ними в карете.

— Нет-нет, — заторопилась девушка-эльф. — Видите дорожку? Мы пройдем по ней быстро! И здесь вокруг ограда! Спасибо вам большое за вашу услугу!

Мужчина только улыбнулся и поклонился, а потом крикнул кучеру ехать назад.

Девушки не стали дожидаться, пока карета тронется с места, а быстро пошли по дорожке, побаиваясь, как бы из кухни кто-то не выглянул.

— А если во флигеле кто-то есть? — боязливо спросила Кэйтрия. — Кто-то из прислуги? Как мы объясним твоё присутствие рядом со мной?

— Просто! — отрезала Сашка. — В университете предупредили об опасности. Меня

послали тебя проводить. Шеврон-то на куртке. Всё. По-моему, этого достаточно.

Девушка-эльф торопливо закивала. В последних лучах солнца, которое уже пропало за домами, но ещё освещало всё вокруг, они быстро дошли до флигеля и юркнули в дом, едва открыв замок, подтвердивший, что внутри никого нет. Уже в коридоре Сашка задумчиво сказала:

— Можно закрыться и не бояться, что сегодня кто-то заглянет. Наверняка прислуга уже знает о том, что происходит в городе. Или сбегут домой попустрей, или останутся в доме твоей тёти. Нам с тобой можно бояться лишь одного, что тётя или кто-то вместо неё придёт, чтобы предупредить и тебя. Или... Скорей всего, в доме тёти решат, что тебя предупредили в университете, и высовываться на улицу не будут.

— А как же ужин? — спросила Кэйтрия. — Или будем есть то, что купили в продуктовой лавке?

— Ну нет! Любимую кашу надо забрать! А то эти привыкнут — и в следующий раз тебе вообще ничего не оставят! — рассудила Сашка. — Мало ли что мы себе купили. Завтра-то мы никуда не собираемся. Я поем каши — тебе больше достанется остального. Под моей охраной прямо сейчас не побоишься подойти к дому?

Кэйтрия осторожно подошла к узкому окошечку коридора.

— Светло ещё, — неуверенно сказала она. — И мы — за забором. До двери недалеко.

— Идём, — решительно сказала она.

Действовали по-партизански: сначала Сашка выскочила и помчалась вперёд, а когда она очутилась за дверью в кухню, Кэйтрия вышла и спокойно пошла по короткой дорожке к дому. В дом она дверь открыла легко, из чего Сашка сообразила: слуги считают, что до полного захода солнца и впрямь безопасно. Потом дверь неуверенно открылась, и её пришлось придержать, чтобы нагруженная посудой Кэйтрия вышла сразу.

Сашка ещё успела открыть дверь во флигель, а потом снова крепко-накрепко закрыть, приперев со своей стороны всё той же кочергой.

Девушки поужинали, причём Кэйтрия признала, что Сашка права: от волнения даже она с удовольствием поела подогретой каши, а уж с кусочками сухих фруктов и ягод каша оказалась вообще на высоте. Когда остатки ужина убрали со стола, Сашка потребовала, чтобы Кэйтрия прочитала ей пару газетных статей и объяснила кое-что. Впрочем, ничего интересного в отобранных статьях не оказалось. Так что Сашка заинтересовалась чёрно-белой фотографией на центральных страницах.

— Это кто? — ткнула она пальцем в фотографию, которая одинаково красовалась на обеих газетах.

— Это королевская семья, — объяснила девушка-эльф. — Это старшая королевская чета. Это старший принц со своей женой, а это младшие — принц и принцесса.

— Принцесса тоже убита? — пожалела Сашка хорошенькую эльфиечку, которая держалась за руку брата.

— Говорят, что убили только младшего сына, — вздохнула Кэйтрия. — А всю королевскую семью магический департамент прячет неизвестно где, чтобы чёрные шаманы до них не добрались.

— Ну, про это я помню, — пробормотала Сашка, складывая газеты, но не убирая далеко: собиралась снова заняться изучением языка. — Ты про это говорила. Что сейчас будешь делать?

— Чинить нашу одежду, — удивилась Кэйтрия. — Что ещё?

— Непрактично, — категорически сказала Сашка. — Лучше начни вязать салфетки — дня через два-три продадим, снова будем с деньгами. А одежда подождёт. Как только у нас побольше денег будет — начнёшь чинить. Эту как раз надо будет постирать — вот и переоденемся в чистое, чинёное. Ты как вяжешь? По схемам или придумываешь на ходу?

— Придумываю, — сказала Кэйтрия и поставила на стол рюкзачок, постепенно выкладывая из него другие покупки.

— А тебе не помешает, если я в это время буду спрашивать?

— Нет, не помешает, я машинально вяжу.

— Кэйтрия, расскажи мне ещё раз про картинки. Они правда так востребованы?

— Да, ты же видела, что их там мало. Как только появляются, их раскупают сразу.

— А кого используют в качестве модели? Ну, с кого срисовывают лица?

Кэйтрия улыбнулась, застыв и мечтательно глядя в пространство.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Главное ведь не лица, а то, как они сияют.

Задумавшись. Сашка "увидела" перед глазами старшую сестру. И потянулась за альбомом для рисования и карандашами, в очередной раз благодаря судьбу, что в день, когда она провалилась в этот мир, ей пришлось возвращаться от репетитора. "Ну, Вера, ты будешь моей моделью для первой картинки, — решила она. — А если картинки и впрямь окажутся нарасхват, вспомним картины моего мира. Дед, спасибо, что успел научить меня рисунку. Ты всегда оказывался прав..."

Полчаса они сидели в тишине, подчёркнутой огнём нескольких свечей. Кэйтрия вязала, а Сашка, вспоминая лицо сестры, быстро набрасывала штрихи к будущему портрету, который потом собиралась сделать несколько сказочным, фантазийным, как это увиделось в лавке менялы. Спустя время лицо Кэйтрии из спокойного стало напряжённым. Она встала и налила в две чашки подогретое зелье, снимающее боль. Сашка к этому времени уже кривилась от взывших ног. Нудная боль будто сковала мышцы — раз почудилось даже, что вот-вот начнутся судороги. Поэтому чашку с зельем, слегка колыхавшимся на самом дне, она схватила без слов.

— Завтра боль будет уже не такая сильная, — тяжело дыша, сказала девушка-эльф, ставя свою чашку на стол. — Зелья остаётся ещё на три-четыре приёма, а потом, думаю, мы сумеем пересилить боль и сами... Алекс, покажи, а?

Сашка ворчливо хотела откликнуться: "А я и не прячу!", но оценила просьбу и кивнула на стол. Кэйтрия бережно подняла альбомный лист.

— Ой... — Её глаза засверкали. — Алекс, ты говорила правду! Как красиво!

— Это не "как красиво", — пробормотала та. — Это — "как хорошо иметь сестру-красавицу"!

— Это твоя сестра? — поразились Кэйтрия и жалостливо посмотрела на Сашку. — Ты... скучаешь, да?

— Не совсем. — Она забрала у подопечной рисунок и критически взгляделась в лицо. Вера словно улыбнулась ей, и Сашка расслабилась. — Она же замужем. Так что виделись мы редко... Я попробую думать, что мы просто расстались на неопределённое время, но, может, когда-нибудь...

Она промолчала, что в оставленном мире расставания ненастоящие: ведь существовала такая штука, как мобильник, с помощью которого можно было позвонить сестре, чтобы услышать её ласковый голос: "Сашенька! Привет!" Она отвернулась, пока Кэйтрия рассматривала получившийся узор салфетки, и кулаком сняла слёзы.

Шестая глава

До времени сна Кэйтрия связала две небольшие салфетки, прочитала обе лекции и, вслух проговаривая, выполнила письменное задание. Сашка к этому времени разобрала-расшифровала, подставляя русские буквы и бурча про себя, ещё одну газетную статью, после чего взялась за разноцветные карандаши и превратила набросок в законченную картинку. Потом вспомнила брюлловский "Итальянский полдень" и принялась за вторую.

— Если завтра будем сидеть дома, ты ведь успеешь сделать ещё несколько штук? — жадно спросила Кэйтрия.

— Тот же вопрос, но с салфетками — к тебе, — усмехнулась Сашка, хотя усмехаться было трудно: хотелось плаксиво распусть губы и морщиться. Боль в ногах нарастала, хотя Сашка думала дотерпеть до упора.

Девушка-эльф ещё с минуту любовалась картинкой, а потом побежала к буфету — готовить к вечернему приёму обезболивающее зелье. Сашка посмотрела вслед и прикусила губу: быстрее бы! Сил уже никаких не осталось... А Кэйтрия будто специально возилась: то чашки мыты не так, как ей, чистюле, хочется, то зелье оказалось не подогретым до нужной температуры. Осторожно приняв, наконец, свою порцию зелья, Сашка жадно выпила отвар. Ещё подумала: "Может, сполоснуть чашку и выпить остатки?" Ещё минут пять, и Сашка сумела встать на ноги и даже сделать несколько шагов. Будто осы искусили — такими, по впечатлению, распухшими показались ноги: идёшь — и с каждым шагом в стопу будто нож врезается... А потом зелье подействовало по полной, и она больше не чувствовала, что с ними что-то не то.

За это время Кэйтрия успела выполнить магический ритуал — ингредиентов теперь много! — обогрева комнаты, и обе повеселели при мысли о сне в тепле.

Перед самым сном Кэйтрия убежала в коридор с тарелкой, на которой высилась целая куча всякой мелочи. Заинтригованная Сашка, мечтая о костылях или палках-тростях, поплелась следом. Девушка-эльф стояла перед входной дверью во флигель и рассыпала перед нею соль, перец — остального, в кусочках, Сашка не поняла. Поскольку в момент рассыпания Кэйтрия вполголоса читала что-то наизусть, её телохранительница затаила дыхание, чтобы не сбить с магического чтения. Наконец, всё, что было в тарелке, оказалось на полу перед входной дверью. Кэйтрия, не глядя, протянула руку в сторону и схватила самый обыкновенный тощий веник, стоявший в скромном уголке при пороге в коридор налево. Она посыпала его остатками соли, немного потрясла и принялась гонять всю высыпанную кучу приправ и кусочков перед дверью — сначала в одну сторону, потом — в другую. Поиграв таким образом некоторое время и явно загнав некоторые крупинки между половицами, она осторожно открыла дверь и встряхнула прутья веника на улицу, туда же что-то звонко приговаривая на каждое движение. "Настоящая ведьма!" — усмехнулась Сашка.

Веник был поставлен на место, а девушка обернулась к подруге.

— Я нашла заклинание сторожевого пса! — выпалила она радостно. — Теперь никто нас здесь, в доме, не застанет врасплох!

Когда до Сашки дошло, что Кэйтрия имеет в виду, она тоже обрадовалась. Обе больше всего боялись внезапного появления прислуги или самой хозяйки.

Потом пришлось оттащить воодушевленную девушку-эльфа от книг по магическому

домоводству — так ей понравилось хлопотать по временному дому, облагораживая его и делая уютней! Но, даже переругиваясь между собой и споря, обе улыбались. Так всё хорошо!

Заснула Сашка тоже хорошо. Натянула на новые, подаренные штаны свои, толстые тёплые штаны, пусть дырчатые от проколов, но сухие, — и стало так уютно!.. А среди ночи проснулась от боли, которая будто сдавила ноги в прессе и не давала им расслабиться. Ворочаться на кушетке нельзя — скрипучая. Кэйтрия проснётся. Сашка лежала, сжимая кулаки, взмокшая от пота, и думала: а если самой подойти к буфету и сделать плоточек зелья? Фиг с ним — пусть холодное, зато будет хорошо... Горячая дёргающая боль напомнила, как невидимки били в ноги своими иглами — в основном ниже колена. Сашка уставилась в темноту широко открытыми глазами, переживая заново вчерашний кошмар. Воспоминания нахлынули, выуживая из памяти мельчайшие подробности. Не пытались убить. Специально ранили, чтобы запугивать горожан. Или такие осторожные? Сбить болью и страхом с ног, а потом убить и ограбить? Да, это террор... Она снова вспомнила свой мысленный вскрик: "Чулок с камнем!" и попыталась размышлять о том, сделать ли такое оружие — для боя с низеньким противником, или уже не стоит...

— Алекс... — прошептали со стороны.

— ... Что? — Она откликнулась не сразу, некоторое время соображая, будет ли понятно Кэйтрии, что она уже плачет, не в силах сдерживать боль.

— Ты не спишь? Я хочу подогреть отвар. Будешь?

— Буду.

Когда Кэйтрия с подносиком, на котором стояла не только чашка, но и зажжённая свеча, подошла к кушетке Сашки, та тяжело села и протянула руки к отвару.

— Ой, Алекс, — виновато пробормотала девушка-эльф, во все глаза глядя на неё и подставляя поднос ближе. — Прости! Я не подумала, что твои раны!.. Их же очень много — больше, чем у меня! Пей быстрее!

— Что... так выгляжу? — попыталась улыбнуться Сашка.

— Ага... — всё так же виновато откликнулась та.

Кэйтрия быстро убрала поднос и снова подошла — уже с полотном, которое она использовала как одно из полотенец. Им же она и вытерла Сашке потное и заплаканное лицо, шёпотом охая и ахая.

— Я завтра сбегаю к той леди, которая нам приготовила отвар, — пообещала девушка-эльф. — Или посмотрю такие же отвары в университетской аптеке.

— Никаких аптек! — железным тоном сказала Сашка, уже почти пришедшая в себя. — Без меня никуда! Поняла? Давай доживём до завтра и посмотрим, что у меня там, когда перевязку будем делать, ладно?.. Может, ещё не надо будет на отвары тратить. Тем более есть мази. Раны должны быстро заживать. А ты как?

— Немного побаливает, — призналась Кэйтрия. — Но это... как будто стукнулась. Чуть-чуть ноет.

— А почему ты тогда проснулась? — упрямо спросила Сашка, внутренне благодарная за то, что Кэйтрия вдруг вскочила с кровати.

Девушка-эльф села на краешек кушетки. Мгновения смотрела на свечу — и Сашка тут же сообразила, кто будет её следующей моделью для магических картинок. Это тонкое лицо с просвечивающей кожей, эта поразительная линия глаз, этот изгиб скулы, на которую ресницы откидывают бархат тени... "Дед, а я ведь и здесь могу художником стать!" — удивилась Сашка своему открытию и даже едва не рассмеялась. Но с первыми словами

Кэйтрии посерьёзнула.

— Мне приснился кошмар, — объяснила девушка. — Я снова... вышла из той лавки...

И замолчала. Но продолжать и не надо. Сашка поняла. Подумав, она сказала:

— Знаешь, давай завтра и впрямь отсидимся дома. Ты полистаешь учебники по магическому домоводству и повяжешь — мы же достаточно ниток взяли. А я нарисую побольше картинок — и всё это добро скопом отнесём в лавку, чтобы тысячи раз не бегать.

— Это из-за меня? — спросила Кэйтрия.

— Из-за тебя, — подтвердила Сашка. — Пока я на ноги нормально не встану, защищать тебя нормально не могу. Но мы всё равно догоним твоих ребят. Вот увидишь!

Они улыбнулись друг другу, и Кэйтрия ушла к своей кровати.

А Сашка полежала, прислушиваясь к шелесту веток где-то далеко и редкому поскрипыванию флигеля. Наверное, ночь ветреная... И заснула, размышляя над вопросом: интересно, есть ли где поблизости лавочка для художников? И есть ли в них акварель, кроме масляных красок, которой были расписаны ширмы?..

Наутро выяснилось, что Сашка вообще встать не может. Зелье помогло заснуть, но сняло боль лишь временно. Сашка с трудом удерживалась, чтобы не завопить от боли. Впрочем, удерживало и другое: любое напряжение мгновенно бил в ноги резкой болью. Она и дышала-то быстро и осторожно. Кэйтрия spoила ей остатки зелья и села рядом.

— Что будем делать? — с отчаянием спросила она.

— Прости, Кэйтрия... — прошептала Сашка, чувствуя, как полыхает от сухого жара, и думая, спросить — не спросить, есть ли в их мире антибиотики. А ещё... Ещё неплохо бы раздобыть спирт. — Но в этой ситуации я не знаю. Может, отлежусь? Давай где-то до обеда потерпим? И увидим, что будет.

— Для начала я посмотрю на твои ноги, — вздохнула девушка-эльф. — Я не целитель, но в деревне мы порой с чем только ни сталкивались.

Сашка с трудом села, сняла штаны и размотала ткань, которой ей вчера обложили обработанные мазью ноги. Кэйтрия посмотрела и тихо, будто боясь разбудить, сказала:

— Я укурю тебя своим одеялом и схожу за тётиным целителем.

Она выговорила всё это таким тоненьким голоском, словно собираясь расплакаться, но что-то в этом жалобном голоске было ещё что-то такое, чему Сашка не посмела перечить. Они с громадным трудом перетаскивали кушетку в коридор, подальше от комнаты Кэйтрии: не подобает телохранителю спать в одной комнате с подопечной. Там Сашка снова легла, Кэйтрия обложила ей ноги той же тканью, а потом принесла одеяло.

Время без Кэйтрии тянулось бесконечно. Зелье постепенно действовало, но ноги на этот раз почему-то не хотели успокаиваться. Сашка лежала и думала о том, как Кэйтрия заходит в дом, как пытается пройти мимо слуг на кухне. А если её не пустят к хозяйке дома, посчитав, что племянница хочет пожаловаться на них?.. И к тёте ли пошла она? Наверное, в таком большом доме должен быть свой лекарь — или целитель, как сказала Кэйтрия. А если ему придётся платить? Сашка сразу открыла глаза и тревожно постаралась сообразить, сколько у них осталось монет и сколько из них придётся отдать из-за собственной неосторожности — это она снова вспомнила, что легкомысленно пропустила девушку на улицу впереди себя.

Стукнула дверь, зашумели шаги и негромкие голоса. Сашке показалось — прошла вечность, прежде чем у её кушетки остановилась целая толпа со свечами. Разлепив ресницы, Сашка чуть рот не открывала: женщина, склонившаяся над нею, была прекрасна! Как сияющая

богиня!.. Но Сашкина голова чуть не взорвалась от внезапно резкого голоса прекрасной женщины, ударившего в уши:

— Это правда, что ты берёшь за свои услуги всего один золотой в месяц?

Мозги кипели, а голова кружилась, но Сашка всё равно сообразила, что сделала Кэйтрия: она сказала тёте, что нашла очень и очень дешёвого телохранителя.

— Да, — прошептала она. — Золотой.

— Синан, приступайте к своим обязанностям, — скомандовала та и выпрямилась. Судя по решительно удаляющемуся, а затем пропавшему перестуку каблучков, она вышла из флигеля. Кажется, кроме платы за охрану, эту женщину ничего не интересовало.

"Во павлиниха!"

Сашка перевела взгляд на мужчину-эльфа лет за семьдесят. Тот кивнул:

— Что у вас?

Кэйтрия молча откинула одеяло с ног телохранителя.

— Вчера на нас напали чёрные шаманы. Мои раны заживают. Её — нет.

Синан чуть не подпрыгнул при слове "её". Но теперь он встал так, чтобы лучше рассмотреть раны на ногах, так что Сашка теперь тоже сумела, не напрягаясь, разглядеть его. Одетый во всё чёрное, худощавый мужчина как-то не вязался с образом целителя. "Скорее — гробовщик", — с вялой усмешкой подумала она, пока Кэйтрия тихонько объясняла тому ситуацию с переодеванием и просила не говорить тёте. Потом Кэйтрия побежала за стулом, а Синан положил на край кушетки принесённый с собой небольшой саквояж, похожий на старинный толстый кошелёк. Хм. Как заправский доктор.

— Первым делом, Алекс, — неторопливо заговорил пришедший в себя Синан, — я почищу вам раны, а затем использую мазь для их лечения.

— Ага, — прошептала Сашка и закрыла глаза, лишь бы не напрягаться.

Этот Синан медленно и так, что пациентка то и дело дёргалась, выполнил всё, что пообещал, и ушёл. Сашка, надеявшаяся, что он напоит её обезболивающим, только вздохнула. Кэйтрия прикусила губу и беспомощно посмотрела на неё.

— Я думала — будет лучше, — тихо сказала она.

— Ну, в каком-то смысле лучше, — признала Сашка. — Он продезинфицировал все ранки чем-то спиртным, и они откликнулись жжением. Уже хорошо. А ещё... Теперь не надо прятаться от твоей тёти.

Девушки снова перенесли кушетку в комнату Кэйтрии, где было гораздо теплей, и Сашка просто рухнула на постель. Девушка-эльф укрыла её одеялом и присела рядом.

— Ну и целители у вас, — прошептала Сашка. — Я думала — будет что-то с магией.

— Синан не целитель, — вздохнула Кэйтрия. — Он дворецкий с навыками целительства. То есть чуть-чуть разбирается. Я рассчитывала, что тётя позовёт настоящего целителя, но... Ты слышала её. Будешь завтракать?

— Чаю бы...

Чтобы выпить чаю, уставшей от всех посещений и перемещений Сашке пришлось сесть и прислониться к стене. Чашка в ладонях подрагивала, и было страшно уронить её.

И только об этом подумала, как чашка накренилась и чуть не выпала из слабых пальцев, когда Сашкины глаза застыли на пространстве возле входной двери в комнату: воздух замерцал красноватыми блёстками, которые как-то быстро сгруппировались, потускнели — и... деловитой походкой к Кэйтрии трусила большая короткошёрстная чёрная собака!

— Кэйтрия... — растерянно сказала Сашка.

Девушка-эльф оглянулась. Поскольку она не закричала, Сашка решила, что собака ей знакома. Но Кэйтрия снова посмотрела на Сашку — и в её взгляде именно на неё было то самое удивление, которого Сашка ждала из-за собаки.

— Алекс, — медленно сказала Кэйтрия. — Ты видишь нашего сторожа?

Сашка уставилась на собаку, если она правильно поняла — ротвейлера, который сел, выжидательно глядя на девушку-эльфа. Так Кэйтрия махала веником, чтобы вот этого пса вызвать своими заклинаниями?.. Ох ты... А что имела в виду девушка-эльф, когда спрашивала, видит ли она, Сашка, собаку?

— Ой! — Девушка-эльф спохватилась. — Ой! Собака пришла предупредить, что к флигелю кто-то идёт!

— Закрой меня ширмами! — велела Сашка, снова ложась и закутываясь в одеяло.

— Ничего! Если спросят, скажу, что переместила тебя из коридора в большое помещение с мебелью, и ты спишь! — пообещала Кэйтрия и, плотно закрыв дверь в комнату, побежала навстречу неизвестным гостям. А призрачный, как поняла теперь Сашка, пёс — за ней.

Расслышав уже знакомое поскрипывание двери во флигель, Сашка подтащила к себе ближайшую ширму и, чуть-чуть оттянув дырявый край, приникла к нему. Зазвучали шаги, дверь в комнату открылась, и порог перешагнула дородная дама, прижимающая к груди огромную стопку постельного белья. Кажется. Кэйтрия негромко предложила положить бельё на стул у двери — тот самый, под который обычно ставила уличные туфли — по дому она бегала в лёгоньких туфельках с меховой опушкой. Ты выполнила пожелание, но уходить не торопилась, хотя девушка уже поблагодарила её.

— Госпожа сказала, телохранитель тут у тебя есть, и это бельё ему, — проинформировала дама (Сашка вскипела, услышав: "У тебя"). — Ну? И где он тут?

— Телохранитель не может жить в моей комнате, — сухо сказала Кэйтрия. — После посещения мастера Синана он спит. В соседней комнате.

— Пойду, посмотрю на него, — бесцеремонно сказала дородная.

"Вот чёрт..."

— Нет, госпожа кастелянша, — внезапно сказала Кэйтрия. — Сейчас вы выйдете из моей комнаты и отправитесь в дом моей тёти. Или, если вы продолжите мне мешать заниматься, я подожгу вам подол вашей юбки.

Услышав вежливый, но суховатый тон подопечной, Сашка чуть не прыснула от смеха. Не её ли Кэйтрия копирует? С кем поведёшься — от того наберёшься?

— Да как ты смеешь... — возмущённо начала кастелянша.

— Вы!.. Вы смеете, леди Кэйтрия! — холодно сказала Кэйтрия. — Госпожа кастелянша, будьте так любезны разговаривать со мной в подобающем тоне и подобающе обращаясь! А сейчас... Я больше не нуждаюсь в ваших услугах! Будьте добры, покиньте мои комнаты! — Она распахнула дверь и добавила: — Я провожу вас и закрою за вами дверь. Нынче на улицах опасно.

Когда девушка вернулась, Сашка уже отодвинула ширмы и сидела на кушетке, чуть посмеиваясь. Кэйтрия вздохнула и присела рядом.

— Ну ты даёшь! — покачала головой телохранительница.

— А что мне было делать? — риторически спросила девушка. — У тебя всё болит, а она лезет куда ей не следует. Да и время уже к обеду. Как вспомню, сколько у нас всего, — живот поёт. — Она смущённо улыбнулась. — А ещё мы не договорили про собаку.

Обед... Сашка следила, как Кэйтрия готовит еду, и думала о том, что в университете прошли уже две пары. Расписание на сегодня она помнила — четыре пары. И из-за неё Кэйтрия сегодня пропускает занятия. Эх...

После обеда, лёгкого, но сытного: сидели вместе на кушетке, перед которой Кэйтрия поставила две накрытые табуретки (и из-за чего Сашка вдруг вспомнила детство и кукол), — девушка-эльф, убрав посуду, сказала:

— Алекс, посмотри на мою ладонь. — И лодочкой подняла ладошку перед глазами телохранительницы. — Что ты видишь?

— Ладонь, — ответила Сашка, подозревая, что Кэйтрия надеется: она увидит нечто магическое. Но поверх ладони ничего не было, и Сашка не хотела врать.

— Странно. А как ты увидела собаку?

— Сначала собаки не было. Были искры красного цвета.

Кэйтрия задумалась, глядя в точку на полу.

— Интересно... Жаль, спросить некого.

— Зато... — заговорила Сашка и замолчала так неожиданно, что девушка-эльф вопросительно обернулась к ней. — Зато... ты только посмотри, что они выделяют!

И они обе уставились на дверь в комнату, рядом с которой разыгрывалось и впрямь странное действо: призрачный ротвейлер напал на маленькую летучую мышь — та шарахалась от него и пыталась облететь мощную зверюгу, кажется будучи такой же призрачной, но пёс своё дело знал и защищал вверенную ему территорию доблестно.

— Что это значит? — спросила Сашка, с невольной улыбкой следя за невероятными кульбитами прыгучего пса и мотанием летучей мыши, больше похожим на мотание по своенравному ветру сухого листочка. — Ну, в смысле, если пёс появился, то...

— Кажется, я понимаю, — пробормотала Кэйтрия, вскакивая с кушетки. — Алекс, подожди немного, я сейчас вернусь.

Она накинула свой плащишко, протянула руку к летучей мыши, которая вдруг легко и чуть не с облегчением села на её пальцы, и выбежала из флигеля.

"Ха! — поразились своей догадке Сашка. — Уж не Доран ли там где-то ходит?"

Но вернулась Кэйтрия одна. Крепко заперла входную дверь. Судя по шагам в коридоре, побежала в соседнее помещение. А минуты через две послышались шаги уже двоих. Дверь снова распахнулась — и через порог переступил Доран, а за ним радостная Кэйтрия. Сашка удивилась: она-то чему радуется? Наверняка ворчать пришёл!.. И догадалась, почему Кэйтрия пошла в соседнюю комнату: она открыла ему окно!

— Добрый день.

Интересно, как он узнал, где стоит её кушетка, если сразу направился к ней?

И тут... Сашка в панике оглянулась, куда можно от гостя немедленно драть, пока тот не увидел: морда — в двух синяках и кровоподтёках!... Фу-у... Еле вспомнила, что играет пацана, которому боевые отметины — самое то!

А тот подходил так быстро, что Сашка рот открыла поздороваться, а он уже... В общем, она забыла сама, что обозвала его про себя "порывистый ты наш".

Доран внезапно схватил её за подбородок и, хмурясь, осмотрел её боевые раны.

— Эй, а ну — отстань! — сердито вцепилась в его кисть Сашка.

— Леди Кэйтрия сказала — приходил целитель. Почему он ничего не сделал с лицом?

— Да кому какое дело, что с моим лицом?! — обозлилась Сашка, сбрасывая его пальцы с подбородка. — Ну — подрался. И что?

Доран выпрямился и скинул с плеча котомку.

— Леди Кэйтрия, принесите мне стул, пожалуйста, — на удивление вежливо попросил он хозяйку комнаты. — Я практикующий травник, который решил добрать образование по бытовой магии, — добавил он, спокойно глядя на Сашку.

Та закатила глаза. Но Доран был как-то уютно привычен — со своей летучей мышью, которая снова припала к его скуле и только таращила на всё подряд свои тёмные бисеринки глаз, превращая их в вылупленные бусины. И Сашка не стала возражать, когда Кэйтрия не только принесла стул, но и попросила Дорана посмотреть ноги телохранителя.

— А с чего вообще ты сюда пришёл? — не выдержала Сашка, глядя, как замедленно полусогнутые пальцы Дорана плывут в сантиметре над кожей ног, и там, где они останавливались, чувствуя странную неприятную щекотку.

— С утра в университете поползли слухи, что вчера вечером чёрные шаманы напали на студентку с телохранителем. — Доран жёстко нажал на один из проколов, и Сашка от неожиданной боли втянула сквозь зубы воздух, еле сдерживая желание поёжиться от рванувших по телу мурашек. — Что телохранитель успел втолкнуть в лавку свою подопечную, пока отбивался от цвергов. И что оба остались живы, благодаря студентке, которая заставила находившихся в лавке магов помочь своему телохранителю.

Кэйтрия покраснелась от скрытой похвалы, прозвучавшей в голосе однокурсника. Зато Сашка насупилась: Доран намекает на её непрофессионализм?

Держа ладонь над особо болезненным проколом, Доран посмотрел в глаза Сашки.

— Я спросил, где произошло это событие. И понял, что говорят о лавке, о которой я вам рассказывал. О той улице, на которой находится нужная вам лавка. Утром я не дождался вас на занятиях и понял, что надо бы сбегать и проверить, всё ли правда, что говорят. Два практикума с утра я отсидел, а с лекций ушёл.

— А как ты нашёл этот дом? — спросила Кэйтрия, зачарованно слушавшая его.

— Вчера на практической работе ты оставила листочек с расчётами по лабораторной, — улыбнулся однокурсник. — А мой фамилляр (он дотронулся до летучей мыши на лице) отлично умеет распознавать по личным предметам то пространство, которым ты пользуешься довольно часто. Так что он сразу привёл меня сюда, когда я попросил найти твой дом. Так, Алекс, кто тебе лечил эти ранки?

— Дворецкий моей тёти, — ответила Кэйтрия, поскольку Сашка предпочла отмолчаться: она вдруг заподозрила, что Доран точно знает — перед ним не пацан!

— Прimitивно, но хоть почистил, — пробормотал Доран и обернулся к девушке-эльфу. — Леди Кэйтрия, мне нужна тёплая вода — хотя бы чашка.

— Доран, — смущённо сказала девушка, — мы однокурсники. Давайте на "ты" и без "леди"?

— Замечательно, — хмыкнул тот, — хотя учти, что я могу быть довольно грубоватым, если увлекусь.

— Если ты поможешь Алексу, я стерплю твою грубость, — пообещала Кэйтрия и побежала за водой.

А "порывистый наш" посмотрел ей вслед и резко повернулся к Сашке.

— Чего? — буркнула она и охнула, когда Доран схватил её за плечо.

— Ты лежал, когда к тебе вышли из лавки, — заявил травник. — Значит, когда тебя ударили в лицо, ты упал. Судя по кровоподтёку, это так и есть. Покажи спину.

Сашка разъярённо прижала к себе одеяло, скомкав его в три слоя. Блин... Одно дело —

быть одетой в толстовку с курткой. Другое — дать прощупать спину (даже через ткань рубашки!) опытными, как она уже убедилась, пальцами Дорана. Спину не пацанью.

— Спину мне обработали очень хорошо — так, что я не чувствую никакой боли! — отрезала она, от души ненавидя это ухмыляющееся лицо с пронизывающими глазами. — Вот если ты мне поможешь вылечить ноги, я...

Она смолкла, снова поражённая странной мыслью: "Он точно знает, что я девчонка! И... И поэтому издевается!"

— Если ты сейчас же не сотрёшь с лица эту свою идиотскую улыбочку, я врежу тебе так, что будешь валяться вместе со стулом, — сквозь зубы процедила она. — Кулаки-то у меня целы и здоровы.

— Вот вода, — вовремя подошла Кэйтрия и взволнованно посмотрела на Сашку. — Алекс, тебе очень больно?

Доран загадочно улыбнулся Сашке и взял чашку с водой. Далее он встал с табурета и его сиденье превратил в медицинский столик, выставив на него всякие банки-скляночки. Слава Богу, Кэйтрия стояла рядом, переживая за своего телохранителя. Так что Сашке оставалось только радоваться тому, что ноги у неё суховаты и с небольшой натяжкой сойдут за мужские. Ну, за ноги такого невысокого мужчинки. А потом, когда Доран начал какой-то странный массаж, почти вбивая твёрдыми пальцами в раны-проколы свои снадобья, она додумалась до настоящего ужаса и в панике глянула на травника: а вдруг он на мальчиков западает?!

Доран тем временем в очередной раз послал Кэитрию за тёплой водой, в которой он разводил всякие снадобья из своих запасов. И у Сашки снова мурашки по телу, когда травник, будто в задумчивости, провёл мягкими и горячими пальцами по её колену. Будто нежно погладил. Почувствовав взгляд, Доран поднял свои глаза — и всё та же "идиотская" ухмылочка зазмеилась по его крепко сжатым губам, когда его взгляд медленно опустился с губ Сашки на её грудь, к которой та прижимала одеяло... Сашка безнадёжно вздохнула: знает! И тут же озадачилась: а если нет? А потом вызверилась: "Ну, блин, дай мне только выздороветь, я тебе такое устрою, травник недоделанный!"

Когда вернулась Кэйтрия и Доран снова занялся ранами, а не дурацкими интригами с потайными течениями, в которых необходимо разобраться, Сашка, воспользовавшись тем, что девушка-эльф следила за работой травника, тоже всмотрелась, но только в самого целителя. Вынуждена была признать, что парень он симпатичный, невзирая на летучую мышь, усевшуюся на его лице. Надо, кстати, порасспросить Кэитрию, а почему у неё нет фамильяра... У парня густые в чёрные олосы, которым бы не помешало мытьё почаще, иначе вон какие вихры... Надо же... Сбежал с лекций. Из-за неё. Почему он не спросил у Кэитрии, как её дела? Из-за того что она сразу сказала, чтобы он посмотрел именно её, Сашку? Или она уже около калитки объяснила, что её раны не так страшны, как у её телохранителя?.. Сашка выдохлась на этой мысли и решила помалкивать и не думать ни о чём. Тем более что боль с каждым вбиванием снадобий в раны возрастала.

Сашка облизала пересохшие от частого дыхания губы. Терпеть становилось всё тяжелей. Неужели Доран не понимает?..

— Кэйтрия... — хрипловато позвала она и откашлялась. — Леди Кэйтрия, водички бы немного...

Девушка-эльф оторвала взгляд от завораживающей работы травника и посмотрела на Сашку. Лицо её сразу вытянулось.

— Ой, Алекс...

— Что ещё? — недовольно спросил явно увлѣкшийся Доран и тоже посмотрел на Сашку. — Кэйтрия, поставь кипяток. Надо унять боль.

А когда Кэйтрия поставила воду на печурку, Сашка поняла, что бог из машины существует. У входной двери в комнату снова появилось алое мерцание, а потом — ротвейлер. Поскольку все, кроме телохранителя, сидели спиной к двери, то Сашка и предупредила:

— Леди Кэйтрия, у нас, кажется, снова гость.

Алые искры соткались в уже знакомого пса, который с озадаченной мордой смотрел на другого пса, восседавшего у порога, присматриваясь к обитателям комнаты. Между прочим, вторая псина была покруче, чем у Кэйтрии. Хотя и той же породы.

Если Сашка надеялась, что Доран при вести о новом госте засуетится и постарается спрятаться, а значит, у неё будет время прийти в себя после напряжённого сидения и постоянного выжидания, что этот травник ещё учудит, то Доран разочаровал её. Он и не подумал испугаться. Только мельком глянул в сторону двери и сказал:

— Ничего особенного. Если что, скажи, что пригласила знакомого травника для лечения своего телохранителя. Так что иди, Кэйтрия, и посмотри, кто там.

Распорядившись таким образом, Доран снова повернулся к Сашке.

Кэйтрия вздохнула и сначала подбежала к печурке, на которой грелась вода на обезболивающее для телохранителя, а потом осторожно пошла к двери. Раз даже оглянулась на Дорана: наверное, ждала, что он пойдёт вместе, — страшно же. Н тот и в ус не дул, продолжая снова постукивать по ранам Сашки, вбивая в них свою мазь. Так что Кэйтрия тихонько вздохнула и, решительно расправив плечи, покинула комнату.

— Кто такие цверги? — немедленно спросила Сашка, предупреждая разговоры не о том, о чём хотелось бы.

Доран выпрямился и слегка размялся, поведя плечами и схватившись за поясницу: видимо, спина затекла стоять в одном и том же полусогнутом положении. И, прежде чем ответить, посмотрел на кушетку, а потом нагло сел рядом — причём так, что одна нога Сашки оказалась на его колене.

— Цверги — это мелкий народец, живёт в горных пещерах. Чёрные шаманы нашли их одичавших родичей, целое племя, задурили им головы, а теперь командуют ими, как хотят. Говорят, раньше они боялись солнечного света, потому что превращались от него в камень. Теперь, после того как шаманы что-то с ними сделали, они его не боятся.

— Но они испугались его, когда ко мне пошли маги с огнём, — возразила Сашка, с тревогой наблюдая: вместо того чтобы продолжить работу над её ранами, ладонь травника мягко поглаживала её колено.

— Они испугались, что их увидят, — объяснил Доран, словно не замечая вольностей собственной руки. — Чёрные шаманы специально устраивают тёмный дождь, чтобы цверги не боялись и убивали. А когда на них светят огнём, они убегают. То есть... Они не хотят, чтобы их видели за мокрым делом.

— Какого чёрта ты делаешь?! — не выдержала Сашка, когда его рука полезла под одеяло, выше колена.

— А разве тебе это не нравится? — Та же змеиная улыбка снова скривила его губы.

— Почему это мне должно нравиться? — поразились она, сжимая кулаки и незаметно приподнимаясь на них.

— Ты же из Нижнего квартала. А там все такие. Не бойся — я заплачу.

Чужие пальцы грубо влезли на тёплую, нежную кожу внутренней стороны бедра. И это в купе со словами Дорана... Как будто ожог... Как будто атомный взрыв адреналина... Как будто противник во время показательного боя сказал грязное гадство... Ноги резко сжались в захват вокруг расслабленно сидящего парня. Сашка невероятным, неожиданно для себя

сильным рывком изогнулась на затрепавшей кушетке — и вместе с захваченным Дораном свалилась на пол. Как только Доран оказался под ней, она на всякий случай добавила: врезала ребром ладони по его затылку — и он обмяк. Разгневанная Сашка на том же адреналине выдернула занывшие ноги из-под тяжёлого тела и, держась за край кушетки, встала, чтобы тут же снова лечь. Ноги, ушибленные ударом о пол, гудели, как столбы под напряжением. Укрывшись одеялом, она, распалённо частя дыханием, следила за суматошным трепыханием летучей мыши над хозяином, раздражённо морщась от её верещащего визга.

— Заткнись, дура! Живой он!

Мышь замерла в воздухе, обалдело вытаращившись на девушку и не замечая, как, медленно паря под зонтиком раскинутых крыльев, опускается, а потом словно спохватилась и юркнула к лицу Дорана.

Тяжело дыша, Сашка смотрела в потолок и жалела только о том, что Доран не успел приготовить обещанного снадобья. "А теперь и не захочет, — сумрачно думала она. — Как же иначе отомстит-то? Чёрт, вот вляпалась..." Покосилась с кушетки на пол. То ли смеяться, то ли плакать. И что дальше? И куда делась Кэйтрия? И зачем Сашка её отпустила её одну? Надо было настоять, чтобы Доран проводил её. Мало ли что там...

А ещё... Вот значит, за кого он принял её. Любопытно, сразу ли он понял, что она девчонка?... Хотя и тут до сих пор непонятки. Так понял Доран или нет, что она девушка?

На шаги в коридоре она насторожённо напряглась, заставив себя сесть на кушетке.

И подняла брови. "Какие люди!.. Они что — сговорились, что ли?"

На пороге стоял красавчик эльф, а за ним — Кэйтрия, ошеломлённо смотревшая на него. Дверь закрылась. "И без охраны! Интересно, куда он Гарбхана дел? Или орк стоит где-то возле флигеля и сторожит его?" Через секунду глаза обоих вошедших округлились на тело, лежавшее возле кушетки.

Ещё секунда — и эльф с такой скоростью кинулся к Дорану, будто он хотел оплакать убиённого, горячо любимого лучшего друга — как показалось изумлённой Сашке.

Когда он грохнулся на колени перед Дораном, одновременно делая какой-то странный, будто махание дирижёрской палочкой на три четверти, знак в воздухе, словно отстраняя от себя телохранителя уже испуганной Кэйтрии, Сашка не выдержала.

— Здравсьте, — вежливо сказала она и доверительно добавила: — Да вы не беспокойтесь. Мы тут с Дораном не сошлись во мнении, можно ли давать единую характеристику существам, вынужденно живущим в одном месте. Он считал, что можно. Пришлось прибегнуть к определённым аргументам, чтобы доказать ему, как он не прав. А вы чё пришли?

— Алекс, позволь представить тебе моего однокурсника... — Кэйтрия заговорила машинально, будто околдованная кратким и деловитым монологом Сашки, но всё же запнулась, глядя на лежащего Дорана и стоящего перед ним на коленях эльфа.

— Меня зовут Эйлилл, — уже спокойно сказал эльф и взглянул на Дорана с каким-то громадным облегчением. — Ему нужна помощь?

Сашка, несмотря на боль во всём теле, чувствительно стукнувшимся о пол, довольная, как вовремя слопавшая всю сметану кошка, хулигански улыбнулась.

— Понятия не имею.

А потом любовалась, как красавчик Эйлилл и тающая от его взглядов Кэйтрия подняли Дорана и усадили его в кресло. После чего эльф ощупал его затылок, кивнул, будто

удостоверившись в чём-то, и парочкой пассов привёл сокурсника в чувство. Тот огляделся совершенно ословелыми глазами и наткнулся на сияющую Сашку. Та не преминула ему сообщить:

— А ещё в Нижнем квартале есть воры, убийцы и бандиты.

— И... что? — очумело спросил тот.

— А то, что не надо лезть, куда и к кому не следует, не узнав, с кем имеешь дело! — плюнула Сашка и улеглась на спину, чтобы не смотреть на него.

— Всё ясно, — сказал Эйлилл, за которым стояла, как неотступная тень, Кэйтрия. — Ну, рассказывайте, что у вас вчера было.

— Сначала пусть этот зануда мне сделает то снадобье, которое боль снимает, — железным тоном напомнила Сашка, понимая, что при посторонних Доран не откажет в обещанном милосердии. — У меня все ноги в ранах. И уже третий так называемый специалист не может оказать мне нормальную помощь.

Кэйтрия, усевшаяся было на стул, вскочила и побежала к печурке. Доран встал и, пошатываясь, но целеустремлённо побрёл за ней.

Эйлилл, оглянувшись на них обоих и присмотревшись к табурету со снадобьями, прихватил второй стул и поставил его рядом с кушеткой.

"Так, а этому ещё что надо?"

— Что у вас произошло? С Дораном, — уточнил Эйлилл.

— Он полез ко мне и получил, — пожалла плечами Сашка, гадая, с кем сейчас разговаривает красавчик-эльф — с девушкой или парнем-телохранителем.

— Понятно. Алекс, пока нас не слышат, — вполголоса сказал эльф, склонившись к ней. — Я бы хотел вернуть кинжал Гарбхана. Думал поговорить сегодня после лекций, но вас не было... Итак?

"Ну, вот... Зря Кэйтрия радовалась, — мысленно вздохнула Сашка. — Она-то думает — он нам сочувствует, а этот крохобор..."

— Кинжал мы отдали в меняльную лавку, — буркнула она, ожидая немедленного вопля: "Как вы могли?!" и сердитых объяснений, как бедняжке Гарбхану дорог этот ножичек в качестве памяти.

Но, к её удивлению, Эйлилл скандалить и орать не стал. Он спокойно откинулся на спинку стула, на котором повернулся полубоком к комнате, и вроде как безразлично огляделся. Но Сашка уловила, как едва заметно прищурились его глаза, когда красавчик наконец понял, в каких условиях живёт Кэйтрия.

— И, кстати, ты не спросил, каким образом и в какой ситуации мы получили этот кинжал, — с претензией заявила Сашка.

— Да я всё представляю и так. — Эйлилл пальцами зачесал назад свалившиеся на глаза волосы, после чего они снова медленно попадали на привычное место, но эльф, кажется, не замечал нового беспорядка во внешности, продолжая рассматривать пустынную комнату. — Небось, отгонял Кэитрию? Пугал её?

— А это так важно? — удивилась Сашка. — Отгонять её от тебя?

— Очень важно, — подтвердил Эйлилл. — А в какой лавке продали кинжал?

— Доран знает, — ответила Сашка и тут же тем же тоном спросила: — А чего ты за него испугался?

— Я принял тебя за другого.

Сашка повозилась, усаживаясь поудобней. Ага. За другого. За мужика, значит, всё-таки.

А если глубже копнуть — то за убийцу. Но валяющийся на полу Доран — это слишком притянута за уши, чтобы принять телохранителя из Нижнего квартала за убийцу. То есть существует и другая подоплёка? Продолжая разговаривать с эльфом, не вполне вникающим в разговор и пока отвечающим на все вопросы подряд, негромко сказала:

— И за кого же это? И почему?

— Ты свалил Гарбхана, хотя весовые категории у вас разные. Теперь я вижу, что, будучи раненым, ты так сильно ударил Дорана, что тот потерял сознание. Ты слишком лёгкий для таких ударов.

Продолжая следить за Эйлиллом, который будто тщательно фотографировал интерьер комнаты, Сашка осторожно, всё ещё тон в тон спокойно спросила:

— И кто ты такой, чтобы интересоваться всем этим?

Эйлилл застыл и медленно повернулся к Сашке.

— Ты умеешь разговаривать так, чтобы получать информацию. Ты и правда из Нижнего квартала?

Сашка польщённо хмыкнула. Практика слушателя во время воспитательных бесед матери оправдала себя, но не до конца. С этим эльфом надо держать ухо востро. Он всё-таки сорвался с крючка доверительности... Но ничего. Можно сыграть на последнем вопросе Эйлилла, чтобы вернуть себя в форму.

— Если мне помогут быстро восстановиться, я покажу, как вырубил Гарбхана и Дорана, — вкрадчиво сказала она. — А может, даже научу. Но не за просто так. Кинжала нам мало.

— Нам? — повторил Эйлилл, и его лицо внезапно вытянулось, словно он услышал какую-то гадость.

— Попробуй только подумать плохо о Кэйтрии! — рявкнула Сашка. — Следующим на полу валяться будешь ты!

— Эй, что там у вас? — спросил от печурки Доран. — И отойди от раненого, Эйлилл. Ты сидишь слишком близко к его кушетке!

— Что-о... — пробормотал эльф-красавчик, ошарашенный решительным тоном сокурсника. — Что ты сказал?

Сашка закатила глаза. Кажется, Доран решил, что он не закончил разговор с ней. И ему не нравится внимание Эйлилла к предмету его... а чего, кстати? Интересы, вожделения? Проверить?

— А ты молчи, пока снова не получил! — обращаясь к нему, крикнула Сашка. — Это я тебя ещё погладил, а будешь снова лезть — кастетом получишь!

Эйлилл, кажется, обалдевал всё больше. Ещё бы — какой-то пацан из Нижнего квартала позволяет себе так разговаривать с магом!

— Алекс, пожалуйста, — умоляюще попросила Кэйтрия.

— А чё сразу я... — проворчала Сашка, ложась на кушетку и чувствуя, как пот выступил на лице: несмотря на то что храбрилась и "понты строила", усталость брала своё. — Чуть что — сразу я.

Подошедший с отваром Доран кивком согнал со стула Эйлилла, но сел снова на край кушетки. Он помог Сашке снова приподняться и, обняв её за плечи, принялся поить зельем. Она не сопротивлялась, потому что растратила остаток сил на взрыв возмущения. Когда на дне чашки осталась лишь травяная заварка, Доран помог ей лечь. Уже лёжа, Сашка поймала задумчивый взгляд Эйлилла на себя и подумала: "А правда, кто он такой? Слишком шустрый

для студента. Стоит ли помогать Кэйтрии завоёвывать его, если она на него запала? А вдруг он не просто красавчик, а что-то поопасней? Выяснить? Но как?"

Эйлилл тем временем встал перед Кэйтрией и склонил голову:

— Мне пора уходить. Да и Дорану тоже.

— Я чуть позже, — отозвался тот.

Но эльф-красавчик кивнул и продолжил:

— Я рад был узнать, что вы, леди Кэйтрия, в полном здравии. Думаю, завтра вы опять придёте на занятия.

Кэйтрия пролепетала что-то о громадной радости видеть его заботу о себе и проводила посетителя до выхода из флигеля. Сашка, уставшая улыбаться и бодриться, пока не подействовало зелье, лежала на кушетке, угрюмо ожидая, что Доран начнёт снова приставать, но тот, едва дверь за хозяйкой флигеля и гостем закрылась, встал. Мгновения спустя Сашка услышала звон воды: Доран мыл чашки. Он не подошёл и тогда, когда поставил посуду на столешницу буфета. Сашка было успокоилась, что он на расстоянии, но его молчание, слишком необычное, насторожило её. Несмотря на то что дрожь после выплеснутого адреналина всё ещё ощущалась в теле, она заставила себя приподняться на локтях. Хм... Доран стоял возле стола и что-то рассматривал. Хочет посмотреть, какие учебники и лекции читала Кэйтрия?

Девушка-эльф вернулась, и Сашка упала на тощий матрасик. Больше напрягаться не надо. Уж при хозяйке Доран не будет приставать.

— Доран, а ведь Эйлилл прав, — встревоженно сказала Кэйтрия. — Время к сумеркам. Как же ты пойдёшь домой по тёмным улицам?

— А может, я и не пойду? — отчётливо пробормотал травник и погладил затылок. — Может, мне у вас понравилось — и я останусь на ночь в той комнате, в которую ты меняпустила через окно? Хлама там полно...

— Получишь, — бесстрастно от усталости пригрозила Сашка.

Но Доран не обратил на её угрозу внимания. Он взял за руку изумлённую Кэйтрию и подвёл её к кушетке, заставил сесть на стул, а сам снова устроился на краю постели.

— Ну, девочки, поговорим?

Кэйтрия с ужасом взглянула на него, но Сашка промолчала. Сначала надо узнать, о чём он хочет поговорить, а потом думать, бояться его или побить хорошенько перед тем, как он всё расскажет остальным в университете. Хотя... Сашка на сто процентов была уверена, что Доран промолчит насчёт телохранителя-девушки. Это для него интересная информация — и он не захочет ею делиться.

Поскольку девушка-эльф молчала, испуганная, Сашка нехотя сказала, глядя на очень довольного собой Дорана:

— Начинай.

— Ну... Начну с вопроса: кто ты, Алекс?

— Я из другого мира, — спокойно призналась она. — Появилась в тот момент, когда Гарбхан угрожал Кэйтрии, и помогла ей.

— Тот кинжал — Гарбхана?

— Да.

— Ты видишь.

Сашка подняла брови. Что он имеет в виду?

— Ты сказала, что у Кэйтрии новый гость. Ты видела сторожевого пса.

— Она видит! — подтвердила Кэйтрия. — Но не всегда. Мы уже пробовали проверку другого варианта видения. Сторожа Алекс видит, а всё остальное — нет.

— То есть магия, магические способности заблокированы, но время от времени прорываются, — заключил Доран. — Интересно было бы поработать.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Сашка.

— Не бойся, Алекс! — обрадовалась Кэйтрия, которая первой сообразила, что к чему. — Доран, ты хочешь помочь разблокировать её магию?

И оба уставились на Сашку. Она смотрела то на спокойного Дорана, то на радостную Кэитрию. Вспоминала лабораторную работу на практикуме и спрашивала себя, хочется ли ей иметь такие... нет, даже не способности, а возможности? Но Доран... Если девушка-эльф думает, что он может раскрыть ей эти способности...

— Что ты хочешь взамен?

— Я предполагал, что такой вопрос вероятен, — серьёзно сказал Доран. — Разблокирование — довольно сложный процесс. — Он намеренно сделал паузу, в течение которой Сашка мысленно сбила его с ног и хорошенько попинала. — Я видел твои рисунки на столе у Кэитрии.

Девушка-эльф виновато опустила голову, но Сашка её ни в чём не винила. Кэйтрия-то, наверное, неплохо спрятала листы с набросками под учебниками и тетрадями, а этот бесцеремонный наглец просто-напросто расшвырял всё на столе и добрался до тех предметов, о которых девушки пока решили помалкивать.

— Предлагаю следующее: я помогаю с разблокированием магических способностей, а ты рисуешь мне парочку тех личностей, на которые я тебе укажу.

— А с чего ты вообще решил, что я умею рисовать? — не выдержала Сашка. — А если это рисунки Кэитрии?

Девушка-эльф тоже вопросительно взглянула на травника.

— Умей рисовать такие портреты Кэйтрия, она бы не жила в этой халупе, — улыбаясь, сказал Доран. — А роскошно и сама по себе, ни от кого не завися, жила в одной из гостиниц города. Правда ведь, Кэйтрия?

Девушка только вздохнула.

— А это равноценный обмен? — спросила Сашка и тут же ответила: — Думаю — да. Но ты точно поможешь ещё и с ногами? Кэитрии надо заниматься. Если мы завтра не объявимся на занятиях, ей не вылезти из незачётов. А без меня ей будет трудно.

— Я думаю, это взаимовыгодно, — заметил Доран. — Я уже пересел к вам, так что буду тащить Кэитрию, без которой, как понимаю, на занятиях не будет и тебя, Алекс. Если сначала я был заинтересован телохранителем, который скрывал свою сущность...

— А как ты догадался? — перебила его болтовню Сашка.

— Я посмотрел на тебя сквозь травы.

Этому многозначительному заявлению Кэйтрия снова кивнула, будто поняла, в чём дело, а потом заторопила его:

— Доран, ради собственного блага — уходи побыстрей. Думаю, Алекс не откажет тебе в нескольких рисунках.

— Но только в рисунках, — на всякий случай уточнила Сашка. И очень удивилась, когда на губах Дорана снова появилась змеиная улыбка. Вот ведь!.. Или он дон Жуан?

— Ладно, — согласился травник. — Сделаем так. Алекс, ложись на живот. Не волнуйся — Кэйтрия рядом. Она проследит, чтобы я не позволил себе лишнего. Та-ак. Теперь,

Кэйтрия, подними ей рубашку.

Ничего не понимая, Сашка с тревогой прислушивалась ко всем манипуляциям, которые над ней проводил Доран. Спине сразу стало холодновато, когда девушка-эльф стянула с неё рубашку. Но между лопатками легла сухая горячая ладонь Дорана. Она лежала так минуту, другую... Это всё? Но зачем?.. Внезапно сознание поплыло, а Сашку будто резко бросили куда-то во тьму. Бросок был неожиданным — и она рванулась из-под удерживающей её ладони.

— Тихо-тихо! — откуда-то из другой темноты, сверху, тихо сказал Доран, неожиданно сильно придавливая её тело к матрасу всего лишь той же ладонью. — Что ты видишь? Почему испугалась?

— Я падаю в темноту, — низким от напряжения голосом сказала Сашка, страшно желая открыть глаза, но опасаясь сделать что-то не то. И в то же время поражаясь: она разговаривает с Дораном, чувствует на позвоночнике его ладонь — и продолжает падать!

Ладонь Дорана немедленно отлипла от кожи, а Кэйтрия заботливо прикрыла Сашку, не только натянув рубаху, но добавив одеяло.

— Как ноги? — осведомился Доран, становясь перед кушеткой на цыпочки и заглядывая в лицо Сашки.

— Ноги? — удивилась она. И прислушалась.

— Объясняю, что я сделал, — профессорским тоном сказал травник. — Я обложил твои ноги травами, после чего прогнал через твой позвоночник магическую силу, которая должна напитаться силой трав и омыть твои раны. Это исцеление даёт здоровые ощущения, хотя раны на ногах остаются. И эта методика требует расхода огромных сил. — Скорчив жалобную рожу, Доран попросил: — Кэйтрия, я так устал! Можно я останусь у вас переночевать? Клянусь, я не буду мешать, честное слово!

— Если бы это был мой дом, я бы разрешила, — призналась девушка-эльф. — Ради Алекс. Но это дом моей тёти. И я не вправе пользоваться чужой собственностью ни в чьих интересах. Прости, Доран.

— Ладно, — буднично сказал Доран, вставая с корточек. — Ничего не поделаешь. Вас, жестокосердых, не разжалобить, а время и правда — к вечеру. Ну, Алекс, выздоравливай. Пусть завтра утром Кэйтрия поможет тебе подсушить раны, но думаю, большинство из них затянется к тому времени. Кэйтрия, проводи меня.

Он быстро собрал свою котомку и, не оглядываясь, вышел. Кэйтрия поспешила следом. Слушая их шаги по коридору: они наверняка шли к тому окошку, которое уже не впервые использовалось для незаметного проникновения во флигель, Сашка неожиданно пожалела, что Доран не подошёл к ней на прощанье. А осознав своё недовольство, пришла в недоумение. Кажется, травник, несмотря на все свои заморочки и характер, ей нравится?

Глядя в потолок, слегка прогнувшийся от старости, с пятнами осыпающейся краски, Сашка лежала и размышляла. Ну, то, что Доран взамен выторговал её рисунки — не проблема. Нарисовать она всегда сумеет. И его требование (или просьба?) только подтверждает, что в этом мире её умение рисовать (слово "талант" она пока стеснялась использовать) ценится довольно дорого. Зачем её рисунки Дорану? Он хочет использовать их в магии? Но как? Наверное, придётся выждать, и однажды он объяснит ей.

Стукнула дверь. Вернулась Кэйтрия. Быстро подошла к Сашке, села на тот же стул.

— Что-то мне страшно за него, — призналась она. — На улице уже темнеет. А вдруг чёрные шаманы нападут на него?

— Знаешь, мне кажется, вряд ли, — задумчиво сказала Сашка. — Мне думается, если они затеяли устроить у вас террор — то есть всех напугать, то будут нападать только в самых людных местах. Ну, чтобы народу побольше напугать. Как вчера.

— В твоих словах есть истина, — вздохнула Кэйтрия. — Хочешь есть?

— До ужина далеко, но я голодна, как сто чертей, — призналась Сашка.

— Ничего, у меня есть наши запасы со вчерашних покупок. Так что поставлю чай. Алекс, как твои ноги?

— Боли нет.

— Замечательно. Сейчас накрою на стол, и попопдничаем.

Пока Кэйтрия радостно возилась в кухонном уголке, Сашка размышляла о том, как много она сегодня узнала. А ещё больше осталось в сплошных загадках. Впечатление, что Эйлилл не тот, за кого себя выдаёт — не студент, подтвердилось. Мало того что он взрослей Дорана, который, как признался, "добирает" знания по бытовой магии, сначала, видимо научившись травничеству, так он уже знает многое из того, что изучают студенты его группы. Фыркнула, вспомнив, что он ушёл, так и не спросив у Дорана, где находится лавка, в которой Сашка выторговала за кинжал Гарбхана неплохие монеты. Впрочем, послать своего орка за утраченным имуществом красавчик эльф сможет и завтра, пока сам сидит на лекциях. Лавка-то неподалёку.

— Тебе помочь встать? — заботливо спросила Кэйтрия.

— Ещё чего, — проворчала Сашка, садясь на постели и ища штаны и ботинки.

— Не трогай, — велела девушка-эльф. — Ты забыла, что нам купили новые вещи. Надевай их. В них теплей.

— Да у нас в комнате тоже нехолодно, — заметила Сашка, притоптывая ногами и снова прислушиваясь к ощущениям. Ощущения нравились.

— Это Доран сделал, пока мы варили для тебя зелье.

— Шустрый какой.

— А что у вас случилось, пока я ходила за Эйлиллом?

— Полез ко мне.

— Он сразу понял — что удивительного?

— Кэйтрия, он полез ко мне, как к дешёвой... — Сашка остановилась, выбирая слово, которое не резанёт чуткие уши девушки-эльфа.

Но Кэйтрия быстро качнула головой.

— Я поняла. Но теперь он будет уважать тебя.

— Из-за картинок? — усмехнулась Сашка. — Или из-за того, что я его стукнула?

Девушки рассмеялись, а потом похватили из бумажного кулька конфеты. Сашке здешние конфеты нравились: они представляли собой подсушенную смесь фруктов, обвалянную в орехах. А как она подозревала, сейчас такие конфеты могли работать на её восстановление. Запивая липучую сладость травяным чаем, она осторожно спросила:

— Кэйтрия, а ты бы не хотела себе какую-нибудь картинку? Я могу...

Девушка-эльф подняла глаза, сначала безмятежно улыбнулась. Улыбка резко пропала, и Кэйтрия опустила глаза.

— Я понимаю, что лезу не в своё дело, — негромко продолжила Сашка, — но мы вроде как с тобой подруги? И потому мне бы хотелось, чтобы моя подружка была счастлива. Кэйтрия, ты уверена, что Эйлилл...

— Я не знаю, — покачала головой девушка-эльф. — У нас в группе есть красивей его.

Ты ещё не всех видела. Но именно он... Алекс! — вдруг вскинулась она. — А это так видно, да? Ну, что я... что он...

— Боюсь, видно очень хорошо. — Сашка потянулась за салфеткой, а потом вспомнила и, усмехнувшись, просто облизала пальцы. — Кэйтрия. Он на первом курсе и в следующие несколько лет никуда не денется. Давай не будем торопиться, ладно? А завтра я тебе его нарисую. Прямо на лекции. Всё равно нечем заняться.

— Но Доран... — снова вспыхнув, но уже от радости, напредила девушка-эльф.

— А что Доран? — хмыкнула Сашка. — Он же не будет видеть, кого я рисую. А его заказы наверняка потребуют сосредоточенности. Значит, я для него сделаю их не на лекции. А на лекции сделаю вид, что рисую просто так. Или снова на продажу.

И вздохнула, снова вспомнив главный, интересующий её лично вопрос: за кого принял её Эйлилл? И кто он сам, чёрт бы его подрал?

Остаток вечера и всё утро присматриваясь к тому, как Кэйтрия использует магию, Сашка порой не замечала, что нервно покусывает губы. Неужели всё, что умеет девушка-эльф, будет уметь и она? Но пока помалкивала, хотя и пыталась уже кое-что запомнить.

Перед сном у обеих девушек была чуть не истерика. Они искали в книге бытовой магии заклинание или ритуал на закрытую для чужих дверь. Теперь вещей в комнате Кэйтрии стало больше. Как-никак — не только у Кэйтрии, но и у Сашки появились сменные вещи, благодаря той женщине-эльфу, которая помогла им в лавке. Поэтому девушка-эльф читала вслух наиболее приемлемые, по её мнению, статьи-рецепты, а потом обе думали, подходящие ли они для них и имеющихся ритуальных ингредиентов. Остановились на двух статьях. Одна предлагала принцип железной щеколды, которую не то что не сдвинешь, а и пошевелить не сможешь, что и понравилось Кэйтрии. Вторая же, более злобредная статья-рецепт предлагала то же самое с маленьким дополнением: даже всего лишь дотронувшийся до замка мгновенно получал в нос взрыв жуткой вони.

Перечитав по второму разу инструкцию ко второму ритуалу, девушки посмотрели друг на друга и рассмеялись: причём Кэйтрия звенела таким задорным колокольчиком, что Сашка, только-только успокаивающаяся, снова начинала хохотать. Кажется, обе одновременно представили ту дородную кастеляншу, которая нагло рвалась увидеть телохранителя хозяйской племянницы, и то, как она отшатывается от двери, зажимая нос.

— А если оба заклинания наложить на дверь? — предложила Сашка, отдышавшись. — Такое можно? Ну, для надёжности?

— Хватит и одного, — вытирая слёзы, с трудом ответила Кэйтрия.

Они отрепетировали возле двери оба заклинания и пришли к выводу: чтобы и запомнить на будущее (а вдруг на экзаменах такое будет?), можно всё-таки наклепать "сторожей" на дверь по двум рецептам.

— А твоя зверюга тогда как?

— А пес обычно охраняет с другой стороны — со стороны комнаты, — объяснила девушка-эльф. — И больше рассчитан, что будет предупреждать о прибытии гостей.

А когда вернулись в комнату, Сашка вспомнила ещё кое-что.

— Кэйтрия, а в книге есть такое заклинание, которое помогает не забыть приснившийся сон?

— Ой, это заклинание для всех знакомо! — обрадовалась Кэйтрия. — Но его надо проговаривать, когда лежишь в постели.

— Не поняла, а почему всем знакомо?

— Многие практикуют узнавать будущее по снам или разгадывать прошлое, поэтому даже дети учатся запоминать сны. Я, например, выучила это заклинание, когда мне было всего шесть лет. Я запишу тебе его на листочке и несколько раз прочитаю, чтобы ты его запомнила... — Девушка-эльф осеклась. — Алекс, а что ты хочешь запомнить? Или...

— Снится всякая фигня, — быстро сказала Сашка. — А меня это раздражает. То и дело какие-нибудь образы вижу, а зачем и почему — неясно. Лучше знать всё точно.

— Хорошо. Начнём вот с этого.

Заклинание Сашке понравилось. Оно было похоже на мягкую игрушку, которую так приятно слегка приминать пальцами, чувствуя тепло и уют, а ещё напоминало детские

приговорки-прибаутки своего мира: "Спи, головушка, усни. Птицей, сон мой, прилети. Покажи свои мне сказки, приведи свои подсказки. Утром же не убегай. Все картинки раскрывай!"

Несмотря на взбудораженность, спать легли, зевая.

А утром Сашка уже привычно выскользнула в коридор, где попыталась повторить тренировочный комплекс.

"Я здесь уже четвёртый день. В первый — побила Гарбхана и стала телохранителем. Во второй — дралась против цвергов. В третий — стукнула Дорана. Мда. Жизнь моя здесь несётся бешеным бульдозером. И как только Кэйтрия до сих пор здесь выжила? И что готовит нам с ней день грядущий?"

Обнаружила, что заниматься приходится в щадящем режиме, потому что тело застыло от вчерашнего лежания почти без движения. Да и ноги тяжеловаты — возможно, после падения вместе с Дораном на пол. Ничего, даже сократив тренировку, она добилась, чтобы все мышцы разогрелись. И чувствуя себя гораздо лучше, вернулась в комнату, где Кэйтрия уже хозяйничала возле печурки.

— Больше всего мне пока нравится, что нам теперь прятаться не надо, — задумчиво сказала Сашка, поедая кашу, принесённую Кэитрией из кухни и щедро приправленную любимыми девушкой-эльфом сухофруктами. — Но маскировку для университета я всё равно сделаю. Хорошо ещё, что можно нанести её прямо здесь, в доме.

— Но у тебя почти всё зажило, — возразила Кэйтрия. — Во всяком случае, на лице синяков не видно — Доран постарался.

— А кто знает, что Доран лечил меня? — хмыкнула Сашка. — У тебя лекарского образования нет, о чём наверняка все знают. Никто не удивится (ну, разве что сам Доран, но он поймёт), если я приду с посинелой мордой и парочкой царапин. Телохранитель же.

На занятия собирались тщательно. Пока Кэйтрия возилась с учебниками для практикумов, Сашка сунула в рюкзак альбомные листы, припрятанные в конверт, легко сложенный из газеты, и пачку карандашей. Она рассчитала так: если теперь комната Кэитрии будет недоступна для посторонних, значит, можно здесь оставить половину вещей, что таскала с собой в последний раз. Листов взяла немного. Для магических картинок формат был, как у привычной фотографии — двадцать на пятнадцать сантиметров. То есть половинка альбомного. Кроме всего прочего, она выяснила, что рядом с университетом есть лавочка письменных принадлежностей. Поскольку монеты, вырученные за кинжал Гарбхана, Кэйтрия решительно оставила Сашке: "Ты мой телохранитель — ты и будешь распоряжаться ими, а заодно и охранять их!", то Сашка надеялась, что девушка-эльф не будет против приобретения ещё нескольких тетрадей, из которых парочка останется Сашке — для обучения языку и для записей нужных ей в будущем заклинаний.

А пока готовая к выходу Сашка наблюдала, как одевается Кэйтрия. Впрочем, что — одевается? Девушка-эльф уже одета — осталось заняться верхней одеждой.

Договорились выйти пораньше, несмотря на то что первое занятие теперь перенесли на попозже, чтобы студенты не выходили в опасной сейчас темноте. Но Кэйтрия опаздывала, а Сашка молчала, не подгоняла её. Девушка-эльф только что надела новенькие с иголочки ботики и сняла с примитивной вешалки новёхонький плащишко — похожий на её старый, отличный разве что тем, что по краю капюшона протянулась тонкая полоска меховой опушки. Но Сашка, чуть улыбаясь, следила, как трепетно Кэйтрия разглаживает невольные складки отвисевшейся ткани, как любителю на себя в зеркало, в котором, вообще-то,

трудновато разглядеть все подробности. Эти вещи, взамен продырявленных цвергами, подарила им обеим та посочувствовавшая женщина-эльф, которая ещё и оказала первую помощь. Дама, видимо, богатая... Но не об этом думала Сашка. Всё новое. Два месяца Кэйтрии в городе, и она впервые надевает не свой потрёпанный плащик. У новой вещи простой фасон, а она смотрит на себя в зеркало так, будто стоит перед ним в бальном платье. "Вера так говорила, — вспомнила Сашка. — Ну, что надо смотреть на каждую новую вещь на себе так, будто собираешься в ней на бал!" Она было открыла рот напомнить Кэйтрии, что они опаздывают, но смолчала. "Чем бы дитя ни тешилось..." Вспомнив, что сама тоже не отказалась надеть новые сапожки, хотя старые ботинки ещё терпят, Сашка набралась терпения и только смотрела на девушку, пытаясь запомнить самое счастливое выражение её сияющего округлого личика, чтобы потом расписать его на картинке.

Неизвестно, сколько бы Кэйтрия вертелась перед зеркалом, радуясь новым вещам, если бы у входной двери не замерцало алыми искрами. Появившийся из небытия ротвейлер задрал башку и, судя по всему, бесшумно обгавкивал кружившуюся над ним летучую мышь, которая в ответ пронзительно верещала, явно тоже ругаясь. Оглянувшись на них, девушка-эльф подхватила сумочку и сказала:

— Нам пора.

— Ага, — согласилась Сашка, пряча усмешку, хотя и несколько удивлённая: с чего бы это Доран появился?

Тот мялся у забора, насторожённо оглядываясь по сторонам. "Я не трус, но я боюсь", — констатировала Сашка, подходя к калитке и открывая её перед Кэйтрией. Выпускать подопечную на улицу первой именно здесь — не страшно. За калиткой Доран.

— Что вы как долго? — проворчал тот, подавая Кэйтрии руку — на этот жест Сашка оквадратила глаза, потом кивнув себе: "Запомним и спросим, можно ли эльфу гулять с человеком!" Хотя чего тут спрашивать — и так ясно, что можно. Иначе бы Доран себе такого не позволил. Да и девушка-эльф, чуть посомневавшись и даже стесняясь, всё-таки сунула ладошку к локтю травника. Так что Сашка, в какой-то степени даже успокоенная, пошла за ними, насторожённо посматривая по сторонам, а заодно прислушиваясь к разговору уже двоих подопечных.

Через минут пять она чуть не хихикала. Доран, мёртвой хваткой вцепившийся второй рукой в руку Кэйтрии на своём локте, яростно контролировал её знания для сегодняшнего практикума! Кстати, правильно делал — ну, что вцепился. От его делового наскока, девушка-эльф в первый же раз дёрнулась сбежать. В общем, когда они дошли до университета, Кэйтрия явно мечтала о том, чтобы побыстрее настал час практикума, в конце которого травник отстанет от неё.

Пока они поднимались по лестнице на третий этаж, к аудитории, Сашка не сразу, но заметила, что её личность интересует многих. Поначалу было удивление: чего бы это? Потом она сообразила: как в любом месте, так и в университете земля слухами полнится. И вчера телохранители студентов с её курса, узнав, что Кэйтрия со своим охранником не пришла, а прошлым вечером случилось столкновение неизвестной пока студентки и её телохранителя с цвергами, сложили два и два, получив правильный ответ. А сегодня они подтверждали своё предположение, всматриваясь в лицо Сашки. Вот теперь она пожалела, что слегка подчеркнула заживающие царапины и синяки на лице... Хотя, исподлобья и из-под свалившихся на лицо волос посматривая вокруг, она видела во взглядах телохранителей на себя одобрение и даже восхищение.

Но, когда троица переступила порог лекционной аудитории, Сашка забыла обо всём и поняла, что Доран — гений! Ибо с первого стола третьего ряда на них вопросительно глянул Эйлилл, который тут же недовольно сощурился на руку Кэйтрии, зажатую локтем Дорана. "Ага!! — мысленно возопила Сашка. — Как там у Пушкина?! "Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей"?! А если наоборот?! А если мы предпочтём другого?! Ага!!" А когда троица уселась уже на привычный ряд, Сашка подумала, вытаскивая из рюкзака рисовальные принадлежности: "Но для начала неплохо бы узнать, а вдруг сердце, а то и рука Эйлилла заняты? Как жених, он, в общем, должен котироваться... " До звонка, как разглядела она по кабинетным часам, оставалось немного, но парочку вопросов можно решить.

— Доран, а что значит — увидел сквозь травы?

Нагнувшись, чтобы видеть Сашку, задавшую вопрос, Доран ответил:

— Есть травы мужские, а есть женские. Поскольку я не просто травник, а маг, то могу примерить травы к человеку или к эльфу. Я примерил к тебе парочку трав в воображении, как только увидел тебя позавчера. Меня смутило твоё странное одеяние, в котором сложно разобрать, кто ты — мужчина или женщина. И получил результат.

— Ясно. — Сашка поколебалась, задавать ли следующий вопрос при Кэйтрии, нет ли, и отказалась. Ещё обидится подружка, потом вымаливай прощения.

Но и Доран не лыком шит. Он, всё ещё согнувшись, внимательно посмотрел на Сашку и встал, обошёл ряд, чтобы сесть рядом с телохранителем.

— Ну?

— Не нукай — не запряг ещё, — буркнула Сашка.

— О, это какая-то идиома из твоего мира? — заинтересовался Доран. — Говори, о чём ещё хотела спросить.

— Пока ты добрый, да? — проворчала она. Но всё же прошептала: — А ты можешь посмотреть, свободен ли человек или эльф? Не связан ли дружбой с другим?

Травник немедленно обернулся к Эйлиллу. "Ни фига себе — соображалка!" — невольно восхитилась Сашка.

— Хочешь пристроить Кэитрию? — доверительно прошептал Доран.

— Ты всегда сразу берёшь быка за рога?

— Ух, какое выражение! — обрадовался травник. — А что-то связанное с травами у тебя есть в лексиконе?

— Доран! — сердито зашипела Сашка, глядя, как краснеет и опускает глаза Кэйтрия, заметившая странное внимание предмета своих воздыханий.

— Ты интересная, но нетерпеливая, — вынес тот вердикт. — Нет, я не умею этого делать.

— Ты хотел о травах? — недобро сощурилась теперь уже Сашка. — Получай. У нас называют пнём недалёкого и даже тупого человека.

Травник, неопределённо улыбаясь, смотрел на неё секунды две, а потом неожиданно и ласково провёл пальцами по её кисти.

— Ничего, ты мне и такая нравишься.

И, пока возмущённая Сашка, заикаясь, пыталась найти достойные слова в ответ, он спокойно встал и вернулся к Кэйтрии. "Интересно, — хмуро подумала Сашка, — а в бытовую магию входят всякие привороты? Он же травник. Ему это раз плюнуть — придумать что-то такое, чтобы я в него по уши втрескалась. Насильно. Но если такое есть,

наверное, есть и защита? Блин, придётся тоже заняться этой самой бытовой магией! А я сумею заниматься всем тем, что предстоит? — Сашка даже почувствовала настоящую панику при мысли о том, сколько впереди ждёт её, и вздохнула: — ладно, в процессе, может, легче будет. Но уже сегодня вечером требую с Кэйтрии, чтобы нашла мне антиприворот. На всякий случай!"

Прозвенел звонок, вошёл преподаватель. Нет, сначала не преподаватель. Сначала вошёл ректор университета — тот самый Каа, который сообщил о чрезвычайном положении в городе. А за ним — декан факультета бытовой магии, насколько запомнила его Сашка. Удивлённый первый курс затихарился, а потом и вовсе словно растворился в воздухе — такая тишина наступила, едва ректор, сохраняя на губах питонью ухмылку, обвёл жуткими глазами присутствующих.

— В связи со вчерашним инцидентом, — поплыли в воздухе мягкие, странно шипящие и в то же время чуть мурлыкающие слова, — мне бы хотелось напомнить вам всем, что за ваши жизни вне стен университета мы не несём ответственности, хотя мне было бы жаль ставить свою подпись под редееющими, уточняемыми списками студентов моего достойного заведения.

Проговорив единственную фразу, ректор не спеша двинулся к выходу. Сашка, исподтишка следившая за ним, вдруг заметила, что Каа, прежде чем повернуться к двери, бросил косой взгляд на первый ряд столов — туда, где сидел Эйлилл. Случайно? Типа: "Не думай, что я тебя не заметил, пока смотрел на остальных?"

Дверь за ректором закрылась, и студенты осели и обмякли, словно оттаяв после леденящего присутствия Каа. Даже преподаватель, декан факультета бытовой магии, видимо понимая присутствующих, некоторое время расправлял бумаги на трибунке, давая студентам возможность прийти в себя.

Лекция началась. Сашка бросила последний взгляд на Эйлилла, отметив, что темноволосый красавчик сегодня без своего телохранителя. И, уже достав карандаши, задумалась: а не пошёл ли Гарбхан в лавку, указанную Дораном, за своим кинжалом?

Для начала надо усыпить бдительность Дорана. Тот то и дело поглядывал из-за Кэйтрии, что делает её телохранитель. "Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!" — подумала Сашка и пожалела, что не может написать на здешнем языке записку с этой поговоркой и перебросить её Дорану. Пришлось достать позавчерашнюю газету и начать изучение письменности, а заодно и старых новостей. Пусть Доран думает, что Алекс приготовил её на весь час лекции. Постепенно вчитавшись, Сашка забыла о травнике. Газета была городской, а значит, и все вести касались города. И не только те, что били тревогу из-за чёрных шаманов.

Уже привычно подставляя буквы и читая про себя и по слогам самую большую статью с предпоследней страницы, заранее присмотренную из-за объёма, Сашка постепенно погружалась в этот странный мир. В статье рассказывалось о коротких происшествиях в городе за один день. На окраине произошёл пожар в небольшом деревянном доме купца из гоблинов. Автор считает, что имел место самоподжог, так как гоблины известны своим пристрастием к винному питию, а пьяный гoblin способен на всё. В центре города состоялся митинг против спектакля, в котором завуалированно высмеивался представитель городской эльфийской аристократии. На улице Кузнецов нашли тело мёртвого гнома: привезённое в морг, оно на втором часу пребывания там пропало и объявилось решительно ползущим в сторону родного дома. На городском рынке орки-телохранители передрались с

заезжими орками-крестьянами, и их подопечным пришлось вмешаться и магически навести порядок в рыночных рядах, чтобы телохранители, обрюзгшие в городе на белых хлебах, остались живы. Полиция города обнаружила в районе Моста Летящих Всадников бандитский притон, приторговывавший веселящей травкой; взятых на месте преступления бандитов отправили на бесплатные работы по восстановлению мостовых в пригороде, а веселящее зелье уничтожено; открыто следствие по делу неизвестных, которые это зелье поставляли бандитам. На подходе к городу арестовали караван с контрабандным спиртом. Во дворе одного из домов в центре города нашли магическую детскую площадку, появившуюся весьма таинственным образом; идёт проверка её безопасности для детишек, которых пока сюда не допускают. Магический департамент открыл в городе горячую линию — почтовые ящики для тех, кто обладает информацией об убийстве младшего принца, а также для тех, кто знает основные места скопления в городе чёрных шаманов и цвергов...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Добравшись до этого абзаца, Сашка поняла, что устала спотыкаться на словах, да и глаза утомились. Надо заняться чем-то другим. Взгляд на часы — до конца этого часа ещё минут пятнадцать. Поскольку волосы во время напряжённого сидения над газетой свалились на глаза, Сашка осторожно, не разгибаясь, глянула на Эйлилла. И успела поймать его взгляд, когда красавчик-эльф в очередной раз повернулся боком, чтобы видеть Кэйтрию. Затем, уже не таясь, Сашка посмотрела, как дела у подопечных: девушка-эльф и травник сидели голова к голове, о чём-то шёпотом совещаясь и показывая друг другу на лекции. Сашка спрятала довольную ухмылку: ну? Как себя чувствует красавчик, по которому вчера млела Кэйтрия?

И, выложив на стол чистый прямоугольник специально вчера нарезанного альбомного листа, принялась набрасывать черты Эйлиллова лица. Готовый этюд был закончен быстро. Дед не любил учить внуку рисованию, приходилось бегать к репетитору. Но даже стоять рядом и, затаив дыхание, смотреть, как на холсте появляется живое лицо, оказалось учёбой. Сашка не верила, что можно, став художником, получить крепкую профессию. А дед верил. И теперь Сашка снова и снова признавала его правоту.

Спрятав набросок, она посидела, немного отдыхая: плечи затекли от напряжённого рисования, когда приходится думать ещё и о том, чтобы спрятать рисунок от чужого глаза... А потом вспомнила и вытащила новый кусочек альбомного листа. Есть ещё один рисунок, над которым можно работать, не боясь ничего.

Сны... Едва она вспомнила о них, перед глазами забежали, запрыгали чудовищно изломанные фигурки, взмахивая уродливыми ручонками с зажатыми в них узкими ножами. Приступая к рисунку, Сашка смутно пожалела, что с собой не взяла в тот вечер, когда шла к репетитору, любимый блокнот — он большой и толстый. Но постепенно она увлеклась. Как будто её рукой завладели существа — головастые, носастые, покрытые гривой волос и бороды, одетые в шкуры, но голоногие и рукастые, с бешено горящими маленькими глазками... Даже маленький кусочек вскоре оказался расписан бегущими, прыгающими, угрожающими фигурками — и не только цвергов. Рядом с ними пару раз появились странные фигуры существ, закутанных в свободные одежды... Одно из них Сашка даже узнала: именно он ударил её, когда она пыталась пробраться к входу в лавку.

Когда Сашка очнулась, над ней нависали с обеих сторон Кэйтрия и Доран.

От неожиданности Сашка содрогнулась всем телом — не то что вздрогнула.

— Эй, — охрипшим голосом позвала она. — Так и до инфаркта довести можно. Чё пугаете?

— Да это не мы пугаем, — откликнулся травник. — Это ты пугаешь? Что это?

По какой-то странной ассоциации Сашка вспомнила Гойю. Промелькнула мысль: а не видел ли художник цвергов, когда писал свои жестокие картинки из серии "Капричос"? Она посмотрела на листочек — сплошь в уродцах, и кивнула себе: всё может быть.

— Это цверги.

— Я понял, что это цверги, — нетерпеливо сказал Доран. — Но... почему ты их рисуешь? Тебе это нравится?

— Говорят, если вывести свои ночные кошмары наружу, в явь, они перестанут сниться, — ответила Сашка. И травник, помолчав, понимающе кивнул.

— А это кто? — шёпотом спросила Кэйтрия, указывая на фигуры в чёрном.

— Вот этот ударил меня. Они оба были там. Мне кажется, это чёрные шаманы. Надо же кому-то направлять цвергов. А значит, они должны быть рядом.

— Хм. Ты первая, кто запечатлел чёрных шаманов, — пробормотал Доран, тревожно всматриваясь в рисунки.

— А вы чего пялитесь сюда? — рассердилась Сашка, но догадалась взглянуть на аудиторию: о, кажется короткая перемена? А потом снова хмыкнула. — Ишь...

Подопечная и травник обернулись на её взгляд. К ним поспешно поднимался Эйлилл — с сумкой-котомкой! Решил пересесть? Внутренне Сашка рассмеялась, сообразив, в чём дело: за их столом — интересно!

А через минуту Эйлилл дотошно изучал листок, оттеснив Кэйтрию от её телохранителя и таким образом оказавшись между двумя девушками. Доран, кажется, пробормотал что-то нехорошее в его сторону, но красавчик эльф так увлёкся, что не расслышал претензии. Но Сашка опять поняла травника: эльф пока не знал, что телохранитель Кэйтрии — тоже девушка. А Доран пока не хотел, чтобы эту тайну знал ещё кто-то со стороны.

— Что ты будешь делать с этим листком? — обратился Эйлилл к Сашке, уже выяснив, что она рисует по воспоминаниям сна.

— Не знаю пока, — безмятежно ответила она. — Положу в газету, пусть лежит.

— Кэйтрия, ты не объяснишь своему телохранителю, чем грозит такой рисунок?

Доран хлопнул себя по лбу.

— Ох ты...

— Звонок, — испуганно напомнила девушка-эльф, в то же время радостно глядя на Эйлилла. Уж кто — кто, а Кэйтрия сразу сообразила, что эльф пересел сюда на весь последний час лекции.

— Поговорим после лекции, — зловеще предупредил травник. — А пока...

Теперь лекцию писали втроём, причём Эйлилл успел выпросить у Сашки её листок с цвергами и чёрными шаманами. Почесав в затылке, Сашка решила, что месть её будет ужасающе изощрённой, и вытащила новый листок, на котором принялась создавать черты Кэйтрии. Посматривая на Эйлилла искоса, поймала его невольный взгляд раз, другой...

— Где ты учился рисованию? — прошептал эльф.

— В основном — у деда.

Больше они не перекидывались репликами, а потом Сашка додумалась посмотреть на Кэйтрию и здорово пожалеть, что Эйлилл оказался рядом с ней. Девушка-эльф сидела, строго выпрямив спину, но с таким напряжением, что Сашка начала опасаться, как бы у неё спина не затекла. Судя по всему, Кэйтрия, кажется, приходила к выводу, что на время лекции лучше любоваться Эйлиллом издалека, чем сидеть с ним поблизости.

Но, когда закончилась лекция для первого курса, которому потом напомнили перейти в другую аудиторию, поменьше, потому что эту должны занять второкурсники, Эйлилл собрал свою котомку и пошёл вместе с неразлучной уже троицей. Глядя, как Кэйтрия испуганно оборачивается на него, о чём-то вполголоса беседующего с недовольным Дораном, Сашка мысленно пожала плечами: когда-то девушке-эльфу надо столкнуться с "жестоккой реальностью" и общаться с предметом влюблённости не только на расстоянии, явно придумывая свою историю любви.

На следующую лекцию опоздали. В том смысле, что аудитория оказалась и впрямь маленькой — и другие студенты быстро заняли последние ряды столов. До одногруппников Кэйтрии дошло, что они могут узнать жуткие новости из первых рук, и таким образом уже вся четвёрка оказалась в центре внимания. Кэйтрия ожидаемо смутилась, и бремя рассказа взял в свои руки Доран, беззастенчиво объяснив, что он успел вчера повидать одногруппницу и узнать о её плачевном положении после нападения цвергов. А заодно помочь с домашним заданием. На последнее заявление Дорана народ поднял брови, явно не поверив в такое самопожертвование, но слушал короткое изложение происшествия в его довольно ярком исполнении, затаив дыхание.

Когда история была закончена, дышать стало нечем: уже не только одногруппники нависали над участниками страшных событий, но и весь курс. Когда Сашка опомнилась, она осторожно огляделась и пригнулась: преподаватель, читавший вторую лекцию, сидел неподалёку и тоже увлечённо внимал рассказчику, забыв о том, что уже идут драгоценные минуты его собственной лекции.

Тип в чёрном, который постоянно на практикуме таращил глаза на всё и на всех, немного помялся и предложил:

— Кэйтрия, могу помочь твоему телохранителю и снять с него все повреждения.

Сашка опустила глаза, насмешливо размышляя: предложение щедрое, но сделано так, словно телохранителя нет в аудитории.

— Не надо, — отозвался Доран. — Я уже взялся за него. Видели бы вы его вчера! А сегодня уже ничего — посвежей выглядит.

Про себя Сашка решила, что после всех занятий она точно намылит травнику голову. Ладно хоть, вмешался очнувшийся преподаватель и напомнил, что занятий никто не отменял. Студенты быстро разбежались по местам, и лекция началась.

Перед следующим занятием, а именно по практической химии, на радость обеим девушкам, да и Дорану, прибежал Гарбхан. Ничего не подозревающий орк обозрел кабинет, в котором заседала группа первого курса, и поспешил к хозяину. Как выяснилось, он принёс обед, который Эйлилл неожиданно щедро (а может, вынужденно — сидел же рядом) разделил на всех. Пока остолбенелый орк смотрел, как радостно голодные студенты и чужой телохранитель поедают принесённые им какие-то интересные (для Сашки) хлебцы, начинённые овощами и мясом, Эйлилл покопался в своей котомке и вынул листок с цвергами. Секунду спустя он за рукав потащил своего телохранителя к двери из кабинета. Гарбхан, в общем-то, не сопротивлялся. Просто он никак в себя прийти не мог: как?! Хозяин сидит с теми, кого не стоило допускать до него?!

Поскольку увлечённо жующий Доран сидел рядом, а Кэйтрия заворожённо смотрела на дверь, за которой скрылся красавчик эльф с телохранителем, то Сашка тихо спросила травника, предварительно стукнув его в бок:

— Доран, а кто такой Эйлилл?

— То есть? — Травник так удивился, что перестал жевать.

— Зачем ему моя картинка с цвергами?

Доран повернулся к двери, на которую до сих пор любовалась девушка-эльф. Подумал. Задумчиво потёр кончик носа. Посмотрел на Сашку.

— Ты права. Он не похож на студента. Ну... с натяжкой — он похож на весьма любознательного студента.

— И куда он послал, интересно, Гарбхана с моей картинкой?

— Почему ты думаешь... — начал Доран и заткнулся.

— На что спорим, что Эйлилл вернётся без телохранителя?

Дверь открылась со звоном. Вошёл Эйлилл. Как и предсказывала Сашка — без Гарбхана. Доран и Сашка переглянулись. Блин, как любопытно!

А ещё через минуту в кабинете началось странное движение. Телохранители внезапно встали и толпой пошли к двери. Их подопечные не обращали внимания на них. Удивлённая Сашка таращилась на это странное явление, пока охрана не начала исчезать в коридоре, а потом в лёгкой панике обернулась к Кэйтрии, которая еле скрывала собственный испуг.

— Что делать?

Ответил грузный телохранитель нервного рыжего мальчика. Громадина проходила мимо их стола. Она потрясла Сашку за плечо, при этом чуть не уронив её на пол.

— Идём, — важно пророкотал телохранитель.

Она глянула на ошарашенно приоткрытый рот Кэйтрии, на серьёзного Дорана, который подвинул свой стул к девушке, на Эйлиллу, который уселся за учебный стол напротив них, но откровенно завидовал уходящим телохранителям. Поняв, что трое за столом выживут этот час и без неё, Сашка встала, нахлобучила капюшон чуть не на глаза и вышла следом за остальными. У двери обернулась, вспомнив, и даже втянула голову в плечи. Но рыжий мальчик и не думал вопить: раскрыв рот, он тревожно смотрел им вслед.

Телохранитель рыжего важно шествовал следом за толпой — впрочем, не очень многочисленной, и оглянулся только раз и молча, но Сашка надала скорости и вскоре шла наравне с ним по пустому коридору.

Спустились к выходу из главного корпуса, перешли дорогу с редкими прохожими и машинами-какетами и оказались в небольшом сквере. Сашка сквер узнала: именно здесь она столкнулась с Гарбханом и встретила Кэйтрию. Пятеро телохранителей уселись на скамейке, дожидаясь, пока подойдут грузный крыс (так его пришлось обозвать про себя — при виде вытянутой морды с цепкими круглыми глазами; не забыть бы спросить у Кэйтрии, что это за народ) и Сашка. Крыс величавым жестом указал Сашке на скамью — двое телохранителей потеснились, и Сашка спокойно села между ними. Крыс, судя по повадкам, был кем-то вроде негласного командира здешней группы телохранителей. Он властно ткнул пальцем в черноволосого мужчину в форме университетской охраны, что-то рокотнул неразборчивое, и тот заговорил, глядя на Сашку.

— За прошлую неделю цверги напали на трёх наших телохранителей, когда те были со своими подопечными. Выжила только одна студентка — и та была исколота до такой степени, что... испугалась и больше не ходит в университет, даже вылеченная. Мы на перемене поговорили и решили узнать у тебя, как выжили вы с леди Кэйтрией. Нет! — поднял он руку, заметив, что Сашка покачала головой и со вздохом открыла было рот. — Мы уже знаем, что эльфы и маги помогли вам. Но впервые телохранитель стоял против цвергов несколько минут, пока не подоспела помощь, и выжил. Мы все хотим знать — как тебе это удалось. Может, повезёт и нам в такой же ситуации.

— Такой же — не будет, — отрезала осмелевшая Сашка: по делу привели!

— Это почему же?

— Чёрные шаманы теперь знают, что нападать цверги должны там, где не будет магов или эльфов. Или их будет слишком мало.

Телохранители переглянулись, но черноволосый, взявший на себя лидерство в маленькой группе, кивнул.

— Правильно. Это справедливо. Но всё равно покажи, как ты отбивался.

— Я бы мог показать, но у меня ноги до сих пор болят. Исколоты, — напомнила Сашка. — И выстоять против них всё равно нереально. Их слишком много, а в тени прячутся и сами чёрные шаманы. — И она непроизвольно потрогала скулу.

— Но ты всё равно держался минуты, хоть и мелкий, — настаивал черноволосый. — Порой хватает и этого времени, чтобы спасти подопечного, а то и самому с ним удрать. Пойми, мы теряем работу! Да и умирать не хочется.

Тонкая лапа грузного крыса опустилась на плечо Сашки, а чёрные глаза испытующе заглянули в лицо. Она поняла без слов. Да, быть настороже, знать хотя бы мелочи... Они правы. Надо рассказать именно это — то, что было опущено, когда она и Доран рассказывали вообще о происшествии.

— В руках у цвергов какое-то оружие с тонким лезвием. Типа дротика с толстой иглой на конце вместо наконечника. Им-то они и стараются колоть ноги. Когда Ке... — она споткнулась, но пауза не была замечена. — Когда леди Кэйтрия и я оказались в самой гуще цвергов, я подумал: раз они малорослы, а значит — легковесны, то оружие, которое бы помогло нам немного, должно быть такой штукой — прочная верёвка с грузом на конце. У меня при себе была котомка на ремнях. Тяжёлая. Я удлинил ремни и раскрутил котомку вокруг себя и леди Кэйтрии. Летящий груз испугал цвергов, а некоторых уронил, сбил с ног или отбросил подальше. Пока они соображали, что к чему, леди успела убежать под защиту лавки.

— Бола, — словно делая открытие, задумчиво сказал черноволосый. — Каменные шары на ремнях или на верёвках.

Пока Сашка переводила дух, телохранители заспорили между собой об оружии бола. Как поняла Сашка, оно известно с древних времён. Оружие далёких предков. Просто сейчас, да и в городе, как-то не думалось, что его можно применять, как в стародавние времена. Доспорились до того, что неплохо бы не только вооружиться бола, но и заставить подопечных хозяев облить камни на ремнях магическим огнём. А потом черноволосый тревожно кивнул Сашке.

— Дальше!

— А дальше ничего интересного. — Сашка вытащила из кармана куртки руку — показала кастет на пальцах. — Бил вот этим и ногами. Особенно когда на землю сбили.

— Ну, кастетом-то нас не удивишь. А ногами — как?

— Дождь хоть и шёл, но цвергов иногда видел, когда приближались. Вот и пинал. Хотя, скажу честно, лучше бы ходить в сапогах... — Сашка ухмыльнулась. — С металлическими подковами. И с защитой, которую цверги не пробьют своими иглами. Ну, типа — в поножах.

— От ответа не уходи. Покажи, как бил. Ноги болят — медленно покажи.

Крыс, внимательно слушавший, так и остался стоять на месте, а остальные поднялись со скамейки, когда Сашка встала в паре-тройке метров от неё. Потоптавшись на месте, чтобы определить, насколько удачно она сумеет сделать несколько приёмов, Сашка поняла, что ноги выдержат. А дело — и в самом деле серьёзное. Подумав и вспомнив, она показала целый комплекс ударов против низкого противника: как бить ногами в воздух — стоя, как бить ногами вокруг себя, делая оборот в приседе. Утренняя разминка помогла не задыхаться от мышечной нагрузки, да и Доран неплохо поработал над ранами и их заживлением.

Когда она рывком поднялась с мостовой, телохранители сосредоточенно смотрели то на неё, то на землю. Черноволосый признался:

— Разных бойцов видели, но такой драки — нет. Почти. Чем-то похоже на горские

приёмы. Научишь?

— Как оклемаюсь, — без колебаний отозвалась Сашка, тяжело дыша, но меркантильно вспомнив, что можно и на тренировках заработать деньги. А им с Кэйтрией монета ох как нужна!

— А кулаком? Без кастета? — спросил другой университетский.

— Иди на меня! С желанием стукнуть! — велела Сашка и сама пошла навстречу ему. Поднырнула под замах и скрутила ему руку за спину. После чего — любимая подсечка и коленом в поясницу, когда тот неловко свалился.

— Ха! — сказал черноволосый. Его глаза загорелись. — Слышь, Алекс, а как тебя леди Кэйтрия нашла? Вроде говорили — у неё денег нет?

Сашка быстро прикинула обстоятельства и спокойно сказала:

— Зато у неё есть место, чтобы голову приклонить на сон грядущий. И чашка каши. А мне в тот день большего не надо было. И не она меня нашла. Это я её нашёл. — Она ласково улыбнулась черноволосому. — Когда Гарбхан приставал к ней.

"Репутация не повредит! — размышляла Сашка, шагая в тёплой компании новообретённых друзей. — Эти услышали — другим расскажут, а Гарбхан переживёт".

Когда они поднимались по лестнице, выяснилось, что время в сквере пролетело незаметно, так что звонок с первого часа третьей пары застал телохранителей недалеко от кабинета. Не замедляя шага, последили, как из кабинета вышел преподаватель, и так же спокойно вошли... Кабинет встретил крайне интересно. Во-первых, из него пахло крепкими запахами самогона и тухлой рыбы — поморщился даже невозмутимый крыс. "Ничего себе у них практическая химия!" Во-вторых, быстро отыскав глазами Кэйтрию, Сашка подняла брови: та сидела, выпрямившись испуганным курсантиком рядом с двумя солидными полковниками, которые, благо сидели через стол, заваленный пробирками, чем-то похожим на примус и всякими кулёчками и чашками с ингредиентами, сверлили друг друга злыми глазами. Остальные не обращали на них внимания, из чего Сашка заключила, что поссорились студенты не из-за Кэйтрии.

— Ага, — заметила она, обходя стол, чтобы сесть неподалёку от хмурого Гарбхана. — Вы ещё погавкайте друг на друга — и образ двух псов будет завершён.

Красавчик эльф стремительно поднялся и, захватив с собой стул, переместился к ней, усевшись так основательно, что, попытайся она сбежать, не вышло бы.

— Ты не вписываешься в образ, — это слово он произнёс саркастически, — человека из Нижнего квартала. Как ты это объяснишь?

— Все, блин, себя такими умными и знающими мнят! — вырвалось у Сашки вполголоса. И тут же, сама удивившись, почувствовала благодарность к матери, которая натаскивала её по литературе и языку, готовя к экзаменам, и заставляла проговаривать вслух ответы на билеты, не глядя в тетради. Потому что без подготовки то, что она собиралась произнести, выговорить трудно: — А в голову не приходило, что Нижний квартал не рождает таких, каких вы себе придумали? Что туда можно попасть и волею обстоятельств?

Лицо Эйлилла вытянулось. "Что? Съел?" — про себя фыркнула Сашка. Но лицо эльфа постепенно стягивалось в новую маску — усталости и глухого раздумья.

— Хорошее выражение — "волей обстоятельств", — почти прошептал он, глядя на Сашку, но явно не видя её. Затем его глаза обрели жизнь и сфокусировались на телохранителе Кэйтрии. — Что ж, напоминание о квартале объясняет твою речь и манеры.

Он медленно поднялся со стула и отнёс его на место.

Сашка покосилась на Гарбхана. Орк сидел, насупившись. Всё слышал? "И чё?" Зато теперь ясно, почему парни злятся: Эйлилл настойчиво старался узнать, кто она такая, а Доран с Кэйтрией пытались отмолчаться.

Второй час начался с минилекции преподавателя, который призвал не мешкать и побыстрей закончить опыт с магическим использованием домашних средств, которые можно найти в любой кухне любого дома. Сашка не вникала в происходящее. Она с удовольствием следила за тем, как Кэйтрия не очень уверенно что-то смешивает с подсказки Дорана, а потом поджигает и добавляет в полученный дымный кошмар какие-то приправы. Запах самогона постепенно превращался в нечто более приятное и даже аппетитное, а дохлой рыбой больше не пахло. Принюхиваясь втихаря, Сашка различила запахи укропа и тушёных овощей. Что у них за практическая химия? Из химикатов готовят нечто съедобное? Или это химия органическая?

В конце практикума дверь резко открылась. Всунулась взъерошенная голова, которая радостно сообщила:

— Первый курс, бытовики! Четвёртой пары не будет!

Дверь хлопнула. Студенты не успели опомниться, как преподаватель, который сориентировался в ситуации быстрее, сказал:

— Заканчивайте опыт, господа. Вам ещё записать его поэтапно и сдать результаты. Поторапливайтесь.

Эйлилл, который сидел в какой-то прострации, спохватился и принялся строчить под негромкую диктовку Дорана. "Эти сдадут тетради первыми", — решила Сашка, наблюдавшая за всеми сразу. Когда она снова отвлеклась от практикума, глаза рассеянно остановились на окне. Осень в городе... Тучи подползли незаметно... Не из-за них ли сокращён учебный день? Вон как темно становится... Или... Сашка похолодела: не собирают ли чёрные шаманы где-то неподалёку от университета цвергов для нового террористического акта (будем называть вещи своими именами)?

— Эй, ты... — прогудели рядом.

Сашка повернулась к Гарбхану.

— Мой... — телохранитель эльфа покосился на Эйлилла, — вчера у вас был?

— Был. — После короткого ответа орк так насупил брови, что нос сморщился, и Сашка, заставив себя быть серьёзной, добавила: — И Доран был.

— О... — Гарбхан уставился на травника, который яростно шипел на Эйлилла, узрев в его записях ошибку и тыча в неё пальцем. Лицо орка просветлело, и он успокоился. А потом Гарбхан и вовсе осторожно и, как ни странно, беззвучно, пересел к телохранителю рыжего мальчика, и они о чём-то зашептались. Причём раз Сашка уловила на себе недоумённый взгляд орка, на что крыс важно покачал головой, будто подтверждая.

Со звонком Сашка не встала, выжидала, когда студенты соберутся. И стала свидетелем небольшой сценки, исполненной потаённого смысла. Доран собрал тетради всех троих и сунул их в руки Эйлиллу: передай, мол. Тот рассеянно взял тетради и пошёл к столу преподавателя. А когда обернулся от него, замер: Доран учтиво помогал удивлённой Кэйтрии надеть плащ и вообще хлопотал над нею так, словно вокруг собственной невесты!.. Сашка прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Это что происходит... Травник вспомнил, что Кэйтрию хотели сдружить с Эйлиллом, и тоже собирается действовать через чувство ревности?

Встал Гарбхан и подошёл к Эйлиллу, буркнул что-то. Тот опомнился, а Сашка

вздохнула: эх, нельзя подслушать! Хотя сообразить нетрудно: орк напоминает подопечному, что надо держать влюблённую Кэйтрию на расстоянии... Мгновенное воспоминание заставило Сашку прыгнуть со стула и поспешить к Эйлилу. Изумлённый орк только было попытался заступить ей дорогу, как Сашка одним прыжком обошла его.

— Почему нельзя рисовать чёрных шаманов?

Эльф поднял голову так, будто хотел сказать: "Ох, голова еловая! Чуть не забыл!"

— Чёрные шаманы постоянно проверяют, не следит ли кто за ними магически. Твой рисунок близок к магии. Поэтому, пожалуйста, Алекс, не рисуй больше ни чёрных шаманов, ни цвергов. По твоей магии они могут найти тебя и попытаться уничтожить. И тогда ты подставишь не только себя, но и Кэйтрию.

— Спасибо, — кивнула Сашка и заторопилась назад, к тревожно ждущей её девушке-эльфу, рядом с которой только не подпрыгивал от нетерпения Доран.

— Что он тебе сказал? — немедленно осведомился тот.

— Я спросил насчёт рисунка, — коротко сказала Сашка. Доран был при беседе о том, что нельзя рисовать чёрных шаманов. Должен догадаться, о чём она могла спросить.

— Понял, — легкомысленно сказал Доран. — Ну что? Идём?

— Куда? — поразились даже Кэйтрия. — Разве тебе не надо бежать по своим делам?

— А вас отпустить одних в лавку? — в свою очередь поразился Доран. — Ни за что! Я вчера ещё договорился, чтоб меня сегодня не ждали.

— А чего одних? — чуть не обиделась Сашка. — Кэйтрия со мной — и мы постараемся до темноты успеть попасть домой.

— Алекс... — промурлыкал Доран, сияя нахальной улыбкой, благо что отвернулся от одноклассников. — Я целый день рядом с тобой и ни разу не получил возможности поухаживать за тобой! Я провожу вас в лавку, потом — до флигеля, и хоть там-то у меня будет пара минут, чтобы выразить тебе своё восхищение и умиление. И поухаживать.

Кэйтрия не выдержала и сдавленно хихикнула. Бросив взгляд искоса, Сашка заметила, как насупился на это хихиканье Эйлилл. Красота! Ладно, пусть травник идёт с ними. О, его ещё и использовать можно будет! Пусть поторгует на пару с нею, пока Кэйтрия бродит по лавке, разглядывая красивые вещицы. Если выторговать пару лишних монет, можно будет девушке купить какую-нибудь безделушку — осчастливить!.. Хотя нет. Лишних денег — нет. Сашка снова украдкой огляделась. Две девушки-эльфы как раз проходили мимо. Быстрый сравнительно-оценочный взгляд на них — ага, у Кэйтрии нет перчаток! Безобразие. Кстати, может, это и будет как раз той вещицей, о которой из всех мечтает подопечная?

На крыльце университета уже знакомые телохранители перекинулись кивками и улыбками с Сашкой и пропали в надвигающихся тучевых сумерках вместе с подопечными. "И вам удачи!"

— Кэйтрия сказала — вы хотите в меняльную лавку подальше отсюда, — напомнил о себе Доран. — Знаю парочку таких. Но не уверен, что до темноты успеем в них. Может, во вчерашнюю?

— Нет, — отрезала Кэйтрия и зябко передёрнула плечами. А потом умоляюще попросила: — Только не туда! Пожалуйста!

— Прости, Кэйтрия, не подумал, — со вздохом покачал головой Доран. — Тогда давайте я вас доведу до ближайшей, где ваши поделки примут за неплохую цену.

Поделки... Сашка плелась за ними и соображала: лавок везде полно, но не в каждой есть маги, которые сумеют превратить обычный рисунок в магическую картинку счастья.

Поэтому и приходится выбирать, в которой из них рисунки придутся, что называется, ко двору... Доран вскоре, как только скрылось университетское здание, прибавил шагу, и Сашка с удовольствием понеслась за парочкой, вдыхая прохладный воздух, слегка влажный после дождей, с привкусом дымка — наверное, из домашних печей. Она вспомнила печурку во флигеле и помечтала побыстрее оказаться под крышей. И не только потому, что побаивалась, как и Кэйтрия, нападения чёрных шаманов и их присных, но и потому, что уже не влажный, а промозглый холодок начинал вползать под одежду... Шли они вдоль дороги, по которой погромыхивали кареты, закрытые от вкрадчиво заморосившего дождя, и слегка подпрыгивали смешные машины. Чтобы забыть о навязчивых мыслях, Сашка смотрела на мокрые булыжники, будто политые разноцветным маслом — так они сияли светом фонарей и витрин... И снова, забывшись, думала о том, как много в этом мире загадок. Сумела выяснить, что не так с рисунками. Зато теперь надо поразмыслить над следующим: если рисунки с чёрными шаманами почти магические, то не наполнены ли той же магией и картинки с хорошенькими женскими и девичьими личиками, которые она успела написать за вечер? Доран промолчал насчёт этих картинок — может, спонтанной магической силы маловато для них? Нужна целенаправленная?

Травник обернулся и сказал:

— Пришли!

Дождь уже не напоминал слишком густой туман, так что они не просто вошли в лавку, а забежали в неё. Так шустро, что даже продавец покосился недовольно. Типа, наверное, не по делу, а просто погреться? Впрочем, слегка подзамёрзшая Сашка сразу обратила внимание, что эта лавка не просто магазинчик. Чуть далее, вглубь помещения, располагался чайный уголок, за столом которого уже сидели два человека, наслаждаясь... Сашка, насторожившись, втянула воздух: ой, ёлки-зелёнки! Кофе!

Дверь за спиной приоткрылась, и Сашка обернулась к ней чуть ли не в прыжке. И попятилась. Эйлилл (без телохранителя!) зыркнул на неё, шмыгнул носом (хм, тоже слишком легко одет!) и устоял на обомлевшую Кэйтрию.

Доран с супердовольной ухмылкой подтолкнул девушку-эльфа к Эйлиллу и велел:

— Идите и закажите кофе — нам тоже! Алекс, нам сюда!

Изумляясь про себя: оказывается, так мало эльфу надо было, чтобы обратить благосклонное внимание на девушку?! — Сашка передала несколько монет Кэйтрии и последовала за Дораном к указанному прилавку, за которым стоял тот самый продавец. Теперь-то он смотрел на них более одобрительно.

— Я вас слушаю, господа! — Он осёкся, когда его глаза скользнули по рукаву Сашкиной куртки и обнаружили там шеврон телохранителя, сегодняшним утром аккуратно пришитый рукой Кэйтрии.

Но слова были сказаны, и продавец только поднял брови: "Что ж с вами поделаешь — господа, так господа!"

Сашка молча вынула из рюкзака три салфетки, при виде которых продавец схватился за вещицы, как утопающий за соломинку, и тут же отдёргнул загибающиеся ручки, вспомнив, что он ещё должен поторговаться. А Сашка гордо за Кэйтрию улыбнулась: значит, руки у девушки и впрямь золотые! Ведь и беглым взглядом можно заметить в лавке множество салфеток, а продавец всё равно воспрял духом при виде принесённых. Поглядывая назад, на эльфов, усевшихся за довольно длинный стол, Сашка присматривалась к продавцу, проверяя своё впечатление. Доран уже всю торговался и, кажется, очень даже хорошо. Когда с

салфетками закончили, Сашка выложила на прилавок пять картинок, едва успев выдернуть из стопки незаконченный портрет Эйлилла. Этот жест Доран, внезапно нахмурившийся, проводил подозрительным взглядом, а Сашке снова захотелось показать ему язык. Некогда. Расширившиеся глаза продавца, засиявшие нескрываемой жадностью, прояснили ситуацию: монет будет много!

Они подошли к столу через десять, довольные-предовольные.

Как только сели, Кэйтрия встала и быстро разлила по чашкам горячий кофе.

— Мы взяли булочки! — радостно сообщила она, взглядывая на Эйлилла, который тоже улыбался, но как-то не очень оптимистично.

Прикинув обстоятельства, Сашка сообразила: если он беден, но старался вести себя по-рыцарски, это он заплатил за кофе и булочки. Всё бы ничего, но, наверное, как ему не хотелось платить ещё за двоих! Может, компенсировать ему денежку?

— Так, нам, пожалуйста, вот этих пирожных ещё, — попросила Сашка подавальщика и сразу выложила двадцать серебрушек. Пирожные выглядели заманчиво, а, как Сашка, понимала, есть их каждый день не придётся. Так праздник первой выручки пусть будет праздником!

— Откуда у тебя?... — вырвалось у красавчика эльфа.

— Я рисую, — напомнила Сашка. — И у меня получается. Кэйтрия ещё не рассказывала про картинку счастья?

Кэйтрия тут же зашебетала о том, какие красивые картинки у Сашки получаются, а у Эйлилла, который не только слушал девушку, но и смотрел на неё, сразу стало такое мягкое лицо, будто он мгновенно что-то вспомнил. Сашка, приныкая к краю чашки с кофе, усмехнулась: вспомнил, как она рисовала Кэитрию на лекции?.. Кофе оказался обалденным: в меру горячим, в меру насыщенным.

— Тебе нравится кофе без сладкого? — тихо спросил Доран, который следил за ней, как коршун за цыплёнком.

— Да не совсем, — пожалала плечами Сашка и поймала странный взгляд эльфа на них обоих. Сначала не сообразила, а потом развеселилась: ладно, пусть телохранитель Кэитрии — отнюдь не бандитская нищета и не отбросы из Нижнего квартала, но почему Доран так интимно шепчется с ним? И — бедный Доран! Мечтал поухаживать за ней, а получил "вон чё"!

— Ладно, хоть кофе попью, — словно отвечая её мыслям, пробормотал Доран.

— И не только, — спокойно сказала согревающаяся Сашка. — Расскажи, кого ты хотел на своих картинках видеть? Ты же сказал — тебе тоже картинки нужны.

— А, ты про это... — Доран скептически оценил, как снова заговорили Эйлилл и Кэйтрия только между собой, и объяснил: — Я же травник. И маг-целитель. У меня есть несколько больных, которых я пользую травами. Если ты мне поможешь, я сумею помогать им и на расстоянии. Понимаешь мою задумку?

Вспомнив, как в своём мире часто натыкалась в газетах на предложения о привороте-отвороте по фотографии, а то и о гадании по ней, Сашка кивнула. И тут же бдительно спросила, усмехаясь про себя:

— Платить будешь?

— Буду. Деньги есть.

— Тогда отдай пару монет Эйлиллу, — скомандовала она. — У него тоже явно не самое лучшее финансовое положение, но он был щедр.

— Я не скупердй, — хмыкнул травник и тут же выложил перед эльфом монеты. — Эйлилл, не обижай меня перед дамами. Пусть кофе будет в складчину!

"Плюс тебе в карму, Доран! — про себя улыбнулась Сашка, сначала оторопевшая от оговорки травника. — И щедрый, и умеешь быть деликатным..." Правда, у эльфа лицо озадаченное: возможно, удивился слову во множественном числе — "перед дамами". Потом, вероятно, решил, что это просто оборот речи, и заикливаться на нём и переспрашивать у Дорана, что он имел в виду, не стал.

Сашка же на всю катушку наслаждалась кофе. Она выпросила ещё одну чашку и теперь не пыталась выдуть её в один присест, а смаковала глоточками, запивая сладкое пирожное, чьи кусочки таяли на языке.

Потом они вместе искали перчатки для Кэйтрии, которая только хлопала ресницами, как самый счастливый ребёнок на свете, пока выбирала себе кожаную пару, и даже Эйлилл, глядя на неё, сам того не замечая, улыбался. А когда выходили, Сашка со вздохом подумала: "Придётся поговорить с Кэитрией и решить, надо ли Эйлиллу знать, что я девушка. Доран-то наверняка согласится на раскрытие тайны. Ему так легче ухаживать за мной..." И немного смутилась: а есть уверенность, что травник по-настоящему ухаживает за ней? Отчётливо видны лишь деловые отношения и заигрывания Дорана, которого интригует нынешняя ситуация.

— Вы идите вперёд, — бесцеремонно сказал Доран эльфам, как будто доказывая, что мысли Сашки имеют под собой основание, — а мы пока обсудим следующие наши дела.

Кэйтрия-то обрадовалась, а вот Эйлилла перспектива идти впереди и ничего не слышать из разговора за спинами, явно не прельщала.

Сашка вздохнула.

— Было бы время — было бы здорово проследить за Эйлиллом, — прошептала она.

— Думаешь, он может оказаться кем-то иным, чем студентом? — подхватил Доран.

— Думаю.

— А зачем тебе знать? Из-за Кэйтрии?

— Ну да... Если уж я подрядилась её охранять, то должна знать, будет ли она в безопасности с Эйлиллом.

— Хочешь, поставим на него метку? — деловито предложил травник.

— А если заметит?

— Не будет знать, чья она.

— Мышка поможет? — намекая на живую татуировку, спросила Сашка.

— Конечно.

— Хм. А давай. Вдруг что-то интересное выясним.

— Ничего интересного, — пробурчал Доран, кажется уязвлённый тем, что Сашке любопытней эльф, чем он. — Кстати, о чём тебя спрашивали телохранители?

— Про драку с цвергами. Попросили показать пару приёмов, которые я использовала. — Сашка ответила рассеянно, думая о постороннем и примитивном: нравится ли ей Доран? И тут же отвечала себе на вопрос: откуда ей знать? Знакомы-то чуть ли не шапочно. Ну, как друг — ничего так. Если не вспоминать о том, как он попервоначально пытался лезть к ней, воспользовавшись её слабостью. С одной стороны, травник готов в любой момент припасть к сладенькому. С другой — показал себя, как правильный товарищ... "Вот тебе и ответ на твой вопрос, — отметила Сашка. — Доран может быть тебе только другом — и не более!.. Быстрей бы добраться до флигеля..."

Десятая глава

Прощались романтично, у калитки, хотя обе девушки и поторапливали своих провожатых, с опаской поглядывая на темнеющие тени, которые с бесшумной вкрадчивостью увеличивались, стоило только моргнуть глазом. Закрыв калитку и отворачиваясь от неё, Сашка услышала, как Доран говорит эльфу:

— Ладно, пойдём. Хоть и идти-то нам вместе недолго.

Хм. Травник имеет в виду, что живут они в разных сторонах от университета?

А уже топая следом за Кэйтрией, она улыбнулась: не в эти ли минуты Доран собирается с помощью летучей мыши ставить на Эйлилла отслеживающую метку? Вот только смысл, если по вечерним улицам следить за эльфом смертельно опасно? И тут же встревожилась: они-то с Кэйтрией сейчас будут в безопасности, а парни? Успеют ли они добраться ли до крепких стен? Не наткнуться ли по дороге на цвергов? Вон как пустынно на улицах... И помощи не дозовёшься...

И забыла о парнях, чуть не наткнувшись на Кэитрию. Та остановилась и удивлённо помаргивала на уходящих, которые уже почти скрылись на улице, выглядевшей по-вечернему уютно и мирно. Если не вспоминать об опасности. Потом взглянула на Сашку, теребя завившийся от сырости светлый локон.

— Я... не сплю? Он меня проводил? Он пил со мной кофе?

— И лопал пирожные, — преувеличенно мрачно напомнила Сашка. И не выдержала — рассмеялась. — Давай-ка пойдём домой. Завтра своим Эйлиллом налюбуйешься. А уж как он тобой любоваться будет, если ты здорово подготовишься к очередному практикуму!

— Шутишь, — вздохнула девушка-эльф, мечтательно улыбаясь. — Алекс... Я так счастлива, что ты появилась в моей жизни!

"Ну, я бы так не сказала о тебе, — подумала Сашка, за локоток разворачивая Кэитрию к флигелю. И озадачилась: — Или сказала бы?"

Но за крепкими решётками ограды вокруг поместья расслабиться не удалось. Инстинктивно сжались пальцы на локте девушки-эльфа, останавливая её в нескольких метрах от флигеля.

— Ты что? Больно! — удивилась та.

— Тихо! Не видишь?

Теперь замерли обе, всматриваясь в тонкую горизонтальную полосу над ставнями закрытого окна. Она светлела. Хоть и не должна бы...

— Может, слуги пришли принести что-то из мебели? — шёпотом предположила Кэитрия, прижимая к себе, словно щит, сумку с учебниками и тетрадями.

— Иди за мной, — шёпотом же велела Сашка и сунула свободную руку в карман, вдевая пальцы в лежащий там кастет. Больше всего хотелось сказать Кэитрии, чтобы она оставалась на улице, пока идёт проверка, кто внутри флигеля. Но страшно оставлять её и на улице, одну, без догляда. Так что лучше уж пусть за спиной шагает.

Они зашли за угол флигеля. Дверь оказалась полуоткрыта, из неё падал на землю, серую, щетинистую от пожухлой осенней травы, кривой прямоугольник тусклого света.

Прислушавшись к негромким голосам, Кэитрия выдохнула и улыбнулась:

— Ой... Там тётя!

— А, тогда пошли, — пробурчала Сашка, с плеч которой словно и впрямь давящий груз

свалился. Тётя — не цверги и не чёрные шаманы. Поговорили — и разошлись.

Увы, всё оказалось не так просто. То есть совсем не просто.

Сашка пропустила Кэйтрию вперёд и закрыла за собой дверь.

Девушка-эльф не сделала по коридору и пары шагов, как чуть не споткнулась.

— Ты что? — шёпотом удивилась Сашка и обошла её, чтобы посмотреть, что заставило подопечную замереть на месте.

Дверь в их комнату была распахнута настежь. Сторожевой магический пёс еле виднелся в воздухе коридора и смотрел на хозяйку, виновато поджав хвост.

— Не понял, — пробормотала изумлённая Сашка. — Утром же у нас всё получилось?

Кэйтрия выпрямила до невозможности спину — чуть не животом вперёд — и перешагнула порог. Сашка за ней. Быстро оглядела помещение.

Тётя стояла между двумя здоровыми мужиками в одинаковой одежде — охрана здешняя? Чуть поодаль от них сутулился дворецкий Синан — тоже под охраной двоих здоровых, а вот ещё дальше, у Сашкиной кушетки, стояла та самая вальяжная кастелянша. Заметив вошедших, она оборвала причитания и уставилась на них. Пока ещё только удивлённая, Сашка разглядела вспухшие, будто от долгого плача, веки этой дородной "дамы" и сообразила: именно кастелянша пыталась прорваться в комнату Кэйтрии.

— Добрый вечер, тётя. Что случилось? — робко спросила Кэйтрия.

Сашка, чуть не открыв рот, смотрела на женщину потрясающей красоты. Когда та приходила вместе с дворецким к ней, раненой, Сашка помнила, что она невероятно красива. Но сейчас, на свежую голову... Тётя Кэйтрии и в самом деле была прекрасна. Любому художнику было бы лестно и желанно работать с такой моделью. Поразительная фигура в платье, которое подходит только королеве — то бишь тёте. Лицо, тонкое и глазастое, заставляло любоваться им как творением гениального мастера.

Тётя грациозно шагнула от своих охранников. И Сашка сморщилась от резкого голоса, жалея, что нельзя заткнуть уши, пока она говорит.

— Я никак не ожидала, что под сенью моей крыши моя родственная кровь будет заниматься развратом! — по одному цедила слова сквозь зубы женщина-эльф. — Привести в мой дом безродного бродягу и блудить с ним!.. Я такого не потерплю! Я дала тебе крышу над головой и кушанья с моего стола — ты ела то, что ем я. И так ты мне ответила на мою доброту?! Не желаю знаться с отпрысками моей близкой ветви, которой всё равно, с кем проводить время! Хочешь блудить — иди на улицу, в любой дом, который тебя примет вместе с твоим избранником из низов! Но я не потерплю, чтобы мои дочери, чистые и невинные девочки, знали с той, которая опозорила наш род и нашу кровь! Я не жду оправданий от девицы, поправшей законы гостеприимства и общества! Вон из моего дома! Дворецкий Синан, проследите, чтобы и следа этой девки в моих владениях не было!

Сохраняя королевскую осанку, надменно вздёрнув подбородок, она прошествовала мимо посторонившихся девушек, сопровождаемая охраной.

Когда за ними хлопнула входная дверь во флигель, дворецкий вопросительно взглянул на Кэйтрию.

— Леди Кэйтрия, вы не хотите...

— Какая она леди! — завопила кастелянша. — Пусть забирает свои вещички и убирается со своим молодчиком!

Сашка осторожно сделала шаг вперёд — взглянуть на подопечную. Рот Кэйтрии полуоткрыт, и нижняя губа трясётся — вот-вот девушка расплечётся. Сашка сжала кулаки,

но промолчала: захочет Кэйтрия — расскажет тайну своего телохранителя тёте. Не захочет — Сашка её поддержит.

Кэйтрия закрыла рот и звонко сказала:

— Я сейчас соберусь, и мы уйдём!

Тоже неплохо.

Кастелянша упёрла руки в бока и принялась сверлить девушку сощуренными глазами. А Кэйтрия отдала сумку с учебниками Сашке, а сама напрямик направилась к печурке, за которой они, используя магическое заклинание и зеркальце, спрятали от чужого и вороватого глаза все свои ценные вещички, невидимые до поры до времени невооружённому магией глазу. Мужчины из охраны следили за ней спокойно, только раз пренебрежительно скользнув взглядами по Сашке. Она поняла эти взгляды: "Тоже мне — леди! Могла бы найти себе из простонародья и более представительного любовника. А то нашла какого-то хлюпика!"

Между тем девушка-эльф вынула из-за печурки одну за другой две сумки и только было понесла их к столу, чтобы туда же начать складывать и другие вещи и книги, как ожила кастелянша.

— А если эта девка наворовала тут и с собой сейчас унесёт вещи госпожи?! — завопила она, срываясь до визга, жадно следя за каждым движением опальной хозяйской племянницы. — Проверить надо! Всё проверить, что она уносит!

Вот здесь Кэйтрия растерялась, а та, воспользовавшись её замешательством, кинулась к столу и уже запустила руку в первую, ближайшую к ней сумку... Сашка мгновенно поняла, чем грозит обыск. Любую найденную у Кэйтрии и приглянувшуюся этой бабнице вещь можно назвать хозяйской и унести, а потом — показать хозяйке в доказательство что-то из домашней мелочи, а эту присвоить.

Она стремительно прыгнула вперёд и раскрытой ладонью от души врезала по толстому лицу бабщи. Та отшатнулась, взвизгнув... А Сашка аж головой покачала: по щеке как будто по куску теста шлёпнула.

Кэйтрия своё отыграла с достоинством. Теперь — очередь Сашки. Она мгновенно, используя драгоценное время, пока все остолбенели от неожиданной ситуации, выхватила лист из стопки тетрадей и других листов и с треском пододвинула стул к столу.

— Леди Кэйтрия! — ледяным от ярости голосом, так что остановились пришедшие в себя и заспешившие было к ней от двери охранники, скомандовала она и шлёпнула лист на стол. — Садитесь и пишите!

Слава богу, девушка-эльф подчинилась сразу, заспешив так, что чуть не упала на предложенный стул, и тут же схватила ручку.

— В правом верхнем углу: "Начальнику городского магического департамента! Студентки магического университета Кэйтрии такой-то!" — Сашку понесло — и она это понимала, но остановиться уже не могла. — В середине листа — "Заявление! Я, такая-то и такая, проживающая по адресу такому-то и такому! Требую устроить обыск в комнате кастелянши, которая нагло грабила меня, пока я отсутствовала в выделенном мне флигеле, будучи на занятиях в университете! Не один раз сбив замок, она врывается ко мне в комнату и воровала вещи и деньги. Прилагаю список ворованных вещей — двоеточие: первое — салфетки, вязанные лично мной..." Леди Кэйтрия, цифру, сколько их было, вписывайте сами.

— Двадцать две! — пискнула девушка-эльф, еле успевая строчить за Сашкой.

— Второе...

— Коралловая шкатулка! — чуть не заплакала Кэйтрия. — Мама на день рождения подарила! А в ней украшения — два браслетика и серёжки, три колечка и серебряные шпильки для волос... Мамины платочки!

— Пишите-пишите, леди Кэйтрия!

Изумлённый Синан быстро подошёл к одному из охранников и что-то вполголоса сказал ему. Тот, обалдевший от происходящего, утвердительно покачал головой, одновременно выражая собственное изумление.

— Третье...

— Шёлковый, расшитый бисером несессер с мазями и духами, — откликнулась Кэйтрия, уже сердито строя ручкой. — Четвёртое — два шёлковых шарфика.

— Сколько денег вам из дома дали на обучение и проживание — не забудьте вписать, леди Кэйтрия, — напоминала Сашка, сама уверенно принявшись за сборы и увязывая верёвкой стопки учебников.

— Разве их теперь вернёшь? — горестно вздохнула девушка, глядя на потолок. — Кошелёчек красивый был — все в нём хранились.

Теперь в комнате царило молчание всех, кто выгонял девушек. Кастелянша, ахнувшая и пытавшаяся что-то сказать, наткнулась взглядом на кулак дворецкого и только попискивала теперь, сжавшись и ссутулившись.

— Всё? — железным тоном спросила Сашка. — Добавьте в конце: "Поскольку я приезжая студентка и денег мне взять негде, требую немедленного расследования!" Леди Кэйтрия, ставьте подпись и сегодняшнюю дату. Осталось сложить наши вещи — и уматывать отсюда! По дороге зайдём в первый попавшийся полицейский участок и...

— Простите, пожалуйста, леди Кэйтрия! — взмолился дворецкий. — Нельзя ли всё между собой уладить? Мы готовы расследовать это дело в узком кругу! Вы, я вижу, уверены в своих претензиях, а значит — всё это правда! Мы сейчас же пошлём с вашим заявлением двух охранников в дом кастелянши — и они проверят все уголки комнат по списку, представленному леди Кэитрией! Пожалуйста! Не нужно огласки! Это повредит репутации моей хозяйки!

Кэйтрия вставала из-за стола медленно и напряжённо, во все глаза глядя на него.

— А моя? Моя репутация? — тихо спросила она дрожащим на грани слёз голосом. — Моя?! Вы знали, кто Алекс, — и промолчали! Почему вы не вступились за меня и за него?!

Теперь уже и подвывающая кастелянша, тут же заткнувшаяся — любопытство победило страх перед разоблачением, и мужчины уставились на дворецкого. Тот замялся и с отчаянием пожал плечами.

— Но ведь теперь можно всё рассказать! — взмолился он. — И ваша репутация, леди Кэйтрия, не будет опорочена! Простите старика — растерялся!

— Поздно, — с достоинством сказал Кэйтрия, взяв себя в руки. — Пусть охранники поищут мои вещи в её доме и принесут мне. Но жить здесь, где верят каждому слову всех, кроме меня, я не собираюсь!

— Сколько было денег? — быстро спросил дворецкий, умоляюще глядя на девушку.

— Шесть золотых и семьдесят серебряшек.

— Всего-то! — с облегчением выдохнул тот.

— А то, что леди Кэитрии из-за безденежья пришлось думать о возвращении домой, ничего? — глядя ему в глаза, с тихой яростью спросила Сашка. — То, что у неё не было

денег на всё необходимое для учёбы, ничего? То, что ей на вашей кухне оставляли кашу для прислуги, — ничего?! Причём остатки! То, что сами не дожрали! Или вы хотите сказать — госпожа ваша ела ту же кашу? Именно её на стол ей подавали?!

— Вот заявление, — сказала Кэйтрия и отдала бумагу дворецкому. — Мы ждём полчаса — и уходим, пока не совсем ночь. Постарайтесь поторопиться!

— Меня из-за вашего навета уволят! — вновь завопила кастелянша.

— А не воруй! — плюнула вслед ей Сашка. — Навет!..

Орущую от страха и негодования бабищу вытолкнули из флигеля, оставив девушек наедине. Когда крики смолкли, они переглянулись.

— Ты уверена? — спросила Сашка. — Ну, что переехать хочешь?

Она не стала напоминать, что, если они уйдут именно сейчас, могут напороться на чёрных шаманов с цвергами. Что они пока не знают даже, куда податься. Не знают, где находятся и какие именно гостиницы, о которых говорил Доран. В первую попавшуюся тоже ведь не въедешь. А хочется найти жильё и поближе к университету, и поприличней.

— Уверена, — решительно сказала Кэйтрия и огляделась. — Одну вещь я у тёти всё-таки сворую — метёлку. И мы с тобой дойдём до нужной гостиницы, если даже мне придётся наравне с тобой отбиваться от цвергов!

Сашка отвернулась, как будто снова занялась книгами, хотя сама чуть вслух не фыркнула от смеха. Ого, какая боевая подруга рядом с ней! Настроение, во всяком случае, то, что надо при данных обстоятельствах!

— Если дворецкий принесёт все мои вещи, — задумчиво сказала девушка-эльф, складывая свой старый, так и не отремонтированный плащ, — это будет идеально.

— Все, конечно, вряд ли... И — нет, не идеально, — возразила Сашка, упираясь коленом в верхнюю книгу, чтобы уплотнить следующую стопку и связать её надёжней. — Идеальным будет, если явится твоя тётя и извинится.

— Это даже не смешно, — пробормотала Кэйтрия.

Полчаса прошли. Они сидели на вещах, как на вокзале, и смотрели на часы, хотя Сашка уже начинала подумывать, не уйти ли прямо сейчас, не дожидаясь появления дворецкого. Но жалела Кэйтрию, которая надеялась на возвращение домашних вещей, которые дороги ей как память о доме. А ещё она заметила, что Кэйтрия — нет-нет, да посмотрит на тёмное окно и тут же прикусит губу. Бойтся. Сашка, честно говоря, тоже побаивалась, хотя и помнила, что молния дважды в одно место не бьёт... Но всё в жизни бывает... Сторожевой магический пёс лежал рядом с сумками, высоко подняв выпуклые бровки, то ли до сих пор смущаясь тем, что не сумел обречь помещение, то ли боясь до сих пор не высказанного гнева хозяйки.

И внезапно пёс вскинул голову, а губы Сашки разъехались в неудержимой улыбке.

— Кэйтрия! — на всякий случай шёпотом воззвала она. — Живём!

Девушка-эльф удивлённо покосилась на неё, а потом проследила её взгляд. И тоже разулыбалась, глядя, как летучая мышка порхает перед ними, вылупив глазки-бисеринки на них, на пса, который и не думал нападать на неё, и на собранные вещи.

Они снова переглянулись. Поэтому Доран предупредил Эйлиллу, что вскоре их дороги разойдутся? Травник решил вернуться, как только избавится от спутника! Ничего себе... Этот самоуверенный тип не боится ничего?

— Кэйтрия, эта шмакодявка понимает нашу речь?

Шмакодявка пронзительно завизжала, протестуя против нелестной характеристики и

подтверждая свою разумность.

— Эй, лапочка, — ласково обратилась Сашка к мышке, и та замерла на месте, только чудом не свалившись, потому как забыла трепетать крыльями. — Передай Дорану, что мы вот-вот выйдем к нему.

Мышь затрепыхалась в воздухе, подлетев ближе к лицу просящей, словно чего-то дожидаясь, и Сашка ещё раз обозвала её "лапочкой" и "миленькой". Кажется, мышке ласковые слова понравились, и теперь она пропала в один миг.

А девушки рассмеялись.

— Ну и мордель у него будет, когда он нас увидит! — хохотала Сашка. — С сумками и мешками!

— Это ещё что! — подхватила подопечная. — Вот сейчас у него какое лицо будет, когда мышка скажет, что МЫ выйдем к нему!

— Ну, сам виноват, — пожалала плечами Сашка, вытирая слёзы, выступившие от смеха. — Он же первый начал о гостиницах. А раз ничего не боится, пусть проводит! Он же всё равно на свидание настроился! Так пусть время даром не теряет!

Кэйтрия вздохнула от полноты чувств и осторожно спросила:

— А почему ты решила, что на свидание?

— Ты слишком занята своим Эйлиллом, — усмехаясь, сказала Сашка, — поэтому ничего не замечаешь. Ладно, об этом потом, как будет время. Синана всё ещё нет. Доставай свои лекции и читай вслух. Неизвестно, сколько у нас потом будет времени на подготовку к занятиям.

— Не хочется, — призналась Кэйтрия. — Все мысли о том, что произошло.

— Обида ещё не прошла? — поняла Сашка. — Ладно, тогда я у тебя вот о чём спрошу. У того рыженького мальчика телохранитель — он... какой породы? Или вида?

— Он из племени горных веркрысов, — рассеянно объяснила Кэйтрия, которая начала прислушиваться к небольшому шуму в коридоре. — Оборотень. Их часто используют в богатых семьях ренаров как телохранителей и нянек.

Поразмыслив над короткой информацией, Сашка сообразила: рыженький мальчик — лис-оборотень. Тот самый ренар. Ух ты... Аж мурашки по телу...

Мысли об оборотнях оборвались с открытием двери в комнату. Кастелянши больше нет. Есть те самые двое охранников и дворецкий. Охранники подошли к опустевшему столу и выложили на него узел, который тут же развязали. Кэйтрия буквально порхнула к вещам.

— Шкатулочка! — ахнула она, сморщившись от подступивших слёз. — Я думала — больше никогда её не увижу!

— Открой, — посоветовала Сашка, встав рядом.

— Там ничего нет, пусто, — повинился Синан. — Кастелянша всё продала, а вот саму шкатулку не посмела.

— Ничего! Главное — шкатулка! Мамин подарок! — Девушка прижимала к себе шкатулку, простенькую на вид, блёкло-розового цвета, и улыбалась сквозь слёзы. — И несессер остался! И мешочек с нитками и спицами!

— Леди Кэйтрия, время. Поторопитесь, — тихо напомнила Сашка. И взглянула на дворецкого: — Вы сказали госпоже?

— Да, она передала вам эти деньги и компенсацию за невольное оскорбление. — И с небольшим поклоном Синан вручил Кэйтрии кошелёк, даже на вид тяжеловатый.

— Двенадцать золотых, — пересчитала Кэйтрия и взглянула на Сашку.

— Пора, — решительно сказала та и напомнила: — Пса заberi.

Девушка-эльф кивнула и сняла со стены клочок собачьей шерсти. Сашка, оглядевшись, проверила: магический пёс исчез. Как-то не хотелось оставлять его в этом опустевшем без них месте.

— Леди Кэйтрия, — умоляюще сказал дворецкий. — Может, уйдёте завтра? Сейчас на улицах опасно, а хозяйка запретила нам сопровождать вас.

Сашка только хмыкнула. Запретила? Это вроде как завуалированное требование остаться до завтра? С вами всё ясно! Что скажет Кэйтрия?

Девушка-эльф посмотрела на Сашку и спокойно сказала:

— У меня есть защитник, оправдавший мои надежды. Мы уходим. Прощайте, Синан. Прощайте, господа, — кивнула она охранникам.

Выходя следом за подопечной с грузом в руках и за плечами, Сашка едва не затряслась от смеха — Кэйтрия выполнила свою угрозу: несмотря на две сумки в руках, подмышкой она крепко прижимала ту самую метёлку! Интересно, чувствует ли себя девушка-эльф настоящим грабителем?

Охранники и дворецкий проводили девушек до ограды. Сашка страшно боялась, что Доран не успеет скрыться с глаз долой, но у калитки никого не было. Синан только напомнил Кэйтрии, что дом её тёти всегда радушно готов принять её назад, и ушёл, сопровождаемый охраной.

Девушки прошли в вечерней темноте недолго. Не успели порадоваться ярким фонарям, как услышали торопливые шаги.

— Алекс! Что случилось?!

Доран добежал до них, и девушки с каким-то злорадством опустили груз на булыжники мостовой.

— Мы сбежали из дома! — радостно объявила Сашка.

— И теперь ищем место, где можно жить, — добавила Кэйтрия. — Доран, ты вроде говорил, что знаешь гостиницы, где можно разместиться студенту?

Травник постоял, глядя на обеих с открытым ртом, но опомнился быстро. Бросил беглый взгляд на вещи, которые доказывали, что девушки не шутят. И вдруг широко улыбнулся. И заметил, поднимая с мостовой самый большой мешок с лямками:

— И не надо мне говорить, что вы не рассчитывали на мою помощь! Благосклонно приму вашу благодарность за то, что помогу вам с вещами.

— Доран, спасибо большое! — быстро вставила Кэйтрия, подавая ему следующую сумку. — Мы тебе очень и очень благодарны!

— Вы и правда не боитесь?

— Нет, — буркнула Сашка.

— Тогда развею ваш страх перед дорогой. Гостиница, которая подойдёт благовоспитанным леди без гроша в кармане или с небольшим грошиком, находится совсем близко. Итак, леди, вперёд!

— А где это? — бдительно поинтересовалась Сашка.

— Нам пройти университет и одну улицу. Не беспокойся, Алекс. Гостиница с хорошей репутацией, и леди Кэйтрии там будет удобно.

— Спасибо, Доран! — на этот раз без усмешки сказала девушка-эльф, и они поспешили по улицам, блестящим от недавно прошедшего дождя.

Как предположила Сашка, путь от поместья тёти до гостиницы занял минут двадцать.

Они не успели вымокнуть под дождевиком, который начал накрапывать. Не успели испугаться, что дождик этот может вмиг потемнеть и стать признаком появления чёрных шаманов...

Возле двери в гостиницу стоял пусть и не швейцар, но явно гостиничный служащий, так как он широко распахнул тяжёлую дверь перед девушками и нагруженным Дораном, и они без проблем вошли в помещение. Маленький зал вестибюля, сухое тепло, несколько человек в креслах у стены, читающие газеты, и зевающий служащий при конторке, который тут же перестал зевать и обрадованно качнулся к новым гостям или будущим жильцам, — всё выглядело так гостеприимно и уютно, что даже насторожённая Кэйтрия успокоилась.

А через минуту девушки возмущённо таращились на этого негодяя — или ловчилу Дорана, потому что, подойдя к конторке, он приветливо сказал:

— Привет, Парт! Привёл тебе новую жиличку!

— Привет, Доран. — Служащий дружески кивнул ему и выложил на конторку маленький предмет. — Возьми сразу ключ от своей комнаты. Только что принесли от нового замка к твоей двери. Добрый вечер! Леди, будьте добры, объявите своё имя.

— Леди Кэйтрия с телохранителем! — не умея унять возмущение в голосе, чуть не рывкнула девушка-эльф.

— Ого, — чуть не пригнул голову Парт.

— Не беспокойся, Парт. Леди злится на меня, потому что я не дал ей списать свою контрольную работу. Так, Кэйтрия, успокойся! — поднял руку Доран, останавливая в очередной раз рассерженную девушку. — Это шутка! Всего лишь шутка!

Когда Кэйтрия пришла в себя от негодования (Сашка не вмешивалась, разглядывая вестибюль), служащий Парт предложил:

— У нас есть номер, подходящий к вашему случаю. Правда, на третьем этаже.

— Как это — подходящий? — переспросила всё ещё сердитая Кэйтрия.

— Это большая комната, в которой есть маленький закуток с кухней. В этот закуток мы можем поставить тахту для вашего телохранителя, тем более что (Парт улыбнулся Сашке) ваш телохранитель довольно... невысокий.

"Хотел сказать — коротышка?" — усмехнулась Сашка.

— А можно посмотреть сначала? — попросила Кэйтрия.

— Да, конечно. Эй, Конн! Присмотри за вещами леди!

Сутулый мужчина, слишком широкоплечий, как показалось насторожившейся Сашке, поднялся от узкого дивана, где сидел с журналом в руках, и подошёл к вещам, пристроенным на нижней внутренней полке конторки. Парт выбрался со своего места и побежал впереди гостей к лестнице.

Комната Кэйтрии сразу понравилась — это Сашка угадала по тому, как девушка с трудом сдерживала радость, разглядывая её. Во-первых, от входной двери не видно кровати: она пряталась за тонкой стенкой, которая и отделяла основное помещение от узкой кухоньки. Во-вторых, в комнате, кроме кровати, находилась довольно-таки приличная мебель: встроенный шкаф для одежды был таким огромным, что, захоти Сашка спрятаться в нём, она могла бы даже уснуть здесь, на его основании, вытянувшись во весь рост: далее был приземистый и пузатый комод не только с нижними солидными ящиками, но и с верхними небольшими — для мелочи. Письменный стол располагался справа от окна, а над ним пока пустовали две полки. Тахта, даже на вид мягкая, стояла неподалёку от стола, и Доран, искоса взглянув на Сашку, сказал:

— Парт, мы сами поставим тахту на кухню, ладно? Пусть Конн принесёт вещи сюда.

Леди Кэйтрии, кажется, номер понравился.

— Да, — призналась девушка-эльф, с удовольствием глядяваясь в настенное зеркало, — мне здесь понравилось.

И её радость была настолько искренней, что она не смогла ругаться, когда выяснила, что номер Дорана располагается напротив их комнаты. И только Сашка задумчиво глянула на травника, который с неопределённой улыбкой смотрел на неё, и внезапно сообразила, что он смотрит на её губы. Кулак показывать, напоминая, пока не хотелось. Но Сашка спокойно решила, что, если Доран будет настаивать на своём против её воли, он нарвётся.

Одиннадцатая глава

Под конец этого длинного, но весьма любопытного вечера Кэйтрия шепнула на ухо насторожённой Сашке:

— Никогда бы не подумала, что Доран может быть так мил!

"И вынослив, как выучный осёл!" Но от данного высказывания вслух Сашка удержалась, хоть и хотелось очень. Ведь эти слова — насмешка, хоть и добрая, а смеяться сейчас над травником не хотелось.

Внезапно спокойный и трудолюбивый, он терпеливо перетаскивал мебель и ставил её так, как пожелалось Кэйтрии — Сашка не принимала участия в перестановке, удовлетворившись тахтой, перетащенной в кухню, где она — почти! — не мешала столу и двум стульям. Он даже не вякнул, когда Кэйтрия, испуганно поглядывая на него, извинилась и попросила перенести на прежнее место комод, поставленный было у двери.

Зато Доран оторвался, когда мебель была расставлена, большинство личных вещей из сумок и рюкзака заняли свои места, а девушки успели переодеться и расставляли книги из библиотеки университета, строя предположения, как тётя Кэйтрии и её прислуга сумела войти в комнату, которую они запечатали двумя заклинаниями.

Сошлись на том, что кастелянша сначала сунулась в помещение со старой мебелью, потом нарвалась на зловоние, попытавшись открыть дверь в комнату хозяйской племянницы. Последнее её разозлило, и он наверняка побежала к хозяйке жаловаться на вредную жиличку. Ну и та, будучи бесцеремонной (хозяйка же!), сама отправилась снимать магический запор с двери. Если смотреть на результат, сделала она это легко. Сашка ещё хотела спросить Кэитрию, почему та раньше не обратилась к тётё за помощью, когда её ограбили впервые. Но промолчала. Пусть они и подруги, проверенные страшной бедой, но пока такой вопрос озвучивать неудобно. Слишком личный. Хотя Сашка предполагала ответ: судя по немногим неохотным репликам Кэйтрии, тётя с ней знаться не хотела, а девушка-эльф, несмотря на то что приехала из провинции, оказалась слишком умна — и понимала это. Ответ тёти на обвинения племянницы мог быть прост: я, конечно, с прислугой разберусь, но ты... Не нравится здесь — ищи себе другое место для проживания. Любопытно, есть ли здесь студенческие общежития?

Итак, Доран, удалившись в собственный номер, дал им возможность устроиться в номере, но уже вскоре нетерпеливо загрохотал в дверь, одновременно звучно требуя немедленно открыть — причём, таким голосом, что Сашка бросилась к двери и с тревогой распахнула её.

— Чё орёшь? — вполголоса спросила она, быстро осматривая коридор в обе стороны: неужели кто-то гонится за ним?

Снеся её с дороги одним мановением руки (впрочем, отпрыгнула она сама от его потянувшейся к ней руки), Доран ворвался в номер и провозгласил:

— Расписание на вечер! Экскурсия в трактир — поужинать. Угощаю я — в честь вашего переезда! Возвращение в ваш номер — и мы с Кэитрией садимся за стол и работаем над домашними заданиями на завтра! Всё ясно? Тогда надеваем плащи — и вперёд! Быстро!

— А как же чёрные шаманы? — робко спросила Кэйтрия, хватая новенький плащ, который травник у неё тут же отнял и галантно придержал за спиной, чтобы она надела его с удобствами.

А Сашка прикинула и поняла, что за адреналином сборов и устройства на новом месте они с Кэйтрией и впрямь забыли, что ели-то только в той кафешке, которая размещалась в меняльной лавке. Да и то — сладости настоящим ужином не назовёшь, а после явления взрывного Дорана с сообщением о трактире желудок Сашки как-то вдруг вспомнил, что хочется пожевать нечто солидное, о чём и пробурчал довольно отчётливо.

— Я сказал — экскурсия! — Жутко довольный собой, Доран ухмыльнулся. — Это значит, я показываю дорогу к трактиру — и безопасную! Алекс, прошу!

И отобрал куртку и у неё, чтобы тоже невообразимо элегантно впихнуть её в эту одежду. Только надел, как внезапно застыл, глядя на девушку и не убирая рук с её плеч — с краёв незастёгнутой одежды. После чего вдруг резко снял куртку с плеч Сашки и потащил девушку за руку к зеркалу.

— Алекс, ну пожалуйста! — взмолился он, глядя на неё в отражение. — Взываю к твоему чувству авантюризма! Я — что? Зря старался? Может, оденешься в платье поженственной? Я скажу друзьям, что привёл двух однокурсниц! Никто ничего не узнает! Я ведь понял, почему ты стараешься маскироваться! Чтобы не приставали лишний раз, но ведь я... Мне хочется поухаживать за тобой, как и за Кэйтрией, а не огрызаться в очередной раз, изображая пренебрежительное отношение к дерзкому телохранителю!

Сашка, стоявшая неподвижно, вдруг вспыхнула, радуясь, что в номере, несмотря на свечи, не очень светло, а потому краски смущения на её лице не видно. Нет, она поняла, чего добивается Доран. Да он и не скрывал своих желаний... Но... Она слабо улыбнулась его отражению в зеркале, и травник, ещё не поняв, что именно она думает, разочарованно поднял брови.

Вставшая за их спинами Кэйтрия тоже внимательно вгляделась в их отражение.

— Алекс, чтобы сбить всех с толку, я могу сделать тебе очень красивую причёску, такую, как будто у тебя длинные волосы. Отдам своё старое платье — на первый раз, и ты можешь пойти в той курточке, которую тебе купила та женщина. Клянусь — тебя никто не узнает! И времени это преображение займёт совсем немного.

У, предательница!

— Мне очень жаль вас разочаровывать, — усмехнулась Сашка, — но пока моему чувству авантюризма мешает одна практическая деталь.

— Какая же? — скептически спросил Доран, неотрывно глядя на неё в зеркало.

— У нас с Кэйтрией разный размер обуви. Это видно даже на глаз. А своей женской обуви у меня нет. И вы прекрасно понимаете, что девушка с красивой причёской и в платье, но в таких ботинках или сапожках, как у меня, вызовет у всех присутствующих в трактире весьма нездоровый интерес.

Травник помрачнел, а потом задумался и... махнул рукой. Кэйтрия тоже вздохнула с сожалением, хотя тут же шаловливо улыбнулась: видимо, уже представила Сашку в женской одежде и с уложенными волосами.

Экскурсия оказалась стопроцентно полезной!

Сашка поначалу не поверила глазам, когда, вместо того чтобы в вестибюле поспешить к входной двери, "порывистый наш" уверенно направился к двери сбоку от конторки Парта. Кэйтрия тоже от неожиданности затормозила, но Доран, обернувшись, негромко посетовал на двух недоверчивых копуш, которых приходится уговаривать и тащить за собой. Девушки переглянулись и заторопились вперёд. Вроде до сих пор он не выглядел таким опасным, как сейчас, предлагая войти в неизвестный коридор.

Коридор соединял два дома! И выводил прямёхонько в помещение трактира! Оказалось, хозяйева двух зданий — одного с трактиром, другого — с гостиничкой, — уговорились когда-то давно на партнёрство и устроили ход, соединяющий два дома к своей взаимной выгоде! А поскольку гостиница привлекала внимание в основном студентов, было понятно, как радовались жильцы, обнаружив под боком довольно дешёвое для карманных денег заведение с неплохими блюдами. А клиенты, которые впервые заходили в заведение, узнавали о приемлемых ценах на номера в ближайшей гостинице и тоже неплохо пополняли ряды жильцов. Особенно актуальным это соседство оказалось сейчас, в опасное время.

В общем, Доран усадил девушек за отдельный стол и сам на первый раз заказал ужин. Пока подавальщица убежала, а Доран вынужденно занимал беседой только Кэйтрию, Сашка огляделась. Трактир представлял собой две площадки. Одна, ближе к настоящей двери из трактира, являла собой излюбленное место для завсегдатаев заведения: здесь сидели солидные мужчины в добротной одежде и негромко беседовали за глиняными кружками — судя по витавшему в трактире сладковатому запаху — с пивом. Кое-где за столиками сидели и дамы — явно среднего класса: они тоже оделись плотно и практично, но в одиночку не сидела ни одна. Вторая площадка то ли предназначалась для молодёжи, то ли студенты, которые проживали в гостиничке, давно её обжили, а завсегдатаи и не возражали. Здесь сидели не только парочками, но и по одному. Телохранителей Сашка почти не заметила — хотя нет, двое в "студенческом" зале сидели, почти сливаясь со стеной — с посудой на коленях, наверное, чтобы не отвлекать хозяев.

... И, кстати, едва только подавальщица отошла от занятого троицей столика, как Доран неожиданно опустил голову и раздражённо насупился. Удивлённая Сашка сначала не поняла, в чём дело, но уже через секунды его разговор с Кэйтрией был прерван.

— Эй, Доран! У тебя новая дама сердца? — звонко закричали от углового столика. — А как же прекрасная Мелинда?

— Как же бедная, брошенная тобой Гелия? — подхватили от соседнего столика слева.

— Что нам сказать несчастной Розике? — отчаянно засокрушались позади — уже под гогот довольно приличного количества народу.

На пятом имени Кэйтрия не выдержала и закрыла лицо руками. Студенты, кажется сообразив, что перестарались, озадаченно замолкли. Но девушка-эльф отняла ладошки от лица и неприлично громко расхохоталась. Сашка надвинула на нос капюшон курточки и, пригнувшись, только тряслась, стараясь не выдать себя не по-мужски звенящим смехом. Теперь вся студенческая площадка обескураженно замерла, не понимая происходящего. Только Доран что-то ворчал себе под нос, поглядывая на всех исподлобья.

Наконец Кэйтрия успокоилась, после чего встала и с улыбкой обернулась к присутствующим.

— Я Кэйтрия. Однотруппница Дорана. Спасибо вам за заботу обо мне, но, боюсь, вы старались зря, поскольку я знаю, что сердце Дорана занято другой девушкой. Отнюдь не мной. Ещё раз благодарю вас всех за участие в моей судьбе.

Она поклонилась и снова села, покусывая губы, чтобы опять не рассмеяться.

Народ, разочарованно охая, вернулся к своим тарелкам и чашкам, уже негромко переговариваясь, а Доран, то и дело сердито скашиваясь на Сашку, даже не стал делать вид, что хочет и далее развлекать Кэйтрию беседой. Но Сашке было смешно и даже жаль Дорана — вот нарвался-таки!

Правда, вскоре подавальщица принесла поднос с первыми заказанными блюдами, и

девушки поняли, что травник — бог! Проглотив слюнки после созерцания блюда, обе накинулись на печёное мясо, истекающее жиром и аппетитно крапчатое от приправ, исходящее ленивым парком в прохладном трактире. Доран постепенно успокоился — во всяком случае, перестал ворчать себе под нос и тоже активно принялся за горячий ужин. Вспомнив, как он уработался, пока тащил самые тяжёлые вещи из флигеля, а потом переставлял мебель по их желанию, Сашка только усмехнулась. Она сама с трудом удерживала себя от того, чтобы не запихнуть в рот весь мягкий кусок, сочащийся крепкими запахами и горячим соком, чтобы потом с блаженством давиться им, чувствительно острым от перца и то и дело попадающих на язык пронзительно ярких крупинок какой-то другой приправы. Не торопиться позволяло ей только наблюдение за дрожащими пальчиками Кэйтрии, которая ела не спеша и со всеми приличиями.

Доран совсем пришёл в себя и теперь снисходительно следил за своими гостями, не отказывая и себе в удовольствии — особенно, когда подавальщица принесла к первому блюду лёгкого вина.

— Обязательно попробуйте, — посоветовал травник. — Оно яблочное, но прошедшее несколько обработок. Посмотрите — даже на вид почти медовое.

К следующему блюду, напоминающему странный салат из свежих овощей, перемешанных с жареными кусочками, по вкусу похожими на картошку, и заправленным таким пряным соусом, что Сашка пожалела — нельзя схватить тарелку и с края выдуть только его!

Наконец, когда пришло первое насыщение, Доран снова сумел легко заговорить с Кэйтрией, а Сашка снова принялась за наблюдения, очень интересные для неё. Студенты, которые с интересом время от времени поглядывали в их сторону, за время ужина подзабыли о них. И Сашка не боялась столкнуться с кем-то взглядом. Зато сразу её заинтересовало странное поведение кое-кого из здешних ребят. В основном это были парни, среди которых она обнаружила даже несколько эльфов. Все они спокойно сидели за своими столиками — и даже довольно большими компаниями за длинными столами. Каждые несколько минут к этим столикам подходили студенты, им уступали места. А уступившие уходили к входной двери трактира, где будто стояли словно бы просто так, лениво переговариваясь между собой, а иной раз приникая к вертикальному оконцу в двери, будто выжидая появление кого-то. Когда смена произошла в очередной раз, Сашка не выдержала.

— Доран, что происходит? — спросила она, осторожно кивая на входную дверь.

Травник тихо сказал:

— Сейчас.

И встал из-за стола. Его приближение к одному из столиков было встречено сальными шуточками и смехом. Пока он, склонившись к своим знакомцам, что-то выпрашивал у них, Кэйтрия, не оборачиваясь к Сашке, негромко сказала:

— Алекс... Мне жаль.

— А мне — нет, — тоже не двигаясь, откликнулась она. — Кто мне Доран? Пока я на него никаких надежд не питаю. А буду — останусь настороже. Да и, честно говоря, нам с тобой пока не до кавалеров. Но одной из ряда его бывших я точно не стану.

— Это правда, — тихонько улыбнулась Кэйтрия. — Но... Хотя... — И замолчала, всё ещё улыбаясь.

Сашка тоже усмехнулась. Подруга вспомнила Эйлиллу?

Травник от стола подошёл к студентам, которые стояли у двери, перекинулся с ними

парой слова, а вернулся к столу очень задумчивый.

— Ваша позавчерашняя история откликнулась, — сказал он, садясь на своё место. — Оказывается, уже второй вечер наши студенты караулят сокурсников — тех, кто не успел добежать в вечерней темноте до дома. Говорят, сейчас здесь не хватает троих, причём один без телохранителя.

— И на что они надеются? — изумлённо спросила Сашка. — Или для студентов это легко — повторить выход взрослых магов и эльфов, чтобы светом отпугнуть чёрных шаманов и цвергов?

— Послать свечи с настоящим огнём впереди себя — это могут сделать только очень опытные маги, — признал Доран. — Но, когда магов много, может сработать и даже самая слабая магия. Главное — сплотиться вокруг одного желания.

Сашка мало что понимала в этом, но положила на знания мага-травника и больше не вступала с ним в споры. Тем более что принесли десерт — сладкий пирог с яблоками и густо заваренный чай. Она чуть не засмеялась: живот набит, но пропечёнными яблоками так сладко пахло, что пришлось немедленно вооружиться блюдцем, на которое Кэйтрия ловко положила прогибающийся под собственной горячей тяжестью кусок пирога.

После съеденного десерта Сашка совсем расслабилась. Откинувшись на стуле, чуть отставленном от стола к стене, почти сливаясь с этой стеной, она сидела с еле намеченной улыбкой, следя за происходящим, потому что Доран времени не терял и, вынув из кармана листы с лекцией, уже занялся подготовкой к завтрашним практикумам, заставляя чуть не зевающую Кэйтрию вслушиваться в чтение и думать.

Наверное, Сашка начала засыпать — от сытости и покоя...

Беспокойный шумок, быстро перераставший в громкий сигнал тревоги, заставил очнуться и оглядеться. У входных дверей стояла взволнованная толпа и громко разговаривала с кем-то одним, плохо видным, потому что его то и дело закрывали от зала. Мужчины из зала "для взрослых" тоже вставали и подходили к собравшимся.

Доран с Кэитрией замолчали, пытаясь вслушаться в громкий говор. Сашка не стала ждать, пока травник захочет узнать, что случилось. Она мягко встала и стеночкой, незаметно для едоков, отправилась послушать новости.

Оказалось, пока она задрёмывала, в трактир заскочил один из знакомых здешним студентам сокурсник. Они открыли ему дверь и тут же захлопнули. И набросились на вошедшего с нетерпеливыми расспросами. А он, растерянный и испуганный, рассказал следующее: неподалёку от трактира есть небольшой переулочек, которым возвращался в гостиницу не только он, но и второй студент со своей девушкой. Они догоняли его, когда над переулком резко сгустились тучи. Студент драпанул немедля. Оглядываясь, он понял, что те двое остались в переулке. Оглянулся и у двери в трактир. Из переулка выползала тьма... Толпа студентов вместе с присоединившимися к ним мужчинами — магами и эльфами — горячо обсуждала положение. Но выглядело это обсуждение так безнадежно!..

Сашка огляделась. Камин в углу трактира давно привлёк её внимание тем, что был богато декорирован металлическим плетением. Она даже полюбовалась на него, прежде чем уступить недавней дрёме. Теперь же она дошла до него и взяла длинную кочергу, прикинула её вес. Сгодится — вместо бола... Истомная лень после ужина мгновенно испарилась. Внутри всё задрожало предвкушением драки. Искоса бросила взгляд на Кэитрию. Та всё ещё сидела за столом, слушая Дорана, который, вернувшись от толпы у двери, сообщал ей последние новости. И вдруг обернулась к стулу Сашки.

Вскочили оба.

— Алекс! Алекс! — испуганно позвал травник, оглядываясь вокруг

Сашка нырнула под руку стоявшего близко к входной двери студента и рванула открыть дверь. За спиной закричали и начали выходить остальные, но Сашка успела пробежать несколько шагов, и за ней не осмелились пойти. Только орали, чтобы она немедленно вернулась.

Но Сашка уже психанула. Она представила себе двоих — парня и девушку, которых оставили в темноте, в дожде. Которых больно бьют по ногам невидимки, чтобы свалить их и прикончить. Но хуже всего... Которые будут кричать, звать на помощь, отчётливо зная, что помощи не будет!

Он сказал — переулок слева?

Вот гады же — эти чёрные шаманы! Как Сашка раньше и полагала, они нашли место рядом с оживлённой улицей, но такое, куда не пойдёт ни один здравомыслящий человек... Как хорошо, что в столовку, то бишь в трактир, она пошла в своих штанах, а не переделась в женское платье! И хорошо, что на ней старая куртка. Она ухмыльнулась — её не жаль, если снова продырявят. Кэйтрия обещала зашить. Чуть не захихикала, вспомнив анекдот и слегка переиначив его: "Стреляй — не жалко: Кэйтрия зашьёт!"

Адреналиновый огонь будто подпалил пятки, и Сашка кинулась в переулок, уже не сомневаясь, что бежит правильно: именно между этими домами валились клубы чёрного дыма и шипел навстречу шум дождя. Думая о бедных студентах, которых застала в этом переулке беда, Сашка перехватила кочергу удобней и сжала кулак с кастетом. Единственная проблема, как понимала она, состояла в том, что она не видит в этой колдовской тьме. Единственная надежда была лишь на то, что она — увидит! Ведь на второй день пребывания в этом мире она сумела разглядеть сторожевого пса Кэйтрии!

Задержав дыхание, словно собираясь шагнуть в ядовитый дым, Сашка переступила границу переулка — и увещающие крики за спиной немедленно заглохли. Длинный ли этот переулок? Где именно остановили чёрные шаманы с помощью своих цвергов беспомощных студентов? Сашка облизала пересохшие губы, откинула капюшон — и ливневый дождь замолотил по её голове.

Ещё несколько шагов в крошечной тьме. Ещё несколько секунд зряшного вглядывания в мрак, хлещущий водой... Послышалось? Нет? Сашка выдохнула — и побежала на призрачный крик.

Она бежала, и сердце замирало — и не только по той причине, что плачущие крики становились сильнее, но и потому, что с приближением к источнику криков она начинала различать быстродвигающиеся тени — маленькие, с редким шевелением более высоких, которые то появлялись, то пропадали. И адреналин сжигал всю её настолько, что она уже не чувствовала, что бежит. Она чувствовала, что летит!

А крик уже не только звучал отчётливо в грохоте ливня, но и вписывался в злобное верещание, издаваемое точно не человеческими глотками.

Наконец Сашка подбежала так близко, чтобы увидеть происходящее чуть ли не в деталях: девушка стояла на высоком цоколе здания, держась за плечи своего парня, который и кричал от боли, но не подпускал к ней цвергов. Девушка — не кричала: она только рыдала, с ужасом глядя на землю внизу, кишущую беспощадными существами.

И тогда Сашка тоже закричала, срывая голос.

— Эй, вы! Лягушки чёртовы! Пиявки закордонные!

Где-то далеко внутри себя она удивлялась, почему выкрикивает такие странные слова, вместо того, чтобы привычно обозвать этих гадов сволочами. Но сейчас главным было обратить на себя внимание.

И странный крик продолжился:

— Трупоеды болотные! Грязь под ногами неба!

Цверги обернулись и опустили свои копыя с тонкими иглами вместо наконечников.

Но первыми к Сашке двинулись не они — четыре чёрные фигуры, гораздо выше неё. Сашка, не снижая скорости, решительно зашагала к ним, судорожно вцепившись в кочергу и сжимая-разжимая кулак с кастетом. Из всех сил Сашка сейчас мечтала только об одном: пусть цверги постоят на месте, пока с нею хотят разобраться чёрные шаманы. Потому как этой своры кусачих и мелких Сашка побаивалась больше, чем этих мудаков.

Один из них, кстати, отделился от остальных и пошёл быстрее — видимо, ему не терпелось первым убить коротышку, осмелившуюся бросить им вызов.

Сашка шмыгнула, кивком сбрасывая с лица мокреть, и остановилась. "Давай, давай, ваше шаманство! Иди! Да побыстрее, чтобы я потом и остальных уделала!"

Шаман как будто услышал её похвальбу и бросился вперёд. Сашка дождалась, пока он наберёт скорость и замахнётся на неё каким-то коротким оружием, и резко шагнула в сторону. Шаман затормозить не успел. Сашка вздёрнула кверху ногу и врезала в плечо бегущего. Того развернуло в падении на спину, и Сашка ударила его по голове, накрытой чем-то странным. "Парик? — промелькнуло в мыслях. — Скальп?"

Судя по всему, шаман свалился бы и без её удара так смачно. Он грохнулся всем телом — плашмя спиной, сразу раскинув руки по сторонам. Из ослабевшей руки вылетело оружие. Сашка без раздумий прыгнула за ним, после чего, вцепившись в мокрую рукоять короткого меча, вскинула его к струям дождя и завопила:

— Ура!!

Второй не внял предупреждению, а может, не посчитал нужным. Он был пониже, и Сашка обманула его: замахнулась мечом, а когда он резко встал на месте, её ботинок вмазал в его челюсть. Его оружие Сашка поймала, пока он валился ей под ноги. Кочерга больше ей не нужна! Ну, пока она дерётся только против этих шаманов.

Взгляд мимо падающего шамана — студент стаскивал со стены девушку. Кажется, оба намылились сбежать, пока цверги, словно замороженные, следили за Сашкой и за своими хозяевами. Возможно, мелкие существа просто не расслышали в собственном же колдовском дожде шорохов. Хватило бы только сил у израненного студента бежать!

О себе Сашка не думала. Точней — думала, но реально: "Сама ввязалась — сама буду расхлёбывать!"

Чёрные шаманы остановились перед ней.

Студенты — он, навалившись на неё, — поспешно удирали к противоположному выходу из переулка. "Не оглядывайтесь!" — мысленно велела им Сашка.

Цверги так и стояли неподвижно, будто не получив от хозяев сигнала продолжать атаковать студентов — или накинуться на новую жертву, которая неожиданно оказалась не жертвой, а агрессором.

Сашка взмахнула обоими мечами.

— Ну, трупоеды болотные! Чего остановились?! Идите ко мне! — процедила она сквозь зубы, вспоминая университетского ректора, которого обозвала Каа. И добавила в голос страшную уверенность, что эти двое оставшихся на ногах шаманов подчинятся, снова

выговорив медленно и с достоинством: — Идите ко мне, трупоеды!

И обоими мечами нарисовала в воздухе контуры цверга, а потом проткнула эти контуры, точнее — скрестила мечи, будто перечеркнула рисунок.

Цверги жалобно завизжали.

А шаманы почему-то попятились.

А Сашка почуяла за спиной странно пошевелившееся пространство. Невыразимая уверенность заставила её не оглядываться. Но свечи, наплевавшие на все законы физики, в том числе и на то, что на них мощно сваливается огромное количество воды, окружали её медленно, сжигая темноту, отгоняя её, и тогда Сашка неторопливо, без сомнений зашагала вперёд, заставляя чёрных шаманов подаваться назад, отступать. А потом Сашка уловила странное впечатление, что она уже не одна. И не только потому, что вокруг неё торжественно и величаво плывут свечи, но и потому, что за спиной ряд за рядом встают люди.

Один из шаманов тоже завизжал — тоненько и пронзительно. Не оглядываясь, боковым зрением Сашка уловила, как сбоку — там, где лежали два подбитых ею шамана, завязалась драка. Что? Пришли в себя и попытались сопротивляться тем, кто шёл за спиной коротышки-смельчака?

Цверги отступали вместе со своим хозяевами, и Сашка надеялась лишь на то, что двое студентов пропали с глаз, а значит — их не добьют, удирая... А пока она продолжала медленно наступать на шаманов с их мелкотой, ведя за собой свою армию — армию тех, кто был в силах поддерживать настоящий огонь.

Шаманы не выдержали психической атаки. Они развернулись и с воплями и визгом помчались из переулка — буквально в стаде своих мелких приспешников.

Сашка остановилась. Неужели всё?

Один из шаманов остановился — совсем на секунды, пока его обтекала толпа драпающих цвергов. Взмах чёрной руки, и Сашка, не веря, глупо смотрела, как летит на неё нечто маленькое, но длинное. Кто-то закричал рядом...

Боль в плече взорвалась вспышкой, которая ослепила и швырнула в темноту...

... Сашка чуть не упала со стула. Суматошно вцепилась в край столешницы, и Доран, улыбаясь, обернулся к ней, негромко спрашивая:

— Заснула, да?

Она машинально кивнула, чувствуя огромное желание притиснуть к груди ладонь, чтобы унять сумасшедше бьющееся сердце. Но травник отвернулся, продолжая разговор с Кэйтрией, и Сашка снова облизала пересохшие от страха губы... Приснилось? Так ярко? А если это было... пророчество?

Шум у двери привлёк её опасливое внимание. Она встала со стула и быстро подошла к сторожащим улицу студентам. Они как раз открыли дверь для опоздавших ребят, один из которых был с телохранителем, а второй — с девушкой. И Сашка, всё ещё ощущая больно схватившееся сердце, так же осторожно вернулась на место.

Про девушку одного из студентов никто не говорил. Это Сашка помнила очень хорошо. И подтверждали её память удивление и смех студентов-сторожей при виде неё.

Может, это сон-подсказка? Бывают же не пророческие, а именно подсказывающие сны? Но что может подсказывать этот сон?

Улучив момент, когда Кэйтрия попросила подавальщицу долить ей горячего чая, Сашка спросила у Дорана:

— А есть среди магов спецы по снам?

— У нас на втором этаже живёт один с третьего курса, — безмятежно сказал травник. — Что-то интересное приснилось?

— Очень на это надеюсь, — пробормотала она и пожелала увериться: — А ты можешь меня представить этому студенту?

— Представить — представлю, — уже суховато сказал Доран, — но только, Алекс, там ты будешь со мной, ясно?

— Ясно, — кивнула Сашка, пряча улыбку: небось, тот студент-третьекурсник — ещё один бабник?

Они дождались, пока девушка-эльф допьёт свой чай, а Доран расплатится с подавальщицей, и ушли из трактира.

Двенадцатая глава

Странное ощущение — всё ещё витая во снах, колыхаясь вместе с полупрозрачными обрывками призрачных пространств, медленно просыпаться от взгляда в упор.

Сашка с трудом разлепила ресницы. Окно в кухоньке, где она спала, было закрыто внутренними ставнями, как раздвижными дверцами шкафа. Очертания предметов еле видны. Лежала боком. Долго смотрела в хлопающую озабоченными глазами морду близко от себя, прежде чем поняла, что это магический пёс-сторож.

— Ты... что...

Пёс поднял глаза. Сашка машинально последовала его примеру. Мягко покачивая крыльями, над ней висела летучая мышь-татушка Дорана.

— Понял, — пробормотала Сашка и одним движением выскользнула из-под одеяла.

Спала она впервые глубоко и спокойно, потому что знала, что нет необходимости прятаться, если вдруг в помещение нагрянут. Потому и проснулась легко — выспавшейся. С травником она, перед тем как распрощаться с ним после его занятий с Кэйтрией, договорилась встретиться очень рано. Так что через десять минут Сашка, умытая и одетая, бесшумно открыла дверь номера и заперла его. Девушка-эльф тоже спала безмятежно, зная, что не ей просыпаться рано. К тому же Сашка пообещала вернуться ко времени подъёма и разбудить её.

В коридоре она вслушалась в тишину, которая здесь казалась не утренней, как на кухне, а ночной: свечи в подсвечниках мягко помаргивали пламенем, а в углах, приглушая прямые линии, застоялись сумерки. На мгновения Сашка даже застыла, затаив дыхание и думая о том, что неплохо бы найти где-нибудь акварель и попробовать написать эти свечи, осторожно пропадающие в темноте, этот маслянисто-бархатный огонь, будто желающий слететь с фитилей — но обрывающий собственное движение, побаиваясь своих же порывов... Думая, проснулся ли в обещанное время Доран, Сашка шагнула к его двери. Мышь-татушка пролетела прямо сквозь неё — видимо, предупредить хозяина, и дверь открылась.

— Доброе утро, — чопорно сказала Сашка.

— Доброе, — откликнулся Доран, не закрывая двери и быстро нашаривая обувь ногой.

Вскоре они прошли коридор и оказались на лестнице, ведущей на четвёртый этаж. И только здесь Сашка мысленно выдохнула. Она побаивалась, что Доран наврал насчёт прорицателя, специализирующегося на снах.

На первой лестнице травник предупредил:

— Алекс, ты должна знать, что Киардха сразу поймёт, кто ты.

— Как это? Он смотрит на людей через свои сны, как ты через травы? — уточнила Сашка, вспоминая собственный сон о шаманах и цвергах, встревоживший её.

— Нет, вокруг тебя он видит твои сны, и старые, и новые. А по ним нетрудно догадаться, — улыбнулся Доран.

— Ничего — переживу, — проворчала Сашка.

Они прошли по коридору четвёртого этажа и остановились перед дверью, которая ничем не отличалась от соседних. И тут Сашка забеспокоилась.

— Доран, а вдруг он ещё спит?

— Нет, — уверенно сказал травник. — Прорицатели на третьем курсе встают рано. У

них же практикумы — сплошные анализы снов, и своих, и чужих. Он ещё обрадуется нам, поскольку только недавно надоедал всем в трактире, не хочет ли кто сны поразгадывать. Ему для практической работы материала не хватало.

— Ну-ну, — с сомнением пробормотала она. — И всё же мне кажется, мы слишком рано пришли.

— Для меня у Киардхи никогда не рано, — уверенно сказал травник.

Пока им не открыли, Сашка попробовала представить, что её может ожидать за этой дверью, и прятала улыбку. Ведь перед глазами настойчиво вставала картинка: её укладывают на кушетку, рядом садится студент-заучка, в деловом костюме, с блокнотом в руках, и начинает опрос пациентки по беспокоившему её сновидению.

Когда дверь медленно открылась, Сашка поняла, что кушетки точно не будет.

Сначала она ничего не увидела. Как будто дверь открылась сама по себе — от сквозняка, например. Так в номере было темно — хоть глаз выколи. Но вот в этой тьме что-то зашевелилось, а затем из её объятий, будто из дыма, вынырнул-нарисовался человек. Ой... Не человек. Эльф — судя по торчащим из волос ушам. А волос-то... Мамочки... Киардха оказался сутулым и невысоким юношей бледным со взором горящим! Чёрные волосы укрывали его плащом чуть не по колено. Расчёсанные на пробор, они так удлиннили его лицо, что в сумерках коридора оно почудилось серой маской с огромными печальными глазами. Сашка даже поёжилась, глядя на него: эмо? Вампир?.. Юноша зыркнул по сторонам коридора и, впустив ранних гостей, быстро захлопнул дверь номера.

Если Саша робко надеялась, что в номере будет светлей, то зря. Правда, когда глаза свыклись с темнотой, она по некоторым особенностям номера сообразила, что помещение, в котором живёт студент-прорицатель, такое же, как то, где теперь жила и она с Кэйтрией. Стало легче, хоть и не светлей.

Киардха, который едва заметно прихрамывал при ходьбе, проводил гостей в главную комнату. Здесь горели свечи, однако, встав на месте, Сашка боялась даже пошевелиться, чтобы не сбить низкую мебель и редкие свечи, расставленные, как ей показалось, в полном беспорядке по полу. Но даже в скудном свете с пола она разглядела, что Киардха одет в довольно странное одеяние — похоже, в широкую хламиду без пояса, зато пестрящую странными знаками и фигурками, среди которых она не сумела найти ни одного знакомого. Но, всмотревшись, сообразила, что они переплетаются между собой. Волосы его по этой хламиде стелились так, что непонятно было, где всё-таки их край.

— Леди... — прошептал Киардха, встав перед Сашкой и тараща на неё истовые глаза, горящие чуть ли не фанатизмом.

— Киардха! — напоминающим тоном пригрозил Доран.

А Сашка вздохнула и хмуро сказала:

— Здрасьте. Меня зовут Алекс.

Даже будучи невысоким, эльф-прорицатель всё же смотрел на неё сверху вниз. Наглядевшись, он криво улыбнулся и взял её за руку, и Сашка испугалась: не болен ли прорицатель? Такими обжигающе горячими оказались его пальцы... Он потянул её за собой. Обернувшись на травника, Сашка увидела его кивок и последовала за прорицателем, больше глядя под ноги, чем на то, куда её тащат.

Всё оказалось не так страшно, как думала Сашка. Киардха усадил её за маленький столик, на котором сам чёрт ногу сломал бы — столько вещей на нём громоздилось. Усадил на какой-то низкий топчан — по-другому назвать этот обрубок широченного пня, небрежно

накрытого чуть ли не ковром, Сашка не сумела. Сел напротив и тут же качнулся к ней, сунув в поспешно протянутые руки стеклянный шар, небрежно вытащенный из-под вороха других вещей, половина из которых тут же радостно свалилась на пол. Сашка от неожиданности бросилась было собирать их, но Киардха буркнул обычным голосом:

— Оставьте! Смотрите на шар и рассказывайте свой сон.

Он вздохнул, словно не предполагая ничего интересного, а потом впялился в её глаза, нагрузив собственные руки блестящими цепочками и бусами из тускловатого сияющих, плохо обработанных камней. Сашка про себя решила, что он сам эти камни собирал где-то и сам же, дырявя их, нанизывал на нитку — настолько живо они казались всего лишь детскими поделками. Но сколько было этих цепочек и бус, которые словно мелкими волнами лились и снова вздымались на его длинных пальцах, шелестя и суховато постукивая друг о дружку!..

Сашка опомнилась и начала, послушно (хотя так хотелось рассмотреть хотя бы то, что лежало на столике!) глядя на прозрачное стекло в своих руках:

— Мы сидели в трактире. Сначала всё было нормально, а потом мне приснилось, что в трактир вбежали студенты, на которых напали чёрные шаманы и цверги...

И от новой неожиданности замолчала. Внутренность шара замутилась, словно в нём была вода, в которой начали быстро и сильно размешивать стиральный порошок. Откуда-то со стороны она услышала голос удивлённого Дорана: "Ты видела сон о цвергах?" и резкий ответ Киардхи: "Доран, заткнись! Алекс, продолжайте, пожалуйста!" Боковым зрением она заметила, что цепочки и бусы на пальцах Киардхи зашевелились быстрее. Теперь они не волновались, а будто плавились, перетекая друг в друга и обвивая стремительно двигавшиеся пальцы.

— Во сне я поняла, что никто не собирается выходить, чтобы помочь тем двоим, которые остались на улице. Боялись. А ведь они были вдвоём — парень с девушкой...

Шар в руках уже бушевал снежной метелью. На секунду она подняла глаза: Киардха смотрел в пространство над столом, полураскрыв рот, ещё более бледный и осунувшийся, чем был только что. И глаза прорицателя метались так напряжённо, словно он наблюдал за тем, что происходило... во сне Сашки.

Испугавшись, что она сорвёт сеанс, Сашка снова уставилась в шар, а потом больше не сумела отвести глаз от него, ловя снежно вихревые движения.

— Я взяла кочергу и украдкой вышла на улицу. Цвергов нашла в ближайшем переулке. Они убивали студента. Его девушка пряталась за ним.

— Но я не говорил тебе про девушку! — снова не выдержал изумлённый Доран. — Я сам о ней не знал.

— Доран... — сквозь зубы одёрнул его Киардха. — Продолжайте, Алекс.

Сашка рассказывала и сама удивлялась своему рассказу. Сколько, оказывается, она запомнила подробностей!.. По просьбе голоса, доносящегося издалека, она описала тот переулочек в деталях, которые, как она думала вдогонку, не могла видеть, потому что ведь сосредоточилась на чёрных фигурах и на цвергах... Потом она начала спотыкаться на странном сне, потому что внутри шара происходило что-то странное: кроме снежных вихрей, в нём появились фигурки, которые она пыталась тоже отловить взглядом, но это у неё не получалось. Юркие, шустрые, они то появлялись, то пропадали в круговертях внутренней метели...

Собственный голос становился хрипловатым — она думала: из-за долгого рассказа. А потом она поняла, что не может удержать в руках стеклянный шар. Он становился всё

больше и тяжелей, да ещё каким-то капризным, стараясь выскользнуть из уставших ладоней, которые приходилось держать на весу! Договаривая то, как она проснулась от странного сна, расслышала голос Киардхи, который что-то тихо сказал — явно не ей. И, удивлённая, но в самом деле уходящая в новый сон, Сашка увидела в этом новом сне длинную дорогу и идущего по её обочине Дорана и так обрадовалась ему, что помахала рукой, чтобы он заметил её. И стало тепло-тепло, когда он оглянулся и охотно пошёл навстречу ей, идущей по центру...

А когда проснулась и обнаружила, что тепло-то ей в объятиях Дорана, который сидит вместе с ней на том же топчане, скептически сказала:

— Это моё место. Лапы свои убрал. Встал — быстро!

— Я сел, чтобы ты не упала, когда уснула, — объяснил Доран, и его дыхание тёплой волной коснулось её уха.

— Я уже не падаю! — заявила Сашка и выпрямилась.

Как ни странно, травник на грубоватость не обиделся и, осторожно освободив Сашку, пристроился рядом, на полу. Покосившись на него, Сашка уставилась на Киардху.

Тот задумчиво перебирал единственную цепочку, глядя на шар, который снова пребывал в состоянии обычного, пусть и прозрачного мячика, водружённый в кучу предметов на столике.

— Ну? — не выдержала Сашка. — Есть в моём сне что-то интересное?

— Два эпизода, — всё так же задумчиво сказал прорицатель. — Боюсь, что чёрные шаманы уже знают, кто их нарисовал. А цверги боятся твоих рисунков.

Сашка помотала головой. Так. Это эпизоды или заключение по ним?

— Ничего не поняла. Ты всё это увидел во сне? — спросила она, "тыкая" Киардхе, потому он первый начал. — Но ведь это не эпизоды! Это выводы.

— Умная девочка, — рассеянно похвалил её Киардха. — Я не буду рассказывать тебе о принципах прорицания снов по шару, Алекс. Тебе это не нужно. Скажу так... Ты уже сталкивалась с чёрными шаманами и цвергами. Ты постоянно помнишь о них. Ты настороже. Когда Доран в трактире выяснил, почему студенты стоят у двери (а он мне это только что рассказывал), в твоей душе затаилась тревога. А когда ты уснула, тебе приснился сон, составляющими которого были эта тревога и твоё знание, что цверги опасны. Что произошло? Твоя душа во сне прорисовала сценарий самого опасного исхода для тех студентов, которых ждали в трактире. Повторюсь: ты знала, что цверги опасны, — и это наложило свой отпечаток на сон. Отпущенная на время сна душа пролетела тот переулочек, чтобы найти запоздавших студентов. Нашлись сначала двое. Потом ты увидела последнего, который был с девушкой. Ты во сне испугалась за них — и пошёл сюжет, который предугадывал твой разум и который воплотило воображение, то есть нападение цвергов на двух незащищённых людей. А поскольку твоя душа щедра и бескорыстна, ты забеспокоилась — и воображение тут же предложило выход из ситуации — драку с цвергами, к которой вскоре примкнули студенты — ведь небольшая надежда на прятавшихся в трактире, что они помогут, у тебя тоже оставалась.

— Ну-у... Психологически это понятно, — медленно сказала Сашка, отмахнувшись от характеристики её души и обдумывая сказанное. — А по каким эпизодам всё же ты понял, что шаманы знают обо мне? И с чего решил, что цверги боятся рисунков?

— Когда ты вступила в поединок с первым шаманом, ты увидела его очень близко. Я вместе с тобой увидел его глаза. В них было узнавание — и это узнавание наложилось на

графический отпечаток внутри шаманского глаза. На рисунок, который видел этот шаман и который оставался в его памяти. Пока ты спала, я спросил об этом рисунке Дорана. Он сказал, что ты рисовала во время лекции.

— Каким образом шаман мог видеть мой рисунок? — с недоумением спросила Сашка и тут же вспомнила слова Эйлиллы о том, что чёрные шаманы каждый день проверяют, не узнал ли кто про них, не наводит ли на них магию.

Киардха подтвердил:

— Если они проводили свои шаманские ритуалы, они могли легко рассмотреть этот рисунок в пространстве города, а по нему — запомнить того, кто рисовал.

— То есть они могут найти Алекс прямо сейчас? — встревожился травник.

— Нет. На первых этапах магического поиска — нет. Но могут найти место. Рисунок пока привязан к университету, где он был сотворён и где часто бывала Алекс, — ответил Киардха. — Потом они смогут вычислить художника.

— Но... — начал Доран.

Сашка бесцеремонно перебила его. Разговор о ней самой неинтересен, потому что со вторым эпизодом наклёвывалось что-то практическое.

— Что за эпизод с цвергами? Почему они боятся рисунков?

— Они завизжали, когда следом за шаманами узнали тебя — ту, чьей рукой был создан рисунок. — Киардха насупился и почесал макушку. — Правда, я не совсем понял, почему они особенно испугались, когда ты в воздухе сотворила графический символ и ударила в него оружием.

— Ну, мне кажется, здесь, наоборот, всё ясно, — пожал плечами травник. — Алекс символически вызвала их и предрекла личную победу в бою, что и доказала, когда сбила с ног первого шамана...

— Всё не так однозначно, — покачал головой прорицатель. — Очень неоднозначно.

— Значит, придётся сбегать к символистам-тайнописцам, — вздохнул Доран. — Пусть они разгадывают остальное. Ну что, Алекс. У нас есть двадцать минут. Ты успеешь сделать маленький портрет Киардхи?

Сашка так изумилась, что открыла рот, чтобы спросить — зачем. Но спохватилась: кажется, Доран имел в виду, что Киардха чем-то болеет, а травник не успевает его лечить обычным контактным путём.

— Бумагу мне и карандаш. Я как-то не подумала, что именно утром они мне пригодятся. — Доран только насмешливо поднял брови: я виноват, но ты не ругаешься?

— Сейчас-сейчас, — засуетился прорицатель. Он раскидал уроненные на пол предметы и выудил из кучи картонку. После чего страшно расстроился: — Карандашей у меня нет. Может, потом?

— У тебя вон сколько всего в комнате. Может, и уголь найдётся? — предположила Сашка, ощутив картонку и убедившись, что она достаточно шершава и удобна для работы с углем. И добавила с усмешкой: — А заодно бы света мне побольше.

Искать подсвечники и расставлять на столике бросились оба студента.

Сашке понравилось. Именно уголь лучше всего подходил Киардхе с его нелепо длинными волосами, которые только подчёркивали длинное унылое лицо и насторожённо торчащие уши. В последнем были какая-то своя прелесть и изюминка. И Сашка постаралась эту изюминку выделить, хотя в душе ухмылялась, жалея, что нельзя сделать на прорицателя карикатуру вместо портрета. Очень уж его своеобразная физиономия на это напрашивалась.

А потом они шли по коридору, и Сашка спросила:

— Доран, а что теперь с этой информацией делаем? Это что же получается... Я, телохранитель, теперь сама нуждаюсь в охране? Или мне теперь засесть в номере и не выходить на улицу? Ведь теперь есть ты, чтобы провожать Кэйтрию до университета! А я... Становлюсь не телохранителем, а... фиг знает кем. Ну, ладно — деньги я заработать картинками могу. Но что дальше?

— Мне кажется, Эйлилл что-то по этому делу знает, — задумчиво сказал Доран. — Мне до сих пор не дают покоя его слова, когда он забрал у тебя картинку. Помнишь? Ведь это он первым сказал, что опасно рисовать шаманов и цвергов. Что они могут выйти на тебя по следу твоего рисунка... Киардха только подтвердил его слова. И он слишком взрослый для первого курса.

— Как и ты, — насмешливо напомнила Сашка.

— Вот-вот... Только про моё травничество знают все. А кем был Эйлилл — никто не знает. Эх, жаль, раньше я не сообразил проследить, куда пошёл Гарбхан с твоей картинкой! Может, и узнали бы про Эйлилла...

Они прошагали до лестницы, и тут, спускаясь, травник задал Сашке довольно странный вопрос:

— Алекс, у тебя ведь есть способности к магии. Не хотелось бы тебе заняться ею? А если бы хотелось, то чем именно?

— Никакой магии! — заявила Сашка, а потом задумалась и хмыкнула: — Если только она не в помощь мне кое в чём... Например, в рисовании. В своём мире мне хотелось учиться на художника. Теперь я застряла здесь, где мои художественные способности, кажется, могут остаться на примитивном уровне — на рисовании магических картинок. Точней — заготовок к ним. Но мне этого мало. Я хочу стать настоящим художником. Мне нравится это — процесс, когда под руками оживают лица и пейзажи. Оживает целый мир.

— Но в своём мире ты занималась не только рисованием, — напомнил Доран. — Ты ещё училась драться.

— И что? — удивилась Сашка. — Хочешь сказать — есть возможность здесь тренироваться дальше? У вас есть мастера... ну, магического боя, что ли?

— Есть факультет боевой магии, — немного смущённо сказал травник. — Только прости, Алекс, я не так выразился. Не хочешь ли ты сама стать мастером боя на этом факультете?

— Преподавателем, что ли? — поразились Сашка и задумалась. — Знаешь, давай об этом чуть позже, ладно? Как и с учёбой магии, от которой я всё-таки, честно говоря, не отказалось бы. Но не сейчас. А вот когда с шаманами разберёмся... Если разберёмся, конечно. И с Эйлиллом.

— Насчёт Эйлилла, — рассеянно, тоже весь в думах, сказал Доран. — Почему бы тебе не спросить его о судьбе своей картинки? Вроде как тебе такие страшилки нравятся и тебе хотелось бы вернуть картинку?

— А в доказательство предъявить ещё одну страшилку! — засмеялась Сашка.

— Какую? — заинтересовался травник.

— Портрет Киардхи.

Доран расхохотался, и тут Сашка обнаружила, что они давно стоят на лестничной площадке своего этажа, но заболтались — и это хорошо, потому что хохотал Доран громко, а дверь в коридор с лестницы прикрыта. Когда Доран отсмеялся, Сашка вспомнила о горячих

пальцах прорицателя и спросила:

— А что с Киардхой? Чем он болен?

— Когда-то давно в его роду некий родич совершил непростительный поступок. Они все там потомственные прорицатели, и этот родич выдал тайну одного сна человеку, который потом использовал эту тайну против того, кто видел этот сон.

Расшифровав его фразу, Сашка вдруг вспомнила, что её сон, о котором Киардхе она рассказывала и который потом начал повторяться, пока она держала в руках шар, завершился довольно необычно. Доран шёл по обочине дороги, а она его позвала. Неплохо бы добежать до Киардхи, когда травника рядом не будет и спросить, что значит концовка, которой не было в настоящем сне.

— Ну и? Что замолчал? Что случилось потом?

— На семье Киардхи проклятие, которое с каждым потомком уменьшается, но его корни сильны и остаются, превращаясь в болезни физического тела.

— То есть, как врач-целитель, ты не хочешь рассказать о болезнях своего пациента?

— Да ты сама видела, и Киардха не скрывает. У него болят ноги и руки.

— Поэтому у него пальцы горячие, — сообразила она. — Но ты уверен, что эту болезнь сумеешь вылечить? Ведь такие, насколько я помню, называются кармическими?

— Физически проклятие проявляется так: Киардха подвержен простудным болезням суставов, — объяснил Доран. — Моя цель — сделать так, чтобы организм мог им сопротивляться. Есть травы, которые могут излечить кармические проклятия именно с физической точки зрения. И я собираюсь именно это сделать.

— Было бы здорово, если бы у тебя получилось это, — вздохнула Сашка.

— Киардха тебе понравился? — насторожился травник.

— Конечно, — насмешливо улыбнулась она. — Он такой... такой лапочка (больно куснув губу, она удержалась от смеха при виде помрачневшего лица Дорана), что хочется ухаживать за ним. В комнате прибраться, например. Кашку сварить ему.

— Ну, для этого у него прислуга имеется. — Доран прекратил сурово пялиться в дверь и выдохнул. — Я думал — ты серьёзно.

— Прислуга? — удивилась Сашка. — Что-то я больше никого в комнате не заметила, кроме него.

— В соседнем номере живёт. Как и телохранитель, — объяснил травник.

— А мне показалось, он такой... одинокий? — вопросительно закончила она.

— Киардха — из древнего рода, который славится именно прорицанием по снам. Причём прорицание это весьма часто сбывается. Род поэтому очень богатый, потому что настоящих прорицателей найти трудно. Даже в университете у него отдельные преподаватели, развивающие его умение.

— А на каком он курсе?

— На третьем. Но у него сокурсников нет, — улыбнулся Доран. — Он единственный студент по курсу прорицания, а значит, у него своя программа обучения и расписание.

— Хм. Здорово. А такое часто бывает, чтобы студент — и один на весь курс?

— Бывает, хоть и не часто. Если у тебя необычная способность, её будут развивать в университете, потому что всё это на благо государства. Киардха — будущий прорицатель короля, потому что когда-то сменит на этом посту своего отца.

— Ничего себе, — пробормотала Сашка.

— Пора, — со вздохом напомнил Доран. — Кэйтрия, наверное, уже проснулась.

"Чего это он вздыхает-то? — размышляла Сашка, шагая вместе с ним по коридору своего этажа. — Понравилось болтать обо всём на свете? — А оценив собственные ощущения, поняла: — Хм. И я бы ещё немного постояла с ним рядом!"

У дверей в номера остановились. Сашка прислушалась. Кажется, жильцы активно начали готовиться к выходу из своих номеров. Слышались невнятные голоса, позвякивание чайников и кастрюлек, а то и звон чашек...

— Алекс...

Она обернулась к Дорану. Тот мялся, глядя на неё через космы тёмных волос.

— Ты не сердишься на меня? Из-за вчерашнего в трактире?

Пытаясь хранить вежливо равнодушное выражение лица, Сашка беспечно сказала:

— А чего сердиться? Была бы я твоей мамой — вот тогда бы посердилась, что сын такой любвеобильный. Или сестрой. Или другой какой-нибудь родственницей...

— Хватит, — оборвал Доран. — Я понял. Не надо смеяться. В сколько вы выходите? Мне зайти за вами?

— Как хочешь, — приглядываясь к нему, но стараясь не показать интереса, ответила Сашка. — Можешь даже стукнуть в дверь, когда сочтёшь, что нам пора.

Травник резко отвернулся и порывисто, напомнив тем самым мысленное прозвище, которое она дала ему, "порывистый ты наш", влетел в свой номер. Несколько удивлённая его обидчивостью: "Хм, как будто я провинилась, а не он!", Сашка кивнула себе: "Надо спросить у Кэйтрии. Что-то тут, мне кажется, дело не только в обиде..."

Кэйтрия уже всюю возилась на кухоньке, готовя кашу, а к ней размачивая сухофрукты. Оглянувшись на стук двери, она позвала:

— Алекс, иди завтракать!

— Доброго утра! — поздоровалась Сашка, осторожно усаживаясь на стул, придвинутый почти вплотную к столу — места на кухне всё-таки маловато — Как спалось?

— Ой, чудесно! — расцвела девушка-эльф. — Тепло! Мягко! И не страшно! Ну а как у тебя? Сходили к Киардхе? Что он сказал?

— Не за столом, — пошутила Сашка, с огромным удовольствием пробуя кашу с фруктами и поглядывая на запас булочек к чаю, взятый вчера в трактире.

— А всё-таки?

Коротко и спокойно она рассказала, что происходило в номере Киардхи. Они коротко обсудили, как обратиться к Эйлилу, причём Кэйтрия не скрывала, что для неё даже повод поговорить с эльфом-красавчиком — в радость. Единственное, о чём умолчала Сашка, хотя ей и не хотелось скрывать ничего от подруги, — это конец другого сна в комнате Киардхи, который привиделся, пока она спала в объятиях Дорана. Но сообразила спросить о другом, памятуя о разных народах этого странного города:

— Кэйтрия, почему Доран такой? То мчится куда-то — весь какой-то деловой, то вдруг крепко обижается, не разобравшись в ситуации?

— А что за ситуация? — заинтересовалась девушка-эльф.

— Я подшутила над ним из-за его девушек. Ну, вчера — помнишь, как нас встретили?

Кэйтрия задумалась, потом подняла глаза — рот слегка поджат.

— Если бы ты не спросила, я бы и не подумала... — проговорила она, хмурясь. — А сейчас... Возможно, я ошибаюсь, но... Всё сходится... Доран не совсем человек. Эти вихры, этот широковатый рот, эти необычного разреза глаза... Увлечённость, ко всему прочему, травмами. Он, возможно, потомок эльфа и человека. Не в последнем поколении — тогда бы

эльфийские черты, уши — например, были заметней. Такие люди гораздо чувствительней обычных. Теперь понятна его влюбчивость...

— То есть ты хочешь сказать, что он только влюбчив, но полюбить не сможет? — спокойно спросила Сашка, но сердце почему-то дрогнуло: она идёт по дороге, а Доран — по обочине. И оба — в одиночестве. Но... она ведь позвала? И он... откликнулся?

Кэйтрия рассеянно помешала чай в чашке, звеня ложечкой.

— Боюсь, я скажу несколько иначе: если он полюбит, это будет навсегда. Такие, как он, — однолюбы.

— Звучит смешно, если опять-таки вспомнить вчерашнее, — задумчиво сказала Сашка и встряхнулась. — Ладно, проехали. Нам ещё в университет собираться.

Тринадцатая глава

Травник ничем не показал, что недавно распрощался у двери в номер обиженным на Сашку. Он постучал к девушкам и с порога принялся торопить их. Но Сашка уже не могла смотреть на него без понимающей улыбки. Вот в чём дело, оказывается! Лёгкость эльфа и деловитость человека — отсюда и "порывистый ты наш". Он пару раз насторожённо скосился на её улыбку, но, кажется, счёл её безопасной. Для себя.

Пошли так же, как вчера: впереди Кэйтрия и Доран, за ними Сашка. Выходили из гостиницы среди других группок студентов, спешащих к университету. Насколько Сашка поняла, жили здесь студенты либо из богатых семей, либо, подобно Дорану, уже занимавшиеся частной практикой. Или — она довольно фыркнула — такие, как они с Кэитрией, сумевшие найти себе занятие по душе и по деньгам. Спohватившись, она натянула капюшон на лицо и чуть ссутулилась, шагая следом за подопечными.

Травник часто оглядывался на неё, стараясь делать это незаметно, а потом бдительно осматривался вокруг. Сашка скептически пожимала плечами: не думает же он, что в столь оживлённый утренний час на улицах могут появиться чёрные шаманы со своим цверговым войском, пусть они и задались целью выследить художника, который сумел их запечатлеть даже по памяти...

А на улицах и впрямь было очень оживлённо, несмотря на серую, пасмурную рань, подчёркнутую низкими тучами, лениво обсыпаящими город моросью, больше похожей на приставучие капли плотного тумана. Кроме студентов, которых было легко узнать (пеших) по заплечным котомкам, угловато-квадратным от книг и тетрадей, спешили мужчины и женщины в простой одежде — наверное, из рабочих семей или обслуги — всех тех, на чьих плечах держится, по сути, город. Некоторые из них шли довольно медленно из-за тяжёлых корзин, уже наполненных продуктами. То ли домой из лавок, рано открывающихся, то ли на работу, а то и в торговлю.

То и дело по проезжей дороге мчались закрытые кареты, небольшие брички с поднятым верхом или тяжеловесные машины, закрытые на манер карет. Пару раз Сашка с интересом замечала всадников в одинаковых плащах, на одинаково экипированных лошадях. Возможно, здешние полицейские? Дорожная служба? Они спокойно переезжали дорогу, а то и ехали вдоль неё, присматривая за движением... Пока шли, мимо пробежали две группки студентов, весело поздоровавшихся с Дораном, а раз — даже персонально с Кэитрией. Наверное, это те студенты, которые вчера видели их в трактире. Судя по голоску девушки-эльфа, взволнованно зазвеневшему в ответ на приветствие, она очень обрадовалась встрече со знакомыми, хотя, возможно, и не разглядела, кто именно с ней поздоровался. "Надо её почаще выгуливать на людях, — решила Сашка. — Девчонка она общительная, а из-за этой тётки и флигеля заморочилась одиночеством. Потому её и не принимали в группе — вдобавок к безденежью, что она невольно ни с кем не говорила. Да и стеснялась — тоже, небось, тётка вдолбила, что она провинциалка и разговаривать не умеет, как столичная штучка".

Ха! На университетском крыльце их встречал Эйлилл! Эх, как пожалела Сашка, что Доран не взял Кэитрию под руку! Хотя чего жалеть, если при виде девушки-эльфа, которая не думала, что её могут встречать, а потому спокойно болтала с травником, не глядя по сторонам, Эйлилл подался было к ней — и оторопело застыл на месте, обнаружив рядом с

Кэйтрией Дорана. Ему повезло. Доран, озабоченный безопасностью Сашки, в этот момент обернулся к ней, а Кэйтрия кивнула ему: мол, сама дальше добегу! — и пошла вперёд, в толпу студентов, где красавчик эльф её перехватил и быстренько увёл в здание.

Сашка тряслась от смеха, как сумасшедшая. Доран — перепугался! Схватил её за плечи, нагнулся посмотреть в лицо. Он же не видел её под капюшоном. Наконец разглядел, удивился и выдохнул.

— Что случилось?

— Ты... Ты только отвернулся от Кэйтрии, а Эйлилл чуть не уволок её!

— Это смешно? — озадачился он, не убирая рук с её плеч.

Сашка вздохнула глубже, чтобы перестать смеяться, и объяснила:

— Он боялся, что она с тобой!

Теперь хмыкнул и он. Довольно. Убрал руки. Правда, насколько заметила Сашка, несколько студентов всё-таки оглянулись на них, явно удивлённые.

— Ладно, побежали. Лекция впереди. А мне её, Кэйтрию, ещё проконтролировать до начала надо. Сегодня практических занятий нет, но...

— Боюсь, контролировать тебе будет некого, — философски заключила Сашка.

Он подумал и признал, что она права.

— С другой стороны, — заявил он, — это хорошо, что они пошли вместе и раньше нас. А то Эйлилл сядет неправильно — мне ни с тобой, ни с Кэйтрией не посидеть.

И, взяв её за рукав, потащил в здание, благо в толпе не видно его излишне фамильярного отношения к телохранителю.

Увы. Деловитость Дорана и его надежда на свободные минуты перед лекцией пропали втуне. Дальше лестницы на второй этаж проскочить им не удалось.

— Вы, двое! — раздался властный и даже барственный голос. — Подойдите ко мне!

Глянув исподлобья, Сашка аж сгорбилась. Вот попали... Ректор. Тот самый Каа. Стоял он с двумя преподавателями — такими важными, что не иначе, как профессора.

Делать нечего. Обречённо переглянулись и, проталкиваясь в толпе спешащих студентов наперерез им, приблизились к ректору.

— Доброго утра, — насторожённо сказал Доран, пытаясь загородить Сашку, которая и сама бы хотела спрятаться от пронзительных глаз Каа.

Но тот ответить на приветствие и не подумал. Просто поднял руку и вытащил телохранителя из-за спины студента, поставив добычу перед собой. Сашке уже самой пришлось снять с головы капюшон, потому что разговаривать с почтенным человеком, от которого зависят судьбы её друзей, закрываясь от него, просто... невоспитанно.

— Та-ак, — многозначительно проговорил Каа, заглядывая в глаза насупившейся Сашки. — Шеврон. Личная охрана. А я подумал — кто-то решил без экзаменов обойтись, обучаясь в моём заведении. Девочка, ты уверена, что тебе хватает силёнок на такую ответственную должность, как телохранитель?

Чувствуя, как новая порция горячего адреналина вливается в жилы (ректор косвенно подтвердил, что у неё есть задатки к работе с магией!), Сашка шмыгнула носом и отчаянно сказала:

— Желаете — могу на вас пару приёмов показать? Или найдёте мне противника, чтобы удостовериться, что я... — Она запнулась, чуть не сказав: "Могу быть телохранителем?" Но возмутилась из-за слабой фразы, в которой ни на грош уверенности, и вскинула голову: — Что я стоящий телохранитель?

— Занимательно, — оценил ректор, доброжелательно улыбаясь во все зубы — так, наверное, улыбнулся бы Каа, если б из дальних рядом обезьян пискнула какая-нибудь смелая. — Нет, девочка, проверять тебя я не буду. Судя по снисходительной усмешке студента рядом с тобой, мой вопрос и впрямь несколько излишен.

Сашка покосилась на покрасневшего Дорана и опустила глаза, вспомнив, как одним ударом свалила его с кровати на пол.

— Прежде чем я вас отпущу... — Каа продолжал внимательно вглядываться в глаза Сашки. — Не думала ли ты, девочка...

— Алекс... — чуть дыша, шёпотом подсказал травник.

— Не думала ли ты, Алекс, сдать экзамены в моё заведение? Пока учебный год только начался, и есть возможность догнать сокурсников. В моих силах созвать комиссию, чтобы по достоинству оценить твои силы.

— Я подумаю над вашим предложением, — растерянно склонила голову Сашка, не зная, как по-другому ответить на столь лестное приглашение. Решить бы насущные проблемы, а тут ещё одну подсовывают!

— Полагаю, моё предложение застало тебя врасплох, Алекс, — благосклонно покивал Каа. — Ничего. Я подожду твоего решения.

— Спасибо.

Обалдев от последних слов и обрадовавшись, когда ректор коротким махом руки отпустил их, Сашка осторожно, стараясь не показать, как ей хочется откровенно сбежать, заторопилась за Дораном. Отворачиваясь, она бросила взгляд на двух преподавателей, побаиваясь, что её дерзость их рассердила. Но оба тут же повернулись к ректору и принялись вполголоса что-то обсуждать.

— Хм... С таким покровителем, — весело пробормотал Доран, — ты легко пройдёшь все экзаменационные испытания.

— С чего ты решил, что он мне покровительствует? — подозрительно спросила Сашка, следуя за ним по лестнице.

— Сам предложил — значит, видит твою силу. Значит — будет делать всё, чтобы ты попала к нам.

— То есть? В городе есть ещё заведения, где учат магии?

— Учат пользоваться магией, — поправил Доран. — Да, есть. Несколько академий, несколько школ при храмах и ещё один университет.

— А чем они отличаются? Ну, тот университет от нашего?

— Тот берёт и магов, и немагов — если кто-то из немагов хочет развить в себе способности. Там требования гораздо ниже, потому что и маги в основном тоже не слишком требовательны к своему образованию. Туда поступают из богатых семей — те, кому работа в качестве мага не грозит, но основы для магических умений нужны.

Сашка промолчала, но проснувшееся любопытство решила однажды прояснить у Кэйтрии: не в том ли университете учатся или учились её кузины?

Один вопрос гвоздем засел в голове. Она взглянула на рядом шагавшего Дорана. Да, он сумеет ответить лучше, чем не слишком знакомая со здешними городскими законами Кэйтрия.

— Доран, а почему ректор предложил учёбу мне? Он же видел, что я телохранитель. А значит, понял, что я не очень-то богата.

— Вот в том-то и дело, — сказал травник. — У тебя есть дар к магии, но мало денег.

Следовательно, ректор будет уверен, что полученные здесь тобой знания не останутся в твоей голове мёртвым грузом, как в основном у богатых студентов. Те пришли сюда получить знания и кичиться ими и дипломом, но не применять на практике. А ведь преподавательскому составу хочется знать, что они не зря преподают.

Переступив порог аудитории, Сашка сразу взглянула на привычное уже место наверху. Эйлилл сидел рядом с Кэйтрией — тесно сидел, вместе с нею изучая то ли книгу, то ли записи в тетради. Доран тоже взглянул наверх и тут же скомандовал:

— Сначала сяду я к Кэйтрии, а ты сядешь со мной.

— Алекс... — тихо позвали от первого стола.

Доран кивнул: мол, разберись, а потом приходи! И поднялся к Кэйтрии и Эйлиллу. А Сашка подошла к телохранителям, стоя и сидя ждавшим её вокруг учебного стола.

— Здрасьте.

Ответно пророкотал веркрыс, а черноволосый уже привычно перевёл:

— Здоровья! Мы тут поговорили... Научи нас тем движениям ногой, Алекс.

Сашка растерялась. Прямо сейчас? Но, уже привыкшая быстро откликаться на сменяющиеся события, среагировала на другое. Перед глазами предстал сквер, мокрый от мелкого противного дождя. Предстала невнятная фигура, которая потенциально вымокнет, после удара свалившись на плиты сквера.

— На улице дождь.

Её поняли. Веркрыс снова рокотнул, а черноволосый проворчал, чуть повернув голову к телохранителю рыженького мальчика-ренара:

— А то сам не помню. — Снова взглянув на Сашку, он представился: — Меня зовут Хебер. На последнем этаже университета есть лестница, ведущая на крышу. Крыша довольно плоская, а на ней несколько небольших башен. Они открытые — то есть стены, столбы, поддерживают крышу, как беседка. Под одной из них можно потренироваться, пока дождь маленький. Был бы ливень — не предложил бы.

— Но охрана...

— Все наши подопечные первую лекцию будут в этой аудитории. Что нам делать? Опять сидеть, зря выжидая время? Наши возражать не будут.

— Хорошо, я предупрежу Кэйтрию.

Оглянувшись на настенные часы аудитории, Сашка побежала наверх. Две минуты. Она успеет предупредить девушку-эльфа и выйти, не задерживая преподавателя и не мешая ему. На последних ступенях полюбовавшись на парочку, склонившуюся друг к другу головами и кивнув Дорану, она сказала:

— Иду на крышу. Меня не будет здесь всю лекцию. Не помрёте без моего присутствия?

— Только в твоём, — пробормотал Доран с сожалением.

И она, бросив ему свой рюкзак, побежала вниз, торопясь за выходящими в коридор телохранителями.

Гарбхан, хмуро сидевший за учебным столом первого ряда, внезапно поднялся и тоже поспешил к двери. Сашка аж испугалась, что он торопится догнать её, и остановилась, дожидаясь его. Если уж орк что-то устроит нехорошее, то пусть это сделает в присутствии хозяина. Но Гарбхан кивнул ей на выход. Она мысленно пожала плечами и уже спокойно вышла впереди него.

Они успели вовремя. Мимо прошёл преподаватель, уткнувшийся в листы, наверное, лекции, а от коридорного поворота снова позвали:

— Алекс!

Вот теперь Сашка уверилась, что Гарбхан драться не полезет — при всех-то. Не оглядываясь на орка, она зашагала к телохранителям своей группы. Поймав себя на этой мысленной фразе, она усмехнулась: пока она показывает им, как надо драться ногами, они и впрямь её собственная группа учеников.

Заходя за угол, она скосилась назад. Гарбхан шёл за всеми, как привязанный. Сначала — специально отставая, а потом, видимо, сообразив, что его отставание выглядит так, словно он чурается собственной группы, орк быстро догнал коллег. Спрашивать, куда они собрались и зачем, он не стал — молча шёл следом. "Тоже неплохо, — решила Сашка. — Лучше сразу всё увидеть собственными глазами, а потом рассказать хозяину".

Когда они выбрались на крышу университета, Сашка с восторгом огляделась. Наверное, здесь тоже бывают какие-нибудь занятия — в начале лета, например, когда студенты сдают экзамены. Мебели, правда, здесь нет, но обещанные башни, на поверку оказавшиеся изящными открытыми бельведерами, прятали от моросящего дождя каменные скамьи по кругу от одного столба-колонны до другого. Сейчас на них, конечно, не посидишь, но Сашка как-то легко представила, как она удирает сюда с Дораном. И сидит на скамейке, пьёт кофе с булочками. И смеётся над парнем, который поторапливает её куда-нибудь бежать дальше.

Она помотала головой. Ишь, размечталась.

Быстро пробежали открытое пространство и заскочили под первый же бельведер. Здесь, под куполом, сухо. И довольно просторно.

Сашка скинула куртку, оставшись в просторной штучке, которую ей подарили в памятной лавке — после драки с цвергами. Под неё тоже не разобрать, что она девчонка.

— Так, поскольку я самый мелкий, нападаете на меня, — велела она. — Для этого надо знать, как бить ногой. Есть удар прямой, — она изобразила, как он делается. — Есть боковой удар. Делается так. Теперь — удар сбоку. Он отличается от предыдущего небольшим разворотом. Но лучший, как по мне, удар ногой в драке с цвергами — рубящий сверху вниз. Правда, у него есть маленький недостаток для непривычного бойца: он наносится при условии, что у вас хорошо развиты мышцы для подъёма ноги. — И она показала окружившим её телохранителям, как делается этот удар.

Вернувшись в исходное положение, она разглядела приунывшие лица "своей группы", вздохнула и сказала:

— Хорошо. Начнём с разминки.

... Если бы не Доран, прибежавший на крышу в перемену, они все забыли бы о времени надолго. Но травник т двери покрутил пальцем у виска — международный жест, оказывается! — и крикнул:

— Через минуту вторая пара начинается!

Потом присмотрелся к потным лицам тяжело дышавших телохранителей, к спокойной Сашке, которая пошла забирать куртку, а потом развернулась к двери к лестнице в коридор. И уже тихо, благо она подошла, спросил:

— Чем вы тут занимались?

— Разминка была — ничего особенного.

И насмешливо опустила глаза, когда мимо них прошёл багровый от недавних усилий Гарбхан. Орк, сначала стоявший, сложив ручищи на груди, и скептически наблюдавший за тренировками, не выдержал быстро. Попытки телохранителей сбить с ног Сашку вызвали в нём горячее желание отплатить коротышке-телохранителю Кэйтрии. Но та уворачивалась —

одновременно громко объясняя, как было до Гарбхана с остальными, что именно орк делает неправильно. То есть использовала его, как и остальных, в качестве наглядного пособия всей группе.

Но больше всего Гарбхан загорелся идеей тренировок, когда Хебер спросил Сашку, можно использовать эти удары и против обычных людей и существ. То есть противников обычного роста. Сашка легко (и с жалостью к неопытным) положила на "ковёр" парочку телохранителей — в том числе и Хебера, при этом продолжая объяснять (и добрым словом вспоминать своего тренера Васильича), как именно она это делает и какие группы мышц участвуют в данном приёме. Вот тут Гарбхан проникся пониманием, что она свалила его в первый день своего появления в университетском сквере не злобной уловкой, а честно — она разглядела это в его проясневших глазках. И принялся за те же тренировки.

Когда они всей гурьбой бежали по лестницам на первый этаж, на вторую по расписанию, общую для двух курсов лекцию — Доран с Сашкой впереди, она спросила:

— Удалось выяснить у Эйлиллы насчёт рисунка?

— Забыл! — повинился травник. — Но помню насчёт портрета Киардхи. Может, всё-таки попробуешь спросить сама?

— Ну ладно, попробую.

Они ворвались в толпу студентов, расходящуюся по кабинетам, и прорезали её, быстро и ловко лавируя между ними. Со звонком влетели в кабинет, где на них группа Кэйтрии захлопала глазами, раскрыв рты на вспотевших и задыхающихся.

Сашка выждала, пока Гарбхан с большой неохотой пристроится рядом с Эйлиллом, а Доран сядет к девушке-эльфу, поняла, что преподавателя всё ещё нет, и быстро спросила, перегнувшись назад:

— Эй, Эйлилл! Ты мою картинку куда задевал?

— А зачем она тебе?

— Люблю страшилки рисовать, — старательно наивно объяснила она. — Хочешь ещё одну такую посмотреть?

— Хочу! — жадно сказал Эйлилл, после чего его лицо разочарованно вытянулось при виде портрета Киардхи.

— Ой, какой страшненький! — с жалостью сказала Кэйтрия, всмотревшись в рисунок углем. — Алекс, ты мне этой картинке не показывал. Кто это?

— Это сосед наш, только с четвёртого этажа, — сказала Сашка и оглянулась на дверь. Преподавателя всё ещё не было. — Он мне сон разгадывал — помнишь, я в трактире заснул?

— Помню. — Кажется, девушка-эльф сообразила, что Сашка ведёт свою игру.

— Ну, вот. Сон-то у меня про шаманов был и про цвергов.

— Ух ты, как страшно! — ахнула Кэйтрия, одним глазком наблюдая за Эйлиллом.

Тот снова насторожился.

— И что это был за сон? — серьёзно спросил он, сощурившись на Сашку.

— Драка! Хорошая такая! — похвасталась она. — Я там всех — одной левой! Цвергов побивал, потоптал, чтобы не лезли.

Гарбхан с подвывом и завистливо вздохнул, отчего хозяин изумлённо посмотрел на него, а потом снова уставился на Сашку.

— И чем всё закончилось? Киардха объяснил твой сон?

— Ну, Киардха сказал, что теперь шаманы знают, кто рисовал эти картинки — с ними которые, — уже обыденно сказала Сашка. — И будут охотиться на меня. А ещё сказал, что

цверги страшно боятся моей графики.

— А я думал, что ты... — вырвалось у Эйлилла, но красавчик эльф тут же заткнулся.

— Договаривай, — велела удивлённая Сашка. И внезапно сообразила всё: и то, почему он к ней подозрительно относился, и то, почему испугался за Дорана, которому она врезала так, что он выглядел убитым. Поэтому с громадным изумлением, не пряча его, сказала: — Ни фиги себе... Эйлилл, ты что?! Думал, что я один из них?!

Даже Кэйтрию проняло это открытие.

— Эйлилл, — растерянно позвала она. — Это правда? Но почему?

— Я маленького роста и драться умею, — сделала вывод Сашка. — Поэтому.

Насупленный Эйлилл молчал, как партизан на допросе. Ему повезло: минуты не прошло, как в аудитории появился запоздавший преподаватель. Так что красавчик сразу уткнулся в тетрадь для лекций. Кэйтрия укоризненно посмотрела на него и тоже открыла тетрадку. Доран сдавленно фыркнул, когда понял, что к чему. А Гарбхан грозно посматривал на всех студентов, кто с любопытством оборачивался к последнему ряду, пытаясь понять, что там происходит.

Сашка спокойно вытащила рисовальные принадлежности из рюкзака, который Доран принёс в эту аудиторию, и принялась за магические картинки.

Но на перемене именно Доран, который весь час старательно писал лекцию, словно ни на что другое не отвлекаясь, повернулся к Эйлиллу и спросил так равнодушно, что никто из маленькой компании сразу не понял, что за важное открытие сделал травник.

— Эйлилл, ты из магического департамента? — А после ошеломлённого молчания добавил: — Если не признаешься, мы тебе не скажем остального.

— Я... — начал Эйлилл и замолк, опустив голову.

Гарбхан посмотрел на него, пожевал толстыми губищами, но промолчал.

— И про графику не скажу, — спокойно сказала Сашка, тоже после реплики Дорана сообразившая, в чём дело. — Хотя я уже и без ваших символистов примерно знаю, что именно пугает цвергов. И даже не примерно, а точно. Было время подумать.

Эйлилл оглянулся на Гарбхана. Тот кивнул.

— Взять с них клятву на крови, — прогудел орк.

— Обрадовался, — насмешливо сказала Сашка. — Какую клятву, чудак? Если мы сами обо всём догадались? И что? Без клятвы вам неинтересно знать, что знаем мы?

— Это не совсем то, что вы думаете, — чуть не прошептал пойманный в ловушку красавчик и лёг головой на скрещённые на столе руки. — Если там узнают...

Сашка вспомнила все прочитанные детективы и принялась рассуждать — к явному ужасу Гарбхана:

— Начнём с того, Эйлилл, что ты старше всех на курсе. Судя по всему, ты прокололся на чём-то, и магический департамент (про себя она добавила: "ФСБ по-нашему!") тебя на этом проколе поймал. Но знатных родственников, которые тебя выгородили бы, у тебя нет. И поэтому ты согласился отработать то, что тебе предложили.

Эйлилл повернул голову безучастно посмотреть на неё. Сашка подняла бровь.

— Нет? Не так?

Гарбхан чуть не поперхнулся.

— Ну ладно. Тогда так. В общем, ты согласился на задание департамента. А задание было — не допустить появления сегодняшнего государственного врага в университет. Так?

— Алекс... — робко и умоляюще сказала Кэйтрия. — Не надо о нём. Давай про другое.

— Кэйтрия, я хочу раскрыться перед ним (Доран немедленно подался вперёд, будто собираясь грудью защитить Сашку или оттащить её подальше от эльфа), но хочу ещё и баш на баш: пусть он тоже откроется. — Сашка посмотрела на беднягу эльфа и, хмыкнув, добавила: — Пусть скажет только, что работает на департамент. А родословной его мне не надо, если он так уж переживает из-за этого.

— Работаю, — тихо сказал Эйлилл. — И что дальше?

— Дальше вот что — для начала. Привет, Эйлилл, меня зовут Алекс.

— И она девушка, — добавила радостная Кэйтрия.

Гарбхан, сидевший на краешке скамьи, так сильно вздрогнул, что с грохотом свалился в проход между рядами — ладно ещё, не покатился дальше, к доске внизу, а потом, глухо ругаясь, принялся подниматься, хватаясь за все столы. Над ним никто не смеялся — видимо, себе дороже. Только поглядывали с затаёнными улыбками.

Эйлилл выпрямился и взгляделся в лицо Сашки. Пробормотал:

— А ведь я должен был догадаться.

— Неа, — рассудительно сказала Сашка. — Не должен был. Гарбхан слишком много обо мне говорил при тебе и злился на меня. И ты привык к образу мелкого драчунишки, а потом начал подозревать во мне цверга или чёрного шамана. Признайся, так?

Расстроенный Эйлилл молчал, но подтверждение всему высказанному Сашкой отчётливо рисовалось на его лице. Поэтому она решила подсластить пиллюлю.

— Да ты не бойся. Кроме нас, никто не догадывается, кто ты.

— Ещё час — и учебный день будет закончен, — несмело напомнила Кэйтрия, с тревогой всматриваясь в красавчика эльфа. — Давайте поговорим после этого часа? Если хотите, я могу дать клятву молчания.

— Хотя мы все молчали до последнего, — напомнил Доран. — Пока вам всё это не понадобилось. Но если не хотите с нами сотрудничать, мы и сами попробуем всё сделать, как надо.

— А то они знают — как надо, — буркнул Гарбхан.

— Знаем-знаем. И получше некоторых, потому что основные сведения у нас в руках, — многозначительно сказала Сашка. — В первую очередь надо найти побольше художников или тех, кто более или менее умеет рисовать. Ту же графику. И тогда...

Договорить она не успела: одновременно со звонком на пороге аудитории появился преподаватель.

— Я согласен, — шепнул Эйлилл, снова склонившись к столешнице и глядя на него искоса. — Где собираемся?

— Мы переехали — Кэйтрия сказала?

— Да.

— Наберём всё, что надо для обеда, и засядем в нашем номере, — предложила Сашка. — Думаю, Кэйтрия не откажется от мысли устроить званый обед? Кэйтрия, да?

Кэйтрия опустила засиявший взгляд. Гарбхан поморщился, но ничего не сказал, а Доран с облегчением усмехнулся.

Лекция началась.

А Сашка снова взялась за карандаш. Три картинки, будущие магические для продажи, она уже сделала — осталось раскрасить. Дома. Теперь она сосредоточилась на собственном сновидении. Вызывала в памяти тот эпизод, о котором Киардха сказал, что именно с него начался страх цвергов перед рисунками. Дотошно вспомнив, какое она начертила

трофейными мечами невидимое изображение, прежде чем проткнуть его, Сашка склонилась над листом и принялась тщательно выводить нужную фигуру.

Четырнадцатая глава

Парни мужественно взяли на себя расходы по основным блюдам, пока Кэйтрия и Сашка выбирали десерт. Лавка Сашке понравилась — этаким уютным магазинчик с обманчиво низким потолком из-за огромного количества полок и товаров... Она, эта лавка, вдруг отчётливо напомнила ей автобусные поездки городских спортивных команд на областные соревнования, когда машина время от времени останавливалась возле деревенских магазинов с обыденной, стандартной вывеской "Товары повседневного спроса". Так же, как и там, в оставленном мире, эта лавка была длинной и неуловимой глазом границей делилась на части с продуктами и "промтоварами". Здесь даже были бочки с солёной рыбой — судя по неожиданно приятному и сытному запаху, от которого (она видела) даже парни сглотнули...

Сашка ещё вздохнула, обернувшись к окнам продуктовой лавки: сейчас придут в гостиничный номер — и больше не выйдут. Нет, Эйлилл с Гарбханом, конечно, уйдут, но... Так хотелось бы подольше погулять по городу при свете настоящего дня, посмотреть на величественные здания, которые завораживали причудливыми линиями и украшениями даже в вечерних сумерках... Она осторожно отошла от Кэйтрии, увлечённо и весело торговавшейся с продавщицей — светленькой девушкой, которая бойко бегала между прилавком и торговыми стеллажами, которые солидно высились, набитые по рядам предметами и продуктами настолько плотно, что оставалось только удивляться, как всё это богатство до сих пор не рассыпалось, обвалившись.

Забывшись, Сашка смотрела в окно, разглядывая соседний дом с мелкими архитектурными штучками поверх карнизов, мокрый от дождя эркер с изящными завитками по краям рам, чьи окошки, поблёскивающие под дождём, словно написаны акварелью... Едва вспомнила об акварели, понурилась. "Дед. Как же тяжело здесь без тебя. И как было бы тяжело без твоих словно бы ненароком промелькнувших уроков..." Внезапное присутствие за спиной учуяла сразу. Ощущение одиночества пропало. Кто-то вторгся в личное пространство, вторгся слишком близко, но пока помалкивал, будто не желая мешать её наблюдению за улицей.

Резкий ветер бросил в стекло дождевые брызги, обливая его поверхность мутно-прозрачной струёй. Сашка вздохнула и спросила, не оборачиваясь:

— Пора?

— Нет ещё, — отозвался Доран. — Мы решили переждать ливень, а потом пойдём.

— Хозяин лавки ругаться не будет? — всё ещё глядя в окно, спросила она.

— Нет. Он нам предложил чай.

"Всё ясно. Накупили много чего — вот хозяин и надеется, что, оставшись, ещё что-нибудь присмотрим. Или чай — искренняя благодарность за множество покупок?" Сашка про себя усмехнулась: она очень быстро привыкает к здешним реалиям... Травник терпеливо стоял за спиной, и она вдруг подумала, что он стоит не из-за неё, а потому, что ему тоже нравится смотреть на улицу. Сашка осторожно взглянула. Хм... Угадала. Снова обернулась к улице, тихонько улыбаясь — то ли тому, что угадала, то ли тому, что ему нравится то же, что и ей... Снова вздохнула и спросила:

— Может, нам здесь и побеседовать с Эйлиллом? Кэйтрия, конечно, расстроится...

— Не получится. Ливень и в самом деле скоро прекратится — Гарбхан сказал, а у орка

на погоду нюх. А поговорить... Здесь много чужих.

Сашка оглянулась. Пока она, забывшись, стояла у окна, лавка пополнилась покупателями и теми, кого загнала сюда непогода. Здесь и дамы с кавалерами, отряхивающиеся от дождя, и громкоголосые студенты, которым так весело, что наплевать на промокшие одежды... Доран тронул её за плечо.

— Я бы предпочёл... — Он запнулся, а она мысленно договорила: "Чтобы здесь мы были вдвоём". Он помолчал и сказал: — Чтобы в этой толпе были только мы. Вдвоём.

С языка чуть не сорвалось: "Ты всем своим девицам такое говоришь?" Но скрутила себя в кулак и сказала, как будто не поняла:

— Знал бы ты, как мне погулять хочется по улицам вашего города!

— Тебе нельзя, — вздохнул он. — Если мы думаем, что на тебя могут объявить охоту, это опасно — гулять. Но... Если очень хочется, я буду рядом. Обещаю. Я много что знаю о городе. Могу много чего рассказать о нём.

Вот теперь она развернулась к Дорану полностью. Тёмные вихры обвисли печальными мокрыми космами, облепив его скулы, но кое-где начинают высушиваться и торчат так, что хочется их пригладить. Как у ребёнка... Поймав себя на этой мысли, Сашка перестала улыбаться. Лицо не как у ребёнка. Худощавое лицо из мечтательного стало высокомерным, едва только Доран заметил, что она улыбается. Он что — уже побаивается, что она может сказать ему что-то... непоправимое? Глядя в его насторожённые глаза, она спокойно подумала: "Никогда не напомню ему про девиц!" Потому же она тихо сказала:

— Идём к нашим. О прогулках — ты сам сказал — потом.

Скользнула ладонью по влажному капюшону, проверяя, закрывает ли голову, и пошла с травником, размышляя, что устала ходить здесь в одном и том же, пусть даже варьируя вещицы свои и подаренные той женщиной-эльфом. "Я рядом с Дораном, как его младший братишка", — слабо улыбнулась она.

Только подошли к "нашим", как Гарбхан самодовольно рыкнул:

— А я что говорил?

Постояв немного в ожидании, правда ли дождь затих, из лавки выбежали первые студенты. А за ними потянулись остальные. Не все. Кто-то всё-таки соблазнился предложением хозяина и с удовольствием попивал чаёк, усевшись вокруг небольших круглых столов. Но Кэйтрия вопросительно взглянула на спутников, и Доран первым развернулся к выходу.

Десять минут до гостиницы, и на лестнице к третьему этажу девушка-эльф сумела удивить Сашку и остальных, спокойно предупредив:

— Мы с Алекс приготовим стол, а вы пока посидите у Дорана, который обещал заварить чай. Нам нужно немного — минут двадцать.

— Хорошо, — за всех мужчин ответил травник. — Я обещал — сделаю.

Они одновременно зашли в свои номера, причём едва Кэйтрия закрыла дверь на замок, она тут же схватила Сашку за руку и потащила её в комнату.

— Ты что? Обувь у нас!.. — попыталась воззвать к здравому смыслу та.

— Просить гостей снимать обувь не буду! — заявила девушка-эльф, буквально ставя Сашку в угол, в изголовье своей кровати. — Стой здесь и снимай свою одежду! Ты вся мокрая! А я нашла, во что тебе переодеться.

Ошеломлённая Сашка только глазами хлопала, пока из поставленной на кровать сумки Кэйтрия вытряхивала кучу барахла. Наконец девушка-эльф развернулась к ней, держа перед

собой плотное длинное платье из толстой ткани — явно шерстяное, цвета скромного светлого беж с вкраплениями жёлтого и коричневого. Платье даже на вид казалось тёплым.

— Алекс, — вздохнув, сказала Кэйтрия. — Мне стало стыдно. Ты ради меня постоянно ходишь в мужском наряде, как мой телохранитель, и я тебя хорошо понимаю, как это... скучно и трудно. И тяжело для девушки. Я купила это платье в той лавке, пока ты стояла у окна. Оно домашнее. Хоть дома, в гостинице, ты будешь себя чувствовать комфортно, как полагается девушке! Оставляю его тебе. Переодевайся, а я пока начну накрывать на стол, чтобы не смущать тебя. Мне кажется, с размером я угадала.

Она ткнула это платье в невольно протянутые руки растерявшейся Сашки и убежала на кухню разбирать другие пакеты с продуктами... Сашка постояла немного, держа платье на весу, а потом спохватилась, что тянет время. Нет, Кэитрию она обижать не будет: девушка-эльф придумала себе ситуацию, в которой чувствует себя неловко она, а не Сашка. Значит, переодевшись, Сашка поможет и ей... Быстро скинув привычную одежду, Сашка потрогала майку — сухая, и на неё надела платье. Пара махов руками и ногами (подтянув подол чуть не до пояса) — теперь остаётся немного выждать, чтобы в платье стало тепло. Посмотрела вниз и прикусила то ли губу, то ли усмешку. Платье, приталенное высоко, почти под грудью, коротковато, чтобы спрятать ботинки. В носках походить? Но они тонкие — в них ноги быстро замёрзнут.

— Алекс? — вопросительно позвала Кэйтрия.

— Да я-то всё, — с досадой откликнулась Сашка, — но, Кэйтрия... У меня же нет обуви. Помнишь — я тебе говорила?

— Ой, голова моя! — ахнула девушка-эльф, снова кидаясь к сумке на кровати. — Вот! Я подумала, что на улицу ты пока выходить не будешь, пока всё не раскроется, поэтому купила домашние туфли!

Открыв рот, Сашка посмотрела на хорошенькие — нет, не туфли, а скорей — полуботинки, с небольшим каблучком, по верхнему краю опушённые мягкой меховой полоской. Без шнурков. Сунь ногу — и шагай.

— Но как ты размер... — удивлённо начала она и взяла обувь примерить.

— Помнишь? Ты сказала, что боишься — наши размеры не совпадают? Я тогда обмерила на нитку твои ботики и эту нитку носила постоянно с собой. Сегодня она пригодилась! И как?

Сашка, не веря глазам и ощущениям, потоптала ногами в мягких, быстро согревающихся туфлях и подняла глаза.

— Кэйтрия...

Девушка-эльф первая бросилась обнять её.

— Ты помогла мне! Сама захотела! Как же мне не помочь той, которая вытащила меня из... флигеля?! И не бойся за деньги! Завтра — воскресенье, и я успею навязать столько салфеток, что мы будем богатые и позволим себе много вещей!

Успокоились не сразу. Но вспомнили, что вот-вот появятся студенты с орком, и принялись бегать сломя голову по номеру, переноса вытащенные Кэитрией из пакетов и котомок продукты на выдвинутый в центр комнаты письменный стол. Когда всё было расставлено, а Сашкины вещи убраны в шкаф, Кэйтрия задумчиво сказала:

— Мы за ними не пойдём — сами постучат. Давай-ка займёмся твоими волосами.

— Ага, а в самый разгар они явятся, — проворчала Сашка, то и дело поглядывая в настенное зеркало на шуструю девицу в длинном платье.

Но девушка-эльф сумела настоять. Причём Сашке она сделала быстро, упомянув, что таким образом обычно управлялась с волосами младших сестёр: хорошенько расчесав Сашкины волосы, она прихватила их нижний край на длинную ленту и переплела пряди, создав косу от уха до уха через затылок. Чёлку оставила, только распустила её немного. Сашка посмотрела на результат, приняв зеркальце из рук Кэйтрии и отвернувшись от большого зеркала. Ухмыльнулась. "Так, любопытно: что скажет Доран?"

Доран ничего не сказал. Онемел, едва только бросил взгляд на Сашку. Впрочем, онемел не только он. Эйлилл, кажется, вообще сначала не понял, что за левая девица бежит по номеру Кэйтрии. А Гарбхан так чуть не задохнулся от возмущения при виде Сашки в домашнем платье: наверное, ему легче было переносить свой позор, пока Сашка являлась перед ним в мужском наряде.

Но реакция Дорана Сашке понравилась больше. Мельком прошла было мысль, что Кэйтрия из-за травника как раз и купила платье своей телохранительнице. Но мысль проскочила, и больше Сашка о том не думала. Впервые в жизни и в своём мире, и здесь она наслаждалась тем, как мужчина смотрит на неё! И что при этом испытывает! С мгновения, как Доран увидел её в платье, он стал каким-то заторможенным. Куда только делись его порывистость и стремительность? Он прошёл в комнату, к столу, и с видимым усилием водрузил на приготовленную подставку горячий чайник. Чуть не ошпарившись при этом, потому что смотрел только на Сашку — и чайник попал на подставку только краем, из-за чего из носика вылетела струйка, пыхнувшая в стороны густым паром. Доран вздрогнул и быстро поставил чайник как надо.

А Сашка вдруг под его взглядами и впрямь почувствовала, как это здорово — быть девушкой. Откуда-то, к её тайному удивлению, появились такие странные желания, как пококотничать — и не только с травником и с красавчиком эльфом, но даже с обалдевшим от её внимания Гарбханом! Появилось странное желание вести себя легкомысленно под одобрительными взглядами всех присутствующих (особенно под преследующим её взглядом травника) — и порхать бабочкой, которая только что выползла из кокона и расправила крылья! Например, ходить — слегка расставив руки, чтобы был замечен браслет из запасов Кэйтрии, который теперь подчёркивал тонкое запястье Сашки. Двигаться летяще, мелкими шажками, грациозно поворачиваясь на ходу к говорящему. И улыбаться — блин, обольстительно!.. Удивляясь себе, мысленно смеясь над собой, она с трудом уgomонилась, взяла свои странные желания под контроль, заставив-таки себя быть деловой и умной. Следователем!

Кэйтрия, выждав, пока все усядутся, разлила чай по чашкам — несколько штук из номера Дорана принёс Гарбхан, потому что парней предупредили: на всех чашек может не хватить. Сашка к этому времени успокоилась, хоть и села напротив Дорана, и вспомнила то, о чём думала, пока добирались до гостиницы. Пришлось позволить гостям утолить первый голод, прежде чем начать речь.

После того, как Доран подлил ей чаю, запахом напомнившего лето и свежескошенное сено, Сашка приступила к тому, ради чего собрались.

— Начнём с того, где остановились, — сказала она. — С Эйлилла.

Красавчик эльф огляделся, но голову в печали приклонить было некуда. Так что он только вздохнул, а Гарбхан грозно на него покосился. Зато Доран, кажется, тоже уже продумал предысторию Эйлилла, потому что довольно беззаботно сказал:

— А чего на нём останавливаться? Небось, из богатой семьи, но позволил себе лишнее,

вот отец его и сплавил во взрослую жизнь, чтобы остепенился. Но слегка решил присмотреть за чадом, отправив его не абы куда, а в департамент. Эйлилл, у вас там родичи есть, так?

— Почему ты так решил? — спросила встревоженная Кэйтрия, с жалостью глядя на "изгоя", вновь понурившего повинную голову.

— Вчера он платил в лавке за кофе, — сказала Сашка и переглянулась с Дораном. — Он сначала с удовольствием платил за всё, что ему и тебе хотелось, — привычка со старых времён сохранилась. А потом вспомнил, что деньги теперь у него — всего лишь жалованье в департаменте. Строго ограниченное. И скуксился.

Гарбхан что-то проворчал по поводу умников, но на его ворчание внимания не обращали. Как-то уже привыкли, что он не говорит, а порывается — если громко, или ворчит, если вполголоса.

— Гарбхан — телохранитель из семьи, — подытожила Сашка. — Он приставлен к Эйлилу не столько для охраны, сколько чтобы гонять от Эйлилла красивых девиц, а то вдруг отпрыск хорошей семьи на предоставленной ему воле загремит под венец с нежелательной девицей.

Лицо Кэйтрии вдруг вытянулось, а руки она быстро спрятала под стол, будто смущённо и даже обиженно показывая: я не претендую! Но плечи опустились, и девушка-эльф так внешне осунулась в одночасье, что Эйлилл резко покраснел, мельком взглянув на неё. "О, совесть-то ещё есть!" — обрадовалась Сашка. Из-за Кэйтрии она не переживала: девушка-эльф уже столько пережила, что ещё один печальный инцидент в её личной жизни должен пройти легче. Как там, у Шекспира? "Уж если ты разлюбишь, так теперь — теперь, когда весь мир со мной в раздоре!" Хотя... Не наоборот ли сейчас всё происходит? Кэйтрия только начала оживать, а ей — такую подлянку!

— И зачем все эти разоблачения? — недовольно рыкнул Гарбхан.

— Без них тяжело переходить к основному, — объяснила Сашка. — Что мы теперь знаем? Эйлилл — представитель магического департамента. А департамент (по газетным статьям, которые я успела прочитать) лихорадочно разыскивает в городе логово чёрных шаманов и их войска из цвергов. Я правильно понимаю ситуацию?

— Да, — кратко ответил Эйлилл, мгновенно преображаясь во внимательного слушателя, который уловил в разговоре переход к нужной информации.

— Для того чтобы покончить с предысторией, мне нужен ответ на один вопрос, — предупредила Сашка. — Эйлилл, тебя здесь не узнают. Где ты учился раньше? Насколько я поняла, ты очень опытный маг. А руководство университета знает, кстати?

— Опытный... — пренебрежительно проворчал Гарбхан.

— Я учился в этом же университете — на факультете магической иллюзии, — после недолгого молчания выдохнул красавчик эльф. Взглянул на Кэитрию, сидевшую очень напряжённо, и виновато опустил глаза. — На мне иллюзорная маска. То есть это, — он коснулся подбородка, — не настоящее лицо.

— Всегда любил фасонить, — снова заворчал орк. — А мне потом расхлёбывай.

— Руководство университета, — напомнила безжалостная Сашка.

— Поступал я на общих основаниях, — выдохнул Эйлилл. — Возможно, знает ректор, но он высший мастер, всех видит насквозь. Правда, молчит.

— То есть однажды ты переборщил с иллюзорными масками, а департамент тебя на этом поймал и предъявил твоё деяние родителям, — сделала вывод Сашка. — А родители вышли из себя и... В департаменте появился новый сотрудник. А поскольку тебе было легко

мимикрировать в студента, то тебя послали в университет. Возможно, были слухи, что чёрные шаманы собираются запустить в качестве студента своего ставленника, чтобы пугать и здесь. Поэтому ты испугался за жизнь Дорана, когда я его уронила на пол.

Небольшая компания за столом немного помолчала, переваривая дознание и признание. Эйлилл больше не поднимал глаз на девушку-эльфа, а Кэйтрия, напротив, с горечью приглядывалась к нему. Неизвестно, о чём думали травник и орк, но Сашка — опять о постороннем из сочувствия к подруге: "Неужели под этой маской красавчика прячется какой-нибудь урод? Или у него нормальная внешность, а сейчас слегка наипрекраснейшая? Тоже, типа, художник? Или он сделал эту маску из расчёта: положи вещь на видное место, чтобы её не нашли? Чем больше на него смотрят, тем меньше думают о настоящем?"

— Ну, ладно, — сказала Сашка. — Теперь к делу. Начну издалека, чтобы все поняли это дело досконально. Цверги. Как объяснил мне Доран, есть цверги цивилизованные, и есть дикари. А поскольку последние легко ведутся на всякие провокации, то чёрные шаманы сделали из них своё войско. Далее. Ещё одно маленькое отступление. Суеверие дикарей зиждется порой на очень странных понятиях. Бывает, что дикари до ужаса боятся рисунков, которые имеют символику. Если вспомнить стены пещер, в которых жили самые древние дикари, то сразу перед глазами встают символические рисунки охоты, например. Для чего дикарям эти рисунки? Они рисуют свою будущую добычу — толстую и жирную, а потом символически утыкают её копьями, изображая победу над вкусным зверем. То есть просят свои магические силы помочь им.

— Откуда ты это знаешь? — поразился Гарбхан.

— Я готовилась к поступлению на художественно-графический факультет — проще говоря, на художника. Мой учитель, который меня готовил к поступлению, постепенно вводил меня в курс по истории живописи, как раз начиная с дикарской граффити.

— И зачем нам это? — проворчал орк.

— Киардха сказал, что в моём трактирном сне есть два важных эпизода. Один из них таков: когда я начертала в воздухе примерный силуэт цверга, а потом проткнула его мечом (тоже всего лишь в воздухе), цверги страшно испугались. Они испугались так, что готовы были бежать, если бы не чёрные шаманы рядом.

— Это всего лишь сон, — насторожённо сказал Эйлилл.

— Ссылаюсь на прорицателя, про которого мне сказали, что он самый сильный и умный. Киардха высказал мне, что во время этого сна моя душа странствовала по городу, собирая информацию, а заодно проникаясь мыслями и чувствами всех, кто важен для меня в данный момент. Так вот. Если вы хотите прогнать шаманов из города, надо из города выгнать цвергов. Напугать их.

— И как? — скептически спросил Эйлилл.

Кэйтрия покосилась на него и долила себе чаю.

Сашка заметила, что теперь, когда он перестал воображать из себя, он выглядел гораздо более взрослым, чем они привыкли видеть его. И, как ни странно, более симпатичным. Бедная Кэйтрия... Хотя чего бедная? Теперь, когда она-то может себе заработать на салфетках, когда Сашка может помочь ей с деньгами, рисуя магические картинки... О! А ведь портретик Кэйтрии Эйлилл отобрал! Значит, для девушки-эльфа ещё ничего не потеряно с личным-то? И к Дорану ревновал... Та-ак... Узнать бы ещё, что у него с лицом. Если Гарбхан злится на него: "Всегда фасонить любил!" Тоже что-нибудь кармическое, как у Киардхи?

— Нарисовать картину, где цверги убиты, — коротко ответила она.

Все замолчали, забыв о чае и десертах к нему. Наконец очнулся Доран.

— Нет, не пойдёт, — категорически сказал он. — Ты думаешь, что цверги узнают об этой картине и испугаются. Но цверги не маги! О картине могут узнать шаманы, но они вряд ли расскажут наёмникам об этой картине. Уж они-то должны понимать, чем грозит такая картина им самим из-за суеверных цвергов.

— А какой второй эпизод Киардха назвал важным? — спросил Эйлилл, словно машинально пододвигая Кэйтрии тарелку с пирожными. Даже не глядя на неё. Но Сашка в душе хмыкнула: если уж он следит за нею, что приметил такой незначительный жест, как попытка достать выпечку...

— Шаманы знают, что кто-то из нашего университета нарисовал их. Киардха не уверен, но, возможно, они попытаются меня найти.

Снова молчание, уже тревожное. Эйлилл повертел в руках чайную ложечку.

— Можно спрятать тебя от шаманов. За магической завесой. Но об университете пока придётся забыть.

— Слишком кардинальное решение, — спокойно сказала Сашка. — Я думаю, чтобы решить этот вопрос, надо бы поначалу узнать у тебя следующее: куда ты отправил Гарбхана с моей картинкой — и что там решили по ней? Это ведь связано с магическим департаментом?

Эйлилл встал из-за стола и подошёл к окну, потом вернулся — взявшись за стул, посмотрел на стол, не видя его.

— Всё взаимосвязано, — наконец сказал он. — Наши маги изучают твою картинку, пытаюсь по ней определить местонахождение чёрных шаманов. А если теперь ещё и шаманы думают о тебе и картинке, то... Да, я прав. Тебе грозит опасность, если только ты не хочешь... — Он безразлично посмотрел на Сашку.

Любить детективы — читать их, смотреть их. И знать основные сюжетные линии.

— Если только я не предложу сама себя в потенциальную жертву шаманам, — договорила Сашка. — То есть можно сделать ловушку на шаманов, предложив им подсадную утку. Так? В таком случае я снова смогу ходить в университет.

— Я буду рядом, — с угрозой напомнил Доран.

Сашка посмотрела на него с благодарностью.

— Можно договориться с другими телохранителями, — ворчливо сказал Гарбхан. — Они уговорят своих хозяев заезжать за вами и привозить вас в университет и обратно. Ребятам очень понравились твои уроки, Алекс. Между прочим... — Глаза орка заблестели любопытством. — А сумела бы ты сбить с ног ренарова телохранителя? Веркрыса?

— Нет, — поразмыслив, ответила Сашка. — У него слишком мощные бёдра и слишком короткие лапы. Но уронить могла бы.

— Как?

— Я заметила, что он дышит только носом. — Сашка виновато посмотрела на Кэйтрию, с тревогой следившую за жутковатым разговором. — Одного удара, чтобы разбить ему нос, хватит. А потом он задохнётся от идущей крови, которая перекрывает ему возможность дышать.

— Не надо об этом, — тоненьким голосом попросила девушка-эльф. — Давайте закончим с разговором об Алекс и её безопасности. Насколько я понимаю, нам можно выходить из гостиницы только днём, правильно? А вечернее время для нас опасно. Значит,

завтра мы всё-таки можем погулять по городу?

— Одних не отпущу, — снова покачал головой Доран. — Погуляю с вами.

— Ну, теперь я вроде как ответственен за ваши жизни, — пожал плечами Эйлилл. — Если Кэйтрия возражать не будет, то присоединюсь к вам.

— Ответственен он, — буркнул Гарбхан, которому, кажется, затея молодого хозяина не очень пришлась по вкусу.

Тем не менее, возражать напрямую он не стал, хотя Сашке легко было представить, как после прихода Эйлилла домой орк обрушит на хозяина здоровенную порцию негодования... Вскоре после нового молчания, редко нарушаемого вежливыми репликами с просьбой подать то или иное печенье, а то и долить чаю, гости стали прощаться.

— Я загляну к вам вечером, — напомнил Доран. — И пойдём ужинать. — Он оглядел Сашку засиявшими глазами и тут же вздохнул. — Жаль, пока нельзя тебя выводить в свет в женском платье.

Сашка снова чуть не лягнула: "А то что бы? Похвастался бы очередной победой?" И снова успела прикусить язычок. И присмотреться к красавчику эльфу. Тот бросил на Дорана недобрый взгляд и отвернулся первым пойти к двери в коридор. Положил ладонь на дверную ручку и застыл, будто не решаясь открыть дверь.

— Эйлилл, — тихо сказала Кэйтрия. — Если ты будешь свободен завтра, я буду рада, если ты будешь нас сопровождать.

— Спасибо, — не оборачиваясь, ответил красавчик эльф и вышел.

Когда девушки закрыли дверь за всеми гостями и вернулись в комнату, Сашка виновато спросила:

— Кэйтрия, не жалеешь, что пришлось снять с него маску? Ну, хотя бы на словах?

— Знаешь... Нет.

Кэйтрия начала собирать посуду и относить её в кухню. Чтобы не прерывать беседу, Сашка поспешила сделать то же самое. Они молча перенесли остатки пиршества и принялись мыть посуду под небольшим рукомойником, вода в который поступала из небольшой трубы в стене. Девушка-эльф только разок тронула рукомойник ладонью, и из него полилась тёплая вода.

— А почему?

Нет, Сашка не сомневалась, что Кэйтрия ей не будет отвечать в духе: "А по кочану!", но всё равно побаивалась резкого ответа. А получила...

— Мне его жалко, — тихо сказала Кэйтрия. — Он привык к дому, к родителям. Привык к своей жизни, в которой можно быть щедрым. И вдруг его поставили в такие условия.

— У него условия, между прочим, лучше твоих, — сердито откликнулась Сашка, — у него стабильное жалованье, в то время как у тебя, кроме чёткой суммы от родителей (и тех — уворованных), ничего не было. Он спокойно занимается на курсе, где ты мечтала заниматься, но уже понимала, что придётся уехать домой. Хотя ему-то этого не нужно.

— И у него что-то с лицом, — закончила Кэйтрия, и её глаза налились слезами.

Сашка подняла брови: романтическая Кэйтрия поймана на жалости к агенту департамента! Неужели... Неужели Эйлилл, который, кстати, и не Эйлилл, потому что его сразу бы по имени распознали в университете, воспользуется расположением и доверчивостью Кэйтрии — и обманет её? Погуляет, а потом бросит? Ну нет! Попробуй он только это сделать... Сашка мрачно скосилась на девушку-эльфа, которая расставляла чашки на полочке. "Не знаю, что у него там за лицо, но морду я ему разобью так, что по кусочкам

будут собирать!"

Пятнадцатая глава

Доран обещал (даже пригрозил) прийти за час до ужина, чтобы проверить Кэйтрию по курсу общего намагичивания. Когда Сашка поинтересовалась, что это такое, девушка-эльф объяснила:

— Это основы бытовой магии. Берёшь универсальный предмет, который часто используешь, и вкладываешь в него магию, проводя его через ритуал.

— Например?

— Ну, например, ты хочешь, чтобы твой самый удобный на кухне нож никогда не тупился. Проводишь над ним ритуал с заклинаниями, готовая формула которых у тебя есть. Но в нужных местах заклинания надо вставить символику ножа или любого другого предмета, от которого ждёшь хорошего рабочего процесса.

— А зачем тогда Дорану тебя проверять? Это же просто.

— Ну-у... — смутилась Кэйтрия. — Это на словах просто. А на деле — нужен навык сосредоточенности на ритуале. Иначе те силы, которые ты вкладываешь в предмет, читая заклинание, могут рассеяться, уйти мимо ножа.

— Хм. Если это так долго, то... — Сашка покачала головой, не зная, как выразить мысль.

— Нет, это недолго, — поняла её Кэйтрия. — Потом научишься проводить ритуалы машинально. Но на первых порах необходимо очень сильно концентрировать внимание.

"Наверное, это как с приёмами, — решила Сашка, больше не приставая к девушке-эльфу, чтобы та занялась уроком. — Пока любой до механизма не натренируешь — и думать нельзя о применении его на ковре".

Оставив Кэйтрию за столом, она сама уселась в кухоньке, ближе к окну. Здесь стол тоже идеально вытерт и почти свободен, так как есть навесной шкаф для посуды. Кувшин, который Кэйтрия для красоты поставила в центре, на салфетку, не мешал. Так что Сашка спокойно разложила на столе листы и карандаши и принялась за работу — создавать новые картинки. В процессе она вдруг подумала: "А если придётся постоянно их рисовать? Если я привыкну к одной и той же манере, благо что это легко — рисовать хорошенькие мордашки? Пропаду... Как художник..."

Неприятная мысль заставила отложить карандаш и уставиться в окно, за которым немного рассеяло тучи и явно пробивалось солнце. Посидела, ничего не делая, а только глядя на улицу. Никаких мыслей, кроме одной: попытаться поискать здесь, в городе, что-нибудь вроде художественной академии? А когда очнулась от рассеянных дум, скривилась от прихлынувших слёз. Там, в своём мире, всё было ясно и понятно: не поступила бы на худграф — пошла бы в охранники. А здесь... Столько возможностей, но... Дед будто ждал этого момента, чтобы ухмыльнуться: "И это моя Сашка? Вот эта плакса и нытик? Нет, Сашка моя. Думать нужно именно так: столько возможностей — и все можно реализовать, был бы талант и желание! Таланты у тебя есть — думай, как воплотить их все! Чего стесняться и ужимать себя? Заработать ты всегда можешь — на милых открыточках. Дерзай, Сашка! Не каждому такой шанс даётся!"

Она "зажала" слёзы, подняла голову и отодвинула готовые "открыточки". Положила перед собой неразрезанный лист и взялась за простой карандаш. Быстрые и уверенные линии, росчерки, штриховка... Доран возникал перед ней быстро и легко. Вот наметилась

его лёгкая усмешка, которую Сашка обозначила чётко — чтобы и травник посмеялся над её сомнениями. Закончив портрет, Сашка привычно, как учил дед (а преподаватель-репетитор терпеть не мог!), расписалась в правом углу листа. Уже новым именем. Алекс. "Мда, — проговорила она мысленно, сама с улыбкой глядя на Дорана. — Талант не пропёшь — повторял дед. Он или есть, или его нет. Деда, спасибо за то, что передал талант мне, а не кому другому. Вере он бы точно не понадобился!" Додумала, а потом устыдилась. А вдруг и старшей сестре однажды бы потребовалось это умение? Умение художника-портретиста?

А потом Сашка уставилась на портрет Дорана. Задумчиво прикусила тыльный кончик карандаша. Ну, с Эйлиллом вроде всё ясно. Если иметь в виду только главные стороны интереса к нему Кэйтрии и её собственные.

А вот Доран... Если учесть, что он травник... Зачем ему знать бытовую магию? Насколько Сашка поняла (будучи, впрочем, дилетантом в магии, но, уже присмотревшись, что это за зверь и с чем его едят), травник должен уметь разбираться и в бытовой магии. Причём обязательно! Создать огонь, чтобы разжечь пламя для кипятка, который является одним из главных ингредиентов во всяких отварах. Сделать так, чтобы все инструменты, нужные для резки и крошения трав, были в нормальном, рабочем состоянии. Ну и так далее... Наверняка этому Дорана обучали ещё в той частной школе, о которой он однажды и с большой неохотой обмолвился. Так зачем же ему второе образование?.. Сашка прокусила кончик карандаша, выплюнула раскрошенные мелкие опилки и, пожалев и обозлившись: "Пока тебе нельзя тратить это богатство! Ты ещё не знаешь, сколько в этом мире стоят карандаши!", мысленно шлёпнула себя по затылку: "Дурёха! Ты не знаешь хорошенько и этого мира. И вообще!.. А если Доран хочет быть не просто травником, но травником, который может входить в богатые дома, потрясая двумя дипломами! Он же живёт в гостинице — на собственные заработанные монеты!" И снова озадачилась, вспомнив Киардху. Богатенькие детки, несмотря на таланты и на семью, тоже могут засесть в гостинице! Та-ак... К чему пришли? К тому, что фактов маловато для размышлений. Сашка невольно ухмыльнулась по-дедовски. Она так размышляет обо всём связанном с Дораном, будто сама закончила факультет бытовой магии!

— Алекс!

— Что? — Она не поленилась встать и высунуться из-за тонкой стены взглянуть на позвавшую её Кэитрию.

— Доран сейчас придёт.

Учёная уже. Поэтому быстро осмотрелась. Летучая мышь-татушка игриво порхала над сторожевым псом, который был снисходительно настроен к ней: хамкал пастью, когда татушка оказывалась на подходящем расстоянии от морды, но хамкал так лениво, что летучая мышка успевала отпрыгнуть. А то и ветром относил — от резкого движения пасти. Ага. Вон что произошло. Сторожевой пёс увидел татушку Дорана и предупредил хозяйку... Это ж сколько они просидели — каждая в своей комнате? Переведя глаза на часы, пристроенные над входной дверью — часть обслуживания в гостинице, Сашка хмыкнула: да, остался час до ужина.

Так что она спокойно вернулась к столу на кухоньке и принялась за следующий лист с будущей магической открыткой-картинкой.

Дверь, заранее отпертая для соседа, вскоре открылась. Сашка подняла глаза, чтобы увидеть, как Доран промелькнёт мимо кухни. Но тот сделал шаг и остановился.

— Добрый вечер, — неожиданно поздоровался травник.

— Добрый! — откликнулась Сашка.

— Через час выходим! — предупредил Доран.

— Помню, — удивлённо сказала она, когда он пропал из виду. Что с ним? Думает — у неё память короткая? Или... Ему захотелось немного перекинуться с ней словом? Сашка внезапно заметила, что улыбается. Ему захотелось...

Через час, когда была готова ещё одна картинка, Доран снова появился в проёме кухни. За его спиной маячила Кэйтрия, и Сашка сообразила, что оба с одним и тем же к ней. С чем — интересно?

— Закончили? — опередила она начало их разговора, собирая все картинки. Портрет Дорана она заблаговременно припрятала в папке на самое дно, под стопку ещё остававшихся в ней нерезанных листов.

— Алекс, может, ты пойдёшь в женской одежде? — предложил Доран, разглядывая её, переодевшуюся в сухую привычную одежду. — В трактир?

— Мне бы тоже этого хотелось! — пискнула девушка-эльф из-за его спины.

— Вы о последствиях подумали? — миролюбиво спросила Сашка. — Доран, ты вообрази, что там будет, когда я появлюсь в платье — рядом с тобой?

— А что будет? — наивно спросила Кэйтрия и охнула, прижимая ко рту кулачок. Кажется, даже она сумела связать появление Сашки в платье — и реакцию посетителей трактира, хорошо знающих травника, на это событие в его жизни.

Доран проворчал что-то и пропал из проёма. А Кэйтрия подошла ближе.

— А жаль, — вздохнула она. А потом понизила голос, говоря на грани шёпота: — Ты из-за него не можешь — его жалеешь. Тебе-то, наверное, хочется, да?

Сашка озадаченно прокрутила в мыслях ту самую сцену, которая, как она полагала, заставит отказаться травника от мысли, что он придёт в трактир с двумя девушками под руку. Потом покачала головой.

— Нет, Кэйтрия. Не из-за него. Я не думала о том, чтобы пожалеть Дорана. Здесь другое. Что-то во мне упорно, — она улыбнулась, чтобы смягчить странное впечатление из-за своего отказа, — сопротивляется одеться по-женски.

Девушка-эльф внезапно стала серьёзней.

— Тогда ты права. Если есть какое-то предчувствие, надо подчиняться, следовать ему. Иди так, как ты привыкла.

Снова удивлённая, Сашка промолчала-таки, что о предчувствиях она и не говорит. Просто было и есть странное нежелание, чтобы все знали, кем является на самом деле телохранитель Кэйтрии.

Так что в трактир пошли как обычно: впереди Доран с Кэитрией, за ними — Сашка, накинув куртку, чтобы шеврон на рукаве сразу объяснял её присутствие при студентке. А заодно одежке вменялось прятать саму Сашку — будучи довольно свободной.

Трактир поразил: столько студентов! Стола все были заняты. Правда, некоторые сдвинули вместе — видимо, хозяева не возражали против студенческих компаний вокруг собранных столов. Возможно, именно поэтому Дорану повезло. Его снова узнали, но, ещё по вчерашнему поведению травника убедившись, что Кэйтрия точно не его новая возлюбленная, смеяться не стали, а позвали к одному из столов, где нашлись два места — и уголок для телохранителя.

Шагая за Дораном вдоль стола, Сашка шёпотом спросила:

— Почему так много?

Он понял.

— Завтра выходной. Сегодня здесь будет не только ужин. Хозяин по таким дням заказывает музыку. Прислушайся.

Сашка последовала совету и расслышала звуки, кажется, скрипки и какого-то клавишного инструмента, по изящной хрустальности звука похожего на клавесин. Девушка-эльф, слышавшая их короткий диалог, с завистью посмотрела на проём, выводящий из двух залов в третий, вчера закрытый, а сегодня гостеприимно распахнувший широкую дверь.

Усаживаясь в предложенный телохранителю уголок, Сашка разглядела в проёме промелькнувшие фигуры, услышала притоптывание и смех — и вдруг сообразила, что сегодня Доран не просто так настаивал на том, чтобы она пришла в женской одежде. Она взглянула на него. Травник бросил сердитый взгляд на танцевальную комнату и со вздохом уселся на своё место, поднимая руку — позвать девушку-раздатчицу.

Радостное возбуждение предвыходного дня очень сильно чувствовалось. Студенты говорили громче обычного, много хохотали — в этом, правда, был виноват не только необычный день. На всех столах сегодня стояли кувшины, из которых многие парни и девушки часто наливали себе прозрачную жидкость весёлого солнечно-светлого цвета. Сашка узнала, что это, и улыбнулась. Наверное, виноградное. Или яблочное.

Прибежала девушка-раздатчица, принесла поднос с ужином. И небольшой кувшинчик, специально заказанный Дораном в честь завтрашнего выходного. От вина, им же собственноручно разлитого по тяжёлым бокалам, не отказалась ни Кэйтрия, ни Сашка. Распробовав его, слабое, но мягко щекочущее язык, она решила: эта штука, видимо, здешней молодёжью ценится вместо пива, привычного студентам её мира. Странно, но сам Доран почти не притронулся к кувшину.

Оглядывая зал, одновременно поедая кашу с овощами и мясом, Сашка наткнулась взглядом на студентов, стоящих возле уличных дверей в трактир. И осторожно вздохнула, вспомнив свой вчерашний сон. Отвела глаза, потому что чувство, вспыхнувшее внутри, зажало горло, и глотать стало трудно. Лучше смотреть из своего уютного уголка на студентов и других посетителей, изучая здешний народ. И не думать о том, как тяжело дался этот сон.

Наблюдение пришлось прервать.

Снова вырвалась из танцевальной комнаты весёлая музыка, послышалось частое и ритмичное притоптывание каблучками и смех, и Сашке захотелось стукнуть Дорана. Ну что? Жаль, что ли, провести Кэйтрию по одному кругу? Может, намекнуть ему? А и то прямым текстом сказать, если сам не соображает? Сидит, насупленный. А Кэйтрия то и дело тянет шею рассмотреть получше, что делается в том, таком заманчивом зале.

Сашка не выдержала. Хорошо — сидела за спинами: никто не заметил, как она ткнула кулаком в спину Дорана, который только что не подпрыгнул от чувствительного удара между лопатками. Обернулся — мрачный.

— Доран, своди нас в ту комнату, — вполголоса проворчала она. — Может, хоть Кэйтрии повезёт — и найдётся кто-нибудь, кто пригласит её.

Прямое желание Сашки травник выполнил, а намёка услышать не захотел, хотя девушка-эльф на него и поглядывала вопросительно. Они вошли в танцевальную комнату и встали у стеночки — блин, как на дискотеке!

Да, здесь было весело и задорно! Разделившись на группки, студенты азартно отплясывали кто что — под звуки двух скрипок, всамделишного клавесина и какого-то

веника, с прутьев которого свисали сухие деревяшки. Музыкант ими отбивал такт — это, видимо, здешние ударные. Одна группа радостно и с хохотом скакала по кругу. Другая в таком же кругу танцевала чуть ли не менуэт, как это понимала Сашка. Но тоже довольно живенько. Во всяком случае, кавалеры вертели своих дам так быстро, что те порой ахали от скорости и удовольствия. На вновь пришедших внимания не обращали: своих зрителей, подбадривающих и тех, и других, в комнате хватало.

Скосившись на Кэйтрию, Сашка уловила, что та вздохнула. Пока Сашка размышляла, стукнуть ли Дорана ещё раз, если он понимает то, что от него, как от мужчины требуется, только после тычков, девушка-эльф быстро выскользнула из танцевальной комнаты. Пожав плечами и думая, как показать упрямому травнику кулак, чтобы остальные посетители не увидели, Сашка поплелась за нею.

Когда они снова уселись на свои места, Кэйтрия, печально закусив губу, посмотрела на кувшин так, что севшая чуть сбоку Сашка немедленно поднялась и поставила вино подальше от неё. Напьётся ещё. Неизвестно, как вино её раскроет. Может, бушевать начнёт. Сашка представила, как девушка-эльф бушует, и наклонила голову, чтобы никто не заметил, как она трясётся от смеха.

Галдёж у входной двери заставил прекратить смех и поднять голову. Как и всех, кто сидел в обеденном зале трактира. Студенты, караулившие темнеющую улицу, заволновались. Даже Доран поднял голову, приглядываясь, что там происходит. Да что там — Доран. Все присутствующие примолкли, встревоженно вглядываясь в добровольных сторожей и в то, что за ними. Точней — в того, кто вошёл в трактир с улицы. То есть — влетел так, что сторожа раздались в стороны, пропуская вбежавшего... Вскоре все загалдели с облегчением. Студент, вбежавший в опасное время в гостеприимный трактир, спасался всего лишь от припустившего дождя.

Он стянул с головы капюшон, улыбаясь сторожам, которые радостно хлопали его по плечам и спине, словно это они его спасли, а не он сам ворвался в трактир. Был он не очень высок — и по торчащим из тёмных волос кончикам ушей в нём нетрудно было узнать эльфа. Наконец он снял короткий плащ и, развернувшись к двери, стряхнул с него лишнюю воду. Его снова захлопали по плечам, всё так же весело галдя и указывая свободные места за столиками. Он кивнул и, шагнув несколько раз, огляделся.

Кэйтрия вставала так, как будто испугалась — отчаянно! Даже травник поразился, что это с нею. Сашка поднялась следом, встревоженная, но долго недоумение, что происходит с девушкой-эльфом, не продолжалось. Она, спотыкаясь, чуть не падая и хватаясь за края столов, чтобы удержать равновесие, выскочила из-за своего стола и устремилась к незнакомому студенту.

— Эйлил!.. — слышали Доран с Сашкой её шёпот.

Незнакомый студент будто слышал этот шелест губами. Он резко обернулся к девушке-эльфу и поспешил ей навстречу. Кэйтрия быстро подошла к нему, и он, изумлённый и какой-то благодарный, подал ей руку. Сашка смотрела во все глаза: как Кэйтрия поняла, что это Эйлил? Даже рост другой! Эйлил — высокий парень, с глазищами небесной синевы. В любой толпе сразу узнаешь! Но этот — неприметный, ну — почти безо всяких особых примет, и среднего роста... Но, если бы девушка-эльф ошиблась, он бы, наверное, не подал бы ей руки и не поспешил следом за нею?

Неужели магия иллюзии может быть такой сильной?!

Или всё же это не Эйлил?!

Пришлось сесть и буркнуть, пока счастливая парочка шла к столу:

— Доран, ты-то узнал его?

— Теперь — да, — проворчал тот, тоже садясь.

— Привет всем! — спокойно сказал незнакомый эльф, которого Кэйтрия уже дотащила до столов.

Замаскированный иллюзией Эйлилл улыбнулся Сашке и подсел к ним троим, благо что студенты от их стола, сообразив, что ничего страшного не происходит, убежали в зал для танцующих. Подсел, держа за руку Кэитрию, которая сияла не в силах удержаться от радости. Доран же насупился, расслышав парочку ехидных замечаний, адресованных ему со стороны. Эйлилл подозвал девушку-раздатчицу и заказал ужин на себя и десерт для всех. Кэйтрия смотрела на него... как на божество — усмехнулась Сашка. И снова изумлялась: и как она узнала его под маской иллюзии?! Сама-то она смотрела на него и только ёжилась: ну — незнакомый!! И точка!!

Потом начала замечать — по движениям, что они ей знакомы. Например, любимый жест красавчика эльфа — слегка наклонять голову. Не по этому ли жесту Доран понял, что перед ними и впрямь Эйлилл?

А потом, когда Эйлилл насытился и перемолвился словечком с Кэитрией... К отчётливому возмущению Дорана, парочка встала из-за стола и направилась в танцевальную комнату. Сашка — по должности, за ними. Травнику тоже пришлось снова встать из-за стола, потому что по нему начали чувствительно проезжаться студенты-едоки: что, де, не потерял ли он хватку любвеобильного студента, если не сумел уговорить такую красотку, если её у него увели так легко...

"Терпи, Доран, терпи, — с некоторым злорадством думала Сашка, стараясь следовать за всеми неразличимой тенью. — Сам себе репутацию создал, что ж теперь делать? Только терпеть! И ждать, когда наступит времечко, когда сможешь предъявить меня своим друзьям... Правда, они будут разочарованы. Я — не Кэйтрия. Не такая красавица. Да и вообще. Симпатичная, — снова невольно улыбаясь, решила она. Но улыбка мгновенно слетела с губ, когда Доран в очередной раз обернулся к ней. Он посмотрел быстро, чуть исподлобья, сразу отвернувшись, но в тёмных глазищах промелькнуло такое тёмное же пламя, что... Что Сашка с новым удивлением подумала: — А если он видит меня иначе? Если я для него другая — не та, что я вижу каждый день в зеркале?"

Она опустила глаза, раздумывая...

А потом и вовсе вышла из зала, справедливо предполагая, что пока её присутствие здесь никому не нужно. Она снова уселась на табурет у стены, рассеянно раздумывая о том, что в каком-то смысле теряет здесь время, хотя могла бы заняться рисованием новых магических картинок... Посмеялась над собой: надо же — уже появилась привычка думать о хлебе насущном именно с помощью картинок! "Ну, что ж. Времени всё равно до фи́га. Почему бы не подумать? Почему бы заранее не вспомнить картины, с которых можно будет стащить лица для этих картинок? Помнится, у "Кружевницы" Тропинина такое же славное лицо, которое нравится всем здешним. Эх, надо бы спросить у Кэитрии, можно ли для открыток использовать лица здешних красавиц. Её-то саму я уже для картинки нарисовала, правда смягчив лицо так, чтобы она с трудом сама себя узнала... И как жаль, что нельзя прямо сейчас взять альбом и рисовать с натуры..."

Она посмотрела на открытую дверь в танцевальную комнату. Доран всё ещё стоял там. Может, не заметил, что она вышла? Позвать?

Сашка глянула под ноги, чтобы встать, не споткнувшись, и застыла на месте, заинтригованная. Под ногами мягко колыхалось нечто, похожее на дымный обрывок от облака. Или от затухающего костра. Чей-то фамилляр? Типа, как у Дорана? Дымок гибкой змейкой обвился вокруг ног Сашки, а потом юркнул под стол, появившись перед глазами уже чуть за столом. Сашке вдруг показалось, что этот дымок зовёт её куда-то. Странно. Она всё же выбралась из своего закутка за столами и дошла до двери танцевальной комнаты. Здесь танцевали — пыль столбом. Эйлилл и Кэйтрия примкнули к тому кругу, который танцевал ускоренный менуэт, и отрывались не на шутку, глядя друг на друга влюблёнными глазами.

А Дорана нигде нет.

Сашка озадаченно почесала кончик носа.

А если это он прислал к ней дымок? Типа. На свидание пытается пригласить? Она фыркнула. А что? Пока Кэйтрия занята и под охраной... А мышку-татушку не прислал, потому что её все знают. И травник боялся, что его снова засмеют.

Она вернулась в обеденный зал.

Дымок опять крутанулся вокруг её ног и вильнул в сторону двери в коридор из гостиницы. Пошли, мол. Хмыкнув, Сашка неуверенно постояла на одном месте, поскольку была близко к стене и никому не мешала, прикидывая, надолго ли может оставить девушку-эльфа. Дымок вернулся, словно преданная собачонка. Ласково обвил ноги в очередной раз — и снова пустился наутёк. Потоптавшись немного и рассердившись на Дорана: не мог, что ли, просто сказать, куда идти? — Сашка двинулась следом за дымком. Открыла дверь в коридор, ведущий к гостинице, про себя продумывая тактику общения с травником. Если захочет просто поговорить о том о сём — флаг ему в руки. Но, если полезет, пусть потом не говорит, что не хотел. Хотя пил он, если вспомнить, мало.

Сашка пожала плечами. Можно помечтать о разговоре по душам? И вообще... Позволять себе лишнее Доран вряд ли осмелится — даже наедине, помня о её бойцовских умениях и качествах.

Дымок свернул на втором повороте. Сашка остановилась. Доран ждёт её не в номере? Может, он хочет прогулять её по улицам, пока совсем не стемнело? Но ведь там дождь... Ладно, фиг с ним. Пусть сам при встрече объяснит, чего хочет. Что гадать зря?

Она решительно пошла за дымком, который мягко стелился по полу, то и дело возвращаясь к Сашке, словно чтобы убедиться: девушка точно идёт следом.

Поворот закончился тупиком с лестницей.

Сашка сморщила губы в усмешке. Романтичный Доран! Думает, что ей понравилось на крыше университета, а значит, можно назначить свидание на крыше гостиницы? Хм. Любопытно... Дымок стелился по лестнице, и Сашка побежала за ним, стараясь не грохотать ботинками на деревянных ступенях. Четвёртый этаж. Дальше, выше. Вот и маленькая лестничка — явно на самый верх, к крыше. Сашка потрогала дверную ручку, а потом неуверенно нажала на неё. Дверь оказалась странно тяжёлой и заскрежетала, открываясь. Сашка, вознамерившаяся выскочить на крышу и неожиданным появлением напугать травника, даже обиделась. Ну вот, весь эффект сорван!

На крыше гостиничного здания оказалось далеко не так интересно, как на крыше университета. В мутном от моросящего дождя воздухе Сашка разглядела высокие кирпичные трубы — выше её на голову. Зато удобно — подумалось. Под ногами хоть и не очень скользко, но можно будет схватиться за край трубы, если вдруг нога всё же заскользит по

заметно покатою крыше.

Из полукаморки с дверью сюда, на крышу, свет не попадал, потому что его закрывал небольшой простеночный поворот. Но зато здесь блестели следы фонарей, разъезжавшиеся с каждой бегущей лужей. И Сашка огляделась в ожидании увидеть того, кто её сюда позвал. Никого.

— Доран! — попробовала она позвать травника.

Только шелест и постукивание дождя.

А может, она всё поняла неправильно?

Может, её не на свидание сюда вызвали?

И не Доран...

С трудом протолкнула промокшую руку в карман куртки — вдеть пальцы в кастет. Крыша сразу показалась опасным местом. И дымок исчез — в последний раз она видела его, когда он влетел по последним ступеням на крышу. Прыгнул через порог — и пропал.

— Это уже несмешно... — прошептала Сашка, пятясь к двери и осторожно вынимая из кармана руку с кастетом.

Быстро и цепко обшаривая глазами видимое пространство, а заодно пару раз оглянувшись на дверь, от которой и отошла-то всего ничего — шагов шесть семь, она уже поедом ела, винила себя и кляла, что так легко поверила в странное приглашение от травника.

Ещё раз взгляд за спину — осталось два шага до двери. Только начала оборачиваться к ближайшей трубе, как затылок взорвался от боли, а глаза ослепли от ослепительно-белого салюта... А потом всё померкло...

... а потом она смотрела странный кошмар — сон, в котором было много боли.

Но она ему не поверила. Ну, что с ней такое может случиться...

... Она очнулась на полу. Что-то тяжёлое чугуном придавило её спину, не позволяя подняться, разве что поднять голову. Сашку распластали на каких-то плитах так, чтобы её руки-ноги оказались распряленными. Она не видела, что именно прижимает их к полу, но попытка даже шевельнуть руками или подтянуть ноги к себе, оказалась совершенно безуспешной. Та же тяжесть, что и на поясице. Ничего не понимая, она повернула голову, стараясь определить хотя бы, где она находится. Но видела вокруг только пол. И, когда она собралась крикнуть, чтобы прекратили свои глупые шутки, и таким образом понять, где она находится (одно мгновение она вспыхнула от ужаса: неужели её снова перебросило в иной мир?!), как совсем рядом что-то тяжело прошуршало по полу, как будто открыли тяжеленную дверь. А потом послышался топоток множества быстрых и лёгких ног.

А в следующий миг Сашка закричала — изо всех сил: цверги били кончиками своих тонких мечей или чем там ещё по её ладоням. Захлебнувшись от боли, Сашка охрипла от крика, а потом и вовсе сорвала голос. И только в полуобморочном состоянии дёргалась от ужасающих уколов, когда оружие цвергов вонзалось в каменные плиты, пройдя сквозь её ладони, или соскальзывало с края кости... Милосердная тьма... И тупая боль, из-за которой продолжает, словно в припадке, дёргаться тело. Только всё слабей, потому что сил не оставалось... Совсем...

... А потом сознание начало медленно возвращаться. Но лучше бы оно пряталось где-то там — неизвестно где, где было во время обморока. Потому что как только начали возвращаться ощущения... Сашка висела на стене, подхваченная за руки толстыми верёвками, не доставая ногами до пола. Сначала она почувствовала тупую боль в руках.

Инстинктивно сообразив, что боль вызывает собственное тело — из-за его тяжести, которая приходится именно на кисти, Сашка попыталась раскрыть пальцы, чтобы, оттолкнувшись ногами от стены, схватиться за верёвки и таким образом сместить давление на запястья.

А пальцы не двигались. Хуже того... Они постепенно наливались горячей болью, пока не взорвались, будто их бесцеремонно сунули в ревущий огонь.

Затрясшись было от сухого безнадёжного плача, Сашка заставила себя умолкнуть. Любое и малейшее движение тела причиняло такую боль, что злые слёзы всё-таки брызнули по лицу, раздражая кожу... Скоро Сашка только извивалась на стене, не в силах остановиться, потому что тело нервно содрогалось от накатывающих приступов боли... Когда Сашка выдохлась и обвисла на верёвках, возникла первая нормальная мысль: "Это из-за моих рисунков — цверги сделали всё, чтобы я больше не рисовала их..."

Крохотная надежда, что всё это только сон, погасла, когда она подняла мокрые от слёз глаза и разглядела: на стене напротив висел кто-то ещё. Два единственных факела горели достаточно ярко, чтобы осветить Дорана.

Шестнадцатая глава

Огонь горел так спокойно, что исподволь приходило понимание: они в замкнутом, полностью закрытом помещении. Углы не освещались, и понять, какого размера это место, было трудно.

Правда, долго смотреть на факелы, мирно потрескивавшие по обеим сторонам от Дорана, Сашка не могла. Яркий свет мучительно бил по глазам. Приходилось смыкать веки... Да и сознание мутилось от боли, которая, даже если девушка не шевелилась, часто взрывалась резкими уколами, от пальцев пронзающими всё тело, напоминая о недавней пытке. Порой сознание уплывало, а когда возвращалось, первой мыслью всегда являлась одна: а если кисти оторвутся? Потом Сашка начинала чувствовать и вспоминать. Немного легчало, когда она ощущала, что верёвки стянули её руки не на самих кистях, а по локоть. Любые попытки подтянуться, чтобы расслабить стиснутую руками голову, немедленно отзывались безумной болью.

В одно из прояснений сознания она не сразу открыла глаза. Возможно, предупредили инстинкты. А может — сквозной ветер, холодком мазнувший по ранам. Или мотание огня, видимое даже за закрытыми веками. Потом она осторожно (и с трудом — грязные, они слиплись от слёз) разлепила ресницы и стала следить, притворяясь обморочной, за мелочью, бегающей по помещению и быстро-быстро болтающей вполголоса. Шаманов нет. Один цверг остановился перед Дораном и суетливо потыкал в него коротеньким копыишком: тот, как и Сашка, висел в метре над полом помещения. Другие двое, остановившись за спиной первого, перебросились резкими словечками, после чего все дали дёру из комнаты, будто их кто-то суматошно позвал...

Огонь успокоился.

"Знать бы ещё, как часто они приходят... — Сашка с усилием открыла глаза. Доран не пошевелинулся с того момента, как она его видела. — А если он не шевелится, потому что и я знать не даю, что прихожу в себя? Может, смотрит на меня, когда я в отключке?"

— Доран!

Она хотела сказать это звучно, чтобы он услышал, но из ободранного горла вылетел лишь сип. Хуже того: старание выговорить слово не принесло ничего, кроме сухого кашля, а потом... Потом пошла цепная реакция: от кашля содрогалось тело, израненные пальцы вновь послали по всему телу импульс боли, похожий на ветвистый прочерк молнии. Сашка не знала, как бывает, когда дотрагиваешься до оголённого провода, но теперь получила представление. Её будто били изнутри — острыми ножами. Снова плача от невыносимой боли, она заставила-таки себя дышать часто-часто, чтобы успокоить болезненно сухое горло.

— Алекс?..

Всё ещё вздрагивая, Сашка выждала мгновения и подняла глаза.

— Что с тобой? — прошептал Доран, осторожно крутя головой по сторонам, и Сашка обрадовалась до новых слёз: он не избит!

Между ними — метров шесть. Это Сашка вспомнила свою комнату — в том мире, где её пришлось делить с сестрой. Услышит ли травник её шёпот? Он-то в свой шёпот вложил чуть голоса. Но в помещении снова тихо, а потрескивание факелов, может, и не перебьёт её шёпота. Как ему ответить коротко, чтобы он всё сразу понял?

— Били...

— Что?

Она висела на тёмной стене — он не видит, что с ней.

Сашка собралась с силами и попробовала нажать на горло.

— Меня... били...

Изнутри что-то взрезало тело, ударив в шею, и девушка снова потеряла сознание.

Приход к ясности ознаменовался бегаящими тенями в пространстве вокруг неё, и Сашка тупо смотрела на эти тени, даже не пытаясь доискаться, наяву ли она их видит, или в бреду... Но вскоре под ногами нарисовался плиточный пол. Тени на нём не шевелились. Значит, факельный огонь спокоен. Значит, если кто-то и приходил, то уже ушёл.

— Алекс!

Глаза было поднимать трудно, но Сашка заставила себя обозлиться — как тогда, всего раз такое было, что в каком-то городке её, до ужаса захотевшую мороженого после соревнований, какие-то дружки-фанаты здешних бойцов подкараулили и избили. Тоже били чуть не до потери сознания, пока не вышли ребята и не бросились на помощь. Она вспомнила этот случай и подняла голову, а потом и глаза.

— Тебя били? Кивни, — потребовал страшно злой Доран.

Еле заметно кивнула. И что дальше?

— Выманили?

Кивнула. Всё. Больше голову держать невозможно. Опустила. Господи, как больно... Руки уже онемели — кровь отлила, небось, до упора...

Этих кивков хватило, чтобы она истратила последние силы.

— Мы выберемся, — угрюмо пообещал Доран, и что-то странное было в его словах, в интонациях — такое, что Сашка сумела-таки приподнять голову. — Они недавно заходили — проверяли, как мы тут. И не один раз. Я просчитал время. Мы успеем вызвать подмогу.

Она бы засмеялась, если бы могла. Что он собирается делать?! Орать во всё горло, зовя на помощь?! Но слушать враньё было... приятно. Как утешение... "Чёртов ваш король! — мысленно рявкнула Сашка. — Какого хр... он попёрся завоёвывать чужие земли? Своих мало? Вот и получил — гад! А нам тут страдай, по его воле... Как и его младшему... Дурья башка, а не король! Сколько их учить надо, чтобы не лезли, куда не надо, со своих земель?! Всё-то им своего мало..." Но эти злые мысли вызывали ярость и такие же злые слёзы, а значит — на них тратились силы. И Сашка снова погрузилась в полубеспамятство, в котором легче было висеть...

Если бы не тягостно ноющие руки, она решила бы, что просыпается в своём мире, в своей комнате, в которой открыт балкон. А там, за окнами, дождь... Он торопливо шелестит — но так странно, будто шепчет что-то невнятное. Точно... Шепчет... Хотя некоторые слова и можно вычленишь из этого непрерывного шороха, но, как ни пыталась Сашка вслушаться в них, они, эти слова проскальзывали мимо её понимания. Разве что бегали от них мурашки по спине. И тогда она сосредоточилась на плечах. И не потому, что хотелось отрешиться от шуршания далёкого дождя, а потому, что по задеревеневшим мышцам вкрадчиво метнулась судорога, и Сашка выгнулась по стене, беззвучно охнув. И открыла глаза. И застыла, потому что даже продолжающиеся судороги, от которых все мышцы окаменели, теперь казались детской шалостью...

Доран всё ещё висел напротив. Только его ладони сумели вцепиться в верёвки чуть сверху. Наверное, оттолкнулся от стены и сначала взялся одной рукой, а потом — другой. Но не это ошеломило девушку. Он висел, словно гимнаст на кольцах. А глаза... Тёмно-карие до

сих пор, глаза, словно безразлично полуприкрытые веками, желтели, источая тяжёлый свет. И шелестел не дождь — это Доран шептал что-то бесконечно и... повелительно... Ошеломление помогло: замершая от неожиданности Сашка на несколько секунд забыла о своём состоянии, перестала напрягаться в желании хоть как-то облегчить гнетущее тело состояние — и судороги постепенно прекратились...

Сколько же он уже шепчет? И что хочет вышептать? Сашка сумела скривить губы, потрескавшиеся от сухости, в горестной усмешке. Приползут травы и выпустят их на волю? Она даже нашла в себе силы, чтобы помечтать, как травы это сделают: пробьются сюда какие-нибудь ползучие вьюнки или плющи, оплетут стену, приподнимут её тело, чтобы оно расслабилось, а следом появится что-нибудь ядовитое. Только вот воображения не хватает, чтобы представить себе травку, едкий сок которой проест верёвки и выпустит их обоих на свободу.

Но Доран продолжал шептать, глядя прямо на Сашку, но явно не видя её. И лицо у него было совершенно не... насмешливо-деловое, каким она привыкла его видеть. Маска — высокомерная, как у человека, который чего-то требует — и знает, что его требование будет выполнено немедленно. Такой человек даже не сомневается... И Сашка устало прикрыла глаза, чтобы дать им отдохнуть. Неизвестно, когда травник вытребует своего.

А потом резко распахнула ресницы. Сначала на то, что творилось за спиной Дорана. А там, высвечивая мощные каменные плиты, появился такой же жёлтый круг, каким сейчас светились его глаза. И этот круг постепенно заполнялся символами и значками, какие Сашка видела на халате Киардхи. И рос. Пока из центра — показалось, прямо из-за спины висящего Дорана, — не брызнули в стороны прямые лучи, разделившие круг на несколько правильных долей. Причём некоторые доли принялись вытягиваться, будто их края отжимались лучами — и до тех пор, пока круг не преобразился в раскинувшую крылья летучую мышь. Татушка Дорана?! От созерцания светящегося круга, превратившегося в летучую мышь, Сашку оторвало странное, неожиданно ломкое движение вниз, замеченное боковым зрением... Был бы голос — ахнула бы. Но сейчас с трудом задержала всколыхнувшееся дыхание при виде того, что творилось под ногами. Травник? Травник, да?!

Сквозь пол просачивались тени, ничуть не отличающиеся от тех, что она видела в бреду, приходя в себя недавно. Призрачные, колыхающиеся, серые, согбенные, они росли вместе с шёпотом Дорана, который продолжал свой монотонный шелест без усталости.

Но тени оказались цветочками.

Следом из плиточного пола полезли кости. Они реально раскачивали, вздымали, отталкивали и выталкивали со своего пути плиты, которые мешали им подняться. И упорно лезли, часто обвитые лохмотьями, а то и протискивались, не желая, даже будучи мертвецами, расставаться с оружием и с доспехами. На свет факельных огней появлялись мечи, длинные копья, щиты... Всё ржавое... Но ведь металл! Сашка с невероятным усилием заставила себя дышать спокойно — адреналин вдарил почище того, что обычно появлялся на татами: а если именно в этот момент заявятся цверги?! А если они, эти дикари, перебьют всех этих скелетиков — и те не успеют хотя бы перерубить верёвки?! А потом поймала себя на том, что она не боится истлевших мертвецов, а боится, что они не успеют им с Дораном помочь, — и адреналин вкатил такую дозу в кровь, что ноги чувствительно отяжелели, и Сашка снова испугалась, что кисти рук оторвутся... Страх, пусть и понимала, что этого не будет, перебил движение адреналина, и дыхание перестало частить... Она снова взглянула на "травника", хотя скелеты так и притягивали её взгляд.

Доран уже не смотрел в пространство перед собой. Он продолжал шептать, вперившись в новый, мощный скелет, который только-только начал вылезать из порушенного пола. Он стоял уже по пояс, опираясь в бегущую куда-то вниз землю, словно не замечая, что опирается костями, а не ладонью. Рывок — у Сашки перехватило дыхание: да что останется от мертвеца, если он так рвётся наверх?! Или заклинание, которое прошёптывает Доран, действует таким образом, что мертвецы восстают в таком виде, в каком они лежат чёрт знает где?! Но где-то близко...

Потрескивание костей, скрежет ржавого оружия, шелест шепотка, шорох сухой земли... Сашка забыла, как дышать, боясь, что сопением спугнёт странное колдовство Дорана, обещавшего, что им помогут, и выполнявшего обещание.

Скелет выдрался из-под пола, оставив после себя внушительных размеров ямину, потому что, когда он выдирал из-под пола меч, к нему на помощь поспешили другие мертвецы — откапывать его. Видимо, этот мертвец был при жизни кем-то высокородным или высокопоставленным — предположила Сашка. Ей самой приходилось совсем худо. Адреналин дал немного сил продержаться в сознании, но теперь уходили и эти силы. "Эй, мертвец, надеюсь, ты поможешь Дорану", — равнодушно подумала она, прежде чем снова уехать во тьму.

... А очнулась она в тепле, прижатая к теплу. Правда, слегка трясло в этом тёплышке. Но ничего, сейчас она была рада и тому, что... "Я не на стене!" — сделала она, ошарашенная, открытие века. Следующее открытие — она на руках. Правда, не видно — на чьих, но догадаться несложно. И... Доран куда-то нёс её. Куда? Кажется, вниз, судя по его торопливой походке. Темно — ещё одно открытие, которое вызвало глухое недовольство, которое, едва она его определила, едва не превратилось в нервное хихиканье. "Чё, не мог факелы прихватить? Или тех скелетиков заставил бы их взять с собой?"

Но недовольство быстро прошло, едва она расслышала не только шаг Дорана, но и торопливые шаги очень лёгких созданий. Или высохших. Впереди и сзади.

Приняла как данность. "Пусть с ним Доран разбирается, раз вызвал!"

А пока она вдруг обнаружила, что руки хоть и болят, но не так страшно, пока висела на стене. Нет, что, снятая со стены, она будет меньше чувствовать боль, — это понятно. Но они почему-то ощущались... глухо. Более того — ладони закутаны во что-то тоже тёплое, в какую-то ткань, грубую и промасленную — она пошевелила пальцами, чтобы убедиться в этом, и почувствовала жирное на коже. Руки ей Доран сложил на груди, наверное, чтобы не потревожить их, изуродованных. Почему-то эта мысль не вызвала никаких эмоций. "Он меня спасёт и такую", — промелькнула ворчливая мысль. Главное — тело приходит в себя. Циркуляция крови, кажется, восстановилась. Во всяком случае, ноги она теперь не чувствовала тяжёлыми и онемелыми.

— Алекс... — совсем близко к ней выдохнул Доран.

— Что? — прошептала она, даже не стараясь взглянуть на него. Не то что не хотелось или тяжело. Темно же.

— Можешь говорить вслух.

— Фиг тебе. Только шёпотом.

— Что случилось с голосом?

— Сорвала. Когда орала.

— Тогда молчи.

— Обрадовался. Ты кто такой, Доран?

Он остановился на ступенях, хотя Сашка расслышала, что впереди идущие скелеты продолжали пощёлкивать костями и постукивать по ступеням далее. Доран же помолчал, а потом Сашка внезапно почувствовала, что он нагнулся к ней, локтем поднимая её голову, а потом... Губы проехали по волосам, а от них — по щеке. А потом он прижался к её щеке своей — и так постоял несколько секунд, пока прохлада их кожи не прогрелась. "Дурак, что ли... — чуть не заплакала сердитая Сашка, от неожиданной ласки чувствуя слабость. — Нашёл... время и место!"

— Я тот, кто тебе сейчас нужен, — ответил невидимый "травник" и продолжил спуск.

Пролетели мгновения, прежде чем она нашлась с ответом, который, правда, не озвучила: "А потом? У-у, жмот..."

Но после десятка шагов, которые сделал Доран, она не выдержала. Повела плечами, чтобы он понял, что она не просто так возится, и прошептала:

— Где мы?

— Усыпальница королей Агриппы.

Что такое Агриппа — Сашка знала. Государство, в которое она попала. Но этого, что они в усыпальнице, мало, чтобы успокоиться. Да и вообще... Ничего себе усыпальница... И ничего себе — Доран пробудил всех её королей, что ли? Чтоб помогли? Она вновь завожилась, хотя движения давались ей с трудом.

— Куда мы?

— В один из ритуальных залов.

— Зачем?

— Алекс, потерпи немного. Осталось шесть лестниц — и поговорим.

Она вздохнула и уткнулась носом ему в плечо. Уверенный голос Дорана ей понравился, несмотря на все обстоятельства. Теперь проснулась тревога за Кэйтрию. Как она там? Не похитили ли её тоже? Нет, с подопечной, конечно, этот псих — Эйлилл, который вовсе не Эйлилл и который вообще неизвестно, что такое, потому что у него пока даже своего лица нет. А ведь Кэйтрия будет искать своего незадачливого и слишком доверчивого телохранителя... И что тогда? Сашка понадеялась, что на её поиски девушка-эльф в одиночку не пустится. Или Эйлилл её не пустит.

Потом она устала беспокоиться за Кэйтрию, и мысли потекли по другому кругу — кругу личного будущего. А зачем в ритуальный зал? И почему их много? В каждом отдельном отпевали каждого отдельного короля? Может, этот зал — потайной выход из усыпальницы, о котором не знают шаманы и цверги? А каким боком эти вражины к королевской усыпальнице относятся? Или... Они здесь обосновались? В то время как магический департамент и городская полиция ищут их в другом месте?! Но почему они прячутся здесь?! Если прячутся...

Темнота начала раздражать. Нет, приятно, конечно, расслабленно лежать на руках Дорана, который оказался тоже фиг знает кем, но ноги-то у Сашки здоровые!.. Только она хотела было буркнуть ему, чтобы опустил её, как снова затаилась: он же знает это. А если... Если ему приятно нести её? Ну, пока она возразить не может?

Но Доран как будто догадался по её нервной возне, что она хочет сама идти.

— Сейчас посветлеет, — тихо сказал он. — Поставлю на ноги. Сможешь?

— Смогу.

— Будь осторожна. Ступени всё ещё здесь есть.

Он сделал ещё пару шагов, и Сашка увидела, что впереди и в самом деле посветлело.

Даже стало заметно, что Доран остановился на довольно широкой площадке. Суховатое постукивание и потрескивание прекратилось. Мертвецы тоже выжидали, пока живые слегка изменят способ движения.

— Ты уверена, что хочешь идти сама?

— Хочу, — просипела она.

Не объяснять же ему таким жутким голосом, что на его руках хорошо, но страшно — честно говоря. Вдруг кто-нибудь впереди появится — и сразу в драку? А у "травника" руки заняты. И Сашка не сможет отбиться, если что: руки покалечены, но ноги-то в порядке. А ещё... Ну не верила она, что эти скелеты, судя по потрескиванию и постукиванию сопровождавшие их, сумеют продержаться против цвергов — хоть ростом и малышей, но малышей юрких и ловких. Разглядела она их в том помещении, пока висела. Такие везде пролезут, а если противник будет для них великанистым — кучей накинута, да и сомнут, собьют с ног.

Доран так нежно опустил её, что Сашка почувствовала себя стекающей по нему. Едва подошвы коснулись пола, ноги ощутимо начали подламываться. Так что Сашка привычно схватилась было за Дорана, за его руки, но он неожиданно резко развернул её за локти спиной к себе и прижал, давая возможность привыкнуть к положению стоя. Первая реакция — удивление. А потом — благодарность: вот это схватилась бы! Покалеченными пальцами-то! А этот взял и снова воспользовался её положением: наклонился, пока держал её, и носом в волосы. И подышал в них.

— Доран...

— М?

— Волосы грязные.

— И что?

— Забудь, — совсем как обычные парни её мира, отозвался Доран. И тут же озаботился: — Ну что? Ты можешь стоять — или всё же позволишь донести тебя донизу?

Но, будто распухшие, до оцепенения, ноги постепенно наливались жизнью. В стопы прекратило бить мелкими колючками, и вскоре Сашка сумела сделать шаг, другой, чувствуя руку Дорана на своём животе. Тот, двигаясь вместе с нею, был готов поддержать её, если она не справится и споткнётся.

— И что дальше? — прошептала она.

— Сейчас мы дойдём до ритуального зала. самого нижнего. Из него в город ведёт подземный ход. Мы дойдём до города, а там подумаем, как тебя спрятать от чёрных шаманов, — подбадривающе сказал он.

— То есть я не смогу охранять Кэйтрию?

— Знаешь, Алекс, ты лучше помолчи, ладно? Для начала мы посмотрим уже в городе, что с твоими руками, а потом уже будем думать о дальнейшем.

— Нет, — упрямо прошептала Сашка. — Я хочу... знать.

— Что именно?

— Как ты... здесь?

В полумраке не видно было лица Дорана, но он кашлянул — и Сашка уловила в кашле смущение. Поэтому, поскольку он продолжал помалкивать, она просто двинула его носком сапога по ноге. Он с шипением втянул воздух сквозь зубы и нехотя признался:

— Я насыпал тебе в карман дорожной травы. Знающий умеет по ней определить, где находится искомый человек. Когда ты исчезла из зала, я сначала искал тебя в трактире, а

потом сообразил посмотреть по траве. И побежал следом на крышу. Ну а там получил по затылку. — Он даже, видимо, машинально поднял руку потрогать затылок.

Мгновенно обозлённая Сашка тут же врезала ему ещё раз. Доран охнул от боли, но, не давая ему говорить, она прошипела:

— Ты кто?!

— Давай спустимся, — умоляюще попросил он, предусмотрительно отступив от неё подальше и поглаживая ушибленное место. — Алекс, пожалуйста! Неужели тебе хочется стоять здесь, в темноте, и расспрашивать меня?

Она молча развернулась и, с трудом разглядев ступени, принялась спускаться, стараясь держаться ближе к стене. Доран догнал её и обнял за талию, плотно прижав к себе. Она приняла его помощь — здесь и впрямь опасно легкомысленно скакать по лестнице: ступени очень уж узкие, а света маловато. Да и наткнуться на впереди идущие скелетики не хочется.

Ритуальный зал оказался очень маленьким. Так, с большую комнату. Зато здесь хранилось много чего. Правда, это многое ещё разыскать надо было бы — человеку, незнакомому с усыпальницей. Доран усадил Сашку в каменное кресло — в общем, в какой-то уступ в стене, а сам пошёл эти стены потрошить. А Сашка пока огляделась, благо свечи, зажжённые Дораном, позволяли. Скелеты, вставшие вокруг и буквально обложившие собой, как караульными, стены ритуального зала, её уже не смущали. Она быстро разглядела того, который был помощней всех остальных. Насколько она сумела восстановить эпизод, именно этот скелет-детина, облачённый в доспехи и в одежды, которые не разложились со временем, помог Дорану сойти со стены.

— Ну, что? Посмотрим? — предложил Доран, успевший найти всё необходимое, чтобы оказать Сашке первую помощь.

Во всяком случае, она так расценила все предметы, расставленные на полу перед ней: какие-то чистые тряпки, вынутые из другой тряпки, видимо хранившиеся в ней. Какие-то склянки и баночки. Кувшин с чистой водой, которую он немедленно налил в склянку, дал выпить Сашке, а потом отпил сам. Какие-то... сердце замерло при виде тонких ножей. Ёлки-палки... Это что? Скальпели?

И только сейчас она обратила внимание на свои руки. Захлопала глазами. Сняв её со стены, Доран закутал её кисти в какие-то чёрные промасленные тряпки. Почему чёрные? Откуда он вообще нашёл тряпки в той каменной коробке?!

— Что? — кивнула она на тряпки, которые он небрежно отбросил в сторону.

— Факельные тряпки, — ответил он, начиная осторожно протирать её пальцы чистым полотном. — Когда я снял тебя со стены, я увидел, что творится с твоими руками. Понял, что, когда очнёшься, боль будет из-за засохшей крови. А для факелов используются пропитанные нефтью тряпки. Сначала я смазал тебе раны жиром, который образуется от горения, чтобы смягчить ссохшиеся края ран, а потом обмотал их вот этим.

Сашка мрачно подумала: "Ну, блин, если он мне туда инфекцию занёс!"

Мельком обратила внимание на летучую мышь, чёрным знаком снова засевшую на его щеке. И подумала, что могла бы догадаться кое о чём ещё раньше. Травник — и с таким фамильярмом?

Именно поэтому она угрюмо молчала, пока он обрабатывал ей раны. Потому что боялась, что он вовремя не прочистит их, а они потом загноятся. Но в уме перебирала: да, всё-таки травник. Но ещё и — некромант, кажется, должен уметь вызывать мертвецов? Тем более — знает про ритуальные залы в самой королевской усыпальнице! Какого ж чёрта ему

ещё нужна бытовая магия?!

Доран, сидевший перед ней на коленях, встал на ноги и обернулся к высокому воину в полном облачении.

— Возвращайтесь! — властно приказал он и простёр руку к двери в ритуальный зал.

Могучий скелет первым откликнулся на повеление и зашаркал к двери. За ним потянулись остальные. Проводила его глазами, сама не замечая — еле дыша. И, только когда Доран начал обсыпать очищенные и просохшие раны порошком из склянки с наклейкой, на которой был единственный знак — капля крови. Почему крови? Сашка разглядела, что знак красный. И только сейчас, когда порошок падал на кисти рук, она вдруг задалась вопросом, который немедленно озвучила в привычно телеграммной форме:

— Почти не болят.

Доран застыл перед ней, опустив голову. Потом взглянул на неё.

— Когда я снял тебя со стены и увидел твои руки... Ну, я взял часть твоей боли на себя. — И улыбнулся.

"Вот, блин, я скотина неблагодарная! — мысленно ахнула Сашка. — Я... тут... его... По ногам! А у него и так всё болит!"

— Прости, — прошептала она.

— Прощаю, — снова улыбнулся он. — Дойдём до гостиницы — я тебе отвар для горла сделаю, завтра уже будешь говорить, как всегда. А пока помолчи.

Она покачала головой.

— Что теперь со мной...

Доран собрал все "медикаменты", сложил их в мешочек, который отнёс к той стене, откуда всё взял. Вернулся и присел на корточки перед Сашкой.

— Что будет... Всё просто. Мы поменяем тебе характеристики твоей личности. Чёрные шаманы не найдут тебя, потому что ты пропадёшь из их колдовства. Их магия, конечно, сильная, но примитивная. Так что для них ты будешь полностью потеряна. Как будто вовсе исчезла из города. — Он поднялся с корточек и предложил: — Поднимайся. Нам пора. А идти долго.

Она упрямо покачала головой и ткнула в него пальцем, которого и не видно было из-за плотной перевязки. Получилась ткнула обмотанной культей.

— Кто?

— Поднимайся, — уже усмехнулся он, — по дороге расскажу.

"Он прав, — подумала Сашка, отталкиваясь задом от каменного кресла. Доран тут же подхватил её за талию. — И идти легче будет. И дорога короче с болтовнёй".

Каменный подземный ход оказался таким неожиданно широким (Доран снова пустил в ход летучую мышь, которая на этот раз освещала им дорогу), что поражённая Сашка решила: наверное, здесь даже карета может проехать — похоронная, например. А что? Но оставалась бдительной и, как только оказались в каменном коридоре, снова ткнула Дорана в бок. Тот скептически глянул на неё сверху вниз.

— Ладно, — сказал он. — Насколько я тебя знаю, Алекс, ты не проболтаешься.

Она покивала.

— Кроме магического департамента, в Агриппе есть тайная королевская служба. В неё принимаются маги-универсалы — такие, как я.

— Универс...

— Это те, кто имеет несколько магических талантов и кто хочет развивать их все. Нас

ищут в университетах и академиях. И, если я хочу учиться дальше, за меня платит королевская служба. Но одновременно я выполняю задания службы. Последним заданием было примерно такое же, как у Эйлилла. Искать шаманов, если они захотят внедриться в университет и устроить в нём провокацию.

Они шли по гулкому каменному тоннелю, и Доран тихонько рассказывал Сашке о своей службе. А она шла теперь молча, внезапно ошеломлённая: а если она попала в этот мир для отдельного задания, выполнив которое, вернётся назад, в свой мир?.. И больше никогда не увидит Дорана?..

Семнадцатая глава

Подземный ход закончился выходом через маленькую дверцу под мостом через городскую реку. "Банально, — мрачно решила Сашка, дожидаясь возле каменной стены берегового укрепления, пока Доран закроет дверцу на какой-то сложный замок с набором символов. — Как в любом шпионском фильме". И поёжилась от промозглого ветра. Говорить она с травником уже не хотела. И вопросов задавать тоже. И не потому, что слишком устала. Пока несколько часов шли от королевской усыпальницы, Доран без слов подхватывал её на руки, едва видел, что она начинает спотыкаться. Он устал больше.

Но к концу пути по каменному коридору Сашка, шедшая в прострации и плохо воспринимавшая ситуацию, внезапно додумалась до такого же неоригинального, как выход из подземного хода, вопроса: а коего чёрта травник ей рассказывает всю подноготную агента тайной службы? Почему он с такой готовностью выкладывает ей всё, что знает об этой службе? Ответ был настолько прост, что Сашка, только что рефлексировавшая из-за боязни вернуться в свой мир, начала изо всех сил обзывать себя полной дурой и мечтать о возвращении домой! А пока втихаря тряслась от морозящего дождика, стараясь трястись незаметно, и опасалась, что Доран снова возьмёт её на руки. А если всё-таки возьмёт... Тут главное — не психануть и не врезать по нему ногами: они-то у неё здоровы и в боевом состоянии в ход пойдут только так!.. И тогда уж все его мертвецы ему не помогут!..

Именно поэтому она выпрямилась, чтобы выглядеть бодрой и независимой.

Доран обернулся от замка и кивнул. Тут же сдвинул брови, будто приглядываясь к Сашке в темноте — фонари светили, но наверху, на улице. А к ним ещё надо подняться по лестнице, которую Сашка рассмотрела слева.

— Ты всё? — стараясь говорить, как обычно, спросила она.

— Всё.

Он хотел что-то ещё сказать, но девушка быстро пошла к лестнице, и травнику пришлось последовать за нею. Руки Сашка старалась держать чуть приподнятыми, чтобы не забыться. Пару раз уже ударила неловко ими по стене — и вместе с собственным вскриком вздрогнула от оханья Дорана. Только это и стало единственным, что удерживало от желания наброситься на него с обвинениями: он вербует её в агенты королевской тайной службы!... Только это и стало единственным против отчётливого утверждения, что он, по сути, не испытывает к ней никаких чувств — как она решила было. "А мне это вообще надо? — с горечью спрашивала она себя, пока шли по подземному ходу. — Надо, чтобы он ко мне вспылал? Фиг знает что придумала — и, главное, на основании чего? Никаких оснований, блин! Я для него идеальный агент: драться умею, рисовать умею — вместо фотографа сгжусь, чёрт бы всех!.. Да ещё какие-то магические таланты наметились. — Она зарычала про себя, вспоминая, как он интересно рассказывал о своей потайной работе. — А я-то его ухаживания приняла за чистую монету! Дура стопроцентная! И что теперь делать? Если скажу, что мне эта работа не нужна... Он ведь мне открылся. Всё рассказал. Что делают в таких случаях со свидетелем?"

Она сморщилась от обиды и злости. Но взяла себя в руки, хотя время от времени хотелось врезать замотанными культиями по стене, чтобы перебить боль от внезапного открытия болью физической. А заодно — причинить боль Дорану... Опомившись, Сашка оглянулась на травника и остановилась на первых ступенях лестницы, дожидаясь его. Лицо

уже её волевым усилием приняло обычное выражение — так она надеялась.

Сверху свет фонаря мазнул по Дорану — и она забеспокоилась. В чём дело? Она вроде руки держит так, чтобы они не касались ничего. Почему же Доран так кривится? Хоть и старается это скрыть...

Вздыхнула и спросила всё тем же шёпотом:

— Мы сразу в гостиницу?

— Нет. Мне надо передать сообщение о королевской усыпальнице.

Она хотела огрызнуться: мол, это подождёт. Руки хоть и не болели в полную силу, но чувствительно немели, и в этой онемении мучительно бил пульс. Но потом сообразила: чтобы окопаться в усыпальнице, чёрным шаманам надо было убить всех тамошних служащих — или как там они называются. А если там дежурства? И вот-вот под ножи и копьяшки цвергов отправятся следующие служащие? Нет. Что бы там ни придумал насчёт неё Доран, но со срочным сообщением он прав. Да ещё, если вспомнить... Цвергов надо застать врасплох, а как теперь это сделать, если они узнают, что пленники сбежали?

— А как? — ткнув его локтем в бок, чтобы он посмотрел в её сторону и услышал шёпот, спросила она.

— Здесь, неподалёку, есть возможность передать сообщение. — Доран некоторое время поднимался молча, а потом спросил: — Тебе очень больно?

— Пока иду — нет.

Возможность оказалась очень простой. Как только они выбрались на набережную, на улицу, примыкающую к ней, даже в темноте Сашка разглядела слева что-то тёмное, которое время от времени шевелилось и фыркало. А когда они подошли ближе, фыркнула сама: ночное такси — ёлки-палки! На небольшой площадке, огороженной цепями от столбика к столбику, ночных пассажиров дожидались несколько бричек или небольших карет. Доран оставил Сашку у цепи, а сам прошёл за цепную ограду и пропал в темноте. Вскоре мимо девушки проехала одна бричка, которая постепенно набрала скорость и скрылась в первом же переулке. Сашка открыла рот, сразу не сообразив, почему бричка умчалась мимо, хотя должна была забрать её. Но почти минутой позже снова появился Доран, а за ним, как привязанная, следовала ещё одна такая же бричка. Пораскинув мозгами, девушка сообразила: стоянка-то явно правительственная — ну, королевской службы! И наверняка одна-две брички здесь стоят всегда наготове, чтобы передать срочное сообщение куда надо!

Когда вторая бричка остановилась, Доран быстро приблизился к Сашке.

— Идём. Нас довезут.

Она так обрадовалась, что забыла обо всех своих обидах. Быстро — в гостиницу! Там — отдохнуть и снова в очередной раз переварить все события, чтобы сделать какой-нибудь важный вывод из них!

А подошла к бричке и скептически хмыкнула. Три ступеньки. Низкие. Но такие, что надо бы обязательно схватиться за поручни по бокам от входа. Бричка-то закрытая. А как хвататься-то? Чем?

Доран не стал спрашивать, в чём дело. Просто предупредил:

— Беру на руки.

И взял, после чего встал на первые две ступени и осторожно поставил Сашку на ноги внутри брички. Сашка пошатнулась, но на ногах удержалась и быстро села. После чего в крытую бричку вошёл Доран и сел напротив. Правда, когда бричка затряслась по дороге, а Сашка суматошно попыталась прислониться к боковому подлокотнику своей скамейки на

двоих, он среагировал сразу — и сел рядом, снова обняв её за талию.

Пока ехали, травник пару раз заглядывал в лицо Сашки, будто проверял её на что-то. Но Сашка молчала, благо езда в бричке, грохочущей по каменистой мостовой, не располагала к беседе. Говорить-то вслух Сашка не может. Обида проходила, трансформируясь в злую насмешку над собой. "Любови захотелось? — презрительно спрашивала она себя. — Самонадеянно решила, что за тобой так здорово ухаживают из-за твоей симпатичной мордели? А оказалось — на вербовщика наткнулась. Так-так... И чего расстроилась? Из-за того что вербовщик нравился? И что? Будешь с ним в паре работать — вот и продолжай млеть из-за него, дура стоеросовая! Точней — наивная. Могла бы и сразу не лезть к нему, зная, что донжуанистый..."

— Алекс, прекрати! — неожиданно велел Доран. — Я не знаю, о чём ты думаешь, но мне очень плохо!

Она хотела удивиться: "Разве ты взял не только физическую боль?"

Но открыла рот и закрыла. Правда, Доран смотрел на неё в этот момент и, кажется, понял, о чём она хотела спросить:

— Да, я чувствую и твоё душевное состояние.

"Сам виноват!" — снова угрюмо огрызнулась Сашка, но, вздохнув, попыталась думать хотя бы о Кэйтрии. Как она там? Небошь, перепугалась до ужаса из-за исчезновения телохранителя? Надо надеяться, что она не всполошила никого, чтобы бросились на поиски её, Сашки... Да, есть надежда, что Эйлилл её остановил, если девушка-эльф бросилась искать своего охранника. Что мог придумать красавчик эльф, который в последние часы, как его видели, не особенно-то и красавчик? Ну... Наверное, обратил внимание Кэйтрии на то, что нет не только Сашки, но и Дорана. И сейчас Кэйтрия, возможно, спит в гостиничном номере вполглаза, дожидаясь, когда Сашка вернётся чуть ли не со свидания.

Бричка остановилась. Доран убрал руку с талии Сашки и вышел первым. Когда она показалась перед первой ступенью сверху и замерла в нерешительности, он протянул руки и, подхватив её за подмышки, поставил на мостовую. Махнул рукой — и бричка не спеша протарахтела по улице.

Сашка глянула наверх. И её сразу окатило радостным впечатлением дома. Гостиница! Сейчас бы оказаться дома, в номере, — и сразу свалиться на кровать. Уснуть — и чтоб никаких мыслей! Ничего. Абсолютно. Чтобы глухо. Как в танке.

Доран снова взялся за её талию, хотя в поддержке теперь Сашка не нуждалась — могла бы и взлететь от радостной близости предстоящего покоя.

В вестибюле гостиницы, когда они постучали (Доран постучал, естественно), вспыхнул небольшой свет. Потом свет стал ярче — видимо, кто-то подошёл к двери со свечой. А потом насторожённый голос Парта, дежурного при конторке, спросил:

— Кто там?

— Парт, это Доран! — громко сказал травник.

— Дурман с беленой на тебя, — с облегчением откликнулся гостиничный клерк, и на двери затрещали-защёлкали замки. — О! — сказал Парт при виде еле стоящей на ногах Сашки. — Что случилось?

— На цвергов наткнулись, — коротко сказал Доран, и Парт больше ни о чём не спрашивал, а быстро закрыл замки за их спинами.

У начала лестницы на третий этаж Доран, опять-таки не спрашивая, взял Сашку на руки и пошёл наверх хоть и быстро, но чувствительно тяжело — тоже устал.

Кэйтрия открыла им сразу, хотя и через секунды после тихого стука в дверь номера Сашка успела попенять себе, что не взяла второго ключа, чтобы не будить её. Но Кэйтрия не спала, как предполагалось. Она даже была одета в то самое платье, в котором выходила в трактир. Более того — за её спиной маячил Эйлилл, хотя называть его этим именем в этой ипостаси было трудновато.

— Что с вами случилось? — всплеснула руками девушка-эльф, сторонясь, чтобы Доран сумел внести Сашку.

— Где её кровать? — буркнул тот и направился в кухоньку, не дождавшись ответа.

Здесь он сгрузил её на постель и выпрямился.

— Иди к себе, — прошептала Сашка, мгновенно приваливаясь к стене, но упрямо не желая при нём показывать, насколько устала. Снова забыла о том, что он всё чувствует.

— Пойду, — злобно бросил он — так, что Кэйтрия отшатнулась от него, хотя только что пыталась на подруге расстегнуть куртку. — Но назад приду сразу. Кэйтрия, не закрывайся и не давай ей уснуть. Сейчас принесу медикаменты и перевязочный материал. Ей надо всё перевязать заново. Грязи в том месте было много.

— Но что там с вами... — донёсся встревоженный голос Эйлилла, который немедленно пошёл следом за травником.

Закрыв глаза, Сашка сумрачно думала: "А вот любопытно: у них тут войны ведомств не будет? Из-за того что один первым раскрыл местонахождение цвергов? А второй не успел передать своим?" Она ощущала, как девушка-эльф уже молча стянула с неё куртку, почти не задев кистей рук. Точней — особенно осторожно снимая рукава.

— В прошлый раз ноги, — задумчиво сказала Кэйтрия, становясь перед Сашкой на корточки. — В этот — руки.

Сашка как глянула на неё — и в слёзы. А если руки навсегда останутся неповоротливыми культями?!

— Ты что? Ты что? — испугалась Кэйтрия. — Почему молчишь, Алекс?!

— Говорить не могу, — вздрагивая от плача, прошептала Сашка, наплевав, что там сейчас чувствует Доран.

— Сиди! — ненужно велела Кэйтрия, сама уже вся в слезах. — Я тебе сейчас приготовлю чай с травами. Я не Доран, но кое-что тоже знаю.

Доран примчался мгновенно, за ним — изумлённый Эйлилл, нагруженный всем, что необходимо для перевязки.

— Что ещё?! Что?! — затряс травник Сашку за плечи.

— Рисовать... — прошелестела она, глядя на культи.

— А спросить раньше — трудно было? — выдохнул Доран. — Я же сразу мог тебе сказать, что вылечу тебе все раны! Будешь ты рисовать — не бойся!

Сейчас, в ярком свете зажжённых свечей, стало особенно отчётливо видно, как он исхудал за время вынужденного путешествия. "Устал, как собака, — всё ещё всхлипывая, подумала Сашка. — Фиг с ним. Пусть думает, что я всё это время думала о рисовании..."

Уже в полусне она слышала, как Доран рассказывает, что именно с ними было. Хорошо ещё, в самом начале он успел объяснить, как оказался на крыше, куда она пошла. Та самая странная трава, которую он использовал, чтобы проследить за нужным человеком, помогла ему найти Сашку. Он решил, что она заблудилась и потому и оказалась на крыше. И пошёл выручать незадачливого телохранителя. И получил по кумполу сам. А пришёл в себя в самом осинном гнезде цвергов.

Дальше Сашка не слышала. Она выпила чай, сделанный Кэйтрией, после чего так расслабилась, что провалилась в сон, не очень крепкий, но достаточно сильный, чтобы, как ни пыталась, пробудиться не сумела. Множество цвергов бегало по этому сну безнаказанно, руководимое чёрными шаманами, а она сидела где-то на коленях, за какой-то низкой стенкой, и наблюдала за ними, страшно боясь, что они её обнаружат, а драться она с ними не сумеет...

И первая мысль по пробуждении: "Если я скажу ему, что отказываюсь стать агентом, он меня уколошит. Уберёт. — Сашка, забывшись, хотела было опереться руками о постель, чтобы приподняться. Боль резко ударила по кистям, так что пришлось зашипеть сквозь зубы. С трудом, но села на кровати и прислонилась к стене. — Думала — попала в колдовской мир. А попала в шпионский..."

— Алекс, ты проснулась?

— Ага, — просипела она и обрадовалась, что уже сипит, а не шепчет.

— Не разговаривай! — Кэйтрия влетела в кухню и радостно засияла при виде сидящей Сашки. — Я тебе сейчас заварю травы, которые оставил Доран, и через час-другой ты будешь разговаривать нормально.

— Это он сказал?

— Он. Слушай, Алекс, — продолжала болтать девушка-эльф, ставя чайничек на плиту и вынимая из навесного шкафчика банки, шелестящие, наверное, той самой травой. — Что у вас случилось? Ну, кроме того, что вы попали к цвергам? Никогда не видела Дорана таким злым! Нет, про то, что он взял у тебя боль, мне Эйлилл сказал. Но это он злой не от боли, а от чего-то другого. Вы поссорились?

— С чего бы это? — пробурчала Сашка, натягивая на себя одеяло: пока засыпала, её успели не только перевязать, но и раздеть. Более того — переодеть в домашние мягкие одёжки Кэйтрии, которые ей великоваты из-за длины. Кэйтрия-то выше.

— Так, Алекс, я понимаю, что тебе сейчас ещё больно. — Девушка-эльф села за стол, напротив Сашки. — Но всё-таки... Что между вами случилось?

— А что? Так заметно, что что-то случилось?

— Очень заметно! — искренне сказала Кэйтрия.

Сашка помолчала, глядя на неё. Потом глаза устали, и она зажмурилась, прежде чем выдать то, что вряд ли думала говорить вслух:

— Я думала — он такой, как есть. А он оказался другим.

— Ну и что? — удивилась Кэйтрия. — Эйлилл внешне тоже совсем другой, но внутренне такой же, каким он мне нравился всегда.

— Он что — показал тебе своё истинное лицо? — поразились Сашка, от изумления захрипев. И Кэйтрия снова вскочила, чтобы посмотреть, не закипает ли вода в чайничке.

— Помолчи немного, — попросила она. — Сейчас будет готов отвар. И — нет. Мне своего истинного лица Эйлилл не показал. Но зато он уже знает, что мне его и не нужно видеть. Я узнаю его даже в маске, — улыбнулась она, оборачиваясь к пригорюнившейся телохранительнице.

— Кэйтрия, прости меня, если я спрошу об... — Сашка запнулась. "Интимное" — здесь не прокатит. Надо найти другое слово. — О сокровенном. А если он тебя... — Она снова запнулась, боясь обидеть подругу.

Девушка-эльф замерла на мгновения. Чайничек в её руках тоже застыл, а потом она наклонила его и влила пышущую парком струйку в чашку. После чего Кэйтрия оставила

посуду на столе, а сама обогнула его и присела рядом с Сашкой.

— Нет. Он чувствует ко мне то же самое, что и я.

— Но тебе ведь хотелось бы за него замуж, — настаивала Сашка, хотя понимала, что лезет в личное. — А вдруг он...

Кэйтрия потупилась, перебирая складки на подоле платья. Личико её сразу погрустнело, но вот она вздохнула и посмотрела на Сашку.

— Если бы твой вопрос не был беспокойством за меня, я бы не ответила, — серьёзно сказала она. — Я никогда ни к кому не привязывалась за всю свою жизнь, хотя мне нравилось наблюдать за красивыми людьми и представлять, что один из красивых мужчин или юношей станет моим мужем. Но, пока я не увидела Эйлилла, я не знала, что можно так... — Она споткнулась на слове, потом пожала плечами и растерянно сказала: — Наверное, это всё-таки... любовь? Я постоянно его чувствую. Я слышу его даже тогда, когда он стоит за моей спиной, хотя я этого не знаю. Когда я вчера вечером увидела его, я ещё даже не сказала себе: "Это Эйлилл!", но уже потянулась к нему навстречу так, словно увидела... Увидела... Он шёл ко мне, а я не видела его лица, но внутри меня всё пело — струной между ним и мной. И я знала, что струна эта поёт и у него внутри. Я не могу сказать за него, любит ли он меня. Но, мне кажется, — люблю его. И, если он не позовёт меня замуж... — Она замолкла, слабо улыбаясь. — Если... Мне хватит и того, что он есть в моей жизни...

— Это ты сейчас так говоришь, — мрачно сказала Сашка, и Кэйтрия передала ей чашку с отваром, уже разбавленным холодной водой. Поколебавшись, Сашка приняла чашку, благо что та круглая и пузатая, в сложенные ковшиком ладошки, и принялась отпивать из неё потихоньку горьковатый напиток.

— Помню, — вздохнула девушка-эльф. — Но, если Эйлилл — моё временное счастье, значит, это судьба. И я буду ей покорна и благодарна. И пусть я это говорю без его присутствия, а в его присутствии снова буду безумно влюблённой и буду говорить глупости... Значит, так надо.

Сашка допила чай и вытянула обе руки, чтобы поставить чашку на стол. Кэйтрия рассеянно следила за ней, не помогая, и это было правильно.

— Так почему ты спросила меня об этом? — тихо напомнила девушка-эльф.

— Из зависти, — горько ухмыльнулась Сашка. — Мне казалось, Доран ко мне чувствует то же, что ты к Эйлиллу. Как выяснилось, у него на меня иные виды.

— Какие? — немедленно спросила Кэйтрия.

И это прозвучало так настойчиво, что они обе засмеялись.

— Деловые.

— Не поверю, — заявила девушка-эльф. — Он, кстати, обещал зайти к нам после обеда, чтобы сделать тебе новую перевязку. Хочешь, я погадаю тебе? Ну, после того как поедим?

— А который час? — вдруг вспомнила Сашка.

— Как раз обед.

Оказалось, Кэйтрия встала гораздо раньше и успела сбегать в тот самый трактир, чтобы принести обед в номер. Хорошо укутанные в полотенца чашки были ещё горячими, но Кэйтрия объяснила, что придётся выждать после выпитого отвара Дорана ещё минут десять — так велел травник. И только сейчас Сашка обратила внимание, как ей перевязали ночью руки. Большие пальцы торчали из намотки, пусть и расцарапанные, но кровью не сочились. Нет, сукровицы было довольно много, она блестела, когда царапины слегка раскрывались

краями. Но, если руки не тревожить (поняла Сашка), раны на коже и впрямь быстро зарастут. А вот кости... Ныли. И, когда она попыталась взять в руки ложку, та выпала и зазвенела по полу.

— Почему женщина? — задумчиво спросила в воздух Кэйтрия. — Когда мы обе ждём наших мужчин?

Они переглянулись и захохотали.

В общем, девушка-эльф вооружилась двумя ложками и принялась кормить ещё и Сашку. Это оказалось весело, потому что в самом начале кормления Кэйтрия попробовала эту самую ложку не просто вложить в рот Сашки, но и, перевернув её, чуть ли не провести ею по нижним зубам, оставляя её содержимое за зубами же. Они опять хохотали, как ненормальные, когда девушка-эльф объяснила, откуда у неё такая странная привычка. Ничего удивительного — ей пришлось так кормить двух младших сестёр, которые в младенческом возрасте оказывались на её попечении.

— А почему твоя мама передавала их тебе?

— Моя мама — лучшая кружевница в нашем краю, — гордо сказала Кэйтрия. — И наше поместье в основном живёт продажей её волшебных кружев. Ну и папиными лошадьми. Он их разводит.

Как ни странно, но после этого смешного обеда Сашка ощущала себя намного лучше. И, когда Кэйтрия напомнила ей о гадании, она пожала плечами.

— Может, не стоит?

— Стоит! — твёрдо сказала девушка-эльф. — Раны, которые ты получила, будут плохо заживать, если ты будешь думать о плохом. Надо исправить положение.

— Но ведь ты на себя не гадала. — Сашка замолкла, взглянула внимательней на Кэйтрию и озадаченно спросила: — Или гадала?

— Нет, я и так знала, — улыбнулась та. — Но ты в другом положении. Тебе надо знать, иначе ты будешь нервничать. Садись на мою кровать.

— Почему не за столом?

— Мои карты любят мягкое, — смешливо откликнулась Кэйтрия.

Они уселись на кровати, и девушка-эльф вытащила из сумки, припрятанной под матрас, плоскую коробку. Колода оказалась на удивление странной: что ни карта — сплошные цветы, бабочки и райские птички. "Детская какая-то, — растерялась Сашка. — Неужели Кэйтрия верит, что такие карты могут предсказать что-то серьёзное?"

— Думай о своём вопросе, — велела Кэйтрия, сосредоточенно смешивая карты.

И, едва Сашка опустила глаза, карты зашлёпали между ними по покрывалу, образуя круг, в центре которого оказались две с райскими птичками. "Странное гадание, — снова вздохнула Сашка, пытаясь сосредоточиться на одной важной мысли: — Как ко мне относится Доран?" Но сейчас же, при свете дня, эта мысль казалась глупой. То ли Сашка перегорела, пока несла её в себе вчера, то ли случилось ещё что-то, но отношение к ней травника-предателя (как ни глупо это выглядело) уже стало... прошлым.

Поэтому она без энтузиазма восприняла странную игру: Кэйтрия пыталась разбросать две карты из центра по краям, чтобы в центре оказались другие, а они упрямо возвращались, хотя девушка-эльф их видеть не могла — все карты "рубашками" всегда были сверху. Но две одинаковые карты постоянно выпадали в серединке, а Кэйтрия открывала их, и обе — с райскими птицами.

— И что всё это значит? — не выдержала Сашка.

Ответить Кэйтрия не успела: в дверь решительно постучали.

— Ой, это Доран! — вскочила девушка-эльф.

Сашка еле удержалась, чтобы не устроить ей подножку.

— Кэйтрия, стой!

— Что? — испугалась та.

— Простейший способ, чтобы он не мог переживать мои ощущения!

— Скрестить руки-ноги! — выпалила девушка-эльф и повернулась к двери, в которую уже только не колотили.

"Нетерпеливый какой нашёлся!" — проворчала Сашка, кряхтя — стараясь сложить руки на груди по-наполеоновски. Не успела. Дораном как будто выстрелило к кровати Кэйтрии. Остановился, нависая, — мгновенно оценил то, что она делает.

— От меня? — хмуро спросил он.

— От тебя, — угрюмо подтвердила Сашка.

Он промолчал, хотя она приготовилась выслушать нотацию. Но травник присел перед ней на пододвинутый стул и положил рядом с собой, на кровать, котомку.

— Давай руки, — скомандовал он. Быстро разбинтовал тряпки, хотя Сашка, замерев от ожидания, приготовилась к боли. Выяснилось, что раны не просто обработаны, но ещё и смазаны какой-то пахучей мазью. Так что тряпки к ранам не прилипли — и боли не было.

Перевязка прошла быстро. Кэйтрия носилась по повелениям насупленного Дорана их кухни в комнату, то принося тёплую воду, то унося грязные, использованные тряпки.

Когда она в следующий раз убежала на кухню, Доран тихо спросил:

— Ну что? До сих пор болят?

— Ну... Почти не болят.

— Тогда почему прячешься?

Он не договорил, но Сашка сообразила. Уставилась в его котомку и заявила:

— А мне не нравится, когда вмешиваются в моё личное пространство! Пусть даже с благой целью!

Вошла Кэйтрия, и Доран ничего не смог ответить. Или не захотел. Да и не сумел бы сразу отреагировать на столь странное заявление — насколько поняла Сашка. Но девушка-эльф снова убежала в кухоньку — по просьбе Дорана отмыть две чашки, довольно сильно испачканные — судя по всему, он отослал её с задней мыслью, потому что тут же потребовал объяснений:

— Что это такое — вмешиваться в личное пространство?

— В данном конкретном случае мне не хочется, чтобы кто-то брал на себя мою боль!

— Но ты...

— Именно это мне не нравится. Перетерплю. И уж тем более — сейчас.

— Что случилось, Алекс? Я не понимаю, почему ты резко поменяла своё мнение обо мне? Что я сделал не так? Впрочем... — Он помолчал, глядя на её ладони, вспухшие, страшные, посинелые и с багровыми разводами — хорошо рядом нет Кэйтрии, которая и так старалась лишний раз не смотреть на Сашкины раны. — Мне казалось, мы друзья.

— Мне тоже казалось, — буркнула Сашка.

Он поднял потемневшие от сложного чувства глаза. Внезапно Сашка почувствовала странное. Он будто спросил: "Что случилось вчера? Чем я оплошал перед тобой?" Но вслух ничего не было сказано, а Сашка вдруг подумала: "А поел ли он после сна? У него ведь никого нет, чтобы приготовить обед или принести его из трактира". На эту мысль навела

мышка-татушка, одно крыло которой будто вмялось в щеку Дорана, так он осунулся внешне. Но промолчала, лишь бы старательно смотреть на ладони, в которые Доран после недолгой паузы всё же принялся осторожно втирать целебную мазь.

Восемнадцатая глава

Доран оказался терпеливей, чем Сашка о нём думала, обзывая его про себя "порывистый ты наш". Пока она тонула в мыслях, в которых все прочитанные книги и виденные ею фильмы на криминально-шпионскую тему вздымались горой с пиком: "Ты знаешь слишком много, а значит — опасна!", травник сам напомнил Кэйтрии:

— Мы ведь сегодня хотели сбежать в ту меняльную лавочку, где были в прошлый раз. Или вы уже не хотите выходить из номера?

Сашка машинально попыталась припрятать заново перевязанные кисти. Выйти хотелось. Сидеть целый день взаперти, когда руки непрерывно ноют? Не-ет! Сидеть без дела в номере — это постоянно и вынужденно думать о том, что вчера, возможно, она в последний раз взялась за карандаши. Несмотря на уверения Дорана, что с ними всё будет в порядке. А эта мысль убивала почище цверговых копышек. Так что она насупилась, глядя на поникшую после вопроса Дорана девушку-эльфа, и упрямо объявила:

— Будем гулять и наслаждаться прогулкой! То есть не только в меняльную, но и... — Она хотела сказать: "В лавку для художников!", но запнулась, глядя на перевязанные кисти, культями тяжело лежащие на коленях. Договорила уже с трудом: — В любую, какую захотим!

— Тогда я сейчас приготовлю чай для Дорана! — зашебетала счастливая Кэйтрия. — У нас остались пироги. Доран, будешь?

— Буду, — хмуро сказал тот и пошёл за ней.

Лучше б они не оставляли Сашку в одиночестве!

Она снова уставилась на свои толстые из-за перевязки кисти и прикусила губу. Чёрт-чёрт-чёрт... Как телохранитель, она обязана открывать дверь перед Кэитрией — есть у подопечной кавалер или нет. И? Этими-то культяпками? А меняльная лавка? Они там наверняка будут пить кофе! А она? Забившись в тот же самый уголок, что и в прошлый раз, сглатывать слюну, с завистью глядя на них? Потому как чашки в перевязанных ладонях не удержать! А телохранителю подопечная не будет подавать каждый раз чашку ко рту, чтобы тот отпил!

Хорошо, эти двое там, на кухне, подзадержались — Сашка успела проморгаться, чтобы слёзы унять, а когда хлынуло — ещё и о тряпки на руках один глаз промокнуть.

Доран вылетел из кухоньки под самый конец её страданий, когда она пыталась закрыться от него, снова стараясь заложить уже ногу за ногу. Схватил за плечи.

— Что случилось?!

Сашка на него чуть не окрысилась: опять подсоединился к личному пространству! Но взяла себя в руки и, молясь, чтобы голос не выдал, и радуясь, что он сейчас такой дурной, а потому всё-таки не выдаст её состояния, просипела:

— Не пойду никуда! Идите сами...

— Почему? — жалобно спросила Кэйтрия.

Сашка молча вытянула руки с намоткой.

— Мне хочется полежать.

— Но...

— Кэйтрия, подожди, — попросил Доран. — Я поговорю с ней.

— Вымою пока чашки, — нейтрально сказала девушка-эльф и поспешила скрыться в

кухоньке.

Доран бесцеремонно уселся рядом с Сашкой на кровати Кэйтрии. Она ссутулилась, сразу напрягшись и насторожённо рассчитывая, как его свалить ногами, если полезет.

— Ну?

— Не запряг ещё, — враждебно пробурчала она. Но взяла себя в руки и коротко объяснила, почему не может идти с ними.

Он съехал с кровати и сел на корточки, чтобы видеть её лицо. Недоверчиво разглядывая, как он постепенно начинает улыбаться во весь рот, Сашка с удивлением чувствовала, что успокаивается. И уже не важно стало, действует ли на неё странная радость подсоединённого к её эмоциям Дорана, или она успокаивается из-за того, что именно он придумал. Она даже сумела нетерпеливым шёпотом подтолкнуть его:

— И что?

— Пойдёшь как моя пациентка! — торжественно сказал травник. — Буду сам открывать тебе двери и поить тебя кофе с ложечки. А не нравится быть пациенткой, как насчёт подруги? Будешь идти со мной под руку — и никто не увидит твоих рук!

Сашка внимательно взгляделась в его просветлевшее лицо и набрала воздуха, чтобы злющей змеей с ядовитым язычком проехать по его многочисленным подружкам. И замерла. "А не пошло бы оно всё! — удивляясь себе, вдруг мысленно рыкнула она на себя. — Если он и впрямь вербовщик, так надо дожидаться, пока вербовать начнёт, а потом уже думать, как свалить от него! В конце концов, можно дать ему какую-нибудь магическую клятву молчания — и дело с концом. Харэ с ума сходить, пока всё не прояснилось!"

— Согласна! — сипло выдохнула она.

Он не стал переспрашивать, на чью роль она согласна — подружки или пациентки. Видимо, побоялся дать ей время на раздумье. А то вдруг снова передумает?

— Кэйтрия! Алекс идёт с нами в женском платье! — сообщил он вбежавшей девушке-эльфу.

Нисколько не удивившись, Кэйтрия подошла к кровати и взяла Сашку за руку, выше запястья. Погладила осторожно и улыбнулась.

— Не бойся. Эйлилл обещал прийти. Он сделает небольшую иллюзию, и никто не узнает в тебе моего телохранителя.

Вспомнив мастерство красавчика эльфа, Сашка с облегчением кивнула и тут же закусил губу. Ч-чёрт...

— Что ещё? — чуть не в один голос спросили Доран и Кэйтрия.

— Куртка, — прошептала Сашка. — Подарок который...

Кэйтрия подхватила и улетела в её закуток на кухоньке. Назад возвратилась с этой курткой на руках, задумчивая. Покачала головой, остановившись перед озадаченным травником, и грустно сказала:

— Я не успею её починить.

Распяленная её руками куртка являла собой зрелище, мягко говоря, не для слабонервных. Сашка ещё удивилась, что Кэйтрия в обморок не падает. Края рукавов взлохмачены старательными цвергами до состояния швабры далеко не юных лет. На спине — длинная корявая дыра. Сама куртка... Сашка чуть не заревела: так нравилась!! Сама куртка, когда-то сильно похожая на настоящую замшевую, сейчас выглядела так, словно её только-только подняли с пола у двери, где она заменяла половичок.

— И в твоей нельзя, — горестно продолжила девушка-эльф. — Эта для платья была

хороша. А в той — только если ты в штанах...

Доран взял у Кэйтрии куртку, оглядел её со всех сторон и, ни слова не говоря, вышел из номера. Сашка, успокоившись, хоть губы подёргивались, констатировала:

— На мусорную свалку понёс. — Кэйтрия печально промолчала, а Сашка подумала-подумала и решила: — Пойду пацаном. Руки мне засунете в карманы — они широкие. И будем надеяться, что никто не захочет причинить тебе зла, ведь ты будешь с двумя кавалерами! Иди, собирайся гулять. А то Эйлилл придёт — расстроится.

Последнее соображение заставило Кэйтрию порхнуть к шкафу и начать лихорадочно передвигать редкие вешалки со своей одеждой. А Сашка, задумчиво последив за её смешным поиском, додумалась спросить:

— Кэйтрия, а кроме салфеток, вещи на себя вязать умеешь?

— Умею. Мама научила вязать ажурные кофточки, — гордо сказала девушка-эльф.

— Пока занятия в университете сокращены, может, мы купим нитки и ты свяжешь себе несколько вещей на холодную погоду? — коварно предложила Сашка, уже совсем пришедшая в себя, чтобы по достоинству оценить перспективы вязального умения подружки — и для неё, и для себя. А что? И сэкономить можно, и Кэйтрии будет чем заняться, как только она в учёбе догонит Дорана и группу. А последнее сделать легко, если учесть то же сокращение пар.

— О-ой... А я и не подумала! — медленно проговорила девушка-эльф, явно очарованная мыслью, что у них есть деньги на такие жизненно необходимые нитки, а может — мыслью о том, в каком чудном прикиде она сможет показаться перед Эйлиллом.

Критически посмотрев на её мечтательное личико, Сашка решила, что будет очень внимательна, когда Кэйтрия будет покупать нитки. А то купит что-нибудь непрактичное, чтобы связать что-нибудь сногшибательно ажурное, в котором будет мёрзнуть, лишь бы нравиться Эйлиллу. А чего ему нравиться, если он, как говорится, уже на крючке? Так что надо будет попытаться у продавщиц, какие нитки нужны для зимних кофт. Поизящней, конечно. Сашка приподняла бровь: хм, подружке необходимо что-то вроде тех английских кофточек, которые всю надевают актрисы, играющие деревенских мисс и миссис в сериалах про Агату Кристи или Пуаро! И она, Сашка, заставит Кэйтрию связать две такие плотные шгуковины, прежде чем та засядет за роскошный ажур.

Пока Сашка мечтала о практичных вещах для Кэйтрии, в дверь постучали.

Нагнувшись в сторону, Сашка успела заметить, как в открытом дверном проёме появился незнакомый парень, после чего его будто смело с порога "порывистым нашим".

— Что ты делаешь, Доран?! — возмутилась Кэйтрия.

Но травник уже очутился рядом с Сашкой и тут же развернул перед ней... В первые секунды ей показалось — Доран закрывает её от неизвестного, которого впустила девушка-эльф. Но его довольное лицо... Сашка пригляделась к вещи в его руках. Плащ. Похоже — тоже "замшевый". Короткий, но уж точно гораздо длинней той растерзанной куртки, которую унёс.

— Ты сможешь носить его в любом облиии, — негромко сказал травник.

— А... что это?

Как ни странно, Доран сразу понял недоговорённость.

— Я не заплатил тебе за портрет Киардхи, — спокойно сказал он. — Ты хотела деловых отношений? Вот и...

Сашка встала. В маленьком пространстве возле двери в коридор, сейчас будто незримо

обведённом Кэйтрией, двое стояли и перешёптывались, хотя Сашке было странно видеть, что Кэйтрия сияет от радости, глядя на неизвестного — не того даже, что был с ними вчера в трактире. Но взглянула на травника, который терпеливо ждал, и повернулась к нему спиной.

— Примерим, — вполголоса предложила она.

— Я по куртке подбирал, — проворчал он, обиженный её недоверием, и осторожно вдел в рукава её перевязанные кисти. — Попробуй сунуть в карманы.

Карманы оказались шикарными — настолько широкими и довольно низкими, что Сашка не сунула, а положила в них неуклюжие кисти, лишь слегка согнув руки в локтях. Красота — вынуждена была признать. А потом... Сама не поняла, как получилось. Оглянулась — Кэйтрии и Эйлилла нет. Наверное, она его увела на кухню пить чай. Сашка обернулась к Дорану, хмуро ожидавшему её оценки, и... Легко вытащила из карманов плаща руки поднять их и, чуть надавив на затылок травника и заставив его склониться, легонько поцеловала в щёку — ту, что свободна от татушки-фамильяра.

— Спасибо.

Он на её шёпот только вздохнул и уже привычно осторожно обнял. Понимая, что он не покусится на неё вот так — обнимая, понимая, что неподалёку двое, которых только позови — прибегут на зов немедленно, Сашка на мгновения замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Прислушалась к теплу, которое почуяла от Дорана. И чуть не стиснула руки вокруг его шеи — такое одиночество вдруг хлынуло, что она испугалась: от него? Или её собственное? А он застыл, вздрогнув так, будто ему и шевельнуться страшно — не задеть бы, не побеспокоить её раны, и в то же время боясь, что она вот-вот разомкнёт руки и отступит назад, оставив его... Это его одиночество — неожиданно поняла Сашка, уже испуганная, потому что идущее от травника одиночество начало обволакивать её так сильно, что она чувствовала странное опустошение и глухое отчаяние. И тогда, чтобы убрать это опустошающее отчаяние и напряжение, она прошептала ему на ухо, благо он чуть склонил голову к её плечу:

— Не пациентка. Буду твоей девушкой.

И снова замерла, ошеломлённая, когда волна облегчения и благодарности окутала её впечатляющим теплом. Он даже положил ладонь на её плечо. И эта ладонь... она прожигала Сашкино плечо сквозь рубашку, сквозь плотную ткань плаща... А потом Доран спохватился.

— Тебе нельзя долго стоять! — И усадил её на постель.

Сашка пришла в себя и хмыкнула.

— Тогда и гулять нельзя — постоянно на ногах.

— Нет, что ты! — уже усмехнулся её небольшому сарказму травник, присаживаясь рядом. — Ходить надо. И двигаться больше. Чем чаще кровь гуляет, тем быстрее всё заживёт. Отдыхать во время прогулки будем, не беспокойся.

— Да я не беспокоюсь, — медленно сказала Сашка, поглаживая край плаща.

Из кухни вышли Кэйтрия и, судя по её счастливому виду, Эйлилл в новой иллюзорной маске. Они дошли до кровати, и девушка-эльф шутливо попеняла Дорану:

— Уходи с моей постели! Разрешаю сидеть на ней только подруге! Алекс, какой плащ на тебе! — ахнула девушка-эльф, только сейчас разглядев новую одежду Сашки.

— Добрый день, — улыбнулся Эйлилл, сегодня светловолосый и опять-таки весьма скромного вида — с первого взгляда и не заметишь.

"Настоящий шпион!" — хмыкнула пришедшая в себя Сашка и сипло попросила, ответно поздоровавшись:

— Добрый день! Кэйтрия, можно с тобой на минутку в кухню?

"Пока представители двух ведомств пообщаются!" — хотелось сказать язвительно. Но промолчала и последовала за девушкой-эльфом, хотя той не хотелось уходить из комнаты. Уже на кухне Сашка вздохнула и сказала:

— Кэйтрия, прости — возможно, не вовремя. Можно тебя обнять?

Тонкие брови девушки-эльфа взлетели, но она сама шагнула к Сашке. И даже выждала, пока та закинет ей на шею руки, больше похожие на толстые лапы. Секунды две на прислушивание — и Сашку окатило таким вселенским счастьем, что она чуть не задохнулась в чужом ликовании. Завозилась в руках Кэйтрии, чтобы та отпустила её.

— Прости, Кэйтрия!..

— За что? — удивилась девушка-эльф.

— Я хотела проверить, — шёпотом сказала Сашка и повела плечами от жути, потому что и не понимала, что происходит, и поражалась этой странности. — Я... тебя чувствую. Сильно. Почему?

Кэйтрия вгляделась в глаза ошарашенной подруги. Помолчала.

— Ты чувствуешь меня. Но ты захотела меня обнять... потому что почувствовала Дорана?

— Да, — понурившись, сказала Сашка. — Это... оскорбительно?

Девушка-эльф ещё немного сосредоточенно помолчала, глядя на неё, а потом взялась за её плечи и тихо сказала:

— Алекс, ты сильный эмпат. Но при этом стихийный. Тебе надо немедленно пройти собеседование у ректора, потому что, насколько я слышала, такой талант, как у тебя, довольно редок и может причинить тебе массу неудобств, если вовремя не научиться управлять им. Нет, для меня это не оскорбительно. Я даже рада, что ты первой доверилась именно мне. Дорану ты же ничего не сказала?

— Нет, — покачала головой Сашка, чувствуя облегчение чуть не до слёз: ведь она страшно испугалась, ощущая чужие эмоции с такой силой! — Кэйтрия, спасибо.

— А теперь давай выгоним наших мужчин из номера, и я помогу тебе одеться.

Девушка-эльф улыбнулась Сашке, которая только и могла, что вздохнуть. Но, когда парни ушли в коридор, она криво ухмыльнулась: нет — да простит её Доран! — пока она ему ничего говорить не будет. Главное — она-то знает, что он к ней ощущает.

Кэйтрия надела на неё платье, затем на ноги те почти домашние ботиночки, а уже напоследок помогла натянуть плащ. Затем оделась сама и позвала парней:

— Заходите! Эйлилл, нужна твоя помощь!

Сашка даже удивиться не успела: кому — нужна? И что за помощь? А девушка-эльф за руку подвела красавчика к ней и серьёзно сказала:

— Ты умеешь. Ты опытный. Придумай что-нибудь, чтобы её потом не узнали в моём телохранителе.

Вмиг сообразив, что задумала Кэйтрия, Доран строго предупредил:

— Но только чуть! Я хочу смотреть в глаза Алекс и узнавать глаза Алекс.

— По плащу узнаешь, — слабо сыронизировала Сашка.

— Подойдём к зеркалу, — велел Эйлилл.

А когда Сашка выполнила его указание и с интересом уставилась в зеркало (любопытно же, что он из неё сделает?), эльф с минуту смотрел на неё, а потом пальцами провёл прямо по зеркалу — по линиям её лица. Открыв рот, Сашка захлопала глазами на волосы, которые

резко удлинились и стремительно сплелись в две косы, закреплённые на кончиках тяжёлыми даже на вид металлическими украшениями. От изумления она попыталась потрогать их, но рука прошла мимо, а Эйлилл недовольно предупредил:

— Не трогать! Забудь, что они есть!

— Но зачем такие яркие?

— Первый секрет любого иллюзиониста — люди смотрят на самый яркий элемент в одежде, не обращая внимания на всё остальное, — уже спокойно объяснил красавчик эльф и провёл пальцем по бровям Сашкиного отражения, делая их из темновато-русых отчётливо тёмными. — И вот эта деталь внешности бывает весьма красноречивой. Пропади она — завтра ты будешь неузнаваема теми, кто видит тебя сегодня. И последний штрих.

Эйлилл коснулся отражённого рта Сашки, и та, коротко взглянув на стоящего позади Дорана, заметила, как он поморщился, не сводя с неё глаз. Губы стали полными и мягко красными. Эйлилл кивнул Сашке в зеркало и отошёл к Кэйтрии, чтобы помочь ей надеть плащ.

— Тебе нравится то, что видишь в зеркале? — спросил Доран, немедленно шагнувший ближе к ней.

— Не моё, — улыбнулась Сашка. — А тебе?

— Не моё, — повторил он, внезапно обрадованный, и Сашка чуть не выгнула спину от чувственной волны от него. "Вот чёрт! — чуть не испуганно решила она. — Завтра — понедельник. Сразу с утра, как провожу Кэйтрию в аудиторию, побегу к ректору!"

Как ходить по улицам, договорились с самого начала. Если Кэйтрия, как положено девицам, будет следовать за Эйлиллом, то Сашка сунет руки в карманы, а под руку возьмёт её Доран.

Так и вышли. В вестибюле гостиницы Сашка поймала смеющийся взгляд клерка Парта на Дорана. Его же взгляд на неё будто скользнул пренебрежительно: а, ещё одна! Ощущая тёплую волну травника, которая будто заботливо окутывала её, она лишь усмехнулась. Не фиг делать! Она — не ещё одна! Она единственная и неповторимая! И теперь ей не страшна никакая вербовка! Теперь она знает, почему Доран ей рассказал о себе всю подноготную.

Наверное, только поэтому она спокойно же восприняла то, что случилось у дверей в гостиницу. Пока Эйлилл "ловил" свободного кучера, Доран, извинившись, быстро отошёл от неё к какому-то подозрительного вида человеку, в тёмном бесформенном плаще и в широкополой шляпе, и коротко переговорил с ним. Вернулся к Сашке такой расстроенный, что волна разочарования (а Сашка на ходу училась определять эмоции) от него только подтвердила её догадку.

— Доран...

— Что? — буркнул он.

Но она на его недовольство не обиделась.

— В королевских усыпальницах никого не оказалось?

Некоторое время он смотрел на неё, а потом вздохнул:

— Видела, да? К сожалению, когда военный отдел департамента прибыл туда, да — там никого уже не было.

Он так огорчённо посмотрел на Эйлилла, который в этот момент обернулся к ним, что тот сдвинул брови и вопросительно кивнул. Доран покачал головой. У Эйлилла взгляд стал отстранённым, а потом красавчик эльф словно осунулся, кажется сообразив, что значит омрачённое лицо травника. И, лишь когда они все заторопились к бричке, остановленной

неподалёку от гостиничных дверей, Сашку будто что-то торкнуло. Обобщив всё, что ей рассказал Доран, и то, что сейчас произошло перед дверями гостиницы, а также приплюсовав понимание Эйлилла, она поняла: тайная служба — это всего лишь люди, которые примечают что-то в тревожные для королевства времена, а затем передают добытые сведения магическому департаменту, который владеет ещё и силами спецназа — так про себя она обозначила военных из департамента. А она-то думала!.. И боялась, оказывается, зря.

Проехались только до меняльной лавочки, договорившись, что обратно пойдут пешком. Вышли-то незадолго до ужина, до темноты, и жаль было бы не погулять немного на свежем воздухе. А если бы догуляли до лавочки, назад пришлось бы ехать, иначе бы до темноты не успели до безопасного местечка добраться. В карете их было четверо, поэтому никто не удивился, когда Доран сунул руку за спину Сашки, старательно поддерживая её, чтобы она не стукнулась вдруг кистями обо что-нибудь, если что...

В меняльной лавке девушки пришли к согласию, что на этот раз надо приглядеться не только к здешним товарам. А значит — продадут свои салфетки и картинки здесь, а покупать будут не сразу всё, что хочется, а только то, что необходимо прямо сейчас. Парни поддержали их в желании быть рассудительными и экономными и тут же пошли занимать стол ближе к дальней стене, где можно свободно, без оглядки на свидетелей, попить полюбившийся здесь кофе и напоить им Сашку.

Уже осмелевшая, Кэйтрия быстро и довольно легко получила за выложенные на прилавке перед хозяином вещи заранее обговоренную сумму. Сашка стояла рядом, слегка посмеиваясь над собой: ишь, стоит развязная девица — руки в карманах! Но покупателей в лавке было не очень много, и на странную для девушки позу никто не обратил внимания.

Потом девушки пошли к прилавкам с товаром. Кэйтрия удивила Сашку, набрав не только нитки для тончайших салфеток, но и довольно, на вкус Сашки, хорошую пряжу для вязания кофт. Когда они застряли у витрины с предметами для рисования, подошёл Доран и тихо сказал — чтобы не услышал близко стоящий продавец:

— Не покупайте здесь ничего. Здесь всё дорого, потому что это просто набор в обычной лавке для обычных посетителей. Завтра заглянем в лавку для художников. Там и краски есть, и многое другое, что ты, Алекс, сумеешь подобрать более профессионально. И подешевле, а значит — побольше.

С сожалением глядя на карандаши, к которым она уже было приценилась, Сашка хотела было ответить: "А стоит ли вообще мне думать о рисовании?", но не успела высказать вслух, потому что почувствовала от Дорана новую волну — волну гордости за неё. И вспыхнула от счастья! Он гордится, что его подруга — настоящий художник. Он думает о том, что она ещё нарисует! А это значит только одно: он думает, что она скоро будет рисовать, как обычно! Значит, он не хвалился в прошлый раз? Сказал правду? Ура!

Изумляясь, как быстро и легко она считывает с него эмоции, она с трудом успокоилась, усмехаясь себе самой: если его эмоции направлены только на неё — немудрено считать их с него сразу и распознаваемыми.

— Доран, — улыбаясь, обратилась она к нему — и резко замолчала.

Дверь лавочки резко распахнулась — и в помещение начали вбегать люди.

Немедленно встал за столом оставленный было за ним Эйлилл, и все трое поспешили к нему, пока лавку не заполонили неожиданные покупатели. Увы... Не покупатели. Люди вбегали с испуганными восклицаниями, оглядываясь на хлынувший ливень, из-за которого

внутри лавки быстро стемнело, пока встревоженные продавцы, подгоняемые хозяином, не принялись зажигать везде свечи, заранее приготовленные к вечернему посещению покупателей.

Маленькая компания быстро уселась вокруг "своего" стола. Но долго Доран не просидел. Переглянувшись с Эйлиллом, он встал. Парни, ловко обходя испуганных людей, быстро прошли к входной двери и выглянули на улицу. После чего вернулись к столу и успокоили девушек.

— Это не цверги, — сказал травник, берясь за налитый Кэйтрией кофе.

— Откуда вам знать, молодой человек? — жёлчно спросил его какой-то старик, проходивший мимо их стола.

— Мы видели ту тьму, с которой они приходят, — объяснил Доран. — Она страшней, чем эта. Но, если люди боятся, им лучше переждать ливень внутри лавки.

— Вы? — скептически спросил старик. — Видели? Не слишком ли берёте на себя, молодой человек? Чем отличается эта тьма от той, что, так сказать, видели вы?

— Та тьма — убивает, — прохрипела Сашка, снова охрипшая больше от волнения, чем из-за всё ещё болезненного горла. — Или приносит страшную боль.

Старик взглянул было пренебрежительно на неё, но внезапно, будто защищая, притянул к себе пожилую даму, с которой стоял, и быстро увёл её подальше.

— Что это с ним? — прошептала Сашка.

— Он видит, — задумчиво сказал Доран. — Возможно, он увидел вокруг тебя цвергов, а потому поверил тебе. Так, подруга моя, как же мне тебя напоить кофе, если вокруг столько зрителей?

— А ты пофлиртуй со мной — так, как обычно флиртовал со своими бывшими подружками, — посоветовала Сашка, и Кэйтрия прыснула от смеха. — Даю честное слово — драться с тобой из-за флирта не буду.

— Ты обещала! — предостерегающе сказал травник и пододвинул свой стул ближе к ней, после чего уже привычно обвил её талию рукой и принялся и в самом деле поить её из чашки, сопровождая каждое движение ласковыми и в то же время насмешливыми словами, словно подшучивая над нею на публику.

Во всяком случае, невольные зрители так и восприняли их тесное сидение рядышком и ухаживание парня за девушкой. Кто-то даже перестал бояться происходящего за стенами меняльной лавки и тоже попросил чаю или кофе — на радость хозяевам, остальные заинтересовались выставленным товаром...

— Ну вот, — шепнула Кэйтрия, — а ты боялась. Долить кофе?

— Нет, спасибо.

Сашка проследила, как Доран поставил пустую чашку на стол, а потом обернулся к Эйлиллу. Два агента вполголоса принялись за обсуждение, когда же закончится ливень и успеют ли они до темноты добраться до гостиницы, причём травник сразу предложил красавчику остаться в гостинице, если что.

Увы... Эйлиллу не повезло. Когда ливень закончился и их маленькая компания с трудом нашла свободную карету — уже не бричку, которые после ливня испуганные горожане расхватывали мгновенно, и доехали до гостиницы, на крыльце Эйлилла ждал обозлённый Гарбхан. Пока первым выходил Доран, Сашка успела спросить эльфа:

— А почему бы вам вообще не въехать сюда? Удобней во всех смыслах!

— Гарбхан будет сильно против, — разочарованно сказал Эйлилл после секундного

обдумывания. И со вздохом взглянул на расстроенную Кэйтрию, прежде чем подать ей руку. Только после этого Доран буквально вынул из крытой кареты Сашку, чем очень удивил Гарбхана, который уж точно заметил, как Сашка прячет замотанные кисти.

Но делать нечего. В той же карете красавчик эльф и его телохранитель отъехали от гостиницы, а травник ввёл в вестибюль двух дам — к совершенному восторгу всех обитателей гостиницы, которые хорошо знали его.

Девятнадцатая глава

В номере Сашка немедленно заторопилась к зеркалу шкафа и насупилась при виде простушки с косичками и вплетёнными в них офигительными побрякушками, а также с тёмными бровями, из-за которых её собственные глаза почти пропадали.

— Нет, — сказала Кэйтрия, вставшая за спиной и прочитавшая всё по лицу. — Иллюзия сойдёт быстро. Эйлилл сказал ведь, что она только на время прогулки.

Доран что-то одобрительно проворчал, а Сашка, глянув на него, уже насмешливо подумала: "А тебе вообще лучше помолчать! Не твоё — так не фиг критиковать чужую работу!" Потом она отвернулась от зеркала и хотела спросить, что он тут делает...

— Ужинать, так понимаю, мы не идём, — задумчиво опередил её травник.

Девушка-эльф тут же понурилась. Но Доран не унывал. На мгновения его глаза потеряли сосредоточенность, хотя взгляд был направлен на то же зеркало, а потом он улыбнулся опечаленной Кэйтрии.

— Приготовьте стол, а я сбегая в трактир за ужином. Заодно отнесу посуду, которую ты, — он обратился к Кэйтрии, — брала у них на обед. Собери-ка её.

Обрадованная девушка-эльф опрометью кинулась в кухню. Кажется, она больше обрадовалась возможности что-то сделать и забыться в хлопотах, чем самому ужину.

— А чего это ты тут раскомандовался? — спросила Сашка тихо, благо теперь голос позволял говорить нормально.

— Надо же отвлечь Кэитрию от грустных мыслей, — пожал плечами травник. — Разворачивайся. Сниму с тебя плащ.

Сашка скептически глянула на свои замотанные кисти и со вздохом повернулась спиной к нему. Доран снял с неё плащ так, будто боялся, как бы не разбить. Но рукава и впрямь оказались шикарные. Они скользнули с её плеч, затем проехали по вовремя поджатым, хоть и с трудом кулакам — и плащ оказался в руках Дорана. Сашка выдохнула. Всё-таки боли побаивалась. Доран бросил плащ на стул и предупредил:

— После ужина новую перевязку сделаем. Постарайся не напрягать пальцы. Возможно, сумеем повязку сделать частичную. Пока кожа дышит — заживает быстрее.

— Знаю, — буркнула Сашка и подошла к окну. Свечи они зажгли те, что ближе к кухне, так что улица хорошо проглядывалась вдаль.

Доран тут же встал рядом. Шагнул так бесшумно, что она бы и не заметила его приближения, если бы не чувствительное тепло, которое мягким облаком окутало её.

Мокрая дорога поблёскивала булыжниками в свете фонарей. Дождя нет. Правда, с крыш до сих пор падали крупные капли.

— А как вообще в городе с чёрными шаманами воюют? — рассеянно глядя на капли, спросила Сашка. — Нет, я помню — полицейские на лошадях... А кстати, они не боятся? Ну, лошади — цвергов?

— Всё наоборот, — сказал травник, — единственное, чего боятся цверги, — это лошади. У них даже паника начинается, если услышат лошадь — стук копыт, например. Поэтому полиция постоянно дежурит на улицах.

— И всё? Больше ничего не делается?

— Королевское войско в основном старается удержать армию цвергов на подходах к городу. Здесь-то у них небольшие группы, руководимые шаманами. — Доран едва слышно

вздохнул. — Властям удобней предупреждать горожан об опасности в вечернее время, чем разобраться с врагом сразу. Мы же не знаем, как уничтожить шаманов. А они словно духи — то появляются, то исчезают. И никто не может заметить этого.

— Цверги боятся лошадей, — тихо повторила Сашка.

Доран обернулся к ней от созерцания улицы за окном. Улыбнулся.

— В газетах предлагали наводнить город табунами лошадей, но это слишком... глупый способ очистить наши улицы от цвергов.

— А шаманы без цвергов — ничего не могут, — снова полувопросительно, полуютвердительно сказала Сашка.

— Не могут, — качнул головой травник. И с любопытством спросил: — Тебе хочется найти что-то против шаманов?

— А тебе нет?

— Если с магической точки зрения, мы: и отдельные горожане, и правительство — уже пытались применять магию, — вздохнул травник. — Но шаманы чувствуют нашу магию, как волки чувствуют давно остывший след. Если даже накрыть весь город поисковой магией, они сразу обнаружат её и разрушат. Что — что, а разрушать они мастера.

— То есть они превратились в бешеных бездомных собак, которых трудно уничтожить, поэтому власти придумали правила поведения в этой ситуации.

— Да. — Он ответил коротко, но даже в односложном слове Сашка услышала обиду и раздражение, а вместо тепла от него пахло холодком.

— Доран! — позвала Кэйтрия, и травник немедленно помчался к ней.

"Или сбежал от меня, — заключила Сашка и несколько обескураженно подумала: — Из-за личного не подрались, а из-за политики чуть не сцепились!"

Было слышно, как Кэйтрия закрывала дверь за Дораном, что-то напоминая ему вслед... Наконец девушка-эльф подошла к Сашке.

— Доран какой-то странный.

— Ага, — равнодушно сказала Сашка.

— Алекс, ты как будто боишься чего-то. Почему ты не хочешь хотя бы просто дружить с ним? Он изменился. Всего несколько дней, и он стал флюгером, поворачиваясь за тобой, где бы ты ни была.

— Я много чего боюсь. Например, привязаться к нему.

— Но почему? Мне кажется, с тобой он очень серьёзен!

— Кэйтрия, я попала сюда не по своей воле. А если... я вернусь в свой мир?

Кэйтрия помолчала, наблюдая за бликами на дорогах.

— Если бы мне сказали, что Эйлилла завтра не будет, а у нас останется всего одно, последнее свидание... я буду с ним до последней минуточки. — Она выговорила последнее шёпотом, а потом посмотрела на Сашку. — И карты говорят, что вы будете вместе.

— Это те, с цветочками, с птичками? — невольно улыбнулась Сашка.

— Можешь не верить, Алекс, — пожала плечами девушка-эльф. — Но пока моё простенькое гадание всегда сбывалось. Я гадала перед отъездом сюда — и у меня вышло, что я домой больше не вернусь...

— А чего тогда решила, что пора уходить из университета? — удивилась Сашка.

— И всё-таки я ждала до последнего, — напомнила Кэйтрия. — И судьба подтвердила решение карт: появилась ты.

Стоять рядом с девушкой-эльфом было здорово. От неё веяло уверенностью — и это

впечатлило Сашку хотя бы потому, что твёрдости и в положении Кэйтрии нет. Что там, с Эйлиллом? Кто он? И... какие виды имеет на девушку, у которой за душой ни гроша? Хотя теперь про Кэйтрию и не скажешь, что она бедная... Сашка вдруг улыбнулась. Вспомнила, как готовилась к экзамену и читала "Петра Первого" Алексея Толстого. Один из главных героев тоже начал богатеть, получив от сына-служивого всего несколько рублей, но за пару лет основав на них богатейший дом, а потом и вовсе превратившись в заводчика-промышленника. Хм. Глядишь, то же произойдёт и с Кэйтрией. Ведь ей, чтобы выбраться из грозящей и даже уже подступившей нищеты, потребовались всего лишь появление Сашки и пара катушек ниток! Что ж... Лишь подтвердилась версия: человеку немного надо, чтобы он воспрял духом. Пусть даже если он не совсем человек, а эльф.

Пришёл Доран, и они втроём уместились на кухоньке. Травник и Кэйтрия быстро выложили еду из кастрюлек на тарелки, и ужин прошёл легко и уютно, потому что Сашка и впрямь успокоилась, чтобы посмеяться каждой шутке, хоть и не всегда удачной. Они с Дораном сидели на её кушетке, в то время как девушка-эльф восседала на стуле напротив. Болтовня тоже оказалась лёгкой: вспоминали учебные часы и пытались выяснить, кто самый смешной в группе. Кроме всего прочего, Доран и Кэйтрия объяснили Сашке, что группа ополовинена из-за угроз шаманов, так что, возможно, завтра утром она увидит новые лица. А может, и не увидит — некоторые студенты, из богатеньких, продолжают обучаться на дому.

Наконец Доран велел Кэйтрии сложить посуду, не отмывая её, в холщовую сумку. Типа, там, в трактире, вымоют. А одnogруппница пусть идёт и учит всё, что задано на понедельник. Но Кэйтрия возразила, что помоеет тарелки, пока Доран будет менять повязки на руках Сашки. Время-то есть. Доран нехотя уступил, а девушки тайком переглянулись: ох, уж эти мужчины — пофигисты!.. А Сашка ещё и усмехнулась про себя: Кэйтрия не поняла — Доран хотел её таким образом удалить из кухоньки, чтобы остаться с ней, с Сашкой, наедине.

И только раз травник воспользовался оказией сделать именно то, что он сделал бы, не будь Кэйтрии рядом, — и то, довольно-таки всё невинно: он присел на корточки перед Сашкой, с трудом уместившись между столом и кушеткой, и положил страшные, опухшие кисти пациентки на свои, мягкие и сухие. И велел:

— Расслабь!

Сашка осторожно попыталась расслабить свои ладони. Оказалось тяжело — постоянно побаивалась нажимать на руки Дорана. Но тот слегка прихватил их большими пальцами, и она, почувствовав, что точно не давит, выдохнула. И даже сумела чуть улыбнуться: в широченных руках Дорана её ладони, даже распухшие, виднелись маленькими, как у совсем мелкой... Держать пришлось недолго: спустя минуту Сашка ощутила невыносимое жжение и начала нервно возиться на кушетке. Доран, пристально смотревший на ладони, поднял глаза и... Сначала он воровато оглянулся на Кэйтрию, которая сушила вымытую посуду, а потом склонился и поцеловал каждую ладонь Сашки — не успела она опомниться. И быстро отстранился, глядя с хулиганской улыбкой: мол, и что ты со мной, с грабителем, сделаешь?..

— Стукнуть бы тебя... — с сожалением сказала она вполголоса.

— Но? — с шутливым высокомерием вскинул он бровь.

— Кэйтрию пугать не хочется.

Далее всё произошло деловито и быстро. Доран выполнил перевязку под позвякивание посуды, оставив на виду большие участки кожи, как и обещал, и спросил:

— Кэйтрия, кроме того что ты завела пса-предупреждение, ты как-нибудь обезопасила

номер?

— Нет, здесь щеколда хорошая, — удивилась девушка-эльф. — И замок неплохой.

— Это не избавит от магической атаки, если шаманы найдут следы Алекс и пройдут по ним до гостиницы. — Доран помолчал и кивнул явно своим мыслям. — Я обойду ваш номер и обвешаю его защитными заклинаниями.

— Но... — начала было девушка-эльф.

Травник перебил.

— А ты поможешь мне, — железным тоном сказал он. — Заодно сдашь мне зачёт по первоначальной защите жилого дома. А потом я отнесу посуду в трактир.

И выволок из кухоньки слабо негодующую Кэйтрию. Сашка прикусила губу, чтобы не рассмеяться: "мелкая мстя" Дорана за присутствие подруги на перевязке просто замечательна! Хм... Она перестала улыбаться. А неплохо бы после ухода Дорана попросить Кэйтрию, чтобы она пригляделась ко всем местам, где он навешивает защиту: а вдруг он по рассеянности навесит туда какие-нибудь "жучки" для потайного наблюдения? С этим хитрецом надо быть осторожной.

Травник гонял девушку-эльфа и в хвост и в гриву — в общем и целом, ему точно не хотелось уходить к себе. Пока хохочущая Кэйтрия, до которой наконец дошло, в чём дело, не выставила его из номера под предлогом засыпающей от усталости Сашки. Последнее, впрочем, было абсолютной правдой. Сашка, выпив последний отвар Дорана, засыпала так, что даже голову не могла держать, сидя. Доран заглянул на кухню и, прежде чем уйти в трактир, помог Кэйтрии уложить подругу так, чтобы ей было удобно. И собственноручно подоткнул одеяло вокруг засыпающей. Ругаться с ним сил не осталось.

Проснулась Сашка лишь раз — в полной темноте, потому что луна уплыла за время сна из кухонного окошка. Она полежала немного, думая вперемишку о том, что Доран в трактире наверняка присоединился к какой-нибудь общительной компании и всю развлекается с девицами, и о том, что она не зря сегодня вспоминала о подготовке к экзаменам: в мозгах звучала только одна фраза: "Красуйся, град Петров!.." И опять Доран со своими подружками — неясными, потому что Сашка не могла представить их воочию из-за полусонного состояния. И навязшее в зубах: "Красуйся, град Петров!.." Она даже встряхнулась немного, чтобы сообразить: при чём тут пушкинский "Медный всадник"? Но ничего не придумывалось, разве что мельком вспомнились полицейские лошади. Они медленно шли по улице, уходя в туман переулков, и Сашка начала бояться, как бы с ними в этом тумане чего не случилось. Ведь там могут случиться цверги... А потом вдруг ярко: Доран стоит у окна и тоже смотрит на лошадей, удивлённый, что она в них нашла...

... Он ворвался с утра, забарабанив в дверь так, что Сашка испугалась из-за соседей, которых он может разбудить, — они-то с Кэйтрией давно встали. Но Доран, возбуждённый и активный настолько, что зубы болели при взгляде на эту его активность, объяснил-напомнил, что весь третий этаж — это студенты. Так что нечего тут разлёживаться! Все попытки объяснить, что никто не разлёживается, ни к чему не привели. Правда, смягчило его поразительно активное буйство стук узла о кухонный стол. Оказалось, вчера же вечером травник не только отнёс посуду в трактир, но и прихватил оттуда кое-что на утро. Завтрак пришлось съедать на скорости, потому что надо было ещё и перевязку сделать.

— Сначала намочить, чтобы почистить лишнее. Потом посушить и намазать, — перечислял он то, что сразу начинал делать, — потом обсыпать порошком, чтобы убрать лишнее и чтобы не измазалась сама. Потом...

— Доран, закрой рот! — жалобно попросила Сашка. — Ты гораздо быстрее всё делаешь, пока не болтаешь!

— Хочешь — цветочек подарю, Алекс? — коварно ухмыляясь, спросил травник.

Сашка онемела от неожиданности, не зная, как ответить (Кэйтрия услышала — тихонько хихикнула), а Доран спокойно закончил перевязку, безмятежно продолжив перечислять при этом личные действия. И, как Сашки ни следила, он снова стремительно оглянулся на девушку-эльфа и на мгновения прильнул губами к пальцам Сашки. Мелькнули тёмные вихры склонённой головы травника — и снова смотрит в глаза, усмехаясь: похулиганил, мол, в своё удовольствие.

— Охота тебе, — прошептала Сашка. — Пальцы такие страшные...

— Но-но, — враз посерьёзnel Доран. — Мою работу нечего ругать! Два дня — и посмотри хорошенько, какая красота!

— Спасибо, — от души поблагодарила она, осторожно шевеля пальцами и чуть вздрагивая от пронизывающих уколов боли в тех местах, что были проколоты насквозь. Но Сашка уже так привыкла к этим болезненным уколам, что сейчас даже специально напрягала ладони, чтобы почувствовать их. Первый признак, что мышцы будут работать.

— Красуйся, град Петров!.. — прошептала она фразу, ставшую личным девизом дня, хотя, почему цитата пристала, она понять не могла.

— Что?

— Ничего.

— Нет, ты сказала что-то незнакомое и непонятное, — настаивал Доран.

— Это строка из стихотворения знаменитого поэта моего мира. Застряла в мозгах, когда я спать ложилась, а сейчас опять всплыла, — пожала плечами Сашка, надеясь, что он отстанет после странного объяснения.

Но тот неожиданно посмотрел на часы номера и без предупреждения поставил Сашку на ноги. Она заворчала, но травник строго сказал:

— Ты в нашем мире недавно, но обладаешь магическими талантами, не всегда отчётливыми. Значит, ничто из того, что с тобой происходит, не является пустым. У нас пятнадцать минут, пока Кэйтрия одевается, чтобы добежать до Киардхи.

Несмотря на возмущение Кэйтрии, Сашка беспрекословно подчинилась Дорану, ощутив его легко распознаваемое беспокойство — и не только внешнее. Они и в самом деле бросились по коридору к лестнице. Им повезло. На этаже Киардхи громоздилась некая гора — живая. Она встала поперёк коридора, едва двое, запыхавшись, подлетели к двери прорицателя.

— Лорккан! Пропусти нас к Киардхе! — добегая до горы, крикнул Доран, и Сашка сообразила, что перед ними телохранитель юного прорицателя.

Гора что-то прогремела — спустя секунды Сашка восстановила этот гром в памяти и поняла его: "А, это ты, Доран! Пропускаю!" — и гостеприимно распахнула двери номера своего хозяина. Прошла ещё пара секунд — и она сообразила: телохранитель — орк, необъятными телесами помощней Гарбхана. И тут же забыла о нём, вдёрнутая за плечо в номер Киардхи.

— Киардха! — позвал Доран. — У нас минута на всё про всё! Опаздываем!

— Что-то интересное? — томно спросил эльф-прорицатель, появляясь из-за ширмы, глядя на которую, Сашка обрадовалась и решила: как только руки восстановятся, она найдёт такие и распишет для Кэйтрии. — О, Алекс!

— Да, именно что Алекс, — проворчал травник, подтаскивая её ближе к прорицателю.

— Боги! — Сашке показалось — Киардха, скользнувший удивлёнными глазами по её рукам (неудивительно: Доран держал её за плечи), побледнел так, что вот-вот свалится.

— Не падай, — нетерпеливо сказал травник. — Эй, Лорккан, иди сюда!

Из коридора что-то недовольно прогремели, и, как ни странно, после этого грома Киардха быстро пришёл в себя и замахал руками:

— Лорккан, не надо! Стой в коридоре!

Снова рокочущий рык — и треск закрытой двери.

— Не смотри на её руки, Киардха! — раздражённо сказал Доран. — Она с вечера повторяет строку из стихотворения. Нам нужно понять, что это!

— Но это... — начала было Сашка, желая указать, что повторяемая фраза — не сон.

Но Доран рыкнул на неё не слабей Лорккана, и она скромно заткнулась. И тут же мысленно хлопнула себя по затылку: ей ведь тоже интересно, что скажет прорицатель! Когда ещё вот так, быстро и бесплатно, поводят к разгадчику снов?

— Во сне тоже было? — спросил Киардха, тем не менее сообразивший, что она хотела сказать.

Она уловила его искреннюю заинтересованность, вспомнила, что ему сегодня сдавать зачёты, и кивнула.

— Если одна и та же фраза — это хорошо, — бормотал прорицатель, поворачиваясь к знакомому столику и беря тот самый стеклянный шар, который там был и в прошлый раз.

Получив шар в замотанные руки, которые снизу бережно поддержал Доран, Сашка вопросительно взглянула на Киардху. А тот положил одну ладонь на шар другую — ей на голову. И закрыл глаза. А Сашка решила поэкспериментировать и тоже зажмурилась. И будто открыла глаза в глаза Киардхи — серьёзные, не шутовские, каким он сам выглядел. Синие. Но эта синева продержалась недолго. Она будто потемнела ночным штормовым морем и стала бездонной. И Сашка начала в неё проваливаться. В панике она быстро открыла глаза... Киардха стоял бесстрастный, всё ещё держа руки на шаре и на голове "подопытной". Доран сбоку поймал её взгляд и вопросительно кивнул. Сашка поёжилась, но промолчала.

Мягко поднялись руки Киардхи. Он тоже открыл глаза.

— Слишком мало информации, чтобы сделать чёткий анализ, — деловито сказал он. — В памяти сновидения постоянно повторяется не только строка: "Красуйся, град Петров", но и некий величественный памятник. Что это?

— Это памятник тому самому Петру, — разочарованно объяснила Сашка. Обидно: она решила, что привиделось что-то нужное, а тут... Как с музыкой. Бывает такое, что прицепится с вечера музыкальная фраза — да так и останется на всю ночь, да и проснёшься с нею в зубах поутру...

— Интересно... — пробормотал Киардха. — Во сне всё твоё внимание, Алекс, было не на нечто, что я не разглядел, — на то, что лежало под ногами коня.

— И что там? — заинтересовался заинтригованный травник.

— Символическая змея, — удивлённо откликнулась Сашка и вдруг поняла. Переглянулась с улыбнувшимся Дораном — тоже сообразил.

Когда бежали назад, она спросила:

— Сильно разочарован?

— Тем, что во сне ты видела рыцаря, побеждающего символических цвергов? —

уточнил травник. — Нисколько. Мы вечером говорили о полицейских лошадях, так что, по сути, они должны были появиться в твоём сне.

"А я не только разочарована, но и обижена, — с грустью подумала Сашка. — Напридумывала всего, что во сне спасение целого королевства. А тут... Опустили — с памятником... Эх..."

— Ну, что у вас? — встретила их обеспокоенная Кэйтрия.

— У нас всё замечательно! — рявкнул Доран. — Бежим!

— Почему — мы бежим, а Киардха всё ещё в номере?! — возмутилась Сашка.

— У него своя бричка, — отозвался на бегу травник. — И мы бы напросились к нему, если б не Лорккан! А так — нам ещё эту бричку искать и звать! Потому как опаздываем! А могли бы, как обычно дойти!

Вспомнив тушу орка-телохранителя, Сашка чуть не упала, фыркнув от смеха. Доран таща за руку девушку-эльфа, подхватил Сашку за талию и так, весьма неудобно для себя, повёл их вниз, к выходу из гостиницы.

И тут, на выходе, Сашка поняла, что счастье есть!

Вспыхнула от радости Кэйтрия, подняв глаза на тихий зов: чуть слева их дожидалась бричка, закрытая от моросящего дождя, а в дверцу высовывался Эйлилл — привычный красавчик эльф, каким они его видели в университете! Это ещё что! Рядом с бричкой, как выяснилось, ещё и Гарбхан ошивался!

Именно он осторожно приподнял Сашку за подмышки и сунул её вовнутрь.

Когда все оказались на местах: Гарбхан никому не уступил места с хозяином, и довольный Доран ухмылялся дамам по обе стороны от себя.

Оказывается, Гарбхану не терпелось из уст самой потерпевшей узнать, что за приключения Сашке и Дорану пришлось испытать. Так что считанные минуты до университета Сашка коротко пересказывала основные события, в результате которых поранила руки. Травник вмешивался лишь изредка — тогда, когда, по его мнению, она забывала высказать важные детали их странного путешествия от королевской усыпальницы.

Подъехали к университету за минуты три до звонка — причём нос к носу с ещё одной бричкой, из которой выпорхнула высокая девица — в плащике с таким шикарным меховым воротником, что её кудрявая головка — головка эльфа, утопала в этой замечательно расчёсанной до пушистости шерсти. Сашка даже позавидовала, а потом — поразились: Эйлилл, вышедший из брички и предложивший Кэйтрии руку, оглянулся на шум и, забыв о — своей! — девушке, бросился к той, приехавшей. У Гарбхана глаза стали злыми и изумлёнными, пока он смотрел на орка, сопровождавшего девицу. После чего орк медленно, угрожающе раскачиваясь, пошёл к вновь прибывшим.

Только Сашка хотела разозлиться на Эйлилла, бросившего Кэитрию, только Доран слегка обалдел, глядя на "изменника", только девушка-эльф подняла брови — явно не зная, расстраиваться или подождать объяснений, как все трое услышали придушенный вопль Эйлилла:

— Во имя всех богов! Тебе что — дома не сидится?!

— Не сидится! — разъярённо и тоже придушенным шёпотом огрызалась девица-эльф. Она была какая-то странная: чуть угловатая и...

Сашка вдруг склонила голову. Елы-палы... А ведь роскошный воротничок на плаще скрывает кое-что в этой девице! Широкие плечи, например! Дефект внешности? Или это не очень хорошая маскировка?

Девушка как будто услышала её мысли — зыркнула на них троих. Чуть не исподлюбя. Мрачно кивнула Дорану — тот слегка поклонился.

Эйлилл с сожалением оглянулся на них и повёл девушку в здание. Оба орка-телохранителя, враждебно переглянувшись, — за ними.

— Это кто? — по праву спросила Сашка.

— Ещё одна студентка из нашей группы, — сказала Кэйтрия.

— Аэринн, — уточнил Доран.

— Хочешь сказать — ухаживал за ней? — поддела Сашка.

— За неё поухаживаешь, — посмеиваясь и нисколько не смущаясь, ответил Доран. — Там такая охрана!.. Пострашней, чем у бедолаги Эйлилла.

Так, переговариваясь, они вошли в университет. На первую пару успели. И тут выяснилось, что устала от домашнего затворничества не только странная Ариенн, вокруг которой основательно усадили свои зады оба орка и на которую Эйлилл, сидевший за ней, поглядывал волком. И с тоской — оборачивался на задние ряды, где сияющий от удовольствия Доран расположился между двумя девушками. Помрачневшая поначалу Кэйтрия расцвела от оглядок красавчика эльфа, и Сашка перестала беспокоиться, что она будет расстроена до конца дня. Но девушка-эльф, видимо, приняла ситуацию, что хоть Эйлилл не с ней, но жалеет об этом.

Кроме уже знакомых лиц, Сашка обнаружила ещё с десятков неизвестных ранее, и Кэйтрия с Дораном принялись знакомить её с теми, кто входил в их группу. Но вскоре началась лекция. Другие телохранители, квадратившие глаза на руки Сашки, пока она шла наверх, не пытались выманить её из аудитории, чтобы из первых рук узнать, что случилось. Но она понимала, что ей дают передышку до первой же перемены, потому что растерялись... А пока. Чем занять себя почти на час, если рисовать она пока не может? И газеты захватить не успела.

Она полезла в свою сумку за старой газетой, "недочитанной". Заодно можно повторить здешние буквы и некоторые слова, которые запомнила. Благо Доран оставил ей по три пальца свободными, она с большим трудом выцарапала из сумки все листы: Доран потом найдёт ей газету и расправит так, чтобы она могла заняться делом.

Вынулась стопка листов. А потом Сашка осторожно наклонила сумку — и из неё вылетел кошелёк, который она в последнее время использовала вместо пенала. Успела поймать его своими замотанными клешнями, а то бы загредел по деревянному полу. И замерла, глядя на потёртый пластик. А ведь в кошельке есть уголь. Для рисования. Вставленный в удобный даже для негнущихся пальцев и закрытый крышечкой патрон. Чтобы не пачкался. Попробовать начать разрабатывать пальцы? Некоторое время Сашка прислушивалась к этой мысли. Есть минус: а вдруг не получится, а она сейчас в таком состоянии, что может легко впасть в отчаяние. Но есть и плюсы — можно занять себя до конца первого часа.

— Доран, — прошептала она и пододвинула к нему кошелёк. — Открой.

— Тренироваться будешь? — подозрительно и с тревогой прошептал он в ответ.

— Ага.

Он не только открыл ей кошелёк и вынул уголь, но и расправил чистый лист так, чтобы он не загибался по краям. "Вряд ли смогу нарисовать что-то настоящее, — размышляла Сашка, глядя на чистый лист и побаиваясь прикоснуться к нему углем, патрон которого она с трудом удерживала в тугих, до сих пор припухших пальцах — в большом и среднем, чуть

что — в панике прижимая его пальцами к повязке на ладони. — Ладно, на первый раз сойдёт и графика... Красуйся, говоришь?.." Она безрадостно ухмыльнулась и провела первую линию.

К концу первого часа лекции она сумела схематически изобразить виденный где-то памятник Петру в графике. Стоило это ругательств вполголоса и отчаянной ловли угля, который всё норовил сбежать из непослушных пальцев. Взглянув на уродливое существо, мало похожее на лошадь, и на пародию на человека, восседавшего поверх этого жуткого существа, Сашка со злорадством хмыкнула и пририсовала под копытами "благородного животного" упавшего на спину цверга.

Звёзды сошлись. Сашкина ухмылка медленно сошла на нет, когда девушка поняла, что видит на рисунке. Подсознание в своих психоделических взглядах на жизнь и на её события порой творит сумасшедшие сновидения. Но иной раз оно вместе с сознанием трудится над проблемой, которую грызёт хозяин. Так Менделеев увидел во сне свою периодическую таблицу. Так Сашка поняла, что надо сделать, чтобы освободить город от цвергов, а с ними — и от чёрных шаманов.

Двадцатая глава

Магические картинки, которые так любят в этом городе. Примитивные рисунки на стенах доисторических пещер и страх цвергов перед ними. Их же боязнь перед лошадьми. Графика, которую легко выполнить. Но самое главное, что вспоминалось сейчас Сашке, — это внутренний двор корпуса худграфа, в который она однажды заглянула, когда начала подумывать о поступлении в это заведение.

Все гаражи, а также стены отдельного двухэтажного дома, примыкающего к корпусу, были плотно покрыты разноцветными граффити. И это не единственное место в родном городе Сашки, расписанное студентами и любителями порисовать на стенах. Остановки, дорожные бордюры, столбы и стены жилых домов тоже несли на себе если не картинки, то красочные росчерки, близкие к иероглифам. Эти граффити, и сложные, и простенькие, стали настолько привычными, что глаз за них и не цеплялся порой...

А если... Если упорядочить рисунок с конём, под копытами которого погибают цверги? Сделать его таким графичным, чтобы его смог бы нарисовать каждый — и нарисовать повсюду в городе? А маги вложили бы в рисунки ту силу, что дала бы цвергам возможность, заставила бы их увидеть это изображение даже в темноте? Ну... Что-то вроде магического свечения?

Локоть ей осторожно подвинули. Сашка скосилась направо. Доран вопросительно поднял брови. Она покачала головой. Сначала додумать, а потом рассказать. С интересом выглядывая из-за травника, склонилась над учебным столом и Кэйтрия. Наверное, любопытно стало, почему эти двое переглядываются. На всеобщее счастье, прозвенел звонок. И Доран немедленно спросил:

— Ну что?

Сашка пораскинула мозгами и спросила сама, ткнув пальцем в стол:

— Доран, ты довольно опытный маг. Сумеешь вот эту краску, которой покрашен стол, уничтожить своей магией?

Травник обескураженно уставился в столешницу, а потом перевёл недоумённый взгляд на Сашку.

— Зачем?

— Ну... интересно же! — чувствуя себя идиоткой, выдала Сашка.

— А смысл? — настаивал Доран.

— Мне нужно это знать!

— Сразу не смогу, — признался всё ещё удивлённый Доран. Присмотрелся снова к столу и пожал плечами: — Легче соскрести её каким-нибудь инструментом, чем вкладывать в неё силу разрушения.

А Кэйтрия, с непонимающей улыбкой, даже погладила пальчиками стол, словно уже сейчас проверяя масляную краску на прочность.

— Что у вас? — спросил запыхавшийся Эйлилл, немедленно взлетевший к ним.

Гарбхан остался рядом с девицей-эльфом, как и её личный телохранитель. Правда, Эйлиллов орк постоянно оборачивался к сидящим наверху, а потом и вовсе не выдержал, сел полубоком.

Сашка хмыкнула: оба представителя разных государственных ведомств тут! Значит, можно выкладывать идею.

— В городе просто ищут, где прячутся чёрные шаманы и цверги с ними. А если по всему городу расписать масляной краской очень примитивные рисунки, где конь убивает копытами цверга? У нас такие называются граффити. И вложить в эти рисунки магию, чтобы они светились в темноте? Цверги же боятся лошадей. А значит, решат, что на них направлена убивающая магия. Сбегут из города.

— Слишком сложно, — обдумывая высказанное, медленно сказал травник. Помолчал и договорил: — Не всякий маг умеет рисовать нормально даже простейший предмет, а художники могут хоть и согласиться на такое, но что такое их рисунок без проработки магом? Безобидный и даже ненужный. Нет, вряд ли согласятся...

— Даже ради собственного города? — тихо спросила возмущённая Кэйтрия, и Эйлилл с такой признательностью взглянул на неё, что Сашка припрятала улыбку, размышляя о том, что этот его взгляд отлично заменяет нежное: "Солнышко ты моё!"

— А художников необязательно вызывать, — сказала Сашка, продумавшая и эту сторону дела. — Это и впрямь слишком накладно — работать по двое. Здесь выручит трафарет. Ведь что нам нужно? То, что узнаётся сразу. А значит, рисунок необходимой фигуры будет настолько прост, чтобы лошадь было узнаваемой всеми, а уж тем более цвергами. Ведь главная психическая атака будет именно на них. Вы ведь сами согласились с тем, что чёрные шаманы без них ничего сделать не могут. И такой рисунок легко вырезать на плотной бумаге и раздать всем заинтересованным магам, которые любят свой город и хотят видеть его прежним, а не тем, кто предпочитает отсиживаться за крепкими дверями.

— Слишком много рисунков надо, — задумчиво сказал Доран.

— Нет, — покачала головой Сашка. — Рисунки надо будет расположить так, чтобы их видно было сразу с нескольких точек обзора. Цверги-то, небось, в чужом городе постоянно оглядываются по сторонам, прежде чем напасть на свою жертву.

— А что? — взглянул Доран на Эйлилла. — Идея-то неплоха. Попросить художников сделать эти самые трафареты, а потом...

— Потом и студенты смогут обегать город, чтобы оставить отпечатки на домах, — закончил красавчик эльф. Судя по его напряжённому лицу, ему Сашкино предложение понравилось, но он старательно искал в нём слабые стороны, чтобы увериться, что воплощение будет стоящим.

— Не получится, — пророкотал над его головой Гарбхан, появления которого никто не заметил. Его голос раздался так внезапно, что Эйлилл от неожиданности сел на скамью, с краю от Сашки.

— Почему? — быстро спросила она. Идея обрастала доводами "за" и "против" и от этого, как ни странно, становилась более конкретной.

— Вы смотрите узко, — наставительно объяснил орк. — Пока правительство не даст разрешения, ни один хозяин дома в городе не даст пачкать его всякими почеркашками.

— А если правительство даст добро — об этом сразу узнают чёрные шаманы, — обеспокоенно вспомнил Доран. — А если... втихаря?

— Ещё одно против, — подхватил хмурый Гарбхан, которому, кажется, тоже не доставляло радости находить недостатки в этой затее. — Когда оставлять эти рисунки? Ночью? Опасно. Днём — хозяева домов увидят.

— Утром, — тихонько сказала Кэйтрия. — Я ни разу не слышала, чтобы цверги нападали утром. А осенние утра тёмные.

— Значит, надо сделать так, чтобы правительство разрешило рисовать по

трафаретам, — задумчиво начал перечислять Доран, — потом заготовить огромное их количество, найти исполнителей...

— Ты забыл, что, будет знать правительство — будут знать шаманы, — напомнил Эйлилл, угрюмо опустивший голову.

Сашка только хотела поинтересоваться, а нет ли в городе какого-нибудь студенческого союза, а если нет, то нельзя ли сделать так, чтобы закрыться от шаманов каким-нибудь магическим образом и только тогда передать правительству идею для разрешения и воплощения... Перед столом неожиданно выросла ещё одна фигура. Не успела Сашка даже понять, кто это, как девица-эльф бесцеремонно выдрала из-под её руки лист с угольным наброском.

— Фу-у, ну и каракули! — сморщив нос, заявила Аэринн, двумя пальчиками брезгливо держа лист — успела испачкаться, пока забирала.

— Отдай! — забывшись, потребовала Сашка.

Лист медленно спланировал на пол, а девица-эльф, с внезапно обострённым от злобы лицом, прошипела:

— Ко мне?! На "ты"?!

И резко размахнулась — не успел никто среагировать.

Эйлилл с одной стороны — Доран с другой, и никуда не отпрянуть.

Сашка среагировала, но так поздно, что вынуждена была закрыться только блоком из скрещённых рук. Возможно, Аэринн хотела всего лишь вклеить пощёчину зарвавшемуся телохранителю. Но сила её удара, да ещё пришедшаяся на руки, ближе к кистям, оказалась такова, что страшная боль, прострелившая всё тело Сашки, заставила её коротко вскрикнуть. Руки вспыхнули горячим, будто тысячи цвергов одновременно проткнули её своими острыми копышками. Сашка отшатнулась к спинке скамьи. Перед глазами закачались чёрные тени. Сквозь них она, ничего не соображая, частично видела, как Доран с мгновенной опорой на скамью и стол вылетел с места. Вокруг что-то зашумело, сильно задвигалось, завертелось суматохой; кто-то рядом умоляюще звал знакомым голосом: "Руэйдри! Руэйдри!" А Сашка сидела, качалась в своём чёрном забытье, прижимая горящие руки к груди, и плакала от боли, пока к ней кто-то не сел близко-близко и не обнял её кисти, мягко оглаживая их и словно заговаривая боль...

Вскоре Сашка почувствовала, что боль будто выплывает из её рук и сумела открыть глаза. И дёрнулась, оглянувшись и узнав сидящего с нею чуть ли не в обнимку.

Итак, рядом сидел тощий чёрный тип из группы Кэйтрии и мягко массировал её кисти, причём обняв Сашку так, чтобы она головой легла ему на плечо. Первая мысль: почему Доран не протестует? Вторая: кажется, именно этот тип ещё в прошлый раз предложил помощь, когда узнал, что на неё напали цверги? Третья мысль заставила полностью прийти в себя: что здесь происходит?

— Алекс, ты пришла в себя? — жалобно спросила Кэйтрия, заглядывая ей в лицо.

— Пришла, — буркнула она и покосилась на чёрного типа.

Тот привычно округлил на неё глаза и улыбнулся.

— Я уже знаю, — прошептал он, и от его шёпота Сашку обдало холодком.

— Алекс, нам придётся пойти в кабинет ректора, — всё так же жалобно объявила Кэйтрия. — Там уже все. Только нас ждут.

"А без нас вечеринке не быть! — бледно ухмыльнулась про себя Сашка. И попеняла себе: — Нашла, где идею раскрывать... Интересно, что тут у них? И где Доран и Эйлилл? —

А когда оглядела, в душе поселился уже не холодок, а холод. Ни Гарбхана, ни девицы-эльфа со своим телохранителем. — Неужели все те, о ком говорит Кэйтрия, сидят там, у ректора? Ну я шороху и навела... Только бы подружку из-за меня не выгнали..." Она закричала, стараясь выпрямиться из объятий чёрного типа, но тот плотно прижал её к себе, а Кэйтрия тоненьким голосом сказала:

— Руэйдри отнесёт тебя к ректору.

Так Сашка узнала, как зовут чёрного типа, но хмыкнула и спросила:

— А почему мне своими ногами не пойти?

Руэйдри улыбнулся странной улыбкой — медленной и чем-то завораживающей, а девушка-эльф вздохнула и сказала:

— Тебя очень сильно ударили по рукам. Даже кровь течёт... Пока ты касаешься рук Руэйдри или его самого, боли чувствовать не будешь. А если пойдёшь без него...

— Выдержу, — упрямо буркнула Сашка.

— А-алекс, — вкрадчиво сказал Руэйдри и снова округлил на неё глаза, что вышло жутковато, потому что смотрели они друг на друга нос к носу. — Сейчас в кабинете ректора такая ситуация, что лучше не отвлекаться на такую боль, как у тебя.

Он гибким движением поднялся, не отпуская Сашки. Тощий — тощий, а силён!.. Опомнилась она, вознёсшись на его руки. Причём чувствовала себя так, словно полулежала в кресле. А потом сжалась, вспомнив, что всё происходит на глазах у студентов и их телохранителей. И где преподаватель, который должен читать второй час лекции? Неужели тоже побежал жаловаться ректору?! Сашка опустила глаза на свои руки, уложенные на животе. Ох, стыдоба-то... Во вляпались... И что произошло во временном промежутке между ударом той девицы и той секундой, когда прошло забытьё?

Между тем Руэйдри вынес Сашку, скорчившуюся в его руках, в проход между столами и стал спускаться. Насколько видела за его спиной Сашка, Кэйтрия, прихватив обе сумки, спешила за ним. Вспомнив ректора, который обещал ей создать комиссию, чтобы принять личный экзамен, Сашка закрыла глаза. "Сожрёт — и не подавится. Эльфийка-то, небось, голубых кровей. Что перед ней я — хулиганье из Нижнего квартала?"

Когда слева раздался странный рык, она вздрогнула и подняла глаза. Веркрыс, телохранитель рыженького мальчика-ренара, сложил маленький суховатый кулачок и потряс им. Черноволосый телохранитель Хебер, стоявший рядом с ним, кивнул, переводя:

— Если выгонят — найдём тебе работу!

— Спасибо, — изумилась Сашка, и на душе сразу стало легче. Не оттого, что телохранители оказались на её стороне. А оттого, что не злятся, что приняли её скрытность, неожиданно узнав, кто она. Здорово!..

Остальные студенты проводили её (она всё скашивалась на них, проверяя настроение) обалдевшими глазами. Но, уже зная, что Руэйдри на её стороне, Сашка успокоилась и не пыталась слишком много размышлять, как всё сложится дальше. Тем более сейчас весьма обострённо чувствовала со всех сторон направленное на себя удивление, но удивление доброжелательное. Магический дар эмпата проснулся, как всегда, неожиданно... Так что, пока её выносили из аудитории, она начала размышлять о том, что ждёт её в кабинете ректора. Первым делом подумалось: если выгонят, надо сразу взять у Кэйтрии лишнюю тетрадь для записей лекции — Сашка видела, что она её закончила на первом часу. Тяжёлая. И отнести в гостиницу. Туда же девушку-эльфа приведёт Доран. Стоп!.. Память подкинула прыжок травника из-за учебного стола к высокомерной драчливой девице-эльфу, и Сашке

стало страшно за Дорана. Он не ударил ли её?! Ох ты... А выгонят и его? Или шпионы тайной службы выгонять из университета не будут? А если положение девицы-эльфа настолько высокое, что...

Сашка насупилась и пообещала себе не строить никаких планов, пока не увидит воочию, что происходит у ректора.

Когда они оказались на втором этаже, спустившись с третьего, Кэйтрия забежала вперёд и открыла дверь Руэйдри. Тот спокойно вошёл в просторный кабинет, где на стульях у стенок сидели все виновники происшествия. А за солидным столом восседал сам бесстрастно спокойный Каа. Впрочем, его спокойствие оказалось недолгим, едва он увидел одноклассника Кэйтрии.

— Руэйдри?

Сашка похлопала глазами на него и украдкой снова на чёрного типа. Опа... Они, типа, не родственники ли? То есть... Ну, одного вида?

— Да, дядя! — отозвался тот (Сашка чуть рот не открыла) и спокойно протопал к стене напротив, где тоже были свободные стулья. Осторожно, чтобы не причинить беспокойства своей ноше, присел, усадив Сашку к себе на колени. Кэйтрия застенчиво опустилась рядом. — Девочка посидит у меня, пока боль не пройдет.

— Что случилось?

От тяжёлого голоса, который после лёгких ноток удивления приобрёл предупреждающие интонации: "И кого из присутствующих здесь мне выпороть?", Сашка осмелела и взглянула на тех, кто сидел напротив.

Доран, бедняга, сидел между двумя орками, которые держали его за руки, точно боялись, что он вот-вот бросится на кого угодно. Вид у травника плачевный. Лицо разбито до такой степени, что мышка-татушка сидит у него на макушке, горестно блестя бисеринками глаз. Хотя, как о бедняге, о Доране говорить рано. Как только Сашка оказалась в зоне его видимости, он победно ухмыльнулся. Вспухшая губа с готовностью лопнула, и по подбородку травника поползла чёрная ниточка крови. Могла бы — Сашка погрозила бы ему кулаком... Слева от Гарбхана сидела девица-эльф — с расплывающимся синяком под глазом. Злая, как сто чертей. То и дело она, пошмыгивая, дотрагивалась до толстеющего на глазах носа. Когда Руэйдри сказал: "Девочка!", Аэринн хмуро скосилась на неё, но и всё... Эйлилл сидел от неё через стул. Мрачный.

Интересная расстановка сил. И что дальше?

Председательствовал, естественно, Каа.

— Итак, мне было хотелось знать от незаинтересованных свидетелей, что именно произошло... во вверенном мне заведении, — лениво протянул он, и все вздрогнули, поёжившись.

— Боюсь, это я виновата, — сипло сказала Сашка, ёжась, чтобы скрыть свои замотанные руки, которые уже чувствительно влажнели. Она решила так: скажет всё, что надо, и пусть выгоняют побыстрее. Хоть перевязку сделает. А то кровь засохнет — потом отирать тряпки... жуть... И добавила: — Я обратилась к леди Аэринн на "ты". Простите, леди Аэринн. Я так больше не буду. — "Только Кэйтрию не выгоняй!" — взмолилась Сашка мысленно, чуя за спиной Аэринн немалую власть.

— Дальше, — чуть не промурлыкал ректор, впиваясь глазами в лицо Сашки.

Она замолчала намертво, страшась: всё, что ни скажет, отразится на будущей судьбе Кэйтрии.

— А дальше леди Аэринн, разозлившись, словно невоспитанная девчонка из Нижнего квартала, ударила телохранителя леди Кэйтрии, — скучным голосом, точно читая надоевшую лекцию, проговорил Руэйдри. — Алекс закрылась руками. Леди Аэринн ударила по ним. А руки Алекс изранены цвергами и до сих пор не зажили.

Деввица-эльф вскинулась. Ага, ещё не знала об этом.

— Студент Доран бросился защищать телохранителя, и от телохранителей леди Аэринн ему попало тоже, — закончил чёрный тип и намертво замолчал.

Молчали и все присутствующие. Сашка с удивлением чуяла, как по кабинету веют совершенно необычные волны, в которых она не совсем разобралась, но кое-что выделила для себя: от Аэринн к ней плыли растерянность и самокритичные ругательства, от ректора — людоедская доброжелательность истинного Каа, а остальные пребывали в таком смятении, что Сашке было трудно выделить что-то одно. Впрочем... Отчаяние от Эйлиллы, который не смеет поднять глаза на Кэйтрию. Обида девушки-эльфа: "Как ты мог?!" Да, они отчётливы. Мягкое и ласковое от Дорана... Попытка определить, что именно, оставила её в неуверенности: он, сам весь побитый, пробует её утешить?

Неожиданно деввица-эльф встала во весь свой не маленький рост и, обращаясь к ректору, хмуро спросила:

— Если я приму извинения телохранителя леди Кэйтрии, можно ли будет всё оставить, как есть... как было?

— Леди Аэринн, — вкрадчиво сказал Каа, — вы ведь помните, при каком условии мы приняли вас в университет?

— Помню, — ещё больше расстроилась та.

— Идите, леди Аэринн, и в дальнейшем держите себя в руках. Сейчас на лекцию не ходить. Звонок уже был. Вы будете мешать учебному процессу. И, кстати, в следующий раз, пожалуйста, леди Аэринн, будьте добры определиться, ходить ли вам вообще на занятия, или оставаться на домашнем обучении. Мне не нравится разброд в моём учебном заведении.

— Я буду держать себя в руках, мастер Тайернан, — коротко поклонилась Аэринн.

Враждебности от уходящей деввицы-эльфа Сашка не почувствовала. Скорее, как ни странно, раскаяние. За ней поплелись оба орка и — очень нехотя — Эйлилл.

— Ну а вы? — обратился ректор к оставшимся.

— Боюсь, мастер Тайернан, я не в состоянии сидеть на лекции некоторое время, — вежливо отозвался Доран, освобождёнными руками, наконец, с облегчением оттирая кровь с подбородка.

— На что только ни пойдёт студент, лишь бы прогуливать занятия, — недовольно сказал ректор и велел: — Подойди!

Сашка, ничего не понимая, смотрела, как побледневший Доран осторожно встаёт с места и идёт к столу ректора. Чего он так испугался? Не будет же ректор собственноручно лупить нерадивого, как он считает, студента!.. Почему Кэйтрия сжала руки на груди, будто из всех сил переживает за травника?

А ректор, в свою очередь, встал из-за стола и пошёл навстречу Дорану. Двое остановились напротив друг друга. Травник стоял, будто не решался что-то сделать, а ректор доброжелательно смотрел на него, словно дожидаясь от него первого шага. Наконец Доран решился и протянул руку мастеру Тайернану. А тот ему эту руку пожал — так показалось Сашке. Только почему от его пожатия Доран не хило так пошатнулся?! Еле на ногах удержался! Слишком сильное рукопожатие?

— Я так ещё не умею, — восхищённо прошептал Руэйдри в ухо Сашке.

— Для меня это большая честь, мастер Тайернан, — сказал Доран и слегка поклонился. — Примите мою горячую благодарность!

Студент и Каа одновременно опустили руки, и Доран легко повернулся к Сашке — уже не такой бледный, как только что сидел. Ректор что — поделился своей силой с ним?

Пока удивлённая Сашка пыталась разгадать, что произошло между мужчинами, Каа не спеша тоже двинулся к ней. Доран даже почтительно уступил ему дорогу. И, сидя на коленях Руэйдри, Сашка, умирая от любопытства, стремительно протянула руку Каа. Тот хмыкнул её поспешности и сжал пальцы. И в течение часа Сашка во второй раз потеряла сознание.

... Новое пробуждение было гораздо легче. Она пришла в себя, лёжа на чём-то мягком, но не на коленях Руэйдри. Её даже укрыли покрывалом. Повернув голову, обнаружила, что лежит в кресле, а оно находится всё в том же кабинете ректора. Почти в пустом. Почти — это в соседнем кресле, поджав ноги, лежала Кэйтрия и, кажется, спала. Время от времени девушка-эльф негромко вздыхала во сне — видимо, снилось что-то не очень хорошее... Вцепившись в ручку кресла и откинув покрывало, Сашка осторожно села, спустив ноги. И прислушалась к себе. Хм. Ничего не болит. Каа помог ей, как до этого помог Дорану? Но Доран знал, что произойдёт, поэтом побаивался, а она... В общем-то, хорошо, что не знала. Ни за что не подала бы руку старому дракону, как его однажды назвали в аудитории, когда он пришёл объявлять о сокращённом учебном дне.

Кстати, о руках. Сашка открыла рот, глядя на свои кисти. Бледная кожа с остатками белых ниточек — заживших рубцов. Она поначалу осторожно, а потом посмелей пожимала-поразгибала пальцы и убедилась, что руки вполне себе в рабочем состоянии. Кажется. Попробовать бы ещё... Она снова сжала кулак и врезала по подушке кресла. Звук получился суховато отчётливый, как удар по боксёрской груше.

— Алекс? — тоненьким голоском позвала Кэйтрия и тоже села, протирая глаза. — Меня оставили сторожить тебя. Через десять минут закончится вторая лекция, и нам надо бежать на лабораторный практикум.

— А мне... разрешили?.. — Сашка не договорила, с тревогой уставившись на подругу.

— Разрешили! — кивнула та. — Нам повезло, что Руэйдри всё видел. Аэринн иногда может быть невыносимой. Она капризная и часто устраивает скандалы. Прости, я забыла предупредить тебя.

— А Доран?

— Он успел на лекцию.

Сашка выдохнула и попробовала встать на ноги. Устоять получилось. Она сделала несколько шагов по кабинету, время от времени подходя к полкам стеллажей, на которых плотно стояли книжищи. Она с некоторой завистью провела пальцем по корешкам. Неужели ректор всё это прочитал? А потом обернулась к подруге.

— А кабинет как? Оставим открытым?

— Конечно! — удивилась Кэйтрия. — В здравом уме никто не зайдёт в кабинет ректора, пока его здесь нет. Это нам разрешили. Временно. Но назад ты уже вернуться не сможешь. Даже не пробуй.

Сашка забрала свою сумку со стульев и обернулась к Кэйтрии.

— А что? Молнией шархнет?

— Никто не говорит, что происходит, — усмехнулась девушка-эльф и заторопилась к двери. — Побейте. Опоздаем. Нам ещё на третий этаж бежать.

— Кэйтрия, а как мне теперь... — Сашка вздохнула, не зная, как выразить собственное состояние, когда все теперь знают, что телохранитель, дерзкий пацан, оказался не менее дерзкой девчонкой.

— Как всегда, — улыбнулась Кэйтрия. И засмеялась. — Никогда бы не подумала, что однажды ты спросишь у меня совета. Всегда решала ты сама.

— Всё течёт, всё меняется, — проворчала Сашка, выходя следом и с любопытством наблюдая, как медленно закрывается солидная дверь в кабинет ректора. Про себя решила, что будет сидеть тихо-тихо — как Дорановская мышь-татушка. Но сейчас... Шаг от кабинета и остановилась, обернувшись. — Кэйтрия, а правда... Что будет, если я дверь снова открою?

Девушка-эльф схватила её за запястье и оттащила от кабинета, приговаривая:

— Как хорошо, что у нас времени мало на твои опыты!

У кабинета для практикума они оказались первыми. Затем появились две девушки-эльфы, которые глазели на Сашку с откровенным любопытством. Их телохранителям — поняла она — тоже было очень интересно, но они вежливо скрывали свои чувства под маской профессиональной сосредоточенности.

Как только подроспевшая преподаватель открыла дверь кабинета, Кэйтрия с Сашкой первыми пропустили девиц-эльфов и юркнули за ними, устроившись за столом, где сидели на прошлой неделе. Затем появился рыженький мальчик-ренар со своим телохранителем-веркрысом. За ним мягко ввинтился в кабинет Руэйдри и доброжелательно округлил глаза на Сашку, которая невольно кивнула ему... Тип-мурлыка вошёл чуть не пританцовывая и не обращая внимания ни на кого: судя по всему, он забыл, что у них должна быть лабораторная, из-за чего начал поспешно рыться в своей котомке, одновременно шёпотом осведомляясь о чём-то у Руэйдри... Поджавшая губы Аэринн вступила в кабинет разобиженной королевой и тут же обрыскала его сощуренными глазами, чтобы наткнуться на чуть пригнувшуюся Сашку и сверлить её уже суженными глазами всё то время, пока шла к своему столу. Кэйтрия на неё внимания не обращала, озабоченная поиском заранее припасённых для практикума ингредиентов. Доран привычно влетел в кабинет, чуть не врезавшись в Гарбхана, но успев притормозить в шаге от его мощной спины. И сразу пошёл к столу Кэйтрии. Эйлилл уныло проплёлся к столу Аэринн, виновато поглядывая на Кэйтрию. Когда вся группа с телохранителями оказалась в кабинете, Хебер подошёл к Сашке и вполголоса спросил:

— Покажешь сегодня — или не в состоянии?

— В состоянии, — твёрдо сказала она. Перекинулась с Дораном и Кэитрией и, попросив их не забыть, если что, её сумку, пошла на выход. Оглянулась у двери и с силой зажала смехок, увидев ошеломлённые глаза Аэринн, когда та обнаружила: следом за Сашкой выходят все остальные телохранители — в том числе и Гарбхан. Второй телохранитель, который пришёл сегодня с девицей-эльфом, с завистью смотрел вслед коллеге (тот, видимо, объяснил, куда все направляются), а потом обернулся к подопечной, и в кабинете раздался чуть ли не умоляющий рык.

— Иди! — сама зарычала в ответ девица-эльф.

И Сашка спокойно переступила порог, жалея только Эйлилла, которому сидеть с этой своенравной девицей. Кстати, что за отношения у них? И что особенно Сашке понравилось: ректор не сподобился залечить Аэринн синяк под глазом! Его лечили, наверное, сами телохранители, или девица-эльф исцелила сама себя, потому что тёмный след на лице пока ещё довольно ярко цвёл, хотя по краям успел пожелтеть. Неплохо врезал ей Доран! "А вот интересно, — подумала вдруг Сашка, — почему Эйлилл, который профессионально

занимается иллюзией, не помог ей замаскировать синяк? Не захотел?" Но вскоре она бросила думать о девице-эльфе, благо что ректор косвенно заверил: Аэринн больше приставать к ней не будет.

Больше всего Сашку, поднимающуюся следом за телохранителями на крышу университета, сейчас волновал другой вопрос: как воплотить в жизнь задумку с трафаретами? Пока на ум приходило только одно: можно обезопасить в первую очередь университет! Расписать его стены, столбы его оград символическими конями, убивающими цвергов! И тогда... Тогда можно будет защитить хотя бы своих!

Кстати, о птичках. А если поговорить об этом с ректором? Мужик он, кажется, умный!

Двадцать первая глава

Очень хотелось, чтобы рядом прямо сейчас был Доран. Спросить бы у него обо всём! Вывалить на него кучу вопросов! Например, что происходит с её телом, если оно буквально горит, будто перевитое горячей проволокой, втиснутой в кожу? Или это последствия рукопожатия с Каа? Ну, и ещё тысяча вопросов.

Пока поднимались, из всего телохранительского "корпуса" ближе всех к ней шёл Хебер, так что Сашка решилась осторожно спросить:

— Хебер, ты видел, кто ударил леди Аэринн?

— Мастер Эйлилл, — тут же ответил телохранитель. — Он сначала растерялся, а когда орки сбили с ног мастера Дорана, вскочил и ударил леди. — Он помолчал, едва сдерживая усмешку, а потом объявил: — Мы были весьма впечатлены этим.

— Неожиданно, — пробормотала Сашка, так как телохранитель явно ожидал и от неё оценки происшествия. Вот как! Значит, синяк девице-эльфу поставил не Доран, как она боялась! Уже счастье... И одна загадка: почему Эйлилл не помог девице-эльфу спрятать под иллюзией поставленный синяк — теперь была разгадана. Он не хотел этого делать и не сделал. Странное положение для красавчика эльфа. Он вроде бы и зависим от этой буйной девицы, но порой своеволен. Ишь — ударил её!

Но зато Сашка выдохнула, больше не беспокоясь о судьбе Дорана. Не он стукнул эту девицу! С ним самим ничего не будет!

Ещё одна лестница. Долго думала, как теперь относиться к оркам. Избили же травника! Может, самой их на тренировке побить? Мстя такая? Но вторая лестница привела в чувство, как ни горело внутри желание отомстить за Дорана: они били по должности. Им-то деваться некуда. Волей-неволей вступились за подопечную, да ещё за эльфа! А ещё простила, как ни странно, за то, что оба стремились на тренировку. Уже из профессионализма.

Ещё один пролёт, и теперь вполголоса спросил Хебер:

— Алекс, ты изображала мальчишку — нигде не могла найти работу?

Вот что значили подбадривающие слова веркрыса! На перемене, после того как закончилась буча, в результате которой выяснилось, что телохранитель леди Кэйтрии — девушка, остальные телохранители, конечно же, удивлённые, переговорили между собой и пришли к естественному для них выводу!

— Я здесь чужая, — не отрицая, напомнила Сашка. — А в чужом городе найти сразу работу трудно. Мне повезло, что я оказалась рядом с леди Кэйтрией в нужный момент. Поэтому мы с ней и решили, что лучше никто не будет знать, что я не мужчина.

Шедший с другой стороны веркрыс что-то прорычал.

— Он спрашивает, куда тебя носил мастер Руэйдри, — перевёл Хебер. — Не к ректору ли университета, судя по твоим рукам?

— К нему. — Она прошла несколько шагов, прежде чем догадалась спросить сама: — Хебер, ты сказал — не к ректору ли. Но я-то не понимаю. Ректор мне пожал руку, после чего мне стало плохо. А когда пришла в себя...

— Раны зажили, — закончил тот. И улыбнулся. — Да, ты везучая, что тебя исцелил сам ректор. Мастер Тайернан — из рода драконов. Его магическая сила такова, что пожать ему руку — получить мощную порцию драконьей исцеляющей силы. Не все выживают.

— Да уж... — проворчала Сашка, вспоминая, как грохнулась в обморок, едва пальцы

ректора сжали ей ладонь.

— Но ты недолго пробыла в отключке, — снова с осторожностью начал Хебер. — Даже мы, телохранители, знаем, что так недолго бывает с существами, которые имеют склонность к магии.

— Мастер Доран сказал, — тоже осторожно ответила она, — что такая склонность у меня имеется. Правда, пока неизвестно, насколько она хороша. Я пару раз видела кое-что магическое, но не скажу, что силы у меня... ну, достаточные.

— Не отказывайся, если тебе предложат учёбу в университете! — категорически сказал Хебер. — Таким, как мы, редко выпадает удача получить магическое образование. А тебе, если ты уже получила расположение ректора, тем более надо учиться здесь. Дешевле будет — и сможешь заплатить за учёбу другой работой. Алекс, а ты... расскажешь, что случилось с тобой? Почему у тебя были перевязаны руки? Почему удар леди Аэринн был для тебя столь болезненным?

Так, вместо того чтобы начать тренировку на крыше, Сашке пришлось рассказывать, почему удар девицы-эльфа стал для неё неожиданно убийственным. Добравшись до крыши, они все сели под одним из портиков, там, где дождь не доставал. Сашка наотрез отказалась садиться в центр, а устроилась в кружке собравшихся, среди которых обнаружила пару новых лиц — сообразила, что эти телохранители не из "их группы", а с курса. Небось, заинтересовались и пошли за теми, кто так уверенно поднимался на крышу следом за внешне невзрачным телохранителем-девчонкой.

В своей истории она опустила королевскую усыпальницу — сказала, что не поняла, где оказалась. Опустила и то, кем оказался Доран. Зная, что к магии здесь привычны, слушавила — сказала, что они с травником задели некий артефакт в возможном склепе, и появившийся призрак помог им сбежать от цвергов.

— А почему они тебя били по пальцам? — задумчиво спросил Хебер, и у остальных глаза заблестели любопытством.

— Я умею неплохо рисовать, — неохотно ответила Сашка. — Помните моё первое столкновение с цвергами? Я зарисовала и их, и шаманов.

— И что? — не понял Хебер.

— Студенты, мастер Доран и леди Кэйтрия, объяснили мне, что шаманы постоянно прослушивают пространство города, когда проводят свои магические ритуалы. Думаю, меня поймали, чтобы наказать за рисунки. И... наказали. Так что мой случай — это предупреждение и вам всем: не ходить поодиночке.

Объяснение, насколько уловила Сашка, поняли все.

Молчание, пока переваривали сказанное Сашкой, длилось недолго.

— Пора за тренировку, — первой встала она из круга. — Время-то идёт. В прошлый раз мы договаривались, что сегодня я покажу несколько приёмов, а вы сами скажете, какой вам нужно выучить. Кто будет моим партнёром сегодня?

Когда телохранители с виноватыми усмешками переглянулись, Сашка заметила, что орк — телохранитель девицы-эльфа — удивлённо взглянул на всех: мол, чего это вы забоялись этой хилой девчонки? Но оказался умным и промолчал: решил выждать — наверное, посмотреть, как она будет показывать приёмы. Пока все ждали смельчака, Сашка отошла в сторону и попробовала стукнуть кулаком в один из столбов. Сначала осторожно, затаив дыхание. Потом — смелей. После третьего раза чуть не разревелась от счастья: руки действовали! Правда, нюанс всё же был. Такое впечатление, что кулаки онемели и

чувствительность возвращается слишком медленно. Если Каа и впрямь поделился силой, наверное, эта сила продолжает работать, восстанавливая раны и порезы? Не забыть бы спросить об этом у Дорана.

— Придётся мне с тобой в паре, — вздохнул Хебер.

— Не бойсь, — спокойно сказала Сашка. — Я только покажу на тебе, а бить не буду. Мне просто нужно, чтобы они видели, в ответ на какие угрозы я буду применять приёмы. Итак, сделай вид, что пытаешься ударить мне в живот.

Три дня без тренировок. Сашка чувствовала себя неуклюжей и ещё радовалась, что остальные этого не замечают. Особенно отсутствие тренировок чувствовалось, когда приходилось поднимать ногу на уровень плеча Хебера. От растяжки постепенно оставались печальные воспоминания. Так что, когда Сашка отдельно показала приёмы, которые телохранители решили взять на вооружение, она сама отошла в сторону и принялась за упражнения именно на растяжки. И на первом же упражнении радостно ахнула про себя: нога, которая ещё со времён своего мира побаливала в голени, сейчас не откликалась! Она испробовала все приёмы, при которых та болела, и убедилась, что полностью выздоровела! Ну и ректор... Красота!

— Алекс, — кивнул ей Хебер и замялся. — Тут один парень из другой группы. Ну, он хочет... Ну, он думает, что ты...

— Ясно, — после небольшой паузы успокоила его Сашка, и в команде своего мира привычная к проверкам на вшивость от новичков. — Не скажу, что непобедима, но будет любопытно помериться силёнками. Где он? — "И очень надеюсь, что это не орк Аэринн!"

"Парень из другой группы" оказался невысоким белобрысым крепышом. Он, улыбаясь, встал перед Сашкой, и она снова с тоской вспомнила, что уже три дня не тренировалась. Ладно, хоть сейчас размялась. Да и настороже.

Сначала она хотела отказаться от боя — в той самой паузе, после согласия. Слишком хорошо понимала собственное эмоциональное состояние: доведись ставить привычный блок, она может растеряться, вспомнив удар Аэринн чуть не два часа назад. Но Хебер смотрел на неё глазами: "Подтверди моё восхищение тобой! Не выстави меня лжецом перед чужой группой!" И "свои" поглядывали на неё с почтительным, заранее предвкушаемым восторгом, который прочитать несложно: "Дай нам посмотреть красивый бой!"

В общем, взяли на слабо.

Кружили они, изучая каждый своего противника, друг против друга до тех пор, пока парню не надоело. Резко шагнув к Сашке, он стремительно ударил кулаком, метя в лицо. А та с перепугу (вспомнила-таки блок руками и боль, которой он закончился) подставила под удар локоть и тут же врезала ребром ладони под подбородок. Успел отпрянуть — и Сашка, с большим облегчением резко встав боком, ударила его ногой в плечо, посылая между двумя колоннами портика, где его подхватили зрители, не дав упасть головой на каменный пол. А Сашка, вспотевшая от пережитого страха: таким явным было впечатление, что снова ударят по искалеченным рукам! — встала на месте, машинально вытирая капли со скул и под носом.

— Что случилось? — подбежал Хебер.

Она показала ему руки и слабо усмехнулась.

— Я ещё не привыкла, что они здоровые.

Его глаза вспыхнули тревогой, но сказать он ничего не успел. Белобрысый поднялся (не без помощи коллег) и нетерпеливо чуть не помчался к ней. Хебер отошёл к своим и тут же

быстро и негромко что-то сказал веркрысу. Наверное — слова Сашки. Группа, слышавшая его, тут же подтянулась к Хеберу и принялась тихонько его в чём-то убеждать. Сашка примерно представляла — в чём.

Поздно. Белобрысый решил взять силой. Он кинулся на Сашку — раскрытый. Она даже мысленно успела пожать плечами — сам напросился! Ногой она даже не била. Просто просекла ритмику его бега — и в тот момент, когда он готовился сделать пару шагов и ударить её, она отодвинулась в сторону и по инерции его бега схватила за руку. За спину и толчком — коленом в зад — послала его дальше. Правда, пролететь он пролетел недолго. Споткнулся и шлёпнулся — мордой в пол. Даже орки заржали.

А когда на крыше воцарилась тишина, а обозлённый белобрысый, вытирая кровь с разбитого носа, сел, собираясь встать — полным решимости снова напасть на девчонку, все резко обернулись к двери с крыши — на довольно отчётливый стук.

Доран снова спокойно открыл дверь и снова грохнул ею, обращая внимание на себя. Затем деловито подошёл к белобрысому и пальцами взялся за его подбородок.

— Заживёт быстро, но мазью, снимающей опухлость кожи, лучше воспользоваться прямо сейчас. — Затем взглянул на притихших телохранителей. — Практикум, вообще-то, закончился. Студенты ждут своих телохранителей.

С воплями и причитаниями всполошённая толпа, забывшая о времени, бросилась к двери.

Поскольку Доран отошёл от двери, Сашка торопиться с выходом не стала. Принялась за щадящий вариант разминки. А то когда ещё?..

Когда топот и тревожный говор замолкли, дверь будто сама по себе захлопнулась, но не с тем треском, с которым Доран привлекал к себе внимание. И травник не спеша пошёл к Сашке. Он не успел пройти и пяти-шести шагов, как она бросила разминку. От Дорана веяло чем-то странным. Очень сильной и пока трудно понимаемой эмоцией. И чем ближе он подходил, тем больше она осознавала, что эта его эмоция очень сложная, потому что в ней переплетено столько других, помельче. Неопасных. Это Сашка сообразила в первую очередь, но...

— Зачем я отпустил тебя с ними? — задумчиво спросил Доран, стоя перед ней и разглядывая её так, словно уже на её лице собирался найти ответ на свой вопрос.

Сашка хотела насмешливо ответить: "А попробовал бы не пустить — кому б попало?" Но травник выглядел необычно отрешённым. Он будто что-то забыл, а теперь пытался вспомнить — что именно. И не отрывал взгляда от Сашки, всматриваясь в её глаза так, словно надеялся найти потерянное именно в её глазах. И его отстранённость мягко обволакивала Сашку, грея её.

И поэтому она промолчала, даже когда он осторожно, словно боясь своим дыханием спугнуть, опустил ладонь на её плечо и склонился к ней сам. Более того... Его короткое тёплое дыхание на её щеке — и Сашка потянулась к нему: шагнула ближе, чтобы не было этого странного расстояния — шага между ними. И, сама чего-то опасаясь, неуверенно подняла руки обнять его. Её движение дало разрешение, и Доран нежно прикоснулся к её губам и замер. Сглотнул, будто не решаясь всё же... Она медленно запрокинула голову, выжидательно глядя в его сияющие глаза. Смутно, стороной прошла мысль: "А вдруг кто-нибудь заглянет..." И растаяла в сметающих все мысли впечатлениях, когда Доран голодно прильнул к её рту, со стоном впиваясь в него жадными губами, сменяя инстинктивно ищущие его губы Сашки. Под его напором она невольно отступала, но вскоре отступать

оказалось некуда: он притиснул её к колонне портика. Но ему было неудобно всласть целовать её. Это она так придумала — она, которой тоже было неудобно, а насытиться его губами, его сводящими с ума губами ей тоже хотелось.

И тогда она, руководимая теми же инстинктами, сцепила руки за его шей и подпрыгнула. Не отрываясь от неё, чувствуя её явно так же, как чувствовала она, Доран подхватил её в этом толчке от крыши и помог сесть на себя, такого жёсткого и одновременно удобного для сидения. Теперь они были наравне, и он дорвался до неё, не только целуя, но и нежно оглаживая дрожащими ладонями её лицо, ероша её короткие волосы, с наслаждением пропуская их сквозь пальцы и сводя с ума этой чувственной лаской Сашку, которая только плакала от наслаждения и лихорадочно прижимала его голову к себе, к своим губам, будто боялась, что, отпрянь на ненужные мгновения ненужной передышки в этом безумии, будто, отпусти его мягкий и тёплый затылок, убери ладони — и он немедленно уйдёт. А он сцеловывал её слёзы с кожи, и от каждого поцелуя она вздрагивала, словно он дотрагивался до обнажённых нервов, и снова льнула к нему, впервые ощущая себя слабой — той слабой женщиной, в которую никогда не верила, но которую так сладостно прочувствовала в себе.

... Опустошённые долгим сумасшедшим поцелуем, они молча сидели на пустой же крыше, по которой бродил солнечный свет, иногда скрывааемый облачными тенями, пробегающими среди колонн портиков. Доран, опираясь спиной на подножия столба, сидел в "лотосе", а на его ногах полулежала Сашка, прислонившись головой к его плечу. Как в кресле. Они молчали с того мгновения, как медленно опустили руки и снова заглянули друг другу в глаза. Неизвестно, как Доран, но Сашка до сих пор нервно сжималась, стоило чуть шевельнуться его пальцам, которые он переплёл замком на её животе и которые она держала так крепко, невнятно для себя опасаясь, как бы он не убрал их. Она вообще ощущала себя оголённым нервом, откликаясь даже на самые мелкие движения травника, которых он сам, возможно, и не замечал: на его частое дыхание над ухом, на мягкое шевеление от ветра его вихра по её лицу, отчего кожа пылала огнём, а внутри Сашку сводило чуть не судорогой... И было... блаженно. Именно так, когда по-другому уже не хочется и не надо.

Именно в этой позе застала их Кэйтрия.

Её попытки войти привлекли их истомное, ленивое внимание: в дверь стучали, пытались её раскачивать, благо маленькая. А когда девушка-эльф появилась на пороге крыши, Сашка ещё вяло удивилась: что это она так долго войти не могла?.. Пока воспоминание не подбросило картинку, как Доран идёт к ней, к Сашке, а дверь захлопывается за его спиной. Это он магически закрыл. Чтобы никто не помешал. Так что чудо — что Кэйтрия сумела открыть.

— Я искала вас по всему университету, — несмело объяснила Кэйтрия, подходя к ним и, улыбаясь, рассматривая их. — Где вас найти — подсказал мастер Тайернан. Он вас ждёт.

Сначала они похлопали на неё глазами, не понимая, потому что понимать не хотелось. Не до этого. Потом до них начало доходить сказанное, и Сашка первой пришла в себя и завозилась, стараясь подняться с коленей Дорана, даже испуганная: они старому Каа нужны до такой степени, что он легко вычислил их местонахождение! А потом так вообще ахнула про себя: вот чёрт! А если Каа знает ещё, чем они тут... Кажется, до травника тоже дошла эта нехитрая мысль. Пока Кэйтрия, подав руку Сашке, поднимала её на ноги, он вскочил сам и быстро встряхнул с себя и с неё мелкий мусор.

— Идите вперёд, — растерянно сказала Сашка, не совсем понимая, как вести себя с

обоими, пока ещё подчинённая им на людях внешними законами.

Доран удивлённо взглянул на неё, будто не понимая.

— Слушайте, вы, — зашептала Кэйтрия, словно боясь, что её услышит кто-то не слишком расположенный к ним троем. — Так нельзя, вы понимаете? Доран, приди в себя!

— А что? — упрямо спросил Доран. — Всё хорошо, и мы идём к мастеру Тайернану.

Девушка-эльф вздохнула и, посмотрев на Сашку, которая только и могла хлопать глазами, растерянная, крепко взяла травника под руку и потащила его к выходу, то и дело обеспокоенно оглядываясь на подругу. До Сашки дошло, и она поплелась за студентами.

Уже на втором этаже, перед дверью в коридор, она очнулась от странного ступора и начала мыслить... разумно. "Ничего себе — нас с Дораном закрутило... Никогда не думала, что так можно. Бедная Кэйтрия. Наверное, переволновалась за нас... А случись такому повториться? — Она невольно улыбнулась. — Я бы повторила..."

Они зашагали по коридору к кабинету ректора и у коридорной развилки обнаружили, что здесь много не только обычных студентов, каких ожидаешь увидеть во время перемены, но и знакомцев. Например, неподалёку от кабинета ректора леди Аэринн в чём-то горячо убеждала Эйлилла — под бдительной охраной двух орков. А в самом центре коридорной развилки стоял Киардха, привычно и безумно бледный и длинноволосый, тоже под охраной своего телохранителя. Этаким монашек-аскет, отрешённый размышляющий о вечном... В следующий миг Сашка на нервах чуть не расхохоталась: орк Киардхи увидел, кто приближается к кабинету ректора, аккуратно взял под локти своего подопечного и, слегка приподняв над полом, развернул его лицом к Дорану. Странное деяние телохранителя заставило леди Аэринн смолкнуть. А Киардха очнулся. Сонное лицо наполнилось страстью — и эльф-прорицатель бросился к Сашке.

— Алекс! Алекс! — страстно воззвал он, обращая на себя внимание уже не только заинтригованной его поведением леди Аэринн, но и всех присутствующих. — Алекс, нам надо поговорить!

От его томного вопля пришёл в себя и Эйлилл. Его глаза сощурились, после чего, не оглядываясь на остолбеневшую из-за его поведения девицу-эльфа, он твёрдым шагом пошёл к Кэйтрии.

Киардха тем временем схватил Алекс за руки и, прижимая их к своей груди, пылко сказал, впериваясь в её глаза:

— Алекс, мне нужна твоя помощь!

В следующий миг у Сашки началась истерика. Дверь ректорского кабинета резко распахнулась. Оттуда вылетела ручища, которая вцепилась в воротник Киардховой хламиды и уволокла пискнувшего от неожиданности эльфа-прорицателя вовнутрь. Орк-телохранитель вошёл туда же как ни в чём не бывало, как будто и ожидал от хозяина кабинета столь радикального решения. Дверь осталась открытой, и следующими туда вошли, чуть не маршируя, Эйлилл с Кэйтрией под руку. Доран, заледенев от напряжения, пропустил вперёд Сашку. Оглянувшись, Сашка заметила открытый рот леди Аэринн. Дверь закрыл Гарбхан, на правах телохранителя красавчика эльфа тоже беспрепятственно попавший в святое место.

Если ректор, сидящий за столом, поначалу был доволен, как Каа, удовлетворивший свой аппетит парочкой сожранных на обед бандерлогов, то на Эйлилла и его телохранителя он уставился в некотором недоумении.

— Мастер Эйлилл? Поясните своё присутствие здесь, — предложил ректор.

Сашка, прятая насмешку, подняла брови: красавчик скажет — сбежал от леди

Аэринн? Но Эйлилл заявил коротко и ясно:

— Здесь леди Кэйтрия. Значит, я тоже должен быть здесь.

Проявляя снисходительную любознательность, Каа благодушно спросил:

— А вы, леди Кэйтрия, здесь зачем?

Посмотрев на красавчика эльфа, не отпускающего её руки, Кэйтрия пожала плечами и наивно сказала:

— Я думала привести сюда Алекс, которую вы искали, а потом удалиться. Но мастер Эйлилл... — Она очаровательно улыбнулась хмурому красавчику и закончила довольно неожиданно: — Кажется, решил использовать моё присутствие, дабы избежать встречи с нежелательными ему господами.

Сашка думала, что Эйлилл рассердится, но тот лишь улыбнулся девушке-эльфу и попросил хозяина кабинета:

— Можно, мы посидим у вас немного, а потом покинем ваш кабинет?

Выражение лица старого Каа... Если бы на его месте был Васильич, тренер, Сашка бы решила, что это выражение полностью соответствует фразе: "Не, ну не оборзели ли вконец эти типчики, а?"

— Мастер Киардха, — обратился, тем не менее, Каа к прорицателю. — Зачем вам Алекс?

Киардха вздохнул и разочарованно ответил:

— Я лучше потом к ней обращусь, мастер Тайернан, а пока — откланяюсь.

Он и в самом деле поклонился на все четыре стороны, после чего вылетел за дверь, сопровождаемый невозмутимым орком-телохранителем, имя которого Сашка забыла. Глядя им вслед, она вздохнула. Догадаться нетрудно, что задумал Киардха. Судя по всему, он сообразил, как использовать Сашкино умение рисовать. Неизвестно, что именно ему понадобилось — наверное, оформить зачётные работы иллюстрациями проанализированных снов, но, судя по всему, прорицатель не отстанет, пока не переговорит с нею.

— А зачем вам я? — скромно спросила она. Суматоха, когда каждый пытался как-то использовать её, хоть порой и косвенно, как Эйлилл, начала здорово утомлять. Помогало лишь одно — знание, что за спиной спокойно стоит Доран.

— Я вызвал тебя, Алекс, чтобы предупредить: завтра ты оставляешь свою леди Кэйтрию на первый час первой пары и идёшь сюда, где с тобой будет проведено собеседование по выявлению твоих магических талантов.

— Спасибо, — пробормотала Сашка, удивлённая, как быстро Каа подготовился к тому, чтобы зачислить в стены своего заведения, как он привык выражаться, ещё одного студента, в котором заинтересован. И вдруг быстро встряхнулась, чтобы прийти в себя, потому что сообразила, что внезапно выдался тот случай, о котором долго мечтаешь. — Мастер Тайернан, а ваш кабинет магически защищён от прослушивания? Ну, например, чёрными шаманами и их присными?

— Защищён, — чуть не промурлыкал Каа. — Что ты желаешь сообщить мне тайного, Алекс?

— Мы хотим вам сообщить, — оглядев всех заговорщиков, волей случая оказавшихся в кабинете ректора, уточнила Сашка. И, прихватив стул, стоявший у стены, потащила его к столу Каа. А за ней — остальные. Только Гарбхан, невозмутимый, остался стоять у двери.

— Мы придумали, как выгнать из города цвергов, — сказал Эйлилл, на которого взглянула Сашка. Он сидел на стуле очень неудобно — будто собираясь вот-вот встать и

бежать. — Проблема в том, что, если будет о том знать правительство, о том же узнают и шаманы. Вы же знаете, что, несмотря на магическую защиту, даже самые разумные существа бывают не всегда... — Эйлилл запнулся и виновато посмотрел на Каа. — Не всегда молчаливы.

— И что вы придумали?

Ему рассказали о граффити, о рисунках на стенах доисторических пещер и отношению к ним неразвитых дикарей. Ему рассказали о задуманном трафарете.

Ректор помолчал, явно обдумывая идею.

— Слишком долго, — наконец заговорил он. — Создание трафаретов, — объяснил они в ответ на вопросительные взгляды.

— Что вы! — удивилась Сашка. — Наоборот, это самая лёгкая часть дела.

— То есть?

— Трафареты можно делать в геометрической прогрессии: я рисую один, вырезаю нужное и сразу же рисую его на следующем листе. Пока я рисую третий, кто-то второй берёт второй лист и вырезает трафарет. И тут же копирует его, затем отдавая следующему, как и я — свой третий, а на деле уже четвёртый. Рисовать-то надо будет только первый. Остальные и ребёнок сделает.

— Значит, вы хотите обратиться в магический департамент с этим предложением, но боитесь, что чёрные шаманы узнают о нём.

— Да.

— А почему бы не обратиться лишь к одному чиновнику? Умеющему держать язык за зубами?

— Для того чтобы нарисовать граффити на домах, особенно частных, нужно разрешение правительства, — вмешался Доран. — А чтобы его получить, как минимум несколько чиновников должны быть в курсе дела. А это уже информационная опасность.

— Но чего вы хотите от меня? — доброжелательно поинтересовался Каа.

— Совета, — мрачно сказал Эйлилл. — Как поступить? Говорить ли в департаменте о нашей идее? Или ей не будет хода? Как думаете вы, мастер Тайернан?

— Не попробовав блюда, не узнаешь его вкуса, — задумчиво сказал Каа. — К сожалению, только и могу, что предложить вам довериться кому-нибудь в департаменте. И заверяю вас, что ни одно слово, только что произнесённое в этом кабинете, не услышит никто, кроме присутствующих здесь.

— Спасибо, — сказал Доран и взял Сашку за руку, чтобы вывести её из кабинета. — Пойдём. Нам надо будет подготовиться к завтрашнему собеседованию.

Сначала Сашка пришла в ужас: тащить её за руку — на виду у всех студентов?! Даже Кэйтрия испугалась. Но потом вдруг выдохнула, сложив трубочкой губы. Не сразу, но до Сашки дошло: теперь она, Сашка, на особом положении. Уже не просто телохранитель. Абитуриентка, ёлки-палки!

Но, тем не менее, травника она остановила. За закрытой дверью к ректору.

— Доран! — воззвала она к нему. — Подожди ты меня тащить! Я пока ещё телохранитель и буду исполнять свои обязанности!

— Но ты...

— Доран, мы есть хотим! — рявкнула Сашка. — Прошло три пары, да ещё полчаса, если не час, после учебного дня! Или идём домой, в гостиницу, — или в трактир!

Студентов в коридоре оказалось маловато: кто ушёл в библиотеку, кто — домой, но на

рявканье телохранителя обернулись все. Сашка немедленно понурилась и поплелась за Кэйтрией, которая придушенно хихикала из-за созданной ситуации. И так получилось, что насупленный Доран брёл за парочкой Эйлилл — Кэйтрия, в то время как их всех охраняли Гарбхан и Сашка. В общем, не повезло одному травнику. Парочка впереди весело вспоминала последний практикум. Телохранители позади обсуждали тренировку на крыше, а Доран, потерянный, не знал, к кому примкнуть. Сашка его не жалела, зная, что ждёт их в гостинице.

Двадцать вторая глава

"Опять ёлы-палы, — сделала открытие Сашка, — да мне легче Гарбхану морду набить, чем поверить, что именно мне дано столько всего. Но так в жизни не бывает..." Память, за два года подготовки к экзаменам основательно вымуштрованная мамой, суеверно подсунула балладу Жуковского про царя, богатства которого всё прибывали и прибывали, а его один тип запугивал, как бы потом сторицей не воздалось ему за лёгкость приобретения всего, что пожелается.

Пока шли в гостиницу, она мысленно перебирала: здесьгодились все умения, которые она получила в своём мире — умения рисовать и драться. Кроме того, обнаружилось, что у неё ещё и способности к магии. Вроде — живи и радуйся. Так нет. С новой силой возникли мысли о том, что она здесь временно. Что должна как-то помочь городу избавиться от чёрных шаманов и цвергов, а потом её вернут в свой мир. И тогда... Она глубоко вдохнула, чтобы расслабить челюстные мышцы, которые затвердели, как только она поняла, что вот-вот позорно разревётся. Нет, домой — это здорово. Но...

Как жить Кэйтрии без неё? Эйлилл, конечно, уже всем раскрылся, что ему нравится девушка, которую до сих пор, как и все остальные в группе, считал непорядочной и скупой — пытавшейся жить за чужой счёт, а теперь он точно знает, что она была ограблена прислугой собственной родственницы и стоически переносила насмешки и справедливую злость других студентов. Но будет ли он с ней всегда? А если всякие дурацкие светские условности заставят его изменить... Нет, отношение он уже изменить не сможет, но ведь богатые родичи, например, могут его заставить отказаться от привязанности к небогатой девушке, за которую некому заступиться! И как тогда будет чувствовать себя Кэйтрия? Нет, теперь-то ей будет легче. Дан толчок, с которого она будет и дальше получать достаточно монет, чтобы доучиться. Но одиночество, когда не с кем поделиться своими горестями... Доран наверняка ей поможет. Но это другое. Да и захочет ли Доран...

Сашка прикусила губу... Травник — её головная боль и сплошная неуверенность. А если она его очередное увлечение? Когда он шёл к ней на крыше, она чувствовала, как летит впереди него клубящийся туман эмоций. Он захватил её, заштормил вокруг неё... Но... если для Дорана это привычно? Влюбляться. Очаровывать своей влюблённостью? А потом перегорать? И переходить к завоеванию другой? Пусть так. Но оставить его сейчас, даже если он только влюблён... Это предательство... Она вдруг ощутила, как его нервные ладони скользят по её лицу, гладят его, удерживают его. Кожу припекло от прилившей к ней крови, едва Сашка вспомнила прикосновение его горячих пальцев. "Странно, я чувствую себя сильнее Дорана в чувстве, — вздохнула она. — Я боюсь за него, а не за себя... Во дура-то наивная..."

На повороте дороги травник обернулся на секунды — наверное, проверить, оба ли телохранителя идут следом, и Сашка поразились: что это с ним? В ярком свете осеннего солнца, которому ещё немного — и заходить, а то и прятаться в подступающие низкие тучи, он посерел и осунулся так, как будто голодал несколько дней! Взглядами буквально столкнулись, и Доран резко отвернулся — полное впечатление, что испугался, как бы она не прочитала в его глазах что-то недозволенное. Не поняла. Жалеет, что поцеловал? Но он даже... подготовился к этому поцелую — так ему этого хотелось! Даже дверь предусмотрительно закрыл магически!.. Разочарован? Чем? Или у него на уме что-то иное?

Добрались до гостиницы спокойно. Ввалились в номер Кэйтрии и Сашки и растерянно оглянулись на Гарбхана. Теперь уже он становился третьим лишним. Правда, орк этого не замечал, добродушно осматриваясь. Тогда Сашка напонила:

— Где будем обедать? Здесь или в трактире?

— Надо бы многое обговорить, — озабоченно сказал Эйлил. — Я бы не хотел, чтобы нас вольно или невольно подслушали.

— Кто идёт за обедом в трактир? — спросила Кэйтрия, уже сосредоточенно нахмурившись на письменный стол, который ещё в прошлый раз занимали под обеденный. Кажется, мысленно она уже убирала с него учебники и мелочь на кровать.

— Ну, наверное, я и Гарбхан, — неуверенно предложила Сашка.

— И я, — мрачно сказал Доран.

Он как-то так выговорил эту краткую фразу — с такими невнятными интонациями, что все вломившиеся в гостиничный номер уставились на него с удивлением. Сашка — тоже. Она недоумевала, наблюдая за его поведением. Или настроением?.. Нет, кое-что она поняла: Дорану не хотелось видеть никого после крыши — скажем так. А тут... Травник выглядел человеком, который ненавидел всех и всё на свете. Причём так ярко, что впечатлительная Кэйтрия, глядя на него, невольно поёжилась. А Эйлил подошёл к Дорану и, пытливо всматриваясь в него, осторожно спросил:

— Что случилось, Доран? Ты нехорошо себя чувствуешь?

Легко было заметить, как по лицу травника прошла самая настоящая судорога, когда он словно очнулся и понял, что его эмоции видны всем, а затем попытался смирить их. Лёгкого на действие Дорана не осталось. Появился какой-то тяжёлый незнакомый человек, который с трудом сдерживает сильные чувства — причём не самого лучшего качества. Что с ним произошло за последние несколько минут? Но времени разбираться нет. Да и не при всех же!.. Сашка шагнула к нему.

— Доран, идём!

И он покорно поплёлся за ней и Гарбханом, который, кажется, тоже теперь чувствовал себя не в своей тарелке, поглядывая время от времени на травника. Тот, вообще-то, должен был идти впереди телохранителей. Когда они, все трое, вошли в коридор, связывающий гостиницу и дом с трактиром, Сашка деликатно подёрнула орка за рукав и попросила:

— Подожди немного.

— Жду, — добродушно проворчал тот, опять с опаской глядя на Дорана.

А Сашка огляделась — никого с обоих концов коридора — и быстро встала перед Дораном. Схватила его за плечо, а когда он поднял сумрачные глаза, прошипела:

— Если тебе не понравилось со мной целоваться, если ты решил по этому поцелую, что я тебе не подхожу, если ты сейчас не знаешь, как избавиться от меня, если ты размышляешь, что я навязалась к тебе, то у тебя есть время мне высказать это — понял? Быстро говори, что не так! Я не собираюсь сидеть в компании с человеком, который фиг знает из-за чего психует и из-за которого психуют все остальные. Вернись, Доран! Тот самый Доран, который мне нравится и с которым я хочу быть! А если ты не хочешь, так скажи мне об этом напрямую! Рассусоливать с тобой я не собираюсь! Слышишь?

И она без замаха стукнула его кулаком в плечо. Удара не получилось — Доран неожиданно легко перехватил её руку — даже на коротком расстоянии. Сашка даже поразила: ни фиги себе он, оказывается, умеет! Но дёргаться в захвате не стала, ожидая, что Доран скажет. Расслабила руку. Движение травника взглянуть на орка, видел ли,

осталось незаконченным. Опустив глаза, он глубоко вздохнул и криво улыбнулся.

— Я вспомнил, что есть одна маленькая проблема. Личная. Постараюсь решить её и не давить на вас всех своим состоянием. Алекс, — уже шёпотом. Оттолкнулся от стены. Начал было поднимать руки — наверное, положить на плечи Сашке, но спохватился, новый взгляд на орка — опустил руки. — Не подумай, что я трус. Я боюсь только одного... Но ты не думай, ладно? Что я настолько бессовестный, что хочу от тебя избавиться. Я хотел бы, чтобы ты... всегда была рядом.

— Ты сам это сказал, — нарочито грубо ответила Сашка. — Так что я тебе напомним эти слова, когда ты всё же возмечтаешь удрать от меня.

Она-то стояла к Гарбхану спиной, поэтому вразрез со сказанным быстро и ласково коснулась пальцами подбородка травника. И тут же отвернулась и поспешила вперёд, к орку, чтобы уже вместе с ним войти в трактир. Пока Доран диктовал подавальщицам, что именно надо набрать на два подноса (орка тоже не забыли), Сашка стояла, прислонившись к стойке, и с недоумением гадала, что за проблема возникла у него. Такая, что он жёстко превратился в совершенно иного человека. Не в попрыгунчика, каким она его увидела впервые. Не деловитого и заботливого, каким он до сегодняшнего дня был с нею и с Кэйтрией. Нет, этот отрешённый, забывшийся в мыслях человек ей незнаком.

Они вернулись в номер, к столу, выдвинутому в середину комнаты, и поставили на него оба подноса. Пока раскладывали принесённое, получилось, что девушка-эльф вместе с Эйлиллом уселась на свою кровать, а на стульях вокруг стола устроились Доран, Сашка и Гарбхан. Своему телохранителю Эйлилл замечаний не делал, и по их некоторым переглядам Сашка поняла, что они тоже в довольно приятельских отношениях, хотя на людях и придерживаются субординации. Дорану было не до соблюдения условностей — он сразу наклонился над тарелкой и принялся жадно есть, будто голодал и впрямь очень долго. Правда, при этом умудрялся есть аккуратно.

Когда тарелки опустели и Сашка унесла их на кухню, когда перед каждым из едоков Кэйтрия поставила чашку, дымящуюся свежесваренным чаем, а в центр стола — корзинку со сладко пахучей выпечкой, заговорил Эйлилл.

— Хочу предупредить, что Гарбхан в курсе наших соображений о граффити.

— Ещё бы, — проворчала Сашка. — У ректора-то был.

— Не только из-за этого, — возразил красавчик эльф, рассеянно глядя, как Кэйтрия доставшая корзинку с рукоделием, принялась за вязание, почти не глядя на работу. — Я уже сказал, кем мне приходится работать. Естественно, что телохранитель в курсе моих передвижений и забот. Поэтому можно поговорить, не опасаясь, что нас слушает кто-то посторонний.

— Ладно, — оживился наконец Доран. — Поговорим. С чего начнём?

— С этого, — сказала Сашка и дотянулась до края кровати Кэйтрии, куда та вместе с учебниками сложила и газеты, прихваченные Сашкой из университета. — Кое-какие слова вашего языка я уже знаю. Особенно те, что относятся к нашему делу. Так что в этой статье упоминание цвергов и шаманов увидела сразу. Но перевести ещё не успела. Кто быстро прочтёт? О чём эта статья?

— Дай мне, — предложил травник.

Сашка с радостью отдала ему газету. Едва заговорили о деле, он словно забыл о личной проблеме и снова стал энергичным.

Травник бегло скользнул глазами по статье и с сожалением поморщился.

— Нападения продолжаются. Причём вчерашней ночью произошли они сразу в нескольких уголках города. Убили несколько человек, которые осмелились выйти в вечернее время суток. Даже не ночью.

— Надо что-то делать! — сострадательно сказала Кэйтрия, умоляюще глядя на всех. — Неужели только из-за того, что нам нужно разрешение, наша идея стала ненужной?

— В сущности, в чём состоит эта идея? — задумчиво сказал Эйлилл, пропуская сквозь пальцы прядь тёмных волос и закидывая её за плечо. — Нам нужно, чтобы рисунки, в которых лошадь убивает цверга, увидели цверги. Так? Так. Но проблема в том, что мы не знаем, где шаманы выпустят в следующий раз цвергов. Поэтому-то мы и хотим весь город украсить рисунками, которых потенциально боятся цверги. Наша надежда — на то, что однажды цверги наткнутся на эти рисунки, испугаются и убегут из города. Шаманы уйдут за ними. И в городе будет безопасно.

— А зачем весь город? — хрипловато спросил Гарбхан. — Надо покрыть рисунками одно место и сделать так, чтобы цверги увидели их.

Все замолчали, переглядываясь. А ведь правда! Зачем украшать весь город рисунками? Бегать в опасное время суток? Когда можно всего лишь найти один уголок!

— Сужаем цель? — спросил Доран.

— Скорее — конкретизируем, — решила Сашка, внимательно слушавшая орка. — А ведь это и правда хорошо! В одном месте все удобные для рисования поверхности украсить граффити, заманить туда цвергов — и бац! Включить свет! Они оглядываются и видят ужастики, после чего дают драпака из города.

— С одной стороны — это замечательно, — заспорил Эйлилл. — Но с другой — исполнение трудновато. Второй части этого плана — я имею в виду. Как заманить цвергов, чтобы они оказались именно в этом месте и именно в нужный час?

— Заманивать надо не цвергов, а чёрных шаманов, — напомнил Доран.

— Ну, этих заманить нетрудно, — покусывая губу, высказалась Сашка.

— То есть?

— Можно попробовать поймать их на живца.

После небольшой паузы Эйлилл осторожно спросил:

— Это твоё странное слово означает "живая мишень"?

— Именно.

— И, насколько я понимаю, именно себя в качестве живой мишени ты и предлагаешь? — с напором спросил травник, глядя на неё чуть не враждебно.

— Ты можешь предложить лучший вариант? — скептически переспросила Сашка. — Подумай хорошенько — кто чёрным шаманам нужней, чем я? На кого они точно клонут?

Теперь Сашку рассматривали все с неподдельным интересом. Хотя нет. Доран смотрел с внезапной злостью, и Сашка на всякий случай показала ему кулак. Кулак его ошарашил: кажется, травник не ожидал, что она погрозит ему при всех. Зато теперь его растерянность была привычной, более спокойной, что ли, и Сашка спокойно продолжила:

— Проблема, как я её вижу, заключается в том, чтобы привести в то же место и цвергов. Как это сделать? Выяснить бы, как шаманы командуют цвергами.

— Никакой проблемы не вижу, — отозвался орк. — Если шаманы узнают, где ты рисуешь (а насколько я понял, именно это ты собираешься делать), они тут же приведут цвергов, чтобы те сделали за них всю работу. То есть убили тебя. Сами шаманы не замечены в расправах над горожанами.

— Вот и всё, — философски сказала Сашка. — Что имеем? Надо выбрать место, где можно будет расписать через трафареты все стены, столбы и другие удобные поверхности. Затем там же пристроить меня — я буду рисовать на стене, например. А в это время несколько человек должны будут выждать, пока появятся цверги, и зажечь магические огни — ведь только они могут прогнать тёмные дожди шаманов. И тогда цверги увидят граффити.

— Логично, — признал Эйлилл, а Кэйтрия посмотрела на него испуганно. — Только маленькое "но". Опять-таки без разрешения властей (на этот раз городских) мы не можем расписывать улицу и дома. А по следам нашей магии опытным магам-дознавателям нас легко опознать.

— Жалко, — вздохнула Сашка. — Всего час работы — и город был бы свободен от этих шаманов с цвергами.

— Мастер Эйлилл, — позвал насупившийся Гарбхан. — А ведь можно обойтись и без разрешения.

— Как это?

— У нас есть своенравная леди Аэринн, — клыкасто ухмыльнулся орк.

Кажется, не поняла не только Сашка. Даже Кэйтрия с любопытством уставилась на Эйлилла, озадаченно потёршего нос, не говоря уже о Доране, который встревоженно сомкнул брови. Наконец красавчик эльф взялся за свою опустевшую чашку и тут же прикрыл её ладонью, поскольку обеспокоенная Кэйтрия, взявшая на себя обязанности гостеприимной хозяйки, тут же встала и взялась за чайничек, чтобы долить ему горячего. Девушке-эльфу пришлось сесть, но на ладонь над чашкой она не обиделась, а с интересом уставилась на Эйлилла.

— Ты предлагаешь посвятить леди Аэринн в наши дела? — медленно спросил эльф.

— Да! — рыкнул Гарбхан.

Мрачное выражение на лице Дорана уступило заинтересованному. Он пытливо вгляделся в красавчика эльфа и чуть насмешливо спросил:

— А что? Леди Аэринн тоже в чём-то однажды провинилась?

— С чего ты сделал такой вывод? — поразился Эйлилл.

— Что мы знаем о леди Аэринн? — всё так же насмешливо спросил травник, и Эйлилл сразу подобрался, а орк посуровел. — Мы знаем, что она откуда-то из провинции. Точно ни она, ни кто-то другой не говорит — откуда именно. Другое дело, что ясно: как только её сюда прислали, почему-то ты, Эйлилл сразу стал её спутником. Невольным — во всех смыслах. Даже посторонний человек видит, что тебе не хочется быть рядом с нею, но ты постоянно находишься рядом. Она тоже к тебе относится довольно странно. Порой — дружески, порой — настолько капризно, что я время от времени жду, будете ли вы драться между собой. Вывод: вы знакомы. Следующий вывод: она прячется так же, как ты. Но, в отличие от тебя, леди Аэринн пользуется определённой свободой — например, не зависеть ни от кого. Я прав?

— В последнем — да, — раздражённо ответил красавчик эльф.

А Сашка, наконец, сообразила: вот почему Эйлилл не может себе позволить заселиться в гостиницу по своему усмотрению или по личному желанию! Он должен быть там, где леди Аэринн! Ладно хоть, он точно не влюблён в неё, иначе потрясённо распахнутые глаза Кэйтрии точно наполнились бы слезами.

— Ладно, забудем о том, что её сослали сюда из-за провинности.

— Спасибо! — едко откликнулся Эйлилл.

— И остановимся на том, что леди Аэринн сойдёт с рук то, что тебе точно не сойдёт.

Показалось поначалу — Эйлилл побледнел. Но эльф взял себя в руки и даже сумел грозно глянуть на Гарбхана, который тяжело положил на стол внушительные кулачищи, многозначительно поглядывая на легкомысленно ухмыляющегося травника.

— Давайте забудем о том, что сойдёт, а что не сойдёт с рук леди Аэринн, — предложил красавчик эльф напряжённо. — Главное — её участие в этом деле даст нам возможность не быть... слишком виноватыми, если мы забудем обратиться за разрешением на наше дело к властям.

— Ну вот, — пробормотала Сашка, — дело и двинулось с мёртвой точки. Осталось найти место и тех, кто будет расписывать по трафаретам. Самим трафаретом займусь уже сегодня. Эйлилл, когда поговоришь с леди Аэринн?

— Завтра, — обречённо сказал Эйлилл. — Или уже сегодня вечером.

И постарался не посмотреть в момент ответа на Кэйтрию. Девушка-эльф бросила на него короткий взгляд, в котором сочувствие смешалось с недоумением.

— С местом так, — деловито сказал Доран. — Сначала посмотрим все улицы — довольно просторные, чтобы рисунки чётко были видны со всех сторон. И, возможно, будет необязательно оставлять Алекс с этими шаманами наедине. Пусть она привлечёт их внимание, а потом уж...

— Сбежит? — предположил Гарбхан.

— Да. А значит, надо искать такое место, где у неё будет такая возможность. Или будет возможность для тех, кто сумеет защитить её от цвергов. А ещё осталось назначить день — то есть вечер, чтобы, как только опустится тьма, начать работу с трафаретом.

— Вы все говорите какие-то страшные вещи, — прошептала Кэйтрия, а Эйлилл ободряюще пожал ей руку.

— Как только найдём место, можем подумать о времени, — сказала Сашка, и все согласились с нею.

А потом всей компанией пошли провожать Эйлилла с Гарбханом. Правда, только до вестибюля гостиницы. Дальше все как-то сразу поняли, что красавчик эльф хочет некоторое время побыть с Кэйтрией. Даже орк, ни слова не говоря, вышел на улицу то ли присматривать карету, то ли ловить проезжающее средство передвижения. Так что Сашка и Доран вернулись в номер. Сашка сразу встала у окна, хотя оно не выходило на ту улицу, где располагалась дорога перед гостиницей. За окном трудно было что-то разглядеть: притихший на весь день дождь снова заплакал, насыщая своей туманной мокретью улицы и деревья без листьев. Она смотрела на блестящие расплзающиеся пятна, получившиеся из-за отсветов фонарей на земле, на кустах... И жалела, что нет достаточного умения нарисовать этот надвигающийся дождливый вечер.

— Тебе не страшно? — спросил Доран, вставший рядом.

Она не сразу поняла, о чём он. А когда сообразила, пожалала плечами.

— Я же буду не одна.

— А мне страшно.

— Мне страшней, когда ты выглядишь так, как выглядел до обеда.

— Прости, Алекс. Я немного... испугался.

— Не поделишься — чего испугался?

— Потом. Ладно?

— Ладно. Доран, за меня бояться не надо. Ведь можно найти место, где будет лаз, куда

я смоюсь, как только прибегут цверги. И в этом лазе меня будешь ждать ты.

— На это я согласен, — с облегчением выдохнул травник.

"Ему легче, потому что он в этом случае будет рядом со мной?" — удивилась Сашка. Пока она смотрела на него, пытаясь сообразить, что же с ним происходит, он метнул взгляд на дверь — чёрная мышь-татушка мгновенно выстрелила к ней. И Доран осторожно взялся за плечи Сашки и ласково прижал её к себе. Ёжившаяся после созерцания холодного дождя за окном, она с удовольствием прильнула к нему, греясь и слушая его сердце. Шутливая мысль: "Пусть сутулится, если ему так хочется, но с выгодой для меня!" Доран будто услышал и даже слегка склонился над ней, чтобы коснуться подбородком её головы... Стояли так недолго. Травник с чувствительным сожалением поднял голову и разжал руки. Взглянувшая на его движение Сашка отметила мышь-татушку на прежнем месте и поняла: к номеру приближается Кэйтрия.

Снова молчаливый, Доран подогрел чай, и девушка-эльф, чуть погрузневшая, опять взяла на себя обязанности разливающей горячий напиток. Сашка осторожно, глоточками выпила полчашки, чтобы удержать ощущение тепла, полученного от Дорана, и решительно сказала:

— Не хочу поступать в университет!

Ей удалось изумить обоих. Кэйтрия застыла с протянутой к своей чашке рукой, а травник просто захлопал глазами.

— Почему?

— А если из-за моих способностей мне придётся учиться в другой группе?

— Мы об этом не подумали, — обескураженно сказал Доран.

И Кэйтрия была с ним согласна на все сто. Правда, она пыталась быть справедливой и увидеть ситуацию с иной стороны.

— Но ты будешь учиться в другой группе по тому же расписанию, что и мы! А значит, домой будем ходить все вместе. И ещё. Когда не будет цвергов, мне не нужен будет телохранитель!

— Сколько лет учатся на факультете бытовой магии? — спросила Сашка.

— Три года — для тех, кому достаточно иметь крепкие практические навыки, — откликнулся Доран. — И пять лет — для тех, кто хочет быть бытовиком-универсалом.

— Не совсем понимаю, как это, — пробормотала она. — Кэйтрия, сколько лет ты будешь учиться на этом факультете?

— Три года, — категорично сказала девушка-эльф. — Но есть один нюанс. Те, кто проучился на этом факультете, имеет право на поступление по другой специальности, близкой к бытовой магии. Я думаю об артефактике.

— Хочу на факультет бытовой магии! — заявила Сашка. И тут же сникла: — Знать бы ещё заранее, какими должны быть способности и есть ли они у меня...

— Хм, а узнать очень просто! — свысока сказал Доран. — Хочешь, мы с Кэйтрией тебе экзамен устроим — именно по бытовой магии?

— Алекс, а ведь точно! — обрадовалась Кэйтрия. — Мы же поступали недавно и помним, какие задания были на экзаменах! Ты как? Согласна протестироваться?

— Спрашиваешь! — азартно отозвалась Сашка. — Ну, с чего начнём?

— С того, что вы быстро соберёте мне посуду, — снова хмыкнул Доран и велел девушке-эльфу: — Без меня не начинайте!

— Ага, ждать ещё, — проворчала Сашка.

Травник возвёл очи горе.

— Ну что такое?! Я оставляю в номере двух девушек, которые не знают, чем заняться, пока меня нет?! Дамы, почему бы вам не поговорить о том, в чём Алекс должна будет ходить на занятия?

— Ой, как здорово! — возликовала Кэйтрия и, встав, принялась быстро складывать посуду на подставленные Сашкой подносы.

Когда, закрыв дверь за Дораном, она вернулась в комнату, Сашка пожала плечами и сказала:

— А стоит ли? Ну, думать об одежде? Могу побегать пока и так. Насколько я поняла, телохранители-женщины здесь тоже есть, и никто не удивляется, что они ходят в основном в мужской одежде. Да и тренировки... Другие телохранители всё равно хотят, чтобы я им показывала приёмы и помогала их заучивать.

— Теперь придётся подумать о другом времени для этих твоих тренировок, — железным тоном сказал Кэйтрия, разглядывая подругу, склонив голову. — Если ты хочешь остаться в мужской одежде, можно немного скомбинировать. В этом плаще, который тебе купил Доран вместо пропавшего, ты выглядишь более мягко. А значит, можешь оставаться в мужской одежде, но плащи будут длинней обычного. А ещё мы должны подумать, что делать с твоими волосами. Для мальчика они уже слишком длинные. А для девочки коротковаты.

— Постричь? — предложила Сашка.

— Дорану не понравится, — задумчиво сказала девушка-эльф.

Сашка с минуту глотала воздух, прежде чем найтись с ответом:

— А-а... при чём тут Доран?

— Он смотрит на тебя и улыбается.

— А постричь — улыбаться не будет? — поддразнила Сашка.

Но Кэйтрию усмешкой уже было не смутить. Она снова критически осмотрела Сашку и вздохнула:

— В нашей местности с волосами управляются легко. У тебя короткие и густые. Если в них вплести бисерные бусы, то причёска будет красивой и удобной — волосы мешать не будут такой энергичной, как ты.

— Бисерные бусы? Вплести? — удивилась Сашка.

— Да, именно вплести. Правда, придётся подождать, пока я сплету такие. Готовые есть, но они слишком короткие. Нанизать, чтобы длинней стали, я могу быстро. Только прикупить бы нужный цвет.

Вернулся Доран в разгар разглядывания бус из шкатулки Кэйтрии и обсуждения нужного цвета для её волос. Когда травник понял, что обсуждается будущая внешность Сашки, он быстро присел к дамам и сразу вытащил подходящие, на его вкус, украшения. Правда, его оживление снова быстро угасло, едва он шутливо навесил бусы на ухо Сашки, чтобы посмотреть, подходит ли ей цвет... Глядя в мрачающие глаза Дорана, она медленно сказала:

— Доран, почему твоя личная проблема мешает всем нам? Не куксись! Или объясняй, что происходит. Или забудь о проблеме. Нам некогда. Скоро вечер, и я хочу знать, сумею ли сдать экзамены на ваш факультет. Потому что Кэйтрии и тебе ещё готовиться к завтрашним занятиям, а мне, благо что руки зажили, кроме трафарета, надо нарисовать ещё несколько картинок. Ведь теперь я должна буду одеваться и в самом деле поприличней. А монеты для "поприличней" на дороге не валяются. Бери себя и свои проблемы в руки — и работаем.

Доран глубоко вздохнул, но рассудочным доводам уступил.

Двадцать третья глава

Лучше б они тестировали способности Сашки вне гостиничного номера...

Итак, Доран-то вернулся из трактира уже сообразившим, с чего начинать подготовку к тестированию, чтобы комиссия не заметила, какая у Сашки силища.

— Думаю, лучше всего сделать так, — сказал травник. — Я напишу самые простые заклинания на отдельных листочках — причём мне поможет Кэйтрия, чтобы было быстрее. А тебе, Алекс, надо будет всего лишь прочитать эти заклинания и попытаться представить, что ты получаешь результат.

— Не совсем поняла, но в процессе, думаю, соображу, — озадаченно сказала Сашка.

Минут десять ушло на запись четырёх заклинаний. Это с учётом того, что Сашка, получив листок с записью, тут же транскрибировала заклинание русскими буквами, а потом читала их про себя. Потом она прочитала заклинания вслух.

— Не поняла, — удивилась она. — Я уже прочитала вслух, но всё ещё не поняла ни слова. Мой переводчик перестал работать?

— Нет, все магические заклинания строятся на языке древних магов. Это нужно для безопасности, чтобы начинающие маги, которые не выучили заклинание досконально, не могли навредить себе и другим людям, — пояснила Кэйтрия. — Ведь древний язык очень необычен. Сразу, с налёту, его не запомнить. А значит, применять немедленно не будут, пока не выучатся. Правила безопасности такие.

Доран одобрительно кивнул ей и предложил Сашке листок:

— Начни вот с этого. Заклинание рассчитано на то, что ты сумеешь наполнить пустую чашку водой. Смотри вот на эти слова. Они ключевые. Именно в них надо будет посылать силу, когда читаешь заклинание. То есть, прочитывая, выделять их.

Вроде задание понятное и лёгкое. Сашка подозрительно покосилась на чашку, мирно стоящую на столе. Надо всё сделать аккуратно, как если бы ей показали новый приёмчик. Очень аккуратно. И старательно. А значит, неплохо бы узнать о некоторых нюансах. Чтобы быть уверенной.

— Э... А можно — вопрос?

— Давай.

— А вода откуда возьмётся?

— Из ближайшего резервуара.

— То есть, если на кухне, в чайнике, осталась вода, она появится в чашке?

— Алекс, — терпеливо сказал травник. — Лучше над такими вещами не задумываться. Иначе сила, вызванная заклинанием, уйдёт в пустоту. Магическое заклинание — это чаще всего мечта, которая выполняется с помощью известных слов заклинания и с помощью личных сил. Ты читаешь заклинание — слова высвобождают нужную тебе силу в нужной форме. Начинай.

— Подожди. А как это делается? Я читаю заклинание и представляю — точнее, желаю, что чашка наполняется водой?

— Да.

Когда Сашка дочитала заклинание и даже махнула рукой, воображая, что держит волшебную палочку, Кэйтрия завизжала и бросилась под стол, спасаясь от фонтана, мощно брызнувшего из чашки! Кажется, там она столкнулась головой с Дораном, который почти

одновременно ринулся туда же! Во всяком случае, двойное "Ох!" прозвучало отчётливо.

Мгновенно промокшая Сашка, руками машинально защищаясь от бьющих ей в лицо и падающих на голову брызг, секунды остолбенело таращилась на залитый водой пол, а потом спохватилась и кинулась за половичком возле входной двери, чтобы им, вместо тряпки, побыстрее собрать всю влагу. А то вдруг зальёт второй этаж? Но, сцапав половичок и обернувшись бежать назад, к столу, она замерла на месте.

Вода успокоилась, перестав беспорядочно фонтанировать во все стороны, разве только в лужах на столешнице плавали "билеты". Чашка, полная до краёв, будто затаилась: не пролить бы снова воду ненароком.

Пол был сух, а уже вылезшие из-под стола хохочущий Доран и испуганная Кэйтрия стояли друг против друга и монотонно, почти в один голос читали (Доран пытался читать — получалось только заикаясь) заклинание, глядя друг на друга же, но временами ошарашенно скашиваясь на Сашку. Вскоре отяжелевшие, слипшиеся вихры травника распушились, а кудряшки Кэйтрии снова завились вокруг её изящных ушек.

Когда оба полностью высохли, Кэйтрия, всё с той же с опаской поглядывая на Сашку, осторожно пробормотала заклинание, направив его на подругу, чтобы высушить и её. Доран же, отсмеявшись, схватил со стола мокрую бумажку "экзаменационного билета" и, тщательно скомкав, быстро сунул её в карман.

— Это заклинание тебе точно не годится! — заявил он, всё ещё утирая слёзы.

— А что там хоть? — смущённо спросила она.

— Предложение разжечь свечу.

— Ой...

— А может, и остальные не надо? — робко спросила Кэйтрия. — Пусть Алекс сначала научится дозировать магическую силу!

Сашка аж пригнулась, глядя на две чуть ли не растёкшиеся от воды бумажки, растерянно предполагая, что же там за жуткие задания. И это бытовая магия?.. И не выдержала, опасливо спросила:

— А что в них?

Доран, деловито закручивавший на манер бандитской повязки кухонное полотенце вокруг головы, чтобы защитить нос, сказал:

— В одной — собрать мусор. В другой — вырастить цветок из семечка. Семечко я стащил в трактире. Свои не дам. Они у меня все наперечёт и все для дела.

— Тогда уж лучше перед первым заклинанием попросить у кого-нибудь зонтик, — горестно пробормотала Кэйтрия.

— А может, вам выйти в коридор — на время произнесения? — огрызнулась Сашка. И вздохнула. — Ладно, я только уточню. Надеюсь, мусор должен собираться только с пола этой комнаты? Не всей же гостиницы? Или это я должна уточнять своим желанием?

Кэйтрия принесла с кухни совок и показала:

— Всё, что получится собрать, должно уместиться здесь. А поскольку в комнатах обычно убираются, то вряд ли здесь будет слишком много мусора. — А потом, немного посомневавшись, обратилась к Дорану: — Может, не стоит? Ну, продолжать?

Тот помолчал, испытующе глядя на Сашку, и спросил:

— Алекс, может, Кэйтрия права? Пройдётся собеседование так, как есть? Ну и что — не попадёшь в нашу группу? Зато... Силища у тебя такая, что тебя спокойно возьмут на факультет боевой магии. Почему бы и нет? Будешь учиться-то в одном корпусе с нами!

Сашка огляделась и, похлопав по сиденью, проверяя, влажное ли, села на стул, отставленный ещё раньше в сторону от стола.

— Когда я думаю о будущем, я как-то не очень представляю себя бойцом. Ну да, согласна: силы у меня, может, и есть. Но дело в том, что чем дальше, тем больше мне хочется всё-таки стать художником. Может, это наследственное, как у вас бы сказали. Дед у меня был портретистом. Раньше я как-то боялась думать о живописи. Думала, что это только из-за деда. Но сейчас... Сейчас я понимаю, что я всё же художник. Я видела расписание факультета бытовой магии. Оно не самое плотное, как у других. Поэтому я хочу учиться, чтобы те силы, которые есть, употребить на пользу. Но одновременно хочу заниматься, как минимум, рисунком. Как максимум — вообще живописью. А там... Если вдруг получится всё, что мне хочется, я же могу перейти на нужный мне факультет?

За время её задумчивого монолога Доран и Кэйтрия тоже сели, размышляя над её словами. Травник пожал плечами.

— Хорошо. Тогда продолжим. Наша цель — замаскировать твою силу на собеседовании. Тогда ты сможешь выбирать сама, куда тебе идти.

— Доран, — дотронулась до его руки девушка-эльф. — Алекс столько сил вложила в первое заклинание. А вдруг кто-то из жильцов успел отследить движение её магии? Прибегут ругаться из-за потопа!

— Вряд ли, — категорически сказал травник и посмотрел на Сашку. — Ты проделала всё настолько стремительно и сильно, что сила появилась подобно вспышке, после чего мгновенно пропала. А поскольку ты у нас начинающая, — улыбнулся он, — сила была настолько хаотична, что следы этой вспышки отследить невозможно. Как и понять по ней, кому она принадлежит.

И они снова принялись за обучение, в результате которого Сашка должна обрести контроль над расходуемой силой. Закончили не скоро. Успели сбегать в трактир — Сашка в платье и с причёской, быстро выплетенной Кэитрией, правда — пока без бисерных бус. Так что, когда Доран с двумя дамами под руку вошёл в трактир, там застыла тишина, и Сашка быстро подумала: "Если кто-то вякнет хоть полслова про Дорана и его девиц, драться буду без предупреждения!" Но тишина быстро переросла в деловитый шумок, от новых гостей быстро отвернулись и занялись своими делами. Троица благополучно и без помех поужинала и вернулась в номер.

Час потратили на то, чтобы повторить умение Сашки контролировать свои силы. Потом Доран и Кэйтрия уселись за стол и начали готовить домашнее задание на завтра. А Сашка уединилась на кухне и принялась мучить всё ещё плохо гнущиеся пальцы, разрисовывая лист бумаги, чтобы потом начать трафарет. Время от времени делала перерывы и разглядывала кучу здешних газет, которых набрала за несколько дней, да ещё прихватила только что из трактира, где они лежали на подоконнике, рядом с входной дверью. Газеты нужны чисто практически, поскольку многие статьи содержали довольно отчётливые фотографии. Сашку интересовала предпоследняя страница, где публиковали информацию полицейских участков. Здесь-то часто мелькали фотографии с конными полицейскими. Без натуры Сашка могла нарисовать кукольную или юмористическую коняшку, но для трафаретной лошади требовалась определённая поза, так что Сашка снова и снова придирчиво выбирала нужные снимки. Изображение лошади, как она это представляла, должно содержать не только реальные черты, но и узнаваемость позы. Цверга же она собиралась нарисовать так, чтобы он выглядел пародией, но пародией жалкой. В воображении трафарет был готов —

оставалось его воплотить. Так что тренировочный лист покрывался мелким рисунком, пока ещё не очень уверенным — сплошными этюдами-зарисовками к будущему трафарету.

К тому времени как Доран встал распрощаться с Кэйтрией и заглянул в кухню, примерный рисунок был готов. Оставалось только перенести его на плотный лист.

— Сильно, — оценил травник, рассматривая позу лошади и цверга.

Выглядывавшая из-за его плеча Кэйтрия только восхищённо вздохнула.

— Ну всё, девочки, до завтра, — попрощался Доран, и они закрыли за ним дверь.

Сашка чуть улыбнулась, пока Кэйтрия запирала замок. Во взгляде обернувшегося на прощанье Дорана скользнуло сожаление. Жалеем, что не удалось побыть наедине?

... Доран выждал, пока Кэйтрия закроет за ним дверь. Потом поздоровался с соседом по этажу. Выждал, делая вид, что открывает ключом свою дверь, пока тот дойдёт до своего номера и скроется в помещении. Потом быстро огляделся и снял с щеки мышку-татушку. Её он мягко наклеил на дверь своих соседок. Пока опускал руку, силуэт татушки растворился в дереве, и Доран кивнул то ли ей, то ли себе. И зашёл в свой номер.

Мышке-татушке тоже пришлось потерпеть, пока девушки приготовятся ко сну. Только после того как была задута последняя свеча, а девушки успокоенно засопели, она отслоилась от двери и влетела на кухню. Опустилась на подушку и терпеливо выждала, пока Сашка не погрузится в глубокий сон, после чего мягко прильнула к её щеке — и заснула сама. Проснётся подопечная — проснётся и маленький сторож. А пока... Чего зря дёргаться, пока всё спокойно? И в номере наступила сонная тишина.

... Прошла неделя, прежде чем делом изгнания чёрных шаманов и цвергов сумели заняться вплотную.

Неделя, насыщенная событиями и уроками, экскурсиями по городу, имевшими целью выискать нужную площадку для засады на чёрных шаманов и цвергов.

Из этих семи дней Сашке многое запомнилось.

Например, следующий день, после того как её научили дозировать свою магическую силу. День, когда она, замирая от волнения, собиралась в университет вместе с Кэйтрией, которая нервничала не меньше подруги. Ладно, хоть выпалась Сашка неплохо, чувствуя себя почему-то очень защищённой.

Только вошли в аудиторию, только успели добраться до своего верхнего ряда, куда снова с тоской начал поглядывать Эйлилл, сидящий при раздражённой чем-то леди Аэринн, как в дверях появилась невысокая девушка в тёмном, которая глянула в какие-то листки и звонко провозгласила, окидывая аудиторию вопросительным взглядом:

— Абитуриентка Алекс, телохранитель леди Кэйтрии! Прямо сейчас в кабинет ректора — на собеседование!

Ух, какая тишина зазвенела в аудитории, пока Сашка с трепещущим сердцем спускалась между рядами! Мельком глянув в сторону Эйлилла, увидела открытый рот леди Аэринн и с трудом удержалась, чтобы не показать ей язык. И чувствовала, да ещё как, — эмоции всех: изумление студентов и дружное пожелание взволнованных телохранителей — удачи! А внутри этого пожелания тревога, легко узнаваемая — Дорана. Сашка буквально качалась в этом бурном потоке эмоций, которые струйным водопадом спускались и стремились к ней. И только за дверью она перестала бояться, что её собьёт с ног этими потоками... Девушка в тёмном спросила:

— Знаете, где находится кабинет ректора?

— Знаю.

— Тогда дойдите сами. Мне ещё несколько объявлений сделать.

— Ага, — пробормотала Сашка и отправилась по коридору, стараясь вдыхать глубоко, чтобы успокоиться и не переломать всё к чертям в кабинете ректора, если сорвётся с катушек и не сумеет удержать под контролем свои магические силы.

Только она замерла перед дверью, испуганно думая, а не бросить ли всё и не сбежать, как эта дверь торжественно открылась перед ней, а из кабинета вежливо предложили голосом Каа:

— Алекс, войдите, пожалуйста.

За вторым столом в кабинете ректора сидели три преподавателя. Все трое улыбочивые, так что Сашка отчего-то испугалась ещё больше. Едва она встала перед этим столом, косясь на стул и небольшой столик рядом, один из преподавателей, невысокий крепкий тип, встал и поклонился:

— Декан факультета заклинателей.

И сел. За ним встала женщина-эльф и улыбнулась:

— Декан факультета мастеров-создателей иных сущностей.

И последним встал высокий светловолосый мужчина-эльф.

— Декан факультета боевой магии.

Сашка в панике обернулась к ректору. Он всё знает! Поэтому один из деканов — от факультета боевой магии! Каа в ответ довольно ухмыльнулся, и собеседование началось. Для начала Сашку допросили, откуда она и как попала в Агриппу. Затем выяснили, какие обычные таланты имеются. И на сладкое предложили несколько заклинаний для проверки магической силы. В разговоре Сашка уловила, что собеседники благосклонно к ней расположены. Сообразить было нетрудно: если сам ректор назначил внеочередное собеседование для телохранителя, то деканов, естественно, перспективная абитуриентка тоже заинтересовала.

После оглашения проверки Сашка в новой панике оглядела кабинет, но ректор Тайернан, добродушно улыбаясь, заверил её:

— Не бойся, Алекс. Эти стены выдержат.

Деканы вежливо посмеялись, а она им поулыбалась в ответ, сама в ужасе думая: "Им-то хорошо! А если я не смогу сейчас, пока психую, удержать магию на приличном уровне?"

Первым заданием стало заклинанием превратить воду в чашке в лёд. Сашка выдохнула. Это не так страшно. Зато ей объяснили то, до чего не додумались в своих объяснениях Доран и Кэйтрия. Мало того, что надо усиливать акцент на определённые слова, так ещё визуально надо представлять то, что сделает заклинание. С ограничением. То есть вот чашка, в ней вода. В чашке льда должно быть столько, сколько там воды.

Ну, Сашка и взяла сосуд с водичкой. Старательно прочла заклинание, боясь даже моргнуть, а то вдруг слишком много льда окажется. Получилось! Лёд лишь слегка вылез за края чашки. Она, радостная, подняла глаза на членов комиссии, которые почему-то ошеломлённо оглядывались, и ссутулилась: пока старалась чистенько выполнить задание, стены кабинета покрылись изморозью.

Каа, улыбаясь так, словно слопал вкуснейший десерт, небрежно махнул рукой, и стены обрели свой первоначальный цвет и состояние.

— Продолжим, — мурлыкая, предложил он.

Следующим заданием стало предложение сотворить с помощью универсального заклинания ту самую сущность.

— Может, не надо? — с тоской спросила Сашка, предчувствуя жуткие катастрофы, когда преподавательница закончила объяснение, что это такое.

— Надо, Алекс, надо, — радостно оскалился ректор, с таким интересом всматриваясь в неё, словно ребяёнок, который ждёт чудес на Новый год. И тут же снова успокоил: — Не беспокойся, Алекс. Стены кабинета защищены от всего магического. Учебного, — вкрадчиво добавил он.

Насупившись, Сашка вдруг повеселела. А что, если ей в первый и в последний раз такой шанс выпадает? Ну, сотворить нечто? Она посидела, пытаясь представить "неведому зверушку", даже черкнула пару штрихов на листочке, а потом прочитала заклинание. Зверушка получилась на удивление в точности та, что задумывалась. Минус оказался лишь в том, что зверушка решила появиться не в одиночестве. И теперь Сашка хлопала глазами на деканов, которые оживлённо бегали по кабинету и ловили глазастых шерстяных шариков с жуткими круглыми ушами, которые довольно энергично катались по всем стенам — так шустро, что тельце с короткими лапками разглядеть можно было не сразу.

— И как вы назвали эту сущность? — с непобедимым любопытством спросил ректор, который держал двух зверушек за уши и довольно доброжелательно обменивался с ними улыбками, благо, что сущности тоже улыбались ему наивно и радостно.

— Я их не придумала, а воспроизвела, — объяснила Сашка, уже поймавшая штук десять и гонявшаяся за остальными, набивая их в подол рубахи, откуда они хлопали глазищами на всех присутствующих. — В моём мире они называются чебурашками. Но они не существуют, а типа... ну, игрушки для детей.

Женщина-эльф, которая с видимым удовольствием тоже собирала чебурашек, словно глазастые хихикающие грибы, в мусорную корзину, небрежно высвобожденную от мусора в угол кабинета, откликнулась на слова Сашки:

— Ничего удивительного! Эти очаровательные мордашки настолько симпатичны, что и наши детки будут им рады.

И тогда, почувствовав, что преподаватели настроены и впрямь доброжелательно, Сашка осмелилась спросить:

— А что я сделала? Они... живые?

Женщина-эльф вытащила из корзинки одну зверушку-чебурашку и внимательно пригляделась к ней. Покачала головой.

— Нет, они сделаны стандартно: собраны из всех материалов, которые оказались поблизости и откликнулись на ваш призыв, выраженный заклинанием, и наполнены душами неприкаянных. Но, поскольку эти зверушки у вас, Алекс, ассоциировались с безобидным существом, с детской игрушкой, то души им достались добрые. Жаль, что они плохо закреплены к вашим сущностям и что вообще придётся с ними расстаться. Некроманты помогут им оторваться от этих тел и упокоиться. Но, как именно игрушки, они так и останутся в этой форме — на радость нашим студентам и детям. Что — что, а форму вы сделали крепкую. — И подставила корзинку, куда Сашка из подола вывалила своих пойманных чебурашек.

— Ну, и последнее задание, — слегка улыбнулся декан факультета боевой магии.

И Сашка сразу насторожилась. Этот мужчина-эльф до сих пор выглядел очень бесстрастным и довольно-таки мужиком себе на уме. От него можно ждать подвоха.

Но то, что декан боевых магов предложил, выглядело поначалу безобидно.

— Вот заклинание. — Он протянул свой листок, и Сашка торопливо принялась за

привычную и ей, и преподавателям транскрипцию древних слов. — Вы должны прочитать его, думая о каком-нибудь оружии.

Сначала Сашка озадачилась. Думать? Об оружии? Потом она открыла рот спросить, что получится в результате. И тут же закрыла. Она постоянно спрашивает. А ведь это собеседование. Но всё же осмелилась на вопрос:

— Просто думать? Но... потом оружие исчезнет?

— Да.

Короткий ответ не располагал к дальнейшим расспросам, и Сашка, прежде чем прочитать транскрипцию заклинания, лихорадочно поразмыслила, о чём она будет думать. Огнестрельное она сразу отмела. Ещё не хватало: появится — и начнёт бабахать. Ей это надо? Обвинят ещё в агрессии! Скажут — не нужны нам студенты из такого жуткого мира! Хотя... чебурашки... И думать. Может, оружие не появится, а только будет, ну скажем, увидено всеми мысленно? Но... какое оружие? И замерла. А если тоже, как и чебурашки, — выдуманное? Несуществующее?.. Нет! Нельзя! Чебурашки в её мире тоже не существуют, но здесь почти живые!

— Алекс?.. — мягко окликнул ректор.

— Да, сейчас! — заторопилась она и поднесла к глазам бумагу с заклинанием, страшась, что сейчас увиденное ею в воображении тут же засыплет кабинет Каа целым складом оружия. Поэтому, дочитывая заклинание, она вытянула руку в сторону и сжала кулак. Если уж вызывать оружие, то пусть оно будет в руке!.. И направленным в стену, за которой точно находится улица!

Когда она договаривала заклинание, пальцы судорожно вцепились в тёплую рукоять, и Сашка в радостном смятении подумала: "Сбылась мечта идиотки!" Воображение не выдержало ограничений, и световой меч джедаев выстрелил из рукояти в стену огненным лучом силы. "Да пребудет со мной сила!" — чуть не завопила Сашка, стараясь удержать меч клинком к стене и не желая, но пробивая в ней дыру.

Ещё две-три секунды — и энергетический луч, покорный её успокоившемуся воображению, пропал, втянувшись в рукоять. А пальцы прочувствовали, как недавно гудящая от силового напряжения рукоять меча джедаев медленно растаяла, оставив по себе адреналиновое воспоминание и чувство глубочайшей эйфории. С той же глупой счастливой улыбкой Сашка повернулась навстречу бегущему к ней мужчине-эльфу, чьё потрясение на лице ни с чем невозможно сравнить. Даже Каа выбрался из кресла, спеша вместе с ним к Сашке.

— Что это было?! — возбуждённо спросил декан боевых магов. Сашке показалось — он с трудом удерживается, чтобы не затрясти её за плечи, лишь бы она побыстрее ответила. — Это потрясающе!

— Этого меча не существует, — с сожалением ответила она. — Он такая же выдумка, как все эти чебурашки.

— Сравнила тоже! — фыркнул мужчина-эльф, жадно вглядываясь в Сашкины глаза. — Если это выдумка, у неё должны быть обоснования. На чём зиждется выдуманный принцип этого прекрасного меча?

Сашка ахнула про себя. Магия! Почти тот же принцип! Лихорадочно подумав, не влезает ли она с принципами выдуманного мира в мир магии, не разрушит ли его, привнеся новое оружие — пусть на стадии разработки, она пожала плечами. Если они его выдумают и воплотят в дело, то будут соблюдать те же принципы, что и джедаи.

Пришлось сесть на стул и рассказывать преподавателям о вселенной джедаев, о принципах тёмной и светлой силы, как она это понимала по фильмам и книгам.

— Концентрат силы! — воскликнул декан боевых магов, словно сделал открытие, и унёсся из кабинета ректора, сияя восторженными глазами.

Каа глянул ему вслед нежно, как людоед — вслед любимому ребёнку, которому можно простить многое, и обратился к Сашке.

— Ты прошла все тесты, Алекс. Мастер заклинаний тобой доволен. Как довольна и мастер искусственных существ, не говоря уже о восхищённом мастере оружия. Остался лишь один вопрос, который мы намерены тебе задать. Несмотря на то что я собрал здесь для собеседования магов определённых направлений, всё же спрошу тебя, Алекс: а ты на каком факультете хотела бы заниматься? Какими ты видишь свои способности?

Сашка собралась с силами и упрямо (на всякий случай) сказала:

— Я хочу заниматься на факультете бытовой магии. И не подумайте, что это из-за моих друзей. У меня есть основания учиться именно там.

... В конце второго часа ректор привёл её, придерживая за локоть, словно галантный кавалер даму, в аудиторию. Вместе с нею вошёл в помещение и, поклонившись удивлённому преподавателю, спокойно сказал:

— Принимайте новоиспечённую студентку факультета бытовой магии! Надеюсь, друзья и однокурсники помогут Алекс догнать пропущенное.

Сашка, изо всех сил стараясь выглядеть маленькой и незаметной, взлетела наверх, к Кэйтрии и Дорану, провожаемая удивлёнными взглядами студентов и радостными — их телохранителей. Свалилась на скамью вовремя — зазвенел звонок, так что Кэйтрия, перегнувшись через откровенно счастливого Дорана, тут же схватила её за руки и спросила:

— Ну что? Алекс, не молчи!

— Всё нормально, — только и сумела сказать Сашка, которую распирало от сильных чувств, и чуть не расплакалась, когда Кэйтрия быстро вытащила из своей сумочки новую толстую тетрадь и протянула ей.

— Это мой подарок! На следующей лекции будешь писать вместе с нами!

А Доран сунул Сашке ручку из здешних.

Чтобы перейти из одной аудитории в другую, они спускались со своего верхнего ряда, как победители. Руэйдри поспешно подошёл и потряс Сашке руку, а рыженький мальчик помахал рукой. Девушки-эльфы поджали губки, но промолчали. Леди Аэринн смотрела так, будто растерялась вконец. Зато Эйлилл приблизился вместе с орком и приветливо сказал:

— Я знал, что ты выберешь наш факультет! Поздравляю, Алекс!

— Спасибо!

Эйлилл оглянулся, и леди Аэринн нехотя подошла к Сашке.

— А что? Была возможность выбрать другой? — пренебрежительно спросила она.

— Я буду очень скромной, леди Аэринн, но возможность была, — легко ответила Сашка. Вспомнила, как декан боевых магов вылетел из кабинета ректора, и засмеялась от удовольствия, ещё больше огорошив леди Аэринн.

Но перемена маленькая, и вся компания отправилась в другую аудиторию. Та была поменьше, но места наверху ещё оставались. Пока рассаживались, Эйлилл шёпотом рассказал, что он вводит леди Аэринн в курс дела, но не сразу. Так компания узнала, что он поведал девице-эльфу: они хотят попробовать встретиться с чёрными шаманами в определённом месте и попробовать с ними подраться, но место должно быть... И далее шли

особенности места встречи с врагами горожан. Леди Аэринн понравилась странная и довольно безрассудная затея, и она азартно включилась в поиски этого места.

Так что Сашка напропалую наслаждалась прогулками по столичному городу, занятиями в университете и большим вниманием Дорана. Тот получил допуск в её с Кэйтрией номер, будучи самым настоящим репетитором, который не только вытаскивал на нужный уровень Кэйтрию, но и натаскивал теперь по предмету Сашку. Причём, последнее ему явно нравилось больше.

Двадцать четвёртая глава

Эта неделя оказалась вообще весьма насыщенной событиями, пусть и вписанными строго в расписание университетской учёбы.

Утро проходило неизменно на уроках. Сашка наконец не без помощи Дорана и его трав сумела разработать излеченные Каа мышцы рук и теперь довольно сносно писала лекции, благо здесь их не читали, а диктовали — в расчёте на тех, у кого не пальцы, а когти. Когда студентов в один из солнечных дней на занятиях появилось больше обычного, Кэйтрия и Доран осторожно, чтобы не оскорбить других, указали Сашке на студентов-оборотней, у которых, в отличие от рыженького ренара, например, чернильную ручку сжимали не коротенькие пальчики (из-за чего тот, как выяснилось, быстро уставал и капризничал, а веркрыс снова и снова озабоченно тыкал его лицом в тетрадь), а длинные толстые пальцы с когтями.

С тренировками помогло во многом расписание, сокращённое до двух пар в день, но с условием выполнения многих работ по учебным заданиям. Что значило — до наступления темноты студенты отсиживали ещё и пару часов в читальном зале. Сашке эта ситуация была на руку, потому что можно было оставить письменные задания на Кэйтрию и Дорана, а самой свалить на крышу. Ведь в защищённом помещении университета студенты были вне досягаемости цвергов. Так что, едва звенел звонок с последней пары, телохранители собирались и бегом мчались на крышу, пока хозяева, то бишь подопечные, усердно конспектировали учебники. Студенты против занятий своих охранников не возражали. Кому не хочется более квалифицированной защиты?

Ходила Сашка эти дни в университет одетой в расчёте на тренировки: штаны, короткие сапожки и удобная рубаша. Разве что плащ длинней обычного мужского. Ей, как попавшей из иного мира, такое позволялось. Хотя Кэйтрия слегка ворчала, что не женственно это, не женственно!.. Зато теперь Сашка собирала подростские волосы в маленький хвостик, который девушка-эльф любовно обвивала бисерными бусами, умудряясь сделать настоящее произведение искусства из простейшей причёски.

Зато Доран!.. На второй день тренировок Сашка обнаружила его сидящим у стены, возле двери на крышу, и с любопытством наблюдающим за спаррингами. Сначала она обозлилась, что он помешает. Но чем дальше, тем становилось очевидней: телохранители травника не замечают! Это Сашку поразило, но она всё-таки сообразила, что дело опять-таки в магии, и под конец тренировки, когда телохранители вышли с крыши, спросила, усевшись на пол рядом с ним:

— Бросил конспекты на Кэйтрию?

Он обнял её за талию, прислоняя к себе, и спокойно сказал:

— Это Кэйтрия меня бросила, когда к ней в читалке пересел Эйлилл.

— Понятно, — всё ещё с недоумением сказала Сашка. — И что будем делать?

Не оборачиваясь к двери, Доран щёлкнул пальцами — и та с треском захлопнулась.

— Что? Что можно делать в помещении, в которое войти никто не может? Что можно делать, когда осталось всего пара минут свободного времени?

На риторический вопрос Сашка, радостно улыбнувшись, кивнула и быстро пересела на его ноги. И они нацеловались всласть, пока не спохватились, что, испуганная их слишком долгим отсутствием, Кэйтрия может прибежать сюда, притащив за собой заодно и Эйлилла с

орком.

Этот их второй поцелуй... Доран не то чтобы снисходительно давал себя целовать. Нет, он даже сумел слегка приподнять колени, когда решил, что она села слишком далеко. Сашка съехала к нему плотней. Сам же оттолкнулся от стены, чтобы целовать с той же страстью, как в первый раз, но как-то бережно. И она заразилась этой мягкостью — его деликатностью, что ли? — и отвечала нежно, удивляясь себе самой, что может быть такой слабой в его руках. Но главное, что собственная слабость ей... понравилась.

Оказалось — им повезло. Хотя как сказать... На следующий день на крышу прорвалась леди Аэринн. Она сумела обмануть своего орка-телохранителя. И что-то там такое сотворить магическое, что на некоторое время все потеряли её следы.

Обернувшись на неясный, но настойчивый взгляд в спину, Сашка увидела у двери в "спортивный зал" девицу-эльфа, чей открытый рот был бы смешон, не смотри она на бои жадным взглядом. Сашка попервости даже нехорошее о ней подумала: типа, девица на настоящих мужиков пришла поглазеть!.. Телохранители её не замечали, поглощенные тренировками, которые сегодня проходили несколько иначе: веркрыс принёс самостоятельно сооружённый бола, и все вместе пытались приспособить оружие именно для телохранителя рыженького ренара. Ведь ему, встретиться он с цвергами, больше всех не повезёт: мощные бёдра веркрыса, напади на него мелочь с копышками, сделают его неуклюжим и беспомощным перед врагом. Так что в тренировочных пробах сейчас рождалось самооборона с применением бола.

В чём-то Сашка понимала леди Аэринн, понимала, почему она то и дело вздрагивает, когда кому-то из телохранителей удаётся не только мастерски, но даже красиво применить приём — свой или показанный Сашкой. Но всё равно злилась. Ведь при виде леди телохранители по одному начинали опускать руки, с тревогой оглядываясь на неё. А уж как недоволен был Доран! И это явное недовольство примирило Сашку с внезапным вторжением.

Когда Сашка заподозрила, что отделаться от капризной леди Аэринн будет трудно, она тоже испытала — уже не столько недовольство, сколько обиду. Сашка-то мысленно уже разлакомилась на каждодневный поцелуй после тренировок! Ждала его, считая наградой за все усилия на крыше! А тут — вон что...

Пока леди, в отличие от Дорана не сообразившая закрыть себя от бойцов невидимостью, замороженно созерцала тренировки, которые постепенно сходили на нет из-за неё же, Доран насупился и встал с корточек. Леди Аэринн его не замечала, потому что от порога прошла чуть дальше, оставляя травника за спиной. Сашка с трудом удержалась от смеха: Доран решительно снял с щеки мышку-татушку и послал её за дверь. За телохранителем леди, небось? Тот в последнее время именно из-за неё на тренировки не ходил, как и Гарбхан.

Но пока суд да дело, Сашка медленно пошла к девице-эльфу. Одновременно она поглядывала на Дорана, который, кажется, пытался магией спроводить капризную студентку, перебирая свои браслеты и что-то прошептывая над ними, а потом вдруг застыл на месте, вперившись в спину Аэринн потрясёнными глазами. Что это с травником? Он будто увидел привидение!

Когда леди Аэринн поняла, что гипнотизирующие её тренировки закончились из-за неё же, она осмотрелась и наконец соизволила заметить Сашку.

— И вы здесь каждый день? — спросила она — странно, что без претензии, но с азартными нотками в голосе.

— Не всегда, — призналась удивлённая Сашка: в аудиториях леди Аэринн не желала знаться с нею, что было ясно по кривящемуся рту и быстрому уходу глаз в сторону, едва Сашка нечаянно попадала в её поле зрения.

— Ты их учишь? — продолжала допытываться девица-эльф.

— Нет, не учу. Они и так драться могут. Просто я знаю те приёмы, которых они не знают. А они показывают то, что интересно мне.

— А мне? — жадно спросила леди Аэринн. — Мне можно с вами?

Ошарашенная Сашка открывала и закрывала рот, пока не заметила за спиной девицы-эльфа Дорана, который закатывал глаза, то ли насмешничая, то ли ещё отчего.

— Леди Аэринн, — дипломатично напомнила Сашка. — Если бы вы ходили... э-э... не в платье, а в штанах... Но ведь...

Девица-эльф с каким-то раздражением взглянула на своё традиционно длинное платье, приталенное у груди. Оно явно было не из дешёвых, но на сухопарой фигуре леди Аэринн висело так откровенно, что Сашка про себя удивилась: при деньгах знатной девицы она могла бы платье не покупать, а заказывать у лучшей портнихи в городе! Даже привычный меховой воротник не спасал фигуру девицы-эльфа.

Доран за спиной леди Аэринн давился от смеха, закрывая ладонями лицо. Сашка оглянулась на телохранителей: они тоже смотрели не на девицу-эльфа, а на травника, и вид у них был такой, как будто им всем хотелось покрутить пальцем у виска.

Наконец леди Аэринн отмерла от недовольного раздумья и вздохнула.

— Тогда можно — я просто буду приходить сюда на ваши тренировки?

Сашка снова обернулась к телохранителям. По уже кислым лицам поняла их.

Доран вытирал слёзы, когда Сашка спокойно сказала:

— Если ваш телохранитель не будет против, я согласна.

Она уже заметила, что орк леди Аэринн иной раз верховодит над своей подопечной, выполняя ту же функцию при ней, что веркрыс при ренаре. Девица-эльф раздражённо фыркнула, а Сашка вздохнула: пока болтали зря, время тренировок закончилось. Напомнила о том телохранителям, и те поспешно прошли мимо леди Аэринн к лестнице с крыши. А потом за леди Аэринн прибежали оба орка, Эйлилл и Кэйтрия следом за ними. И тут же Сашка уловила интересный эпизод: встретившись взглядом с Эйлиллом, Доран подмигнул и с улыбкой кивнул на девицу-эльфа. К огромному изумлению Сашки, красавчик эльф чуть не побледнел, тоже кинув взгляд на девицу-эльфа, чего та не заметила, довольно-таки крепко ругаясь со своим телохранителем-орком: тот налетел на неё, словно коршун на цыплёнка, обвиняя в легкомыслии. А потом Эйлилл быстро подошёл к травнику и так же быстро переговорил с ним, чуть не умоляя о чём-то шёпотом. Доран стал более серьёзным и несколько раз покивал. У Гарбхана, который приблизился к ним в последние секунды разговора, глаза стали квадратными, и он так свирепо оглянулся на девицу-эльфа, что та осеклась, мимоходом переведя взгляд со своего орка на него. Больше она не спорила, покорно дала увести себя с крыши.

Правда, поздновато. Дорану с Сашкой пришлось плестись с остальными на выход, и посидеть больше не удалось. Единственное — спускались последними, и Сашка чуть не рассмеялась от жалости к себе и травнику, когда он просто взял её за руку: хоть с минуту побыть вместе, чувствуя друг друга!

После тренировок и читального зала шли гулять по городу — якобы безмятежно мотаясь по улицам, как и подобает студентам, у которых внезапно образовалось много

свободного времени, а на деле — в поисках нужного места. Такого не находилось, и Сашка всё больше склонялась к другой идее — подогнать любое удобное место под то, что необходимо им. Иначе — они тратят слишком много времени. Эта мысль отчётливей засела в мозгах, когда к их маленькой компании присоседилась леди Аэринн, которую начали исподволь вводить в курс дела, чтобы использовать потом её, как зачинщицу.

Потом все расходились по своим домам, причём Эйлилл неизменно смывался от леди Аэринн и двух орков. Но, как показалось Сашке, Гарбхан больно-то не сопротивлялся желанию красавчика эльфа побыть подольше с Кэйтрией. Так что следующую часть дня они проводили вчетвером, изучая необходимое по бытовой магии, а заодно натаскивая Сашку по пропущенным материалам. Потом шли ужинать, а затем провожать Эйлилла, которого к тому времени у дверей из гостиницы дожидался Гарбхан.

Потом сидели уже втроём, и Доран с Кэйтрией экзаменовали Сашку на предмет знаний тех лекций, что она успела записать, после чего снова и снова гоняли по практической магии, заставляя выполнять простейшие, на их взгляд, задания. Таким образом её учили опять-таки контролировать магическую силу и вкладывать её в желаемое, а не тратить зря.

Но в пятницу, когда ей предложили новые задания, Сашка не выдержала и высказала:

— Мы тянем. Ищем нужное место и не находим. А в это время в городе... — Она швырнула на стол пачку газет. И взглянула на друзей. — Мы слишком тянем.

— Или не тянем, а не созреваем до мысли, что место для встречи с цвергами надо не искать, а разработать самим, — задумчиво сказал Доран, и Сашка с признательностью взглянула на него: "Мыслим одно к одному!" — Нам бы идею, как это место создать!

— Есть идея, — сказала Сашка и освободила стол от учебников и тетрадей. — Смотрите: берём любой участок, закрытый от глаз посторонних людей, чтобы их не подвергать опасности. Когда мы жили в доме у тёти Кэйтрии, там были ширмы. Надо найти подобные щиты и нарисовать на них картинки по трафарету. Расставить щиты в том месте, а в середине этого места я буду рисовать отдельную картину с чёрными шаманами.

— Сквер, — хмурясь от усилий представить себе такое место, предложила Кэйтрия. — Любой сквер — это площадка, окружённая кустами. Надо выбрать такой, где кусты выше человеческого роста.

— При помощи магии, — подхватил Доран, — разбросать отпугивающие талисманы для этих самых посторонних! И чем ещё хороши должны быть кусты — они будут густыми! Ну, чтобы в них прятаться тем, кто уничтожит цвергов и чёрных шаманов.

— Цвергов-то уничтожать не обязательно, — возразила девушка-эльф. — Нам их надо только напугать. Тогда они не будут слушаться своих хозяев и убегут. А вот чёрные шаманы... Надо их как-то наказать за то, что они заставляют дикарей убивать, пользуясь их примитивностью.

— Тогда нам понадобится больше участников для этой операции, — сказал Доран и взглянул на Сашку. — Мне бы не хотелось, чтобы цверги вдруг обнаружили прячущихся в кустах, а потом добрались до тебя.

— А ведь я знаю такой сквер, — снова задумчиво сказала Кэйтрия. — Этот тот, при университете, где Алекс меня нашла и помогла отбиться от Гарбхана. Он окружён кустарниками самшита. А он вечнозелёный и очень густой. Если расставить там ширмы с рисунками трафарета...

— О... Я тоже этот сквер помню, — нетерпеливо сказал Доран. — Там ещё чем хорошо — Алекс сможет сбежать в эти же кусты, к нам, чтобы укрыться, когда начнётся заварушка с

шаманами. Так. Кого к нам позовём, чтобы работать с трафаретом?

— А сколько надо будет ширм?

— И кого вообще включать в группу?

Возникшие вопросы удивили Сашку. Ей-то казалось, по основным пунктам старого плана они уже всё обговорили!

Тем не менее, пришлось взяться за листок и ручку, чтобы теперь уже детально проработать план тайной операции против чёрных шаманов с цвергами. Договорились, что завтра, в субботу, они перед занятиями забегают в ту лавку, где Кэйтрия с Сашкой взяли в долг нужные для лабораторного опыта ингредиенты, за которые успели недавно расплатиться. Там они втроём купят краску и самые большие листы бумаги, какие только найдутся. Сашка уверенно сказала, что эти листы, типа ватмана, там точно есть. Тренировку придётся свернуть: телохранители помогут Сашке расписать эти листы по трафаретам, а Доран будет покрывать эти готовые листы магическими заклинаниями, которые временно защитят их от шаманов. В это же время Эйлилл должен будет отправить орков-телохранителей за короткими шестами, которые будут держать листы-ширмы. На каждый лист определили по три шеста: на двух надо будет распялить лист, а третий будет опорой.

— Значит, мне надо сейчас сделать ещё парочку трафаретов, — решила Сашка. — А когда всё сделаем? Когда выступаем с ширмами?

— В выходной день, скорее всего, — сказал Доран. — К вечеру. Тогда на улицах мало будет народа, а возле университета вообще никого не останется. Безопасней.

— Тогда завтра же надо посмотреть, где будет сидеть засада на шаманов. Они ведь точно прибегут посмотреть на меня, а потом будут психовать, что цверги убегают. Кстати, если шаманы там будут, мы ведь их ловить не сможем.

— Это дело Эйлилла, — ответил травник. — Пусть он в последний момент предупредит департамент. Хотя бы через орков. И пусть те, кто будет нам помогать, спрячутся в тех же кустах — перед тем как тебе рисовать.

Когда план наконец проработали досконально, Сашке показалось, что Доран чем-то сильно недоволен. Он всё смотрел на этот план, будто искал в нём прорехи, которые помогут шаманам справиться с "группой сопротивления".

Суббота оказалась днём с сумасшедшинкой. Бегали как черти. Орала друг на друга весело и громко. Вдохновенно расписывали через трафарет будущие ширмы. Ввели в полный курс дела леди Аэринн. Она некоторое время расширенными глазами вчитывалась в план, а потом неожиданно пронизательно осмотрела заговорщиков и спросила:

— Хотите всё на меня свалить, если что?

— Конечно! — без промедления ответил Доран. — На кого ещё, как не на вас, ва...

— Заикаешься? — удивилась Сашка. — С чего бы это?

Тоже огляделась и получила впечатление, что, кроме неё и Кэйтрии, остальные прекрасно поняли, в чём дело. Причём Доран не должен был этого понимать — судя по угрожающим взглядам орков-телохранителей.

Но инцидент злыми переглядами только и ограничился.

Леди Аэринн согласилась быть козлом отпущения на обещание Сашки, что девице-эльфу дадут несколько уроков самообороны.

— Сегодня гуляем! — заявил травник. — Помните, в трактире — зал для танцев?

— Ой, гуляем! — захлопала в ладоши Кэйтрия, чуть не запрыгав под завистливыми взглядами леди Аэринн. — И танцуем тоже!

Эйлилл снисходительно улыбнулся. Кажется, он уже выпросил себе пару свободных часов на это время.

Перед тем как пойти в гостиницу, вся компания ввалилась в памятный сквер, где заговорщики быстро договорилась между собой, где будут стоять готовые ширмы, где будут прятаться все те, кто готов сразиться с шаманами, и где будет стоять Сашка, рисуя портрет чёрного шамана.

У входа в университет распрощались. Жутко исходящая завистью леди Аэринн уехала в карете, сидя между двумя орками, а счастливый Эйлилл пошёл с Кэйтрией под руку, как Доран — под руку с Сашкой.

Время словно остановилось между усталым днём и вкрадчиво подступающим вечером. Фонари зажигались через один и лениво полыхали пламенем, еле видным в свете угасающего дня. Сашка, с удовольствием цепляясь за локоть Дорана, мечтала о горячем ужине и смущённо предвкушала танцы, которым травник обещал её научить. Она надеялась, что движения в танце будут не сложнее приёмов самообороны, и собиралась оторваться не на шутку.

В гостинице поднялись на свой этаж. Эйлилл снял плащ у Дорана, а девушки мало того что оставили верхнюю одежду, так ещё и успели приодеться в ажурные кофточки, связанные за неделю Кэйтрией. Посмотрев друг на дружку, обе прыснули со смеха и, успокоившись, принялись нетерпеливо ждать кавалеров, чтобы спуститься в трактир.

Прошли привычный коридор, весело смеясь и легкомысленно болтая о танцах, и вошли в тихое помещение трактира. Эта тишина... Они словно шагнули в неё и сразу забыли о своём веселье. От неожиданности остановились, приглядываясь к тем, кто сидел за столами. Нет, в трактире разговаривали, но вполголоса, словно чего-то или кого-то боясь. О музыке речи и не шло.

Когда четверка студентов расположилась за столом, к ним подошла подавальщица.

— Что будете? — спросила девушка, непривычно серьёзная.

— Что случилось? — кивая на трактирный зал, негромко спросил Эйлилл.

— Цверги только что убили студента — к нам прибежали рассказать об этом. — Она проследила взгляды девушек на помещение для танцев и покачала головой. — Танцев сегодня не устраиваем. Итак, что будете?

Проникнуться угрюмой атмосферой было нетрудно. Видимо, поэтому Доран попросил подавальщицу принести им подносы с едой, которую можно забрать в номер.

Но и в номере сидели тихо и спокойно, просто ужинали и вспоминали, что произошло за день в университете, стараясь обойти трагически печальное событие. Сашка за этими недомолвками подозревали суеверие своих друзей: типа, предзнаменование плохое! — но помалкивала.

Потом всей гурьбой провожали Эйлилла к выходу из гостиницы.

Затем Кэйтрия и Доран снова занялись тренингом, как это поняла Сашка. Они муштровали Сашку, так, будто готовили её к завтрашней встрече с цвергами и шаманами — один на один. И это было как-то вымученно, потому что и Сашка всё почему-то забывала, и у студентов всё валилось из рук. Наконец, девушка-эльф заявила, что устала и лучше повяжет, а травник почесал в затылке и неожиданно пригласил Сашку к себе. Кэйтрия только фыркнула на это приглашение, но Доран был серьёзен.

Когда он вышел из их номера, заручившись обещанием Сашки, что она в самом деле скоро придёт, Кэйтрия отложила вязание на колени и спросила:

— Почему ты решила сходить к нему?

— Мне интересно, как он живёт, — улыбнулась Сашка. — Не бойся, я у него недолго пробуду.

— Я не боюсь, — вздохнула Кэйтрия. — Я за тебя беспокоюсь.

— А чего за меня беспокоиться? — удивилась Сашка. — А то ты не знаешь, что у меня разговор с теми, кто мне не по нраву, короткий! Ногой в морду — с разворота! И все дела.

— Да это я знаю, — отмахнулась Кэйтрия. — Просто... — Она задумалась и пожала плечами. — Я, наверное, начала всего бояться, потому что всё очень быстро случается.

— Если ты про этот случай с убийством студента, то, по мне, так это наоборот знак, что пора приступать к серьёзным действиям, — сказала Сашка. — Меня удивляет, что до сих пор правительственные всякие органы до этого не додумались.

— Возможно, понадобилась ты, чтобы посмотреть на это дело с другой точки зрения, — снова вздохнула девушка-эльф. И попросила: — Алекс, ты и правда не будь у Дорана слишком долго. Я понимаю, что тебе хочется... Но мне... страшно.

— Минут десять — не больше! — поклялась Сашка. — Потом его в нокаут, а сама — к тебе. Жди.

Для удобства переодетая снова в привычную мужскую одежду, она вышла в коридор и, поколебавшись, постучала в дверь напротив.

Травник открыл сразу.

— Входи, — пригласил он.

Из его комнаты ожидаемо пахло сушёными травами. Сама комната оказалась с ещё более спартанской обстановкой, чем номер девушек. Мебели — только самое необходимое. Стен почти не видно из-за пучков травы, разве что большие полки ломились, изгибались под тяжестью книг и тетрадей. Сашка остановилась в центре комнаты.

— И зачем я здесь?

Он молча приблизился и поцеловал её. Коротко. После чего, усадив её за стол, вытащил из кармана кольцо и серьёзно сказал:

— Алекс, мы не слишком хорошо знаем друг друга. Я знаю, что у тебя есть в том, оставленном мире, семья — родители и сестра. Сейчас я расскажу о себе. Мы жили у границы государства. Мой отец погиб, когда я был ребёнком. Мать привезла меня сюда, в столицу, где у нас оставался родственник — её старший брат. У него не было своей семьи, и он приютил нас. Когда я повзрослел, узнал, что он агент тайной королевской службы, куда прочит и меня. Мне понравилась его тайная работа, и я не стал возражать против учёбы в университете, а даже с удовольствием воспринял, что можно получить самые разнообразные специальности, к которым у меня есть предрасположенность. Потом умерла мама. За ней ушёл дядя. И, когда я остался один на один с наследством, выяснилось, что наследство мне не светит. Дядя был нищ. Чтобы уплатить его долги, я продал его дом, а сам переселился в гостиницу, поскольку уже начал практику травника и деньги у меня были. Алекс... — Он склонил голову. — Мне нечего предложить тебе, кроме себя самого. Ты возразишь, что мы знакомы всего несколько дней. Но... Могу ли я тебе предложить обручение? Хочешь ли ты стать моей невестой?

— Но почему сейчас? — поразились Сашка. И погладила его руку. — Я хочу... Но мне кажется, что лучше это сделать после того, как уберём из города цвергов с шаманами.

— Алекс, есть ещё одно, из-за чего я хочу обручения именно сейчас. — Доран покусал губу и, собравшись с силами, сказал, глядя ей в глаза: — Я страшусь, что ты исчезнешь. Что

ты явилась сюда только для того, чтобы выполнить предназначение. Когда я понял, что люблю тебя, я испугался, что не успею сказать тебе об этом. Поэтому я прошу принять от меня обручальное кольцо, Алекс.

Вот почему он так похудел в последнее время! Вот почему был хмурым и печальным! Он боялся того же, что и Сашка! А это значит...

Сашка взглянула на осунувшееся лицо, на тёмные вихры, почти закрывающие встревоженные глаза, и немедленно протянула ладонь, слегка раскрыв пальцы.

— Доран, я согласна на обручение. Я хочу быть твоей невестой! Но почему ты думаешь, что полюбил меня? Всего несколько дней...

— Да, полюбил, — упрямо взглянул на неё Доран. — Я отчётливо это понял однажды, когда оглянулся, а тебя рядом не оказалось. Потом нашёл тебя. Ты стояла в коридоре с телохранителями, договаривалась о тренировках. Но я испугался. За тебя. Нет! — заторопился он, словно боясь, что не успеет высказаться, и она рассердится. — Нет, я знаю, что ты сильная и смелая. Я и тогда это понимал, когда оглядывался и искал тебя. Но пока тебя рядом не было, я почувствовал пустоту. Как будто ты не просто вышла, а забрала с собой часть меня. Поэтому я твёрдо решил: за день до этого дела я попрошу твоей руки.

Понимая, что должна сказать хоть что-то, Сашка ответила:

— Но я-то не могу пока сказать, люблю ли тебя. Понимаешь, я ещё не думала об этом. Мне просто всегда было хорошо рядом с тобой. Если тебя устроит такая неопределённость в моих чувствах...

— Устроит, — прервал он её сумбурный, неуверенный лепет. — Если тебя не покоробит моё положение бездомного.

— Не прибедряйся! — вымученно засмеялась Сашка, стараясь не расплакаться: столько странных чувств она ещё никогда не испытывала, а уж того, что сейчас ощущала идущим от Дорана, — тем более. — Только вспомни, что я тебе могу предложить. Ни-че-го!

— А при чём тут ты? — удивился Доран. — Я же мужчина! — И вдруг вскинул глаза: — В твоём мире, наверное, всё по-другому.

— Всяко бывает, — вздохнула Сашка, любясь колечком на пальце — узкая полоска то и дело покрывалась отблесками маленького прозрачного камушка. — А я? Как же я предложу тебе кольцо? У меня ведь нет.

— Есть, — отозвался Доран и протянул ей второе кольцо. — Это семейное. Мы давали невестам это кольцо, чтобы они надевали его нам — мужчинам рода.

Она улыбнулась его "мы" и, тая дыхание, надела ему кольцо на палец.

Он глянул на кольцо, потом на неё и смущённо сказал:

— После обручения у нас... — Он закусил губу, а потом махнул рукой. — Ладно. После обручения жених предлагает невесте пройти круг в танце.

Она вспомнила, как завистливо он смотрел на танец Эйлилла и Кэйтрии, и кивнула. Пусть музыки не было, но они танцевали что-то в ритм, слушая друг друга. Сашка вспоминала, как девушка-эльф кружилась под рукой Эйлилла, как дотрагивалась до его плеча, прежде чем снова отпрянуть от него. И сама кружилась так, ведомая рукой Дорана, как будто всю жизнь танцевала эти танцы под неслышную другим музыку.

И остановились они, только после того как увидели стоящую у двери Кэйтрию, которая озадаченно хлопала на них глазами.

Двадцать пятая глава

Сашка рисовала силуэт чёрного шамана на фоне самшитовой изгороди. Очень боялась отвести взгляд от мольберта, так как в кустарниках неожиданно засело прилично много народу: здесь и Доран с Эйлиллом, и орки, и леди Аэринн, которая в мужской одежде выглядела реально парнем, да и, кажется, чувствовала себя в этой одежде как-то уверенней, и целая куча деловых молодчиков в чёрных плащах с капюшонами. Как выяснилось, их привёл Эйлилл. Доран волком было глянул на него, а Эйлилл только развёл руками: "Пришлось доложить начальству (кивок почему-то в сторону девицы-эльфа), а оно — вот! Что я мог сделать?"

Вечер играл тяжёлым жёлтым отсветом заходящего солнца. Ночь явно обещала быть безоблачной, звёздной, холодной. Последние отблески заходящего солнца неплохо освещали и мольберт, и окрестности, ограниченные для Сашки самшитовой изгородью по периметру сквера.

Стараясь забыть о часе X, Сашка вспоминала всё, что угодно, лишь бы не думать о предстоящем. Вспоминались "домашние" мелочи. Например, вчера, перед сном, она спросила Кэйтрию, почему та прибежала в номер к Дорану. Девушка-эльф ответила с улыбкой: "Я же помню, какая репутация у Дорана. Вот и испугалась за тебя! Уж не знала, что подумать! И боялась войти — а вдруг неудобно будет? А вы — танцуете!" Или думала о мольберте, о котором чуть не забыли и сколотили самый грубый из необструганных даже деревянных реек в самый последний момент.

А ещё она, не глядя на кусты, прислушивалась к ним. Среди насторожённости и боевого ожидания время от времени улавливала струйку тёплого беспокойства. Доран. К этой струйке, слабой, но ощутимой, хотелось прислушиваться постоянно. Жаль, что нужно сосредоточивать внимание на ином.

Стемнело внезапно. Вроде всего лишь раз моргнула, а уже тучи набежали, а потом быстро подступил мрак — до степени "хоть глаз выколи".

Сашка поспешно зажгла на верхнем углу мольберта огонёк — чисто магический, то есть не сжигающий, а лишь освещающий. Он должен был осветить хотя бы лист на мольберте. Сашка же не зря тренировалась на самых примитивных бытовых заклинаниях. Научилась-таки вкладывать силу соразмерно. Но огонёк появился раз — и пыхнул, погас, и темнота вокруг стала ещё черней. А Сашка-то упрямая, да и не поняла сразу, почему освещение быстро исчезло. Да ещё вроде бы как к месту вдруг вспомнилась лекция из последних, где преподаватель рассказывал о геопатогенных зонах, где личная магия может проявляться по-разному — порой слишком слабо, а порой — наоборот.

А потом — дошло, и Сашка со страху еле удержала в руках кисточку. Нет, выписывание зловещей тёмной фигуры (как и любой другой) в таком мраке невозможно — это каждый бы понял, Так что нечего притворяться. Глупо продолжать. Но можно громко и сердито пробурчать, обращаясь к мольберту:

— Да что ж такое! Осталось-то всего ничего дорисовать! Откуда только эти тучи взялись? Неужели здесь место такое гадское? Геопатогенное? Ой, блин... Ещё и дождь! Всё, пора отсюда сматываться! Раз не рисуется — делать мне здесь больше нечего!

Она закинула в котомку, взятую "на дело" у Дорана, миниатюрную палитру и протянула руку к листу на мольберте, по которому уже нещадно шлёпали крупные капли дождя — не

просто уничтожая высокую тощую фигуру, но заставляя её таять, оседать. Пытаясь разглядеть, что там, с рисунком, Сашка чуть не носом сунулась к листу, машинально оглаживая капюшон на голове ладонью и сбрасывая с него горстями дождя. И застыла — ссутулившись от напряжения, помимо воли напрягая глаза на нечто за верхним краем мольберта.

Чёрного шамана будто смыло с листа, а затем разжиженная дождём краска, попавшая на землю, стремительно обрела плоть. Абсолютно непроницаемая тьма стояла перед Сашкой не слишком высоким столбом, на который накинули такую же бесформенную длинную тряпку. По этому столбу, как и по Сашке, били беспощадные струи ливня. Но там, где Сашка зябко вздрагивала от пронзительных ударов по спине и плечам, столбообразная фигура стояла неподвижно.

Попытавшись выпрямиться и определиться, где у фигуры может быть голова, Сашка снова с трудом устояла на ногах. И виной тому стал уже не ливень, с нарастающей силой вбивающий всё живое и неживое в землю, в булыжники мостовой. Нет. Сашка едва стояла под напором другой силы, которая отпихивала её, выбивала с места, давила на неё. Ей даже пришлось схватиться за край мольберта, потому что только это деревянное сооружение продолжало спокойно стоять на месте, выситься между Сашкой и шаманом, не поддаваясь ненависти и кровожадной злобе, потоком плотного воздуха посылаемыми от чёрного шамана.

"Не надо было разглядывать его! — мелькнула паническая мысль. — Чем больше я думаю о нём, тем сильнее чувствую его эмоции!"

Она снова, не отводя глаз от чёрной фигуры, чисто машинально омыла мокрое лицо ладонью и стряхнула с пальцев воду. Уже промокшая, несмотря на куртку с капюшоном, с ног до головы, холода она не ощущала. Зато... Резко повернула голову налево и пошатнулась под новым порывом безумной ненависти. Потом — обернулась посмотреть направо — появился третий! Как они входят в сквер, если перед глазами Сашки чернеет единственный вход между кустами, в котором не промелькнул ни один силуэт?

Следом за этой мыслью она опять-таки машинально скосилась на этот вход — и ей так захотелось избавиться от умения видеть магически в темноте! Через единственный проём в кустарниковых стенах в сквер вливалась бесконечная толпа цвергов!

А в следующий миг Сашка согласилась сама с собой, что лучше всё же видеть.

Едва первые цверги добежали до неё, едва они, вскидывая свои копышки, окружили и её, и молчаливые тёмные столбы, показалось — именно сквер заверещал разноголосием пронзительного охотничьего визга... Мысль пролетела в полмгновения: "А если бы я их не видела?!"

Пространство между нею и первым шаманом из-за мольберта оставалось свободным. Не дожидаясь, пока цверги набросятся на неё, Сашка не прошептала, а всхлипнула защитное заклинание. Действие ощутила сразу — перестала качаться от направленной злобы. Так что в следующую секунду она опрокинула мольберт в сторону и на выдохе ударила ногой вперёд, целя в голову чёрного шамана.

Как будто врезала в сухое, трухлявое дерево. Сломать не сломала, но шаман свалился куда-то в колышущееся под ногами марево тьмы.

Цверги не сразу, но замолкли, медленно опуская свои копышки. Их когда-то косматые головы, сейчас чёрно-лысые из-за ливня, развернулись к рухнувшему шаману, и Сашка уловила густеющее в сквере удивление, а затем и потрясение: их повелители, их живые боги

— уязвимы?!

— Свет! — закричала Сашка.

Она ожидала увидеть примерно то же, что видела впервые у дверей меняльной лавки. Она ожидала, что молодчики Эйлилла выпрыгнут из кустов, держа в ладонях пламя. Но из кустов никто не появился, хотя леденяще белый свет буквально обрушился в сквер. И мгновением позже, будто споря с ним, в углах и по линиям периметра вспыхнули огненные лошади, вздыбившиеся над упавшими цвергами, — и над сквером снова взвился многоголосый визг, на этот раз заполошный от свозившего в нём ужаса. Эти картинки не могли промокнуть под дождём. Какими бы наглыми ни были те неожиданные-негаданные молодчики в длинных плащах, но магических сил они вложили в фигурки рисованных лошадей и цвергов немеряно. В огне пылающих пламенем лошадей жалкие чёрные цверги еле просматривались.

Удиравших цвергов никто не останавливал. Как с этой проблемой уже определились раньше, дорогу к себе на родину они найдут.

Оставались чёрные шаманы.

Сашка медленно поворачивалась из стороны в сторону, приглядываясь к фигурам, на которых отсвечивало пламя рисованных огненных лошадей. Пока шаманы не обращали на неё внимания, потому что сторожились от тех, чьё присутствие почуяли. Но на всякий случай она готовилась к обороне. Зная, чего ждать от цвергов, она с беспокойством гадала, что могут, разъярившись, сделать шаманы. Почему-то инстинктивно казалось, что они-то гораздо опасней примитивных цвергов, которые страшны лишь количественно.

А ещё... Страшно хотелось посмотреть в лицо хоть одному шаману. Что это за существа? Людьми их назвать — как-то язык не поворачивался.

Огненный всполох на рисунках погас. Магические картинки выполнили своё предназначение. Но ровный белый свет продолжал заполнять все уголки сквера — кроме кустарника, где прятались люди. И чёрные шаманы, будто сообразив, что теперь их очередь, начали бесшумно кружить спинами к Сашке — под убывающим дождём, который постепенно сводился лишь к накапывающему. Вскоре Сашка заметила, что видны огни тех городских фонарей, которые стояли неподалёку.

Чего они ждут — сидящие в кустах? Думают, что возьмут чёрных шаманов на псих? Чтс ожидание неизвестности делает шаманов слабей?

А шаманы взяли и развернулись. К ней. К Сашке. И круг начал медленно сужаться. Они шли — безглазые, безлицые, спрятанные под капюшонами, похожими на мешки, как будто плыли к ней, так плавно, что психическую атаку прочувствовала уже она. И в руках — ничего, кроме кинжала, подаренного Дораном. И площадь сквера небольшая, чтобы пятиться от них. Приходилось стоять на месте, замирая от... адреналина, вбросившего в кровь желание двигаться.

Первым из самшита вылетел Доран, вздымая два меча. И тут же обрушился с оружием на вмиг обернувшегося к нему ближайшего шамана, пославшего в него корявую, необычайно чёрную молнию. Белая вспышка в момент соприкосновения молнии и одного из мечей травника ошеломила и болезненно ударила по глазам.

А из кустов, словно прыжок Дорана стал сигналом, начали выбегать остальные, немедленно схватываясь с чёрными шаманами. Зажавшаяся посреди сквера Сашка, боясь лишний раз глубже вздохнуть, дёргаясь, чтобы держать всех в поле зрения, вновь поворачивалась по кругу, поднимая перед собой кулак с намертво сжатой рукоятью кинжала,

готовая драться ногами-руками, если будет возможность обычной драки.

— Алекс, беги!

Вскрик Дорана взвинтил адреналин до высшего уровня. Сашка помчалась к выходу из сквера, лавируя между дерущимися, уступая дорогу тем, кто внезапно поворачивал в её сторону, ахая — шарахаясь от неожиданно пятящихся спиной к ней.

Шагов шесть-семь осталось до проёма между кустами, сереющего уже в свете почти севшего солнца. Надежда вспыхнула не слабей того света, который всё ещё заливал сквер позволяя видеть, куда несут её ноги.

Ноги!.. С поверхности земли ударило болью! Падая и оборачиваясь, Сашка увидела чёрную руку, метнувшуюся из присевшего грибом существа. Именно она поймала в капкан Сашкину ногу и дёрнула её к себе. Удержаться, переместить падающее без опоры тело в удобное положение уже невозможно, и Сашка повалилась на бордюр, с ужасом ожидая следующую боль. Кинжал выпал из руки, потому что была предпринята попытка упасть на руки...

... И вдруг — тишина. И вечерняя, странно уютная темнота, ласково подсвеченная фонарями. И — никого вокруг.

Сашка закричала от боли, когда ей напомнили, что она всё же не одна здесь. Чёрный шаман полз к кустам и тащил её за ногу туда же. Рывок — и Сашкин кинжал оказался вне её досягаемости. Она взвыла от злости и, собравшись, резко бросила тело ближе к существу, которое тут же ударила свободной ногой — в руку, которая причиняла такую боль, на глаза навернулись слёзы.

Где остальные, блин! Почему никто не поможет ей?!

Шаман внезапно зашипел, словно пытался шёпотом выговорить букву "х". И Сашка похолодела от неизвестности, потому что шипение... Шипение наддало ярости, и она снова ударила ногой по его руке. Шаман наконец отдёрнул руку и снова зашипел на неё, чуть не свалившись в метре от неё, а потом подскочив словно упругий мячик. То ли задыхаясь, то ли плача от жуткой ситуации, Сашка оглядеться даже не пыталась. Всё внимание сосредоточила на неистовом желании встать. Сидеть, а значит, быть в подчинённом положении, не то что обидно — опасно.

Приволакивая ногу, отъехала по земле к бордюру, но подальше от шамана, который ссутулился и оглядывался вокруг, шипя и, кажется, плюясь во все стороны.

По земле... По земле?.. По асфальту!!

Стремительный взгляд на ближайший фонарь. Она в сквере своего мира!

Это придало сил. Сашка напряглась и рывком встала, решив пережить боль сразу, чем постанывать, поднимаясь бережно.

Здесь не было слепящего света, в котором можно разглядеть мельчайшие детали чего угодно, но... Чёрный шаман шагнул к Сашке, и сбросил с головы подобие мешковатого капюшона. Она забыла, как дышать, вглядываясь в остроносую звериную морду, заросшую жёсткой шерстью. Существо нервно скалилось, демонстративно пугая подрагивающими острыми редкими зубами.

Почему переводчик перевёл название этого существа как "шаман"?

Губы сами — свершилось желание Дорана, чтобы она использовала магию на автомате! — прошептали заклинание, направленное на уничтожение нежити.

Но шаман сделал следующий шаг, и на уровне его пояса блеснул сжатый лапой нож (или короткий меч?). Ногой его теперь не ударить. Опоры для здоровой не осталось. Сашка

лихорадочно перебрала в памяти нужные заклинания из самых заученных. Заклинание выбивания из руки оружия! Пройдёт ли его действие с лапой? Чем думать, напрасно теряя время, пора бы действовать! Выкрикнула заклинание, а вызвала только одну реакцию — новый оскал шамана. Такое впечатление, что он-то понимал, что происходит. Точней — почему не происходит то, что стремилась вызвать Сашка.

Новый леденящий холод по спине. В её мире либо нет магии, либо она настолько слаба, что невозможно заклинанием вызвать нужный эффект. Ведь она даже не прочувствовала обычное течение силы... Чёрт, что же делать? Драпать? Смысл — с её ногой, которая в щиколотке горит от ран, нанесённых пронзившими её когтями?.. Сашка чуть не захлебнулась в истерическом смехе. Заорать: "Полиция! Помогите!"?!

Поэтому она продолжала пятиться от наступающего на неё страшного существа, придумывая и снова отшвыривая варианты спасения, а то и уничтожения шамана. И отчётливо понимая, что попала в тупиковую ситуацию. Шаман-то драться своим оружием наверняка умеет. И что делать, если это существо не просто попало в её мир, но и останется здесь, терроризируя уже её город?!

Удар под колено — следующий бордюр предупредил о границе сквера.

Сашка снова быстро проговорила заклинание защиты, но ощущения, что её закрывают от злобы шаманы, не получила. И остановилась, отказавшись от сиюминутного желания сбежать. Сама пытаясь дыша, она смотрела на наступающее существо и с бешенством думала: "Как там у Гоголя — в незабвенном "Тарасе"? Я тебя породил — я тебя и убью? Ты, шаман чёртот! Я тебя притащила сюда — я тебя и уничтожу, понял?!"

Ни кинжала, ни другого оружия.

— Буду драться голыми руками, — процедила Сашка сквозь зубы. — Придушу, понял?

Душить не потребовалось.

В сквере вдруг полыхнуло. Шаман зашипел, оборачиваясь на вспышку. Он вскидывал руки с мечом, когда на него обрушились потоки огня. Сашка, открыв рот, моргала глазами на слепящий, грохочущий от мощи огонь, в котором с неслышным криком исчезал её мучитель...

А когда глаза попривыкли к новой темноте, она увидела высокую фигуру в длинном бесформенном плаще. Блестящую лысину узнала сразу... Каа!

Ректор стоял напротив, с любопытством озираясь по сторонам. А вокруг него искрились разноцветные кольца, туманные и чем-то похожие на призрачные круглые мосты радуги, которая вот-вот растает.

— Мастер Тайернан! — прихрамывая, кинулась к нему Сашка. — Но как? Как вы...

Он улыбнулся и взял её за руку, поворачивая кисть таким образом, чтобы погладить затем обручальное кольцо Дорана.

Поняла.

— Но почему?..

Каа взглянул на неё и что-то сказал, а потом озадаченно замолк, а Сашка так же озадаченно схватилась за переводчик на груди. Он на месте. Но почему она не понимает Каа?! "Мир мой не магический — поэтому", — поняла она с тревогой.

— Я не понимаю вас, — прошептала она со слезами на глазах. И закричала: — Не понимаю!

Каа мягко положил ладонь на её голову — и Сашка словно приложила ухо к мобильнику: "У нас мало времени, маленькая Алекс. Тебе надо определиться со своими

желаниями. Я могу забрать тебя в мир, где тебя ждёт Доран. А могу оставить здесь, где тебя потеряла твоя семья. Третьего, к сожалению, не дано. Решай побыстрее, Алекс. Даже моих сил в твоём мире может не хватить".

— Но прямо сейчас... — прошептала Сашка, снова судорожно оглядываясь, будто думая увидеть своих родных и спросить у них совета.

Но вокруг, кроме них двоих, никого.

И Сашка сжала кулаки.

Здесь родители и сестра. И неопределённое будущее.

Там ждёт Доран — её жених. Там ждёт Кэйтрия, которая будет плакать, оставшись без подруги и думая, что её, Сашку, убили шаманы. Телохранители, которым она обещала научить своим приёмам. Там ждёт леди Аэринн, которой тоже обещано участие в тренировках. Ждёт учёба в университете — на всех курсах, где она пожелает учиться...

Каа снова коснулся её плеча.

"Моя сила быстро тает".

Коротко и ясно.

Но ей-то что делать?

Решили за неё.

Неожиданно рядом раздался звук, от которого она отвыкла за все дни пребывания в чужом мире, быстро ставшем родным.

Сашка быстро сунула руку в карман куртки, где всегда носила с собой мобильник — как талисман. Или из суеверия — на всякий случай. Глянула на вызывавшего — Вера! Глянула на зарядку: пару слов только и сказать, а что потом?!

— Вера!

— Сашка! Где ты пропадаешь?!

— Вера, у меня время на исходе! Я быстро! — затараторила Сашка. — Пожалуйста, не перебивай! Мне предложили учёбу далеко от дома — так далеко, что я не смогу даже звонить к вам, а не то чтобы приехать увидаться. Передай маме, что у меня всё хорошо! Вера, я люблю вас всех! Прощайте!

— Сашка, мы любим тебя тоже! Пусть всё у тебя будет замечательно, Сашенька, милая! До сви...

И — тишина.

А Сашка бросила мобильник в карман и быстро шагнула к Каа, прижимаясь к нему, страшась и надеясь.

Он обнял её, просунув руки у неё под мышками. Она прижалась к нему, плача и навсегда прощаясь с миром, но внутри всё же надеясь, что это временно... Что однажды... А вдруг?... Ведь получилось же дважды?..

... Каа убрал руки, осмотрел бегающих вокруг них людей, несколько не удивившихся их внезапному появлению, и задумчиво проговорил:

— Станный этот ваш мир — где для детей придумывают ласковые игрушки, но мечтают о магическом мече с выпрыгивающим клинком!

— Разве вы... — изумлённо начала Сашка, одновременно оглядываясь в поисках Дорана, который спешно приближался к ней с счастливым криком: "Алекс! Але-екс!" от проёма в кустах. И не совсем поняла, откуда здесь так много народу.

— Да, Алекс, кое-что из тамошней информации я успел впитать. Я ведь учёный, и мне интересно всё новое, как бы по-детски это не звучало! — засмеялся Каа.

— Но как вы оказались в сквере?

— Сквер находится во владении вверенного мне заведения, а значит, я всегда должен быть в курсе, что на моей территории происходит, — насмешливо напомнил Каа, как будто всё этим объяснялось, и снисходительно промурлыкал: — Ну, что ж, Алекс. Иди же! Тебя ждут.

И Сашка захромала навстречу Дорану, который почти добежал до неё. Потом перестала хромать, потому что после объятий старого дракона боль стала заметно приглушённой. Но Доран всё же заметил. Он, радостно смеясь, обнял её.

— Опять! Ты опять хромаешь, Алекс! Драчуня моя!

— Ничего, — проворчала она ему в ухо, всухую начиная всхлипывать от пережитого. — У меня есть личный травник, который раны и смажет, и перевяжет. Дора-ан, я так, та-ак испугалась... — И тут же грозно спохватилась: — Только попробуй сказать кому-нибудь, что я призналась тебе в своём страхе! Попробуй только сказать!

Он только бережно прижал её головой к своей груди, и она снова слушала его тревожно частящее сердце, понимая, что не только она "та-ак испугалась". А потом он повёл её из сквера, и Сашка только сейчас поняла, что молодцы-маги, вызванные Эйлиллом на подмогу, всё ещё здесь. Они убрали щиты с рисунками, собирали оружие — судя по размеру, доставшееся им от чёрных шаманов. Последних, кстати, нигде не видно.

— А где? — выдохнула Сашка, почти провисая на руке Дорана, который тащил её, и оглядывая сквер, который постепенно обретал краски обычного, мирного.

Он сообразил, что она хочет узнать.

— Боевых магов департамента было много. Как только началась драка, те, что были подальше от сквера, добежали сюда — правда, уже к концу бойни. Тела чёрных шаманов уже увезли на телегах.

— Куда? — со страхом спросила Сашка.

— За пределы города. Там их сожгут.

— Доран, а как появился в моём мире ректор Тайернан?

— По двум нитям, — улыбнулся травник. — Первая, самая сильная, — моё обручальное кольцо, конечно.

— А второе? — затеребила его Сашка, удивлённая, что он замолчал.

— Хм. Только не удивляйся. Такое возможно, наверное, только здесь. И с такими персонами, как леди Аэринн. В общем, когда ты пообещала, что она тоже сможешь тренироваться на твоих занятиях с телохранителями, она на всякий случай, чтобы ты хорошенько помнила своё обещание, наинула на тебя сеть памятного заклинания. От волнения она сделала это очень сильно. Создала настоящую прочную сеть. Поэтому мастер Тайернан сразу вышел на тебя. Даже в твоём мире, где следы магии, как мы поняли, плохо держатся.

— Сдаётся мне, эта леди не совсем леди, — пробормотала она.

— Более того, — задумчиво проговорил Доран. — Эта не совсем леди вообще не леди.

— Ты сам-то понял, что сказал? — Сашка неожиданно для себя зевнула.

— Устала? — обеспокоился травник.

— Нервничаю. Так что там не так с леди Аэринн?

— Боюсь, она... Алекс, прости, тайна государственного значения, — покался Доран. — Если Эйлилл разрешит мне рассказать тебе... Хотя, впрочем, — вдруг нахмурился он, — а ведь теперь Эйлилл точно разрешит. Так что, кажется, уже завтра... Да и сама леди

не будет против, потому что в мужском наряде ему будет легче...

— Драться, — закончила Сашка, которую начал бить самый настоящий озноб. — Доран, как ты думаешь, Кэйтрия сообразила для нас поставить чай? Меня что-то знобит. Откат пошёл, что ли?

— Что — пошёл? — изумился травник.

Сообразив, что такого понятия, возможно, здесь не существует, Сашка объяснила:

— Это такое состояние организма, который пережил стресс.

— Стресс — это напряжение? — всё ещё озадаченно переспросил Доран.

Они переходили дорогу к гостинице, и она поняла, почему Доран постоянно старается разболтать её. Чтобы легче улицу пройти. И вообще... Не слишком ли крепко он её держит? Боится, что она свалится?

— Доран... — предостерегающе сказала она. — Не смей брать меня на руки!

— Только на секундочку! — заверил он и поднял её, чтобы поцеловать, а потом объяснить, учащённо дыша прямо в её губы: — Так ближе и удобней.

Гостиничный клерк Парт распахнул им дверь так, словно ожидал их. Сашка скосилась на Дорана. А что? Всё может быть.

Доран внёс её в гостиницу и спокойно прошагал к лестнице. Слово девушка ничего не весила, поднялся на свой третий этаж. Пока поднимался, Сашка незаметно для себя слабо улыбнулась. Как здорово было услышать голос Веры!.. Такой родной, аж мурашки по коже... Она сейчас наверняка перезванивает маме и рассказывает родителям о странном диалоге с младшей сестрой. Она наверняка скажет маме и отцу, что голос у Сашки был бодрый, а значит, сестрёнка не врала насчёт учёбы... А потом они все вместе будут гадать что же это за учёба, да ещё в таком месте, откуда... не возвращаются.

Кэйтрия ждала их в коридоре.

Широко распахнула дверь. "Ночь открытых дверей!" — проворчала Сашка, зевая не скрываясь.

— Ну как? — тревожно спрашивала девушка-эльф, пока Доран укладывал Сашку на кровать и тут же начал снимать ботинки, чтобы посмотреть травмированную когтями шамана ногу. — Как там у вас всё прошло?

— Всё прошло без жертв с нашей стороны, — сообщила Сашка и снова зевнула. — Об остальном тебе расскажет Эйлилл. Завтра. А сейчас Доран мне перевяжет ногу — и... — Она блаженно улыбнулась. — И будем спать! Представляете — завтра будет первый понедельник без страха в городе. И будем гулять по вечерним улицам...

— Ага, а сейчас закрывай-ка глаза, — насмешливо сказал Доран. — Болтушка... Или это у тебя тоже откат?

Он вместе с Кэитрией вышел после перевязки в коридор. Дверь была закрыта неплотно и Сашка расслышала сквозь дремоту испуганный голос Кэитрии:

— Доран, а что такое откат? Звучит не очень.

— А на деле ничего страшного, — утешил её травник. — Завтра расскажу. Спокойной ночи, Кэйтрия.

— Спокойной ночи, Доран.

— Ага, Доран, спокойной ночи, — пробормотала Сашка, укрываясь одеялом с головой. И сонно улыбнулась. Завтра будет новый день! Без тёмных дождей!

Месяц спустя

Рычать на балах нельзя. Поэтому Сашка только ворчала. Большею частью про себя. Её раздражало всё. И приглашение туда, куда не хотелось — некогда и неинтересно! И платье, в котором пришлось явиться на бал. Оказывается, для студенток соблюдался дресс-код, и они приходили на балы в парадных студенческих платьях! Выглядела одежда, естественно, настоящей униформой, а двигаться в ней — невозможно так, как хочется. А ещё... В общем, перечислять можно было много чего, и Сашка вдруг поняла, что упивается своими горестями, несмотря на присутствие рядом Дорана и Кэйтрии. "Во дура-то! — констатировала она. — Я стою вместе с лучшей подружкой и с женихом! Стою в интересном здании, смотрю на интересных людей, которые здесь не все люди, но всё же личности любопытные! Спрашивается: чего ною? Смотри и привыкай к новому для тебя миру, к новым лицам... ой — иногда мордам!" Но ныть всё равно хотелось.

На королевский бал им достал приглашение Эйлилл, туманно намекнув, что это плата за их замечательную идею и практическое участие в деле избавления города от шаманских тёмных дождей-убийц. Мероприятие давалось в честь торжественного возвращения королевской семьи в родные пенаты — то бишь в городской дворец. Бал этот был не первым, естественно. На первый пригласили самых-самых приближённых к королевской семье. А потом устраивали празднества уже по убывающей, не такие роскошные. Сашку примиряло с этим безобразием только одно: несмотря на то что каждый следующий бал не так блестящ, как первый, о котором говорили, захлёбываясь от восторга, на всех этих празднествах присутствовала, как ни странно, королевская семья. Об этом сообщил Доран.

Первое ворчание вслух началось дома, именно с этого момента — с бала:

— Народ после этого позорища с шаманами отстраиваться должен, семьи погибших должны получить компенсацию за потерю кормильцев, например, а они, видишь ли, деньги на балы тратят!

— Алекс, успокойся, — уговаривала Кэйтрия, которая пыталась сотворить из её волос хоть что-то похожее на причёску для торжества. — Это личные деньги королевской семьи. Государственных они на свои прихоти не тратят!

— А понятия благотворительности у вас нет, что ли? — Сашка тут же цеплялась за новый повод поворчать. — Взяли бы, да вместо балов помогли тем, кто без дома остался, например. На границе, я имею в виду. И вообще... Какого, спрашивается, весь ваш магический департамент и вся полиция не сумели сами ликвидировать этих чёрных шаманов и цвергов? Куда смотрит ваша магическая охрана, а?

— Алекс, мы уже обсуждали это дело, — напомнил Доран, сидевший напротив и до её ворчания читавший вслух конспект последней лекции. — И ты прекрасно помнишь, что ни одна жертва цвергов, кроме тебя, не выжила во время дождя. Что до тебя мы даже и не знали, кто против нас действует и каким образом. Знали только, что чёрные шаманы, но — каким образом? Лишь ты не только выжила, но и зарисовала цвергов! А ещё... Ещё ты бурчишь, потому что сегодня не сумела провести тренировку, — улыбнулся он.

— А то сама не знаю, — буркнула она, невольно начиная улыбаться, глядя на него, невообразимо элегантно даже в парадном костюме студента. "В отличие от меня", —

подумала она и снова насупилась. — Кто меня схватил за руку и велел оставаться на месте? Хебер даже подошёл спросить, что случилось. А ты ему что сказал?

— И что я сказал? — насмешливо откликнулся Доран. — Что такого во фразе, что мы сегодня должны подготовиться к королевскому балу и поэтому у нас времени на тренировки нет? Хебер всё понял без лишних объяснений. Даже пожелал нам отлично повеселиться! А ты что делаешь после этого пожелания?

Да, тренировки — ещё одна головная боль на сегодня. Сашка едва выпросила у Каа разрешения пропускать две лекции в неделю ради тренировок с телохранителями, клятвенно пообещав выучивать пропущенный материал с помощью друзей. После первой же тренировки, на которой, к сожалению, отсутствовал Доран, её вынудили опоздать на следующую лекцию. Леди Аэринн примчалась вместе с телохранителями, прихватив с собой Эйлилла и Дорана. Дверь опустевшего "спортзала" (телохранители при виде леди Аэринн немедленно сбежали) магически заперли, после чего леди стащила с головы парик с кокетливыми кудряшками и заявила:

— Больше не могу! Я хочу тренироваться с вами, леди Алекс!

— Эт-та кто? — вырвалось у Сашки.

— Я принц Риан, младший сын короля, — скороговоркой представился эльф, ероша короткие светлые волосы, слипшиеся под париком. — Леди Алекс, простите, что пришлось обмануть и вас, и других моих сокурсников.

— То есть вы тот принц, которого якобы убил посланный чёрными шаманами убийца? — уточнила Сашка, во все глаза тараща на Риана, который с отвращением оглядывал своё женском платье, явно соображая, как от него избавиться прямо здесь.

— Это был специально распушенный в народе слух, — объяснил Эйлилл. — Принцу надо учиться. Да и энергичный он очень, — улыбнулся он Риану, недовольно оглянувшись на него. — Сидеть спокойно на одном месте не умеет. С учителями тем более. Ему подавай действие и общение. Вот и пришлось придумать убийство, чтобы никто не узнал, что в университете учится младший сын короля, и чтобы никто не покушался на него. Сначала его высочеству понравилась идея с париком, но уже на втором месяце прятки Риан начал изнемогать от маскировки.

— Но как теперь... — начала было Сашка, озадаченно глядя на Риана.

— До конца семестра я девица, — нетерпеливо сказал тот. — А со второго буду самим собой, разве что слегка прикрытым иллюзией, чтобы во мне не узнали Риана. — А когда сообразил, что Сашка опять ничего не поняла, вздохнул: — Ну, чтобы здешние девицы не приставали. Хочется учиться, как все, чтобы без привилегий и излишнего внимания.

— Честно говоря, я сбита с толку, — призналась Сашка. — Объясните, что вы придумали, чтобы Ри... его высочество занимался здесь? И точно ли он хочет тренироваться с телохранителями? Серьёзно? Мы ведь не просто приёмчики показываем друг другу. Можем и крепко стукнуть в процессе. Причём я не исключение. Луплю всех, кто ответить не может.

— Мы договорились с мастером Тайернаном, чтобы он разрешил принцу пропускать занятия, — начал Гарбхан, а Сашка вдруг вспомнила слова Каа: "Вы не забыли, на каких условиях вы здесь?", относившиеся к леди Аэринн. Каа знал! — Правда, только лекции, которые пропускаете и вы, леди Алекс. На переменах перед тренировками леди Аэринн будет уходить в незаметный кабинет, переодеваться в форму с университетским шевроном телохранителя, а Эйлилл поможет ему иллюзией завершать облик простого охранника. Так

что — да, принц Риан согласен в полной мере ощутить все прелести, — ухмыльнулся орк, — ваших тренировок. Но учтите, что рядом всегда будем мы — его же личные телохранители. Без мастера Эйлилла.

— Ну, вы-то понятно, — пробормотала Сашка, — вы и так уже бывали на крыше. Другие телохранители знают вас и ничего не имеют против вашего присутствия.

Она немного посомневалась, но время перемены поджимало, и, скрепя сердце, она согласилась обучать принца Риана премудростям самообороны. С неё взяли клятву на магии, что она никому не разболтает открытую ей важную тайну, и Риан появился на крыше уже через два дня — в виде невзрачного на лицо телохранителя, которого можно легко спутать с любым другим телохранителем из университета... После пары таких тренировок Сашка украдкой, но с неизменным интересом заглядывала в лицо леди Аэринн, сумел ли Эйлилл в полной мере замаскировать её синяки и кровоподтёки. Маскировка была великолепна. Жаль только, не сумели добиться, чтобы леди Аэринн время от времени не охала, хватаясь за побитые места. Пришлось подсоединить к делу маскировки и Дорана, который всё равно уже знал про девицу-эльфа всё.

В самом начале мероприятия, каким Сашка считала празднество с последующим балом, собравшиеся гости полубовались на шествие королевской семьи, членов которой герольд перечислил так, что потом в ушах Сашки долго звенело. Старших членов королевской семьи разглядеть не успела, но рука дёрнулась приветственно помахать, когда она заметила знакомый силуэт бывшей леди Аэринн. Было приятно увидеть знакомое лицо среди пышно одетых кавалеров и дам.

Потом собрались господа из приближённых, а потом просто начали выкликать запоздавших важных персон. Причём начался бал, и Сашка прекратила ворчание, потому что любопытно оказалось посмотреть, как пары танцуют рядами под струнный оркестр. Аж сердце подпрыгивало: а если ошибутся? Ужас! Если пропустят нужную фигуру? Если споткнутся? Сашка даже поёжилась, а Кэйтрия, чуть подавшись, следившая за танцами, счастливо вздохнула:

— Ах, был бы рядом Эйлилл!

— Он обещал прийти, — не отрываясь от наблюдения за танцующими, сказал Доран.

— Кэйтрия, а ты умеешь такое?

— То есть? Танцевать менуэт? Конечно. Правда, мне больше нравится контрданс. Его можно танцевать и отдельно.

Доран стоял между девушками. Поэтому, почти незаметно склонившись к уху Сашки, он прошептал:

— Хочешь пройти тур?

— Ни за что!

— Так категорично... — насмешливо протянул травник.

— Оставить Кэитрию в одиночестве? Никогда. Ты сам подумай — она здесь будет одна... Без нас, без Эйлилла. Почувствует себя одиноко...

— Алекс, я тебя обожаю.

— Э... За что?

— Я думал — ты ответишь, что боишься танцевать. А ты заботишься о подруге.

Сашка хмыкнула. А то бы сам не сообразил. Ишь, ещё подлизывается, льстит.

И тут столкнулись две ситуации. Причём так сошлись, что прямо-таки точку в точку! Сашка и глазом моргнуть не успела...

— Ой, тётя... — испуганно прошептала Кэйтрия, растерянно глядя в сторону.

— Где? — мгновенно подобрался Доран, хищно оглядываясь.

— Где? — насупилась и Сашка, готовая если не к драке, то к полновесной защите подруги от той бессовестной холодной красавицы, которую она запомнила навсегда.

Та, заметив племянницу, шагала к ней — буквально раздвигала толпу своей красотой и решительностью, гордо плывя в своём роскошном платье и таща за собой на буксире двух молодых дам — наверное, дочерей. Сашка за пару секунд оценила их внешность и довольно улыбнулась: "Ну? Я же говорила, что Кэйтрия красивей!" Теперь оставалось сделать так, чтобы подруга не тушевалась в присутствии своих родственниц. Но как это сделать?

Только Сашка собралась встать перед Кэитрией, ощущая себя курицей, спасающей цыплёнка, как вдруг услышала вежливый голос за спиной.

— Леди, разрешите предложить вам тур танца?

Риан! Ха! Склонил голову перед Кэитрией! Сашка разулыбалась от счастья. Он, словно никого больше не замечая, подал однокурснице (которая его не знала в этом качестве) руку и увёл её, побледневшую (ой, тётя!) и покорную (ой, сам принц!), в центр зала. Оторопевшая тётя резко встала на месте, возмущённо глядя вслед паре, а молодые дамы за её спиной склонились друг к дружке, взволнованно перешёптываясь и кивая вслед Кэитрии и принцу. А Сашка, уже довольная ярким эпизодом, скептически оценила их наряды. По сравнению с платьем Кэитрии, они были явно из дорогих, но подруга за ночь подготовки к балу украсила свой студенческий наряд на выход тончайшим кружевом в тон, превратив его в настоящее произведение искусства.

Тётя Кэитрии молча развернулась и сложенным веером указала дочерям в сторону.

Когда троица подплыла к высокому седовласому эльфу весьма важной наружности, Доран выдохнул над ухом Сашки:

— Фух! Я думал — он не поймёт!

Теперь уже Сашка оторопело уставилась на него.

— Чего это не поймёт? И кто? — медленно спросила она.

— Риан шёл к нам и смотрел на тебя, — вполголоса сказал Доран. — Я понял так: или он пригласит тебя танцевать, или хочет просто подойти поздороваться. Поймал его взгляд. Покачал головой. Показал на Кэитрию. Не знаю, что именно он подумал. Но он знает о нашем обручении. И пригласил Кэитрию.

Еле удержавшись от смешка: Риан не подозревает, что сейчас в глазах Кэитрии он выглядит рыцарем без страха и упрёка! — Сашка благодарно положила ладонь на сгиб руки Дорана ("Ты тоже мой рыцарь без страха и упрёка, но об этом я скажу тебе наедине!") и успокоенно принялась следить за балом, который, наконец заинтересовал её разнообразием лиц и одежд, как минимум. Промелькнуло лишь раз в мыслях: "Почему Кэйтрия испугалась тётки? Хотя чего испугалась... Скорей — растерялась. На бал-то летела — навстречу радости! Потанцевать с Эйлиллом, повеселиться, а тут — бац, тётка, прямо-таки средоточие всех бед. Любой растеряется. Зато тётке теперь — заноза в душе на всю жизнь: племянницу выгнала, а та вон — с принцами знается!" И забыла думать об инциденте. И без тётки здесь любопытного много. Куда, например, делся Эйлилл? Он же обещал быть!

То и дело ритмичную торжественную музыку прерывал размеренный и важный голос герольда, объявляющего появление новых гостей. Прислушавшись к его перечислениям, Сашка хмыкнула.

— Доран, объясни мне, откуда у вас так много принцев? Я не разбираюсь в этом, но мне

казалось, они должны относиться только к королевской семье. Или я не права?

— Принц — это титул, — пожал плечами Доран. — И не всегда принц — это будущий король. Многие мужчины по королевской линии занимают важные посты в министерстве или в армии. А то и ведут жизнь вельможи на своих землях. Ну хочешь, я тебе расскажу о тех, кого знаю. Из тех, кого объявят.

— Принц Мэртин! — объявил герольд, и Сашка, вытянув шею, обнаружила высокого эльфа в годах, в парадном мундире, под руку с женщиной-эльфом. Оба шли, раскланиваясь в ответ на приветствия со всех сторон.

— Генерал западной армии, — заметил Доран. — Кузен нашего короля.

Прежде чем появился новый гость, закончился один танец, начался следующий. Риан привёл Кэйтрию обратно и встал рядом с однокурсниками, к удивлению девушки-эльфа, болтая с Сашкой и Дораном как с хорошими знакомыми. Впрочем, недолго, как Сашка и предполагала. По тренировкам она уже знала, что слова Эйлиллы об энергичной натуре младшего королевского сына — не насмешка, а полное соответствие реальности. Долго Риан стоять на месте не мог. Углядел какую-то красотку и распрощался с троицей.

— Принц Эйлин с матерью! — прозвенел голос герольда. — Леди Дервила!

— Он тоже военачальник? — с любопытством спросила Сашка, пытаясь рассмотреть высокого эльфа в чёрной, отнюдь не парадной одежде, на руку которого опиралась моложавая женщина-эльф. Что-то странное Сашка уловила в его лице, но издалека было трудно разобраться, что там не так.

— Нет, он не военный, — покачал головой Доран, тоже пытаясь увидеть вновь вошедших. — Он старший брат нашей принцессы — жены старшего принца Рордана. С ним в детстве случилась страшная трагедия. На беременную им мать пало проклятие, направленное против его отца. Если магическое проклятие направляют против сильного эльфа, оно ложится на близкого ему или на родного — послабей, — объяснил Доран специально для Сашки. — Ребёнок родился изуродованным, но тем самым спас свою мать. Сначала не разобрались, почему такое произошло. А когда поняли, что это сработало проклятие, было поздно. Кое-что в его внешности сумели поправить, но... Говорят, именно из-за проклятия он и стал лучшим мастером в искусстве... — Доран неожиданно вздрогнул и впился глазами в спокойно идущего по середине зала эльфа.

Сашка не поняла, в чём дело, но с сочувствием следила за прихрамывающим высоким эльфом лет тридцати. Он был совершенно безволос; один глаз, судя по всему слепой, закрыт повязкой. Держался он очень скованно, и Сашка удивилась — почему. Ведь он наверняка привык к таким взглядам и перешёптываниям. И почему он пришёл на этот бал? Ведь если он старший брат той красавицы принцессы, с которой сейчас танцует её муж, старший принц Рордан, он уже был на предыдущих балах. Или он пришёл сюда из-за матери? Тем временем эльф подвёл мать к королевским креслам, где их ждал такой же высокий мужчина-эльф, наверное — отец, и тот кивнул сыну, который, чуть помешкав, встал за спинами родителей. Будто спрятался.

Даже среди музыки и негромкого говора собравшихся Сашка услышала тихий голос Кэйтрии, от которого морозом продрало спину:

— Эйлилл...

— Где? — сначала не поняла Сашка.

Но подруга, словно забывшись, начала продвигаться ближе к креслам, которые установили специально для королевской семьи. Ближе её не пустили, как, естественно, и

Дорана с Сашкой, которые встревоженно следовали за подругой. Сжав на груди руки, сияя от счастья, Кэйтрия смотрела на эльфа в чёрном и шептала только одно:

— Эйлилл! Ты обещал мне потанцевать со мной!

Обернувшись к Дорану, Сашка хотела было спросить, не обозналась ли Кэйтрия, но на лице травника, вглядывающегося в принца Эйлина, застыло выражение тревоги. И Сашка замолчала, притихла, чувствуя: сейчас должно произойти что-то такое, что станет поворотной вехой в судьбе подруги. Она верила чувствам девушки-эльфа, верила, что Кэйтрия точно знает — это Эйлилл. Теперь-то стало ясно, почему так скован был принц Эйлин, пока шёл по залу. Он знал, что где-то в праздничной толпе Кэйтрия. "Проверял? — мелькнула суматошная мысль. — Проверял, сможет ли она его узнать? Но ведь она узнала его, когда он пришёл в другой личине в трактир? Или он боится, что, узнав его таким, каков он на самом деле, она не захочет общаться с ним?" Пристально наблюдая за принцем Эйлином, Сашка вдруг сообразила, что он может откликнуться даже на их слишком настойчивые взгляды, и тогда его проверка Кэйтрии (если проверка есть!) полетит к чертям. Но эльф в чёрном лишь задумчиво смотрел в сторону выхода из зала. Предполагает, что они там? Сашка усмехнулась с жалостью. Нет, она бы точно не узнала Эйлилла в этом молодом мужчине, от взглядов которого отворачиваются все девицы в этом зале, явно боясь, что он подойдёт к ним и пригласит на танец.

— Иди, — уверенно вдруг сказала Кэйтрия и подтолкнула руками воздух перед собой.

Призрачный чёрный пёс неуверенно оглянулся на хозяйку и пошёл между гостями бала и между танцующими. К магическому псу бросились незаметные люди — наверняка магическая охрана, решившие, что магический зверь опасен. На суматоху всполошившейся охраны обернулся Эйлилл. Кэйтрия резко вскинула руку с веером, раскрыв его. Взгляд единственного глаза принца остановился на этом веере, а потом опустился к его владелице.

— Я здесь, Эйлилл! — радостно воскликнула Кэйтрия. И такое ликование было в этом неслышном для него зове, что он невольно откликнулся на её эмоциональное движение, всё ещё с сомнением выходя из-за кресел родителей и медленно шагая в сторону троицы.

Пёс пропал немедленно, и растерянная охрана, кажется, попыталась найти его по остаточным магическим следам. Но Доран небрежно махнул рукой, и последние следы магии, которые видела даже Сашка, не просто растаяли, а вмиг пропали. А Кэйтрия заспешила к Эйлину-Эйлилли, и теперь её пропускали все, потому что видели, как сближаются эти двое. Доран с Сашкой некоторое время шли следом, пока Эйлилл и Кэйтрия не остановились друг против друга.

— Ты обещал мне танец! Забыл? — звонко напомнила счастливая девушка-эльф, подавая руку Эйлилли.

Лицо Эйлилла вдруг мучительно задёргалось в нервном тике, но Кэйтрия легонько провела по его щеке ладошкой.

— Пойдём! Я так давно мечтала об этом! — И, уже пропадая в гуле разговоров и музыки, донеслись до Сашки её слова: — Помнишь, как мы танцевали в трактире? Правда, было удивительно хорошо?

Когда они вернулись к стене (Сашка танцевать наотрез отказалась, пока не выучит все па "до упора"), обнаружили там Гарбхана. Тот стоял, сложив на груди толстенные ручки, и бесстрастно следил за парой, то и дело пропадающей в танцующей толпе.

— Гарбхан! Может, хоть сейчас скажешь, почему нельзя было допускать Кэитрию к Эйлилли? — любопытствовала Сашка.

— Принц Эйлин, несмотря на оставшиеся признаки уродства, — удобный случай или возможность приблизиться к трону через его младшую сестру, — вполголоса объяснил орк. — Многие девицы пытались очаровать его, но не могли сдержать своих настоящих чувств, а он очень чувствителен в этом отношении.

— Поэтому он сделал для себя иллюзию красавчика? — фыркнула Сашка.

— Поэтому, — подтвердил Гарбхан. — Теперь любое внимание к себе он воспринимал правильно. Как внимание исключительно к своей внешности. Однокурсницы, узнав, что он из бедной семьи — такова его основная легенда, не пытались пойти дальше кокетства с ним или заигрываний. Так что... — Он вздохнул. — Леди Кэйтрия продержалась дольше всех, несмотря на то что я был очень суров с ней.

— А за что его сделали агентом магического департамента? — поинтересовался Доран. — Я так понял, за какую-то провинность.

— Было дело, — усмехнулся орк. — Одна из принцесс сделала вид, что пылко влюбилась в него, а потом он нечаянно подслушал её матримониальные планы, в которых ему отводилась роль послушного манекена, исполняющего все её желания. Как же... Она красавица — он урод. А Эйлин поверил, что его могут полюбить. Это был... сильный удар для него. И он не выдержал, впервые в жизни отомстил.

— Как? — затеребила его заинтригованная Сашка. — С помощью иллюзии?

— Да, с её помощью, — подтвердил Гарбхан.

— Подожди — кажется, я догадываюсь, что он сделал, — со вздохом сказал Доран. — Он воздействовал иллюзией на эту дамочку, сделав её уродиной?

— На целых десять дней, — сказал орк. — И никто из магов, в том числе магов-иллюзионистов, не мог снять его наложение. Он действовал эмоционально. А когда маг вкладывает эмоции в заклятие, получается мощный результат. Пока он не успокоился, девушка скрывалась дома, чтобы никто её не видел. А потом Эйлилл сам снял собственное заклятие.

— И что? — теперь уже не поняла Сашка. — Его за это заставили отрабатывать агентом магического департамента?

— Наложение заклятия на другое разумное существо без его ведома — нарушение основополагающего закона о магических действиях, — объяснил Доран. — Это было в одной из первых лекций — тебе придётся повторить её, чтобы запомнить наизусть все магические законы.

— Но теперь вы поверили, что Кэйтрия испытывает настоящие чувства к Эйлиллу? — настойчиво спросила Сашка.

— Она узнала Эйлилла под всеми масками и приняла его настоящего, — пожал плечами орк. — Это главное доказательство её искренности.

И они снова обернулись посмотреть на танцующую пару, где девушка светилась от радости, глядя на своего партнёра, а молодой мужчина пытался ответно улыбаться ей, несмотря на плохо повинующийся ему рот. Сашка незаметно для себя прижалась к плечу Дорана, который украдкой сжал ей пальцы, словно ободряя, и решила: "Я тоже буду счастлива здесь!"

Больше книг на сайте — Knigolub.net